

Анатолий ЕРЕМЕЕВ

Память сердца

Семейно-исторический очерк

Том I

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. «СОЖЖЕННЫЕ МОСТЫ» 5

ЧАСТЬ I. СЫН ОФИЦЕРА

Глава 1. СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ. ОЗЁРКИ	11
Глава 2. ВЕНТСПИЛС. ГОРОД МОЕГО РОЖДЕНИЯ	30
Глава 3. ВОЕННЫЙ ГОРОДОК ДОБЕЛЕ-2	35
Глава 4. «РАКЕТНОЕ» ДЕТСТВО	41
Глава 5. ДОБЕЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ	76

ЧАСТЬ II. В АРМЕЙСКОМ СТРОЮ

Глава 6. ГОДЫ КУРСАНТСКИЕ. ЛЬВОВ	95
Глава 7. ПРИБАЛТИЙСКОЕ ЛЕЙТЕНАНТСТВО	143
Глава 8. НА ЗЕМЛЕ СМОЛЕНСКОЙ	161
Глава 9. 25-й РАКЕТНЫЙ ПОЛК. СОВЕТСК	175
Глава 10. ЛИКВИДАТОРЫ. БАЗА «ЛЕСНАЯ»	198
Глава 11. В ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ РВСН. ВЛАСИХА	218
Глава 12. ПОСЛЕДНЕЕ МЕСТО СЛУЖБЫ. ДОМ ОФИЦЕРОВ РВСН	249

Фотоприложение к 1 главе	
СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ. ОЗЁРКИ	299
Фотоприложение к 2 главе	
ВЕНТСПИЛС. ГОРОД МОЕГО РОЖДЕНИЯ	324
Фотоприложение к 4 главе	
РАКЕТНОЕ ДЕТСТВО	331
Фотоприложение к 5 главе	
ДОБЕЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ	352
Фотоприложение к 6 главе	
ГОДЫ КУРСАНТСКИЕ. ЛЬВОВ	365
Фотоприложение к 7 главе	
ПРИБАЛТИЙСКОЕ ЛЕЙТЕНАНТСТВО	394
Фотоприложение к 8 главе	
НА ЗЕМЛЕ СМОЛЕНСКОЙ	405
Фотоприложение к 9 главе	
25-Й РАКЕТНЫЙ ПОЛК. СОВЕТСК	424
Фотоприложение к 10 главе	
ЛИКВИДАТОРЫ. БАЗА «ЛЕСНАЯ»	433
Фотоприложение к 11 главе	
В ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ РВСН	460
Фотоприложение к 12 главе	
ПОСЛЕДНЕЕ МЕСТО СЛУЖБЫ. ДОМ ОФИЦЕРОВ РВСН	471

Предисловие

«СОЖЖЕННЫЕ МОСТЫ»

Родился я в семье военнослужащего 17 декабря 1958 года — ровно за год до дня подписания совместного Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1384–615 от 17 декабря 1959 года о создании нового вида Вооруженных Сил СССР — Ракетных войск стратегического назначения. И, по воле судьбы, вся моя жизнь связана с Ракетными войсками. Поэтому день 17 декабря, для меня, моих родных и близких, двойной праздник.

Более того, три поколения семьи ЕРЕМЕЕВЫХ: мой отец — полковник в отставке ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович и я — полковник запаса ЕРЕМЕЕВ Анатолий Анатольевич — офицеры, прослужившие, а мой младший сын — капитан ЕРЕМЕЕВ Сергей Анатольевич, продолжающий проходить службу в РВСН. Наш общий семейный стаж службы Родине в Ракетных войсках стратегического назначения составляет более 60 лет.

У меня, как и многих моих сверстников и детей военнослужащих, рожденных в Советском Союзе, жизнь сложилась так, что за нами «мосты сжигались» после переездов по стране сначала с родителями, а потом самостоятельно, став кадровыми военными, по мере продвижения по служебной лестнице.

Город Вентспилс Латвийской ССР, где я родился в семье офицера-зенитчика стрелкового полка, стал заграничным городом, оставшимся в суверенной Латвии.

Цветущий военный городок Добеле-2, там же в Латвии, где прошли мои детство и школьная юность, сегодня напоминает развалины Карфагена. Теперь на карте нет военного городка Добеле-2. Он переименован местными властями в населенный пункт Гардене. Кто не знает, Гардене — латышский хуторок в лесу в трех километрах от городка. Там в годы завершения Великой Отечественной войны проходила линия «Курляндского котла», где немецко-фашистские войска стойко обороняли этот рубеж вплоть до Победного мая 1945 года. Берлин был взят, и Германия капитулировала 2 мая 1945 года. А Прага и «Курляндский котел» с опорным пунктом в Гардене фашисты сдали одновременно только 9 мая 1945 года.

Добельская средняя школа № 2, где я учился с первого по десятый классы, стала латышской, в чужом государстве, вошедшем в состав военного блока НАТО.

Львовское высшее военно-политическое ордена Красной Звезды училище, имеющее богатейшие боевые традиции, созданное в ноябре 1939 года, где с 1976 по 1980 годы курсантом постигал военное ремесло, с развалом Советского Союза прекратило свое существование и перепрофилировано в Общевойсковую академию Вооруженных Сил Украины. Там же, в Львове, осталось и Боевое Знамя училища с орденом Красной Звезды на алом полотнище, у которого семнадцатилетним первокурсником, у Монумента Славы советским воинам, я присягнул на верность Советской Родине — Союзу ССР.

Валкская, 23-я гвардейская ракетная Орловско-Берлинская ордена Ленина, Краснознаменная дивизия, где начиналась моя офицерская служба сначала в городе Выру, потом в городе Валга Эстонской ССР и городе Валка Латвийской ССР, переформирована и передислоцирована в г. Канск Красноярского края. Мы, люди в погонах Советских Вооруженных Сил, для прибалтов всегда были «оккупантами». Что уже говорить о дне сегодняшнем, когда Эстония, как и остальные страны Балтии, стала государством, вошедшим в военный блок НАТО, открыто противостоящий России.

Самая мощная по количественному составу и ракетному вооружению Смоленская 50-я ракетная армия, в которой я прослужил девять лет, в которой от звонка до звонка, в течение 26 лет прослужил и мой отец, перестала существовать. Она полностью расформирована. Остались только воспоминания о местах моей службы в Смоленском ракетном объединении:

- 1980–1981 годы — в вшмс (Военной школе младших специалистов) Валкской ракетной дивизии, эstonский город Выру;
- 1981–1982 годы — в управлении Валкской ракетной дивизии, г. Валка-Валга, Латвия-Эстония;
- 1982–1984 годы — на армейском Узле связи, в п. Гусино, Краснинского района Смоленской области;
- 1984–1988 г.г. — в 25-м ракетном полку 24-й Гвардейской ракетной дивизии, в городе Советск Калининградской области. Отец в это время проходил службу в соседней, Шяуляйской, 29-й гвардейской ракетной Витебской ордена Ленина Краснознаменной дивизии в Литовской ССР.

Вместе с расформированным ракетным объединением ликвидировано и прославленное первое ракетное соединение нашей страны — 24-я Гвардейская пятиорденоносная ракетная дивизия, созданная на базе БОН РВГК (Бригады особого назначения резерва Верховного Главнокомандования, сформированной 13 мая 1946 года), службой в котором мы так гордились. Боевое Знамя соединения сдано в Центральный Музей Вооруженных Сил, а почетное наименование и боевые награды так и не были переданы по преемственности одному из новых ракетных полков или соединений. Как

специально, сделано так, чтобы боевые заслуги и традиции прославленного соединения были утеряны и переданы забвению.

База ликвидации ракет Р-12 и Р-14 «Лесная» в Белоруссии под городом Барановичи, где с 1988 по 1991 годы пришлось выполнять задачи по реализации Советско-американского договора о РСМД (ракетах средней и меньшей дальности), расформирована и передана Вооруженным Силам Республики Беларусь.

Военно-политическая академия (ВПА) имени В.И. Ленина, где получил высшее военное образование на военно-педагогическом факультете, перепрофилирована в Военный Университет МО РФ, который снял с себя функцию подготовки таких кадров, как «офицер с высшим военно-политическим образованием».

Управление по работе с личным составом РВСН (войсковая часть 41466), в котором после академии проходил службу в Центральном аппарате РВСН, тоже ушло в историю. Нет такого управления, нет теперь такой части. Остался отдел в четыре штатных «боевых штыка» офицера — специалиста воспитательной работы на все РВСН! Да и тот не самостоятельный, а обезличенный, в составе Штаба Ракетных войск стратегического назначения.

Профессии политработника и военного культпросветработника, кем я являлся все годы армейской службы, «в новом облике» Вооруженных Сил России не имеют места быть. Как говорится, уничтожены, как «класс».

Дипломы, полученные за время учебы в военно-политическом училище и военно-политической академии, стали бесполезными корочками, выданными государством с названием СССР, не существующим ныне. Являясь неконкурентоспособными, наши дипломы даже не рассматриваются работодателями современной России, уверенно ставшей на капиталистический путь развития.

Дом офицеров РВСН — ведущее военное учреждение культуры Министерства обороны, имеющий 50-летнюю богатую историю, который я возглавлял семь последних лет службы в РВСН, Министру обороны РФ СЕРДЮКОВУ А.Э. стал не нужен. Культура в армии перестала приветствоватьсь. Здание Дома офицеров чуть было не продано с аукциона в руки частных лиц. И только благодаря усилиям и мудрости гла́вы, руководителя администрации и Совета депутатов городского округа Власиха, здание все же передано от Министерства обороны РФ в муниципальное управление и сохранено, как учреждение культуры и искусства. Оно перепрофилировано в городской Дворец культуры, который работает как гражданское учреждение в интересах культурного обслуживания жителей «столицы стратегических ракетчиков» — городского округа Власиха Московской области.

К слову, глава городского округа Власиха АГАФОНОВА Ольга Владимировна, жила и работала в том же военном городке Добеле-2, где я прожил 17 лет. А в 1984 году, вместе с Добельским ракетным полком, она уехала под город Барнаул, куда был

передислоцирован ракетный полк. Там она работала, два срока избиралась и успешно выполняла обязанности главы ракетного гарнизона — ЗАТО «Сибирский».

Советский Союз — государство, в котором я родился, учился, служил Родине в Советских Вооруженных Силах от курсанта до подполковника, женился, родил и воспитывал двух сыновей, прекратило свое существование. Вопреки итогам всенародного референдума, поддержавшего сохранение СССР, трое предателей-демократов от России, Украины и Белоруссии собрались в Беловежской пуще и пьяным росчерком пера поставили крест на едином союзном государстве, наплевав на волю многонационального советского народа.

Все пройденное за более половины века моей жизни кануло в Лету и стало историей. К великому моему сожалению, ничего возвратить уже невозможно. Проехать по местам пройденной службы и молодости практически не осуществимо. Повторюсь, «мосты сожжены». Остается лишь добрая память о тех местах, где жил, учился, служил, о тех людях, с которыми приходилось встречаться, общаться как по службе, так и в неформальной обстановке.

Мы в этом мире не вечны, а память жива, если она передается потомкам. И эту память о пройденном пути своей жизни хотелось бы оставить для своих детей и внуков. Может быть кого-то из родственников, друзей или знакомых тоже заинтересует частичка истории одного из представителей офицерской династии ЕРЕМЕЕВЫХ — полковника запаса ЕРЕМЕЕВА Анатолия Анатольевича и членов его семьи.

Сохраненные рабочие ежедневники с записями, событиями, фактами и фамилиями, которые без дела пытились дома на полках, большое количество фотографического материала и пока еще ясная память, подвигли меня взяться за написание своего семейного исторического очерка. Не претендую на великий успех, ибо ни профессиональным военным журналистом, ни писателем не был. Пишу по зову сердца.

А то, что получится в итоге, посвящаю своему отцу ЕРЕМЕЕВУ Анатолию Степановичу, полковнику в отставке, стратегическому ракетчику с 1960 года, ветерану Вооруженных Сил СССР и ветерану 29-й (Шяуляйской) гвардейской ракетной Витебской ордена Ленина Краснознаменной дивизии.

К сожалению, отец ушел в мир иной в ночь на православный праздник Покров, 14 октября 2006 года, на 72-м году жизни, забрав с собой целый пласт семейной истории. Он так и не успел осуществить задумки изложить свой пройденный жизненный путь на бумаге, чтобы передать нам, своим детям, внукам и правнуку.

Вместе с тем, отец оставил некоторые записи и два десятка аккуратно оформленных по хронологии фотоальбома, с пояснительными записками под фотографиями. Остались в памяти его рассказы и воспоминания, которыми располагаем мы с моей родной сестрой КОТОВСКОЙ (ЕРЕМЕЕВОЙ) Еленой Анатольевной. Постараюсь, совместно с мамой и сестрой, частично восполнить этот пробел и за отца.

ЧАСТЬ I

СЫН ОФИЦЕРА

Глава 1

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ. ОЗЁРКИ

Каждый русский человек, где бы он ни родился и не жил, имеет свои исторические корни, уходящие к необъятной земле Российской. Корни нашего рода — семьи ЕРЕМЕЕВЫХ, уходят вглубь Нижегородской губернии.

В 130 километрах южнее города Нижний Новгород, между городом Арзамасом и районным центром Шатки, расположено село Озёрки. Находится оно в двадцати километрах от Арзамаса и в девяти километрах от поселка городского типа с названием Шатки. Согласно административно — территориальному делению Нижегородской области, Озёрки входят в состав Шатковского района. До 1910 года Озёрки были деревней. А с постройкой церкви из красного кирпича, имеющей свой приход, они стали селом. В исторических документах так и записано: «Каменная церковь в честь Пресвятой Живоначальной Троицы в Озерках построена в 1910 году тщанием прихожан, благотворителем из прихожан — крестьянином Михаилом Андреевичем КУЗНЕЦОВЫМ. Храм освящен 25 апреля 1910 года».

Думаю, не зря когда-то предки выбрали этот живописный уголок России на слиянии двух речек Озёрки и Тёши, несущих свои объединенные воды в Оку, а там и в русскую красавицу Волгу-реку.

Заливные луга, благоухающие сочными полевыми травами. За рекой Тёшей, на возвышенности, густой смешанный лес с глубокими карстовыми провалами, богатый грибами, ягодами и строительной древесиной. Чистые прохладные воды сливающихся на стрелке речек Тёши и Озёрки, с бьющими из-под земли ледяными ключами, располагают многообразием рыбы и обитанием раков. Плодородная почва на метр-полтора глубиной, состоящая из жирного чернозема, на котором буйно произрастает растительность, только сажай и обрабатывай. «Красная горка» со строительной глиной. И большак — тракт, соединяющий бесконечную цепь сел и деревень от Нижнего Новгорода до пушкинских мест в Большое Болдино, а далее — в Мордовию. Чем не благоприятные условия для занятия хлеборобством, скотоводством, пчеловодством и строительством!

Предки были мудрые люди. Облюбовали они это место и начали его успешно обживать, строиться, налаживать многоукладное хозяйство. Появились бревенчатые дома, обитые тесом, украшенные резными наличниками, да с тенистыми палисадниками, утопающими в густой сирени. Причем, хвойную строительную древесину сельчане заготавливали в лютые крещенские морозы. Дом, срубленный из таких бревен, будет теплым, крепким и простоят не один век. Что и получилось с нашим фамильным домом ЕРЕМЕЕВЫХ, построенным предками по уму более ста двадцати лет назад и еще крепко стоящим сегодня.

Освоили предки свое кирпичное производство. Построили каменную церковь в честь Пресвятой Живоначальной Троицы с колокольней. Вместо одной улицы о двух порядках, появились несколько, да с многочисленными проулками, с домами из местного красного кирпича, множественными хозяйственными постройками, амбарами да банями. Построили начальную школу, почту, магазин, сельский клуб.

Пять ветряных мельниц мололи муку из зерна, собранного на озёрских полях и землях близлежащих деревень. Одним словом жизнь закипела. К середине XX века Озёрики насчитывали около 400 дворов и в годы Советской власти стали центром колхозного хозяйства, объединившего рядом расположенные села Собакино (Красный Бор), Пасынovo и деревню Уланки в крепкий колхоз «Гигант».

В этом живописном селе в 1935 году родились мои родители ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович и, в девичестве, ДЕРЯБИНА Валентина Николаевна...

Но сначала обратимся к более ранним историческим фактам. В годы, последовавшие после присоединения Иваном ГРОЗНЫМ Казанского ханства к Московскому государству (1552 год), происходит широкая раздача новых территорий в поместное владение служивым людям. Для освоения края предоставляются льготы, как помещикам, так и крестьянам, которые переселяются на юго-восточные окраины государства из центральных российских уездов. Возникает множество новых поселений, многие из которых получили названия по фамилиям и именам своих первых владельцев.

Так, например, ЖУКОВ Улан (XVI век). По его имени произошло название деревни Уланки, расположенной рядом с Озерками. Деревня впервые упоминается в 1610 году.

ПАНОВ Леонтий (XVI век) — первый владелец села Паново, «Каргалей тож». На свои средства он построил в селе две деревянные церкви. Село впервые упоминается в 1585 году.

СОБАКИН Каллист Васильевич (XVI век), брат Марфы Васильевны СОБАКИНОЙ, третьей супруги Ивана ГРОЗНОГО. Был возведен в кравчие и пожалован землями в Арзамасском уезде (ныне село Красный Бор и село Вацкое). По его фамилии и было названо село Собакино.

ТОУЗАКОВ Фёдор (XVI век). По его фамилии названо Тоузаково «Курултаява тож». Населенный пункт впервые упоминается в 1607 году. В 1587 году упоминается «Тоузаковская межа».

Начало XVII века — время Гражданской войны и польско-шведской интервенции, вошедшее в историю, как Смутное время. Одни дворяне выступают против законного царя и встают под знамена самозванцев, другие сохраняют верность царю и Отечеству. Так, ЛЕВАШОВ Федор Васильевич — владелец земель в Кобылино, Измайлово и Озерках, первоначально присягнул Лжедмитрию второму. В 1608 году, после поражения под Нижним Новгородом от войск Андрея ОЛЯБЬЕВА и Богдана ИЗНОСКОВА, он перешел на сторону царя. Участвовал в освобождении Владимира от «литовских людей».

В XVI–XVII веках наградой за воинскую службу было предоставление земли — поместья и вотчины. Вотчиной, в отличие от поместья, владелец мог распоряжаться по своему усмотрению — продавать, дарить, передавать по наследству. Земли в вотчину стали раздаваться Михаилом Федоровичем РОМАНОВЫМ после Смуты в награду служилым людям, сохранившим верность царю, проявившим себя в обороне Москвы при Василии ШУЙСКОМ — «за московское осадное сидение при царе Василе» и в обороне Москвы при польской интервенции 1618 года — «за московское осадное сидение 127-го году».

Среди первых вотчинников Шатковского края был АРГАМАКОВ Иван Алексеевич, получивший в вотчину село Шатки.

Населенный пункт Шатки впервые упоминается в писцовых книгах, составленных Тимофеем ИЗМАЙЛОВЫМ в 1621–1623 годах. После описи города Арзамаса и его слобод, идет описание Стана Тёшского, с селом Шатки.

В книге сначала упоминается владелец села Иван АРГАМАКОВ, получивший Шатки за воинские подвиги, за участие в обороне Москвы при царе Василии ШУЙСКОМ.

Иван АРГАМАКОВ — арзамасский дворянин, сам жил в Шатках, занимаясь хозяйством, а по первому зову шел на войну. У него было пятеро «людей», то есть холопов, которые следили за хозяйством и обрабатывали господскую землю, были конюхами, псарями, ключниками и прочее. Кроме «людей» в Шатках проживали крестьяне, 24 двора, и бобыли, 9 дворов, всего 58 человек. Крестьяне вели самостоятельное хозяйство, были обязаны «тянуть тягло» и, вероятно, какие-то отработки на господина — предоставлять подводы или выставлять молодых людей на охрану засеки и Шатковских ворот, или подвозить продовольствие к военным. Бобыли сами не пахали землю, часто занимались ремеслом, иногда это вдовы с малыми детьми или больные. Платили бобыли небольшой денежный налог.

Род АРГАМАКОВЫХ славен не только воинами. Он дал нам гражданина славного Александра Николаевича РАДИЩЕВА, автора знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву». Мать А.Н. РАДИЩЕВА — из рода АРГАМАКОВЫХ.

Первыми из крестьян в писцовых книгах идут три брата «Гришка да брат иво Левко да Ивашка ШАТКОВЫ». Предположительно, что и название села произошло от прозвища этих братьев. Так часто бывало: кто первый распахивает землю, ставит дворы, начинает деревню, тех имя остается на века. Отец был Шатко, сыновья — Шатки. Кто там живет, в этой деревне? Да ШАТКИ! Так и пошло.

В писцовой книге подробно описана деревянная церковь села Шатки, построенная для крестьян Иваном АРГАМАКОВЫМ. Он неплохо её украсил и снабдил всем необходимым. Церковный притч не только совершал богослужения, не только кормился приношениями прихожан, но и трудился на земле, выращивал хлеб и косил сено для скотины: так было повсеместно принято.

Там же отмечено, что «за рекою Тёшею на старом шатковском селище поселились ново из села Шатков Офонька ИСАЕВ мельник, да к селу Шаткам на реке на Тёше мельница большое колесо мелют про свой обиход».

Подробно рассказывается, сколько земли, сколько из этой земли диким лесом поросло, сколько запущено, и, наконец, сколько реально земли обрабатывают крестьяне. В 1621 году крестьяне Шатков сумели обработать и поддержать «в живущем» 4 десятины земли.

В 1645 году умер, сравнительно не старым, царь Михаил Федорович. На престоле — его сын Алексей Михайлович, отец ПЕТРА ПЕРВОГО. Проводится новая перепись 1646 года, согласно которой в Шатках значилось «и всего 51 двор крестьянских людей, в них 189 человек, 5 дворов бобыльских, в них 26 человек». В то время переписывались только мужчины. Значит, всего в 1646 году в селе проживало около 400 жителей.

Около 12 лет, с 1734 по 1747 годы, село Шатки принадлежало деду и матери Александра РАДИЩЕВА, Степану Игнатьевичу и Фёкле Степановне АРГАМАКОВЫМ.

В числе первых вотчинников Шатковского края отмечается и ТОУЗАКОВ Алексей Иванович, получивший в личное владение часть деревни «Озёрки, Малое Тоузаково тож».

В списках дворян — землевладельцев 1876 года владельцем деревни Озёрки и соседней с ней деревни Пасьяново числится ГАГАРИН князь Григорий Григорьевич. В его ведении тогда были 47 десятин земли в Озёрках и 546 десятин в Пасьяново.

Уездный арзамасский корреспондент газеты «Нижегородский листок», член Нижегородской государственной ученой архивной комиссии, активный общественный деятель Александр Алавердиевич БОГОДУРОВ (1872–1954 г.г.), жил на хуторе, построенном недалеко от села Корино. В годы русско-японской войны 1904–1905 годов он служил в топографическом отделе штаба русской армии в Харбине и Мукдене. А.А. БОГОДУРОВ оставил дневники, сохраненные его детьми и внуками. В них — летопись души, сообщения о событиях в уезде, в Корине, в Шатках, зарисовки сельской жизни, описание природы, любовь к родным местам.

В дневниках, кроме родственников, упоминаются люди, живущие с ним поблизости: знакомые, друзья, крестьяне. Друзья — МАХИН, учитель в Спасском и Озёрках, а также СТЕПАНОВ Борис, ТАРХОВЫ и ШВЕРИНЫ из Измайлово, ЛАБУТИН из Кобылино и множество имен простых крестьян и крестьянок.

Через сто лет простые строки его дневников превратились в свидетельства истории края конца XIX—начала XX веков, донесли дыхание той эпохи. Именно той эпохи, когда о моих родичах, живших в Озёрках — ЕРЕМЕЕВЫХ, ДЕНЩИКОВЫХ, ДЕРЯБИНЫХ, СЛАСТНИКОВЫХ, что-то становится более известным. Они не писали дневников, они трудились на земле, занимались крестьянским трудом, ремеслом и строительством. При упоминании событий того времени я с большой благодарностью обращаюсь к дневникам А.А. БОГОДУРОВА.

Один из обычных вечеров, но его описание полно поэзии: «... Я иду во время солнечного заката по травянистой прямой коринской дороге. Прямо передо мной в версте — белая, обшитая тесом мельница. Лучи заката последним блеском своим заливают ее, эту мельницу, и она вся горит, купается в алом сиянии. Вокруг меня мои поля ржи, сжатой, сложенной в копны... Жницы, неся на плечах серпы, а в руках бураки для воды, идут домой. На селе шум, гам; какой-то пронзительный голос кричит, растигивая средний слог: «Бурёшка», «Бурёшка»; собаки то залываются лаем, то вдруг как-то смолкнут; на выгоне и по дорогам на задах, где еще не улеглась пыль от только что промчавшегося табуна, слышен скрип телег, нагруженных снопами; на концах загонов кладут скирды, слышится говор, смех, но везде видна торопливая работа...»

А вот июльская ночь в Шатках: «... А вокруг темно, уходит вдаль улица села, длинная, широкая; кое-где мигают огоньки; где-то скрипит запоздавший воз снопов. За рекой, недалеко за избами, темнеет лес, и из-за него выходит уже на чистое небо Юпитер...»

Панorama местности: «16 сентября 1891 года... Вспоминая страну родную, мысленно с высот Арзамаса обращаюсь с этими словами туда, где на горизонте высятся две белые стрелки Хиринской колокольни, виднеется угол знакомого леса, за церковью — мельница, и между церковью и лесом в ложбине — хутор, под лесом — Шатки...»

Страницы дневников представляют картины лесной жизни: «14 июля 1894 года... В жару шел на Лощиху, пил в ручьях, пел песни. Вокруг кордона — сосны шумят, на поляне звон бубенцов пасущихся лошадей. У пруда дымится костер... Какие огромные расстояния здесь! Идешь, идешь — конца-краю нет лесу! Везде покос; народу в лесу — что пчел в улье...»

Известно, что 1890 год был неурожайным и засушливым. Горели леса. Что же было здесь? «По горизонту пожары, по полю ходят смерчи». В дневнике записано, что «жара до 40 градусов». Не напоминают ли картины пройденного через столетие с лишним, жаркие события с пожарами на Нижегородчине летом 2010 года?

«12 июля 1890 года... Горит наш лес и Виноградовская порубка... Ночью пламя перебралось в лом и частый ельник. Тут пожар, быстро передвигаясь на юг, к Лошихе, разлился версты на три; горело все сплошь; народу не хватало на линию защиты вдоль Лошихи. Из Понетаевки пришли монашки и стали защищать свой лес и Лошиху, и молить о дожде».

«2 августа 1890 года... Горит Шатковская порубка, влево от Кудашкина пчельника... Дым совершенно застлал все. Горит Удельный лес, кроме того, у Илевского завода, к Ардатову, горят леса на большом пространстве».

От пожаров погибали не только леса. Настоящее бедствие приносили пожары в деревянные села и деревни. БОГОДУРОВ не только описывал их, но и сам помогал тушить.

«22 апреля 1890 года... в Корино был страшный пожар, сгорело 49 дворов... Когда-то они, бедные, обстроятся! У многих даже сохи-бороны сгорели, семена».

«29 апреля 1890 года... второй пожар, истребивший еще 14 дворов, точно поджигает кто».

«2 июня 1890 года... ездили в Корино на пожарище; чистое, голое место, даж обгорелого бревна нет, только печально возвышаются кучки кирпича от печей».

А вот пожар в Кобылине, произошедший 12 августа 1895 года:

«...Пожар в Кобылине произвел на меня такое гнетущее впечатление... Горело более пятидесяти домов, сразу охваченных пламенем... Доносился набат трех наших соседних сел..., донесся отрывистый деревянный звук мчавшегося во весь опор из Кориона пожарного насоса. Расстояние здесь не маленькое: семь верст... По большой дороге из Шатков также скакали две пары с пожарными трубами, а по отстав, за ними двигалась толпа, вооруженная как это можно было заметить, несмотря на двухверстное расстояние, то топорами, то баграми... Огонь охватил до полутораста изб по обеим сторонам порядка... Все, что можно было вывезти и вынести, было сделано, остальное отдано огню. Около пруда за ветром в беспорядке были навалены сундуки, полотна, сохи, бороны...»

И шатковский пожар 5 июня 1904 года, когда сгорела старинная деревянная церковь:

«Около 12 ч. дня в четверг 5 июня гигантский столб черного дыма увидели мы с хутора над южным концом Шатков. Через 10 минут половина села пылала. Я с Бутькой помчался на велосипедах; двадцати минут не прошло, мы были у железнодорожной насыпи; пожар подходил уже к церквям, оба порядка пылали. Мы бросились к церкви. Никого из начальства не было; крестьяне растерялись; часть их, во главе с урядником, бросились грабить горевшую «винополию» и перепились тут же; многие сидели у своих домов и не желали принимать участие в тушении пожара, в спасении чужого имущества; и, конечно, дождались гибели своего. Если б малейшая распорядительность

до нашего приезда, можно было бы спасти старинную деревянную церковь, но пьяные препятствовали нам в спасении иконостаса, крича «пушай все сгорит». Существующая на бумаге, конечно, как и много и других российских учреждений, пожарная дружины ничем себя не проявила; сельские же насосы сгорели, один даже прямо под пожарным навесом. Работали исключительно чужие насосы и чужие люди. Деревянная церковь театрально горела и картинно рухнула; каменная уцелела; от усадьбы только печи остались. Все время бушевал южный ветер, по улице ходили столбы раскаленного песка, пламя крутилось и выло, дым застилал все... Почти до 6 часов бушевал пожар. Я получил удар багром в спину и выбыл из строя... Тут же основали комитет, в состав которого вошли пристав, лесопромышленники Гальперины, начальник станции; послали за хлебом в Арзамас и Лукоянов; и дело закипело; с окрестных сел стекались пожертвования; мы устроили склад в бараке для богомольцев, выстроили хлебопекарные печи... Не прошло и недели с первого пожара, как сгорел лесной склад, и едва удалось отстоять станцию».

О трудностях освоения новой сельскохозяйственной техники А. А. БОГОДУРОВ пишет так: «Наконец-то завели двухлемешные плуги, бороны-зигзаги, конные грабли и косилку; и молотилку поставили новую... Однако рабочие не умеют обращаться с инструментом; сами едва догадались, как собрать косилку».

А. А. БОГОДУРОВ не оставляет без внимания неурожай и голод: «1891 год: В Шатках все говорят о неурожаях, нигде кругом и жать нечего «колос от колосу — не слышать голосу» Кажется, крестьянам начнут выдавать пособие».

«1899 год: Что же голод здесь? Голоду нет, но живут многие впроголодь, скотина распродана, ярового не было, семян не будет и мир «возвратной ссуды» под круговую поруку брать не хочет. Работы нет, кроме приготовления шпал на железной дороге, но поразительно дешево».

«1900 год... Захар говорил о голоде в Кержемке и о последней козе, которую уже кормить нечем».

Постройка железной дороги между Арзамасом и Шатками, проходящей в полутора километрах вдоль Озёрок, стала знаменательным событием в истории края, и А. А. БОГОДУРОВ не мог не отметить этого события. Вот его впечатления:

«19 декабря 1900 года. Да, но что это? Ночную тишину всколыхнул чистый резкий свист локомотива. Здесь жизнь, жизнь, и к нашим полям пришла культура, оживившая забытый мордовский край?... 19-го побывал у Степановых, закупив необходимое, поехал на хутор; мглистый теплый вечер, за Нечаевкой переезд через железный путь; свисток в Шатках и гул отходящего поезда. Я дождался его: показались фонари, и медленно громыхая и покачиваясь, прошел балластный поезд, впервые для меня в этих пустынях, ново и странно гармонируя со знакомой с детства картиной. Путаясь в клубы и обрывки белого дыма, постепенно скрылся он в нависшей над долиной Тёши мгле».

Беспрепятственному движению поездов по новой дороге мешали постоянные снежные заносы. Их приходилось чистить и прошибать. Однажды занос так и не прошибли и, не доехав 20 километров до Шатков, А.А. БОГОДУРОВУ, чтобы добраться до дома, пришлось сойти с поезда и нанять в Пешелани лошадей.

«13 марта 1901 года... Видно, бураны — непременный атрибут моих поездок... Шумит буран, бьет в лицо мне мокрым снегом, а я стою на площадке ныряющего в сугробах вагона, то грохочущего, то плавно переваливающегося в мягком снеге...» И еще: «Поезда, по обыкновению, ходят без расписания».

В 1902 году А.А. БОГОДУРОВ покупает Липы и 18 десятин земли при них, и строит там свой хутор.

Свою цель в жизни А.А. БОГОДУРОВ видел в служении народу и Отечеству. Он открывает библиотеку в селе Корино, выдает книги из личной библиотеки всем интересующимся: учителям, крестьянам, детям; закупает лекарства, создает аптеку для оказания медицинской помощи населению; помогает крестьянам по юридическим вопросам, пишет прошения, апелляции. А еще он изучает мордовский язык, собирает старинные русские и мордовские песни Арзамасского уезда, печатается в «Нижегородском листке», участвует в работе Нижегородской губернской архивной комиссии. При его участии происходят раскопки и изучение курганов около села Корино. Он много фотографирует. На его фотографиях виды Корина с колокольни, церковь, школа, усадьба, дорога на Шатки, поля и просторы, рощи, хутора. С его фотографий смотрят сельские учительницы, дети, родственники — словно все было только вчера.

Либеральных взглядов, он тратит деньги на скупку земель — 250 десятин для требуемого по закону избирательного ценза, избирается в гласные Земского собрания. А.А. БОГОДУРОВ знаком с А.М. ПЕШКОВЫМ, они часто встречаются с ГОРЬКИМ во время его Арзамасской ссылки: «20 апреля 1902 года... недавно, будучи в Арзамасе, гуляя я с Горьким за город, мы сидели у мельницы на нашем забытом тракте и созерцали город в лучах заката».

Как истинного патриота, его тревожит русско-японская война. «24 апреля 1904 года... Поезд, поезд, там вдали шумящий? Что за вести из станции дальней о страданиях родины печальной Ты несешь душе моей скорбящей?» — говорю я ненастным весенним вечером среди пустых полей, провожая глазами ползущий в долине Тёши поезд...» Вскоре он сам отправляется на войну, в Мукден. Видит кровь, смерть друзей, трагедию русской армии. Приходят вести, что в России революция.

Его возвращение на Родину происходит в неспокойное время. «27 ноября 1905 года... заехал на лесопилку, там казаки и офицеры сидят у управляющего и сами смеются, что ничего не выйдет из их прихода, заикнулись было, что «Красный союз» мутит народ... Уже стемнело, когда я ехал Эльтмою — коридором лесов... Расчистилось небо — и дивная картина зимней ночи над лесами развернулась во всей красе, с горы

оглядывая долину и впереди мои Липы... Но вот дома газета — ужас — мерзавцы продолжают убийства: Армия восстает...»

Годы русской революции им были названы страшными. Свободных взглядов и убеждений, А.А. БОГОДУРОВ одинаково не приемлет и убийства восставших рабочих на баррикадах, и поджоги группами крестьян частных имений.

Первые предвестники бури. Кто знал, что до нее осталось всего десять лет. А через десять лет запылали хутора: монастырские, ПАНЮТИНЫХ, БАЖЕНОВЫХ. Вот запись от 24 октября 1917 года: «Наконец и погромы подошли: не все же им быть в Тамбовской губернии. Горят вокруг монастырские хутора. Панютиных тоже сожгли. Ни малейшей помощи со стороны правительства. Пришлось сидеть дома, карауля с винтовкой».

6 декабря 1917 года вновь угрозыочных разбоев: «...отвез детей и жену на лесопилку к монашкам, где есть солдаты, и вернулся домой, чтобы вдвоем с храбрым пленным чехом Людвигом отражать нападение...»

Наступила разруха: «30 января 1918 года...хлеба так и неоткуда достать и что будет, когда кончится — страшно подумать. Сена, соломы тоже не достать, керосин выходит, свечи, кофе, какао и на смену нет ничего. Нет многих лекарств, полотна, сапог, посуды, стекла и еще очень многоего. Но что всего ужасно — месяц нет газет — никаких!!!»

«11 марта 1918 года...несколько человек ведут против меня травлю; пишут доносы, оскорбляют, отняли на сходе револьвер; опять грозят погромами...»

Долгожданная революция произошла, но она не приняла человека, посвятившего многие годы жизни делу преобразования и улучшения жизни общества. И он, противник самодержавия, не принял ее. Еще десять лет он прожил на хуторе, пока не был выселен оттуда, как землевладелец и дворянин лишен политических и гражданских прав. Семья перебралась в Нижний Новгород.

Хутор был разрушен, в войну были вырублены липы... Остатки бутового камня в земле от фундамента, яма в центре, канавы по краю рощи и ряд акаций — вот и все, что осталось от хутора... А роща, где шумят березы, до сих пор носит название БОГОДУРОВА.

Спасибо этому человеку, за то, что донес до наших дней картину жизни, быта, событий, описание природы нашего Шатковского края рубежа конца XIX и начала XX века.

По старому Арзамасскому большаку, проходящему через Озёрки, на прямой видимости, в двух-трех километрах друг от друга, сегодня, как и сто лет назад, стоят села Красный Бор (бывшее Собакино), с белоснежным действующим зимним и летним Собором. Далее — село Озерки, с церковью, закрытой, как православный храм, в 1937 году. Рядом, через железную дорогу, деревня Уланки. За ними село Пасьяново, с уничтоженной церковью и чудом устоявшей от разрушения колокольней. Все они

стоят на прямой видимости глаза. Далее село Архангельское (бывшее Кобылино). И, наконец, поселок городского типа — райцентр Шатки. Именно те места, о которых в своих дневниках писал А.А. БОГОДУРОВ. Все названные населенные пункты расположены друг за другом на отрезке в восемь километров.

По линии отца ЕРЕМЕЕВЫ были грамотными людьми, строителями-каменщиками и штукатурями, бухгалтерами-счетоводами, продавцами. Они строили дома не только в селе, но и выезжали на строительство Нижнего Новгорода, поднимали республики Средней Азии. Родной дядя отца ЕРЕМЕЕВ Константин Николаевич после демобилизации по окончании Гражданской войны 20-х годов, в армейской гимнастерке и буденовке, другой одежды не было, прокладывал Туркестано-Сибирскую железнодорожную магистраль, строил дома в Узбекистане, да так и остался вместе с семьей в городе Термез. Там, на чужбине, далеко от родных Озёрок он похоронен. Там же похоронена и мать моего отца, моя бабушка ЕРЕМЕЕВА Нина Григорьевна.

По маминой линии предки ДЕРЯБИНЫ были хозяйственными и зажиточными. В семье было более 20 человек. У прадеда было только две дочери, остальные сыновья. И все, от мала до велика, семейные и холостые, трудились единой командой, в поте лица, на общее благо всей семьи, причем, не привлекая наемную силу. Даже по нынешним меркам фермерства можно оценить уровень развития их личного хозяйства: 5 ветряных мельниц (одна отца и четыре у каждого из старших сыновей), своя пасека, кирпичное производство, магазин, амбары, летняя кирпичная палатка и т.п. Все дома, построенные в Озерках из красного кирпича — дело рук ДЕРЯБИНЫХ.

Октябрь 1917 года «раскулачил» преуспевающую в труде семью. Повезло ДЕРЯБИНЫМ в том, что представители молодой Советской власти, отобрав все нажитое, все же разрешили хозяину и его многодетной семье остаться жить в родном селе, и в родном, хоть и разграбленном, доме. Причиной такой поблажки «кулакам» — не эксплуатировали они чужую рабочую силу, не батрачили на них односельчане. Впоследствии все дожившие «раскулаченные» ДЕРЯБИНЫ успешно работали в колхозе «Гигант».

Но, как часто у нас бывает, в 70-е годы, уже прошлого столетия, кому-то «наверху» привиделось, что со строительством нового, обходного по отношению к Озёркам, шоссе между Арзамасом и Шатками, село считать «не перспективным»... Главную усадьбу колхоза и сельсовет перенесли в село Красный Бор (бывшее Собакино), а Озёрки бросили на выживание. При строительстве дороги и моста через речку Озёрку, нарушили природный баланс и загубили речку на корню. Заилилась, измельчала речка, вода приобрела рыже-зеленый, мутный, не живой цвет и запах, рыба ушла — вот плоды бесстолковых решений советского периода.

Сегодня село Озёрки имеет довольно плачевный вид загубленного русского селения с заброшенной церковью, с деревьями, выросшими на ее сгнившей крыше, с разрушенными скотными дворами и амбарами, с оставленными, заколоченными досками

окнами, домами, сгоревшим клубом и всеми атрибутами современной разрухи российской глубинки.

Постоянных жителей, в основе своей старушек, в селе осталось 44 человека избирательного возраста и 5 детей. Некогда кормивший окрестные села лес зарос до такой степени, что через бурелом не пробраться с топором. О ранее наезженных лесных дорогах напоминают лишь чуть угадываемые направления бывших колей, поросших травой, кустарником и крапивой. От кордона осталась заросшая травой поляна. Ржавую металлическую геодезическую вышку, обозначающую самую высокую точку местности, еле-еле нашел среди густых лесных кущей. Все заброшено. Штат лесников разогнали. За лесом следить некому. Так и стоит он осиротевший и неухоженный. И только карстовые огромные провалы, как и сто лет назад, курятся белым паром гашеной извести над лесом, после обильно выпавшего дождя.

Но, всё же, теплится жизнь в Озерках. Работает пока сельский магазин. Понемногу строятся хозяйства обосновавшихся здесь дачников. Цветущими и ухоженными участками, своеобразными оазисами среди вымирающего села, стоят восстановленные фамильные дома с огородами и садами ЕРЕМЕЕВЫХ, ЕЛИСЕЕВЫХ, КРАШЕНИННИКОВЫХ, КУЗНЕЦОВЫХ. Восстановлены и продолжают восстанавливаться они силами и трудом внуков и правнуков предков, кто родился, жил и трудился на этой благодатной земле.

По-прежнему благоухает природа, звенят жаворонки и стрекочут кузнечики. И не нужно никаких санаториев и курортов. Ежегодное проведение семейного отпуска и летних каникул ЕРЕМЕЕВЫХ и КОТОВСКИХ проходит только в Озёрах. Невидимым магнитом тянет к себе родная земля, земля наших предков.

Это сегодня. А в 1893 году, на месте почтовой стации, где, по приданью, останавливался на ночлег по дороге из Москвы в свое имение Большое Болдино великий русский поэт Александр Сергеевич ПУШКИН, мой прапрадед ЕРЕМЕЕВ Степан Васильевич поставил на дубовые сваи бревенчатый дом — восьмистенник, обшитый тесом, да крышей, покрытой металлическим листом. Знать не бедный был! И спасибо неизвестному фотографу, который оставил нам на память снимок всей семьи — моих предков, запечатленных у крыльца нового дома в далеком 1895 году XIX века. Проживало под крышей этого дома, от стариков до младенцев, 18 человек ЕРЕМЕЕВЫХ. Причем старейшины — прапрадед с пррабкой имели свою личную комнатку. Все их почитали и слушались. Дед был строг, но справедлив и его слово для любого члена семьи было законом. Детвора же спала на полатях в столовой комнате. А в зале, где собирались на праздничные чаепития семья, до сих пор остался изразцовый лепной потолок того времени и старинный диван, обитый кожей.

В этом доме в 1906 году родился мой дед ЕРЕМЕЕВ Степан Николаевич. Здесь же 31 августа 1935 года родился мой отец ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович. Он был

последним младенцем в доме ЕРЕМЕЕВЫХ, которого качали в люльке, прикрепленной к кольцу на потолке.

Сегодня дом, которому более 120 лет, силами семей ЕРЕМЕЕВЫХ и КОТОВСКИХ, приведен в порядок. Заменены сгнившие дубовые столбы-основания и венцы несущих бревен. На новые стропила уложена крыша из металличерепицы. Современным стал внутренний интерьер помещений. Вместо почерневшего от времени теса фасад дома обшил светлым, цвета беж, сайдингом. Заменены окна. Установлена печь-камин. А на расчищенным от старого хлама чердаке обустроена уютная жилая мансарда с окном, душем, ванной и теплым туалетом городского типа. Дом преобразился, принял более презентабельный и современный вид. Но кольцо люльки, как семейную реликвию, на семейном совете было решено: с потолка не снимать, сохранить, как память для потомков.

Шло созидательное время индустриализации и колхективизации страны, радовались жизни и результатам своего труда озерчане. Они умели трудиться, умели и отдыхать. Тогда еще молодежь не стремилась сбежать в город. Работа на селе была необходимым и почетным в стране Советов трудом. Работал сельский клуб, по вечерам «ставили картины», т.е. демонстрировались кинофильмы, играла залихватская гармонь, звенели стройные девичьи голоса, нарядно одетые парни обхаживали своих любушек... Жизнь кипела.

Но пришел черный день — воскресенье 22 июня 1941 года. Уже к полудню все село знало, что началась война. Гитлер вероломно напал на СССР.

На третий день войны, 24 июня 1941 года Шатковским райвоенкоматом мой дед ЕРЕМЕЕВ Степан Николаевич, как и другие односельчане мужского пола, был призван на фронт. Второй дед, мамин отец ДЕРЯБИН Николай Михайлович в то время работал на военном заводе в городе Коканде, в Узбекистане. Он тоже был призван в армию и убыл на фронт вместе с эшелоном артиллерийских орудий, выпускаемых заводом. Провожали их всем городом. Мама, будучи шестилетней девочкой, помнит этот эшелон и отца, стоящего в военной форме с винтовкой на платформе первого от паровоза, открытого вагона, с зачехленными брезентом орудиями.

В то время мои деды уже были зрелыми 35-летними семейными мужчинами, имели детей, свое хозяйство и хорошую работу в колхозе и на заводе. У деда ЕРЕМЕЕВА было два сына — Толька 1935 года рождения (мой отец) и Колька 1937 года рождения. У деда ДЕРЯБИНА две дочери — Валя 1935 года рождения (моя мама) и Лида 1937 года рождения. Но, к великому сожалению, ни одному из моих дедов не суждено было вернуться в родные Озёрки. Война забрала их. Остались лишь довоенные фотографии, воспоминания о них наших родственников и уходящих, одна за другой, в мир иной старушек-односельчанок. Да обелиск, установленный силами сельчан и местного сельсовета в скверике Победы, с именами жителей села Озёрки, не вернувшихся с фронта.

Лето 1941-го года. Немцы рвались к Москве. Красная Армия с кровопролитными боями отступала по всему фронту.

ДЕРЯБИНЫ воину встретили в узбекском городе Коканде. Еще до войны дед ДЕРЯБИН Николай Михайлович уехал туда строить оборонный завод. А в 1937 году к нему поехали моя бабушка ДЕРЯБИНА Евдокия Николаевна с мамой, тогда еще ребенком Валей. В поезде по дороге в Коканд родилась мамина сестра Лида. Там же, в Узбекистане, девочки пошли в детский сад, а мама и в первый класс школы. Бабуля Дуня работала на местном хлебозаводе.

Детьми сестренки хорошо пели, читали стихи и стали постоянными участниками концертов в госпиталях для раненых красноармейцев. Растроганные выступлениями юных артисток, бойцы с благодарностью угощали девчушек всем, чем могли. Маме из этого детства особенно запомнились белоснежные сладкие солдатские гостинцы — колотые кусочки сахара.

В родное село из Коканда ДЕРЯБИНЫ возвратились в 1943 году, когда советские войска погнали фашистов обратно на Запад. Мамин отец ДЕРЯБИН Николай Михайлович заводчанами был похоронен в Коканде. Из Озёрок пришло сообщение, что после смерти сына, не пережив такого горя, один за другим ушли мамины бабушка и дед Михаил Николаевич. А пустующий дом ДЕРЯБИНЫХ заняли под сельсовет. Чужой Коканд ничем не держал, и бабуля Дуня с дочерьми Валей и Лидой возвратилась в родное село Озерки, где уже не было ни жилья, ни денежных средств на существование. И только письмо, написанное по совету родственников, в адрес И. В. СТАЛИНА, вернуло им родной фамильный дом и семье назначена хорошая пенсия по потере кормильца, умершего от ран отца.

Бабушка ЕРЕМЕЕВА Нина Григорьевна с сыновьями Толькой и Колькой осталась в селе и работала вместе с детьми всю войну в колхозе, на себе познавая холод, голод, тяжкий колхозный труд для фронта, для Победы. Отец вспоминал, что ходили зимой в одной паре валенок на троих, по очереди. Дров не было, в колхозе разрешали рубить только сухие сучья и собирать шишки в глубине леса, далеко за рекой Тёшей. Семилетний Толька и пятилетний Колька рубили ветки, залезая на верхушки деревьев, грузили на сани-волокушки и вместе с матерью тащили их из леса по глубокому снегу за 4–5 километров от дома. Со слов отца, в лесу на деревьях были обрублены все сухие ветки, а на земле не осталось ни одной хворостины, шишки или валежника. Лес был чист и пуст. Зато сейчас непролазный и запущенный всюду.

В колхозе остались одни женщины и дети. Детвора помогала материям, как могла, выполняя и мужскую работу. Мой отец, будучи мальчишкой, работал водовозом на полуслепой лошаденке по кличке Дубок, возил ключевую воду женщинам, работающим в поле, а воду с реки — на скотный двор, поить колхозную скотину. Приказ о пресловутом «колоске» и его грустных последствиях знали все. Поэтому с колхозного поля

ничего домой не брали. Весь урожай шел на фронт. Если лето еще как-то кормило — ягоды, грибы, овощи со своего огородика, то зимой приходилось туга. Основное питание — лепешки из муки толченой мерзлой картошки, чудом оставшейся на ноябрьском замерзшем колхозном поле.

Мальчишки ЕРЕМЕЕВЫ были хулиганистыми. Сами того по-детски не понимая, как матери тяжело, шкодили в ущерб себе же. То курицу со своего двора стащат и зажарят на костре в лесу. То выкрадут куриные яйца и обменяют их у ПАНАМЫ — мужика, не призванного в армию по состоянию здоровья, на стакан табака-самосада. Как вспоминал отец, стегала их с братом матушка Нина Григорьевна ремнем за хулиганские проделки.

Но больше всего доставалось брату Кольке. Он, кроме того, что чудил по жизни, еще был упертый и никогда не сознавался в своих проказах. Пока за руку не поймают. Отец по характеру был более покладистым, рассудительным и спокойным, за что имел послабления в материнском воспитательном процессе с использованием ветлово-го прута или ремня.

Большой утратой для семьи стала потеря кормилицы-коровы. И опять по вине шустрых братьев. Какая никакая, корма не хватало, но молока немного давала. Помогая разгружать продукты, крайне редко привозимые в военную годину в сельмаг, братья умыкнули из бочки с соленой селедкой две рыбины. Одну за двором съели, а вторую завернули в тряпку и засунули про запас в сено, заготовленное для коровы. Позже обыскались, переворошили всю копну, но заветный клад не нашли. А корова нашла, съела и околела. Бабуля Нина до самой смерти так и не узнала причину падежа кормилицы военного времени. Эту историю поведал мне отец. Искренне корил он себя за этот случай и просил прощения у своей матери, давно ушедшей в мир иной.

Какова же судьба моих дедов?

Дед ДЕРЯБИН Николай Михайлович, доехав эшелоном с орудиями до фронта, был тяжело ранен и эвакуирован в тыловой госпиталь. Мама вспоминает, что месяца через три-четыре, после отправки на фронт, двое бойцов, в сопровождении медсестры, на носилках доставили отца домой. Раненый в голову, без ноги, вторая перебита, он беспомощно лежал и постоянно бредил налетом фашистов. От тяжелых ран, став инвалидом, он не захотел быть немощной обузой жене и двум дочерям. Он самостоятельно ушел из жизни. Может по православным канонам поступок и подлежит осуждению, «Бог дал, Бог и взял». Но все же, это мужской поступок. Это обдуманное и тяжелое решение взрослого человека, ставшего в расцвете сил физически немощным инвалидом, за которым был необходим ежедневный уход и содержание в условиях военного лихолетья, голода и лишений. Или жизнь детей или мучение с ним — калекой. Решение принято в пользу жены и маленьких дочерей...

Дед ЕРЕМЕЕВ Степан Николаевич, после призыва на фронт, пять месяцев, с июня по ноябрь 1941 года проходил обучение в специальной учебной части в городе Арзамасе.

Был награжден знаком отличия «Ворошиловский стрелок». Отец вспоминал, что с братом и матерью, на перекладных, но больше пешком, добирались они 20 километров до города на встречу с отцом. Помнил он, как отец вел по Арзамасу строй солдат на помывку к городскому пруду, держа его и брата за руки, марширующих в ногу с бойцами. И всё... Больше живым своего отца мой отец не видел.

Пришло от него несколько коротких фронтовых письма-треугольника о том, что убывают из Арзамаса воинским эшелоном на фронт защищать Москву...

Последнее письмо пришло в дом в январе 1942 года. И написано оно уже не рукой деда, а товарищем по окопу. В нем сообщалось: «Уважаемая Нина Григорьевна! Ваш муж и отец красноармеец ЕРЕМЕЕВ Степан Николаевич погиб от врага и вражеской пули 31 декабря 1941 года под городом Ржевом». И только в 1943 году пришла официальная похоронка, извещающая, что «красноармеец ЕРЕМЕЕВ С.Н. 1906 г.р., уроженец с. Озёрки Шатковского района... считается без вести пропавшим». Понятно только то, что принял он участие в зимней контрнаступательной операции 1941-го года, защищая Москву в составе Калининского фронта и погиб в бою под Ржевом. Но где и при каких обстоятельствах? Где похоронен?

Россияне недавно отметили 67-ю годовщину Великой Победы. 70 лет минуло, как миллионами жизней бойцов Красной Армии отстояли Москву. А сведений о месте гибели и захоронения красноармейца ЕРЕМЕЕВА Степана Николаевича так и нет. Мы с отцом постоянно вели его поиск. Я и сейчас занимаюсь поисковой работой. Но наши обращения в Подольский архив результатов не дали. Не велись в 1941–1942 годах архивы, не до них было, отстоять бы Москву. Открытые официальные военно-мемориальные сайты новой положительной информации тоже не принесли. В Ржевском военкомате сведений о захоронении деда нет. Одна надежда на работу военно-патриотических поисковых отрядов, а не «черных копателей», и положительные результаты их благородного труда. Сколько еще не погребенных останков бойцов Красной Армии осталось лежать в тверских болотах и лесах!.. Более миллиона их полегло на Калининском фронте. Вечная им память и низкий поклон от живущих внуков и правнуок!

С радостью и слезами на глазах встретили жители Озёрок весть о долгожданной Победе над фашистской Германией. Многих сельчан не досчитались земляки. За годы войны из Шатковского района на фронт было призвано 10647 человек. Погибли в боях за Родину, сложили свои головы на полях сражений 6238 человек, из них 96 человек — уроженцы села Озёрки и деревни Уланки. В их числе и оба моих деда.

Самоотверженно, не щадя своей крови, а порой и своей жизни, сражались шатковцы с фашистами. Не случайно девять солдат и офицеров были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Среди них наш земляк, ровесник и одноклассник моего деда, уроженец деревни Уланки, окончивший Озёрскую начальную школу, старший сержант ДОЛГОВ Семен Дмитриевич. Герой Советского Союза С.Д. ДОЛГОВ

геройски погиб в бою за румынский город Либх 19 августа 1944 года. В селе Красный Бор ему установлен обелиск, его имя высечено на памятнике воинам-уроженцам Озёрок и Уланок, погившим в годы Великой Отечественной войны, в селе Озёрки, напротив нашего фамильного дома ЕРЕМЕЕВЫХ.

Большинство участников боев награждено орденами и медалями. Полководческий орден — орден Александра НЕВСКОГО — был вручен шатковцу капитану МЕЛЬНИКОВУ Василию Дмитриевичу.

В 2006 году в Шатковском районе проживало 270 ветеранов Великой Отечественной войны. Более свежих данных не нашел. С каждым годом их становится все меньше и меньше. Честь им и низкий поклон за их воинский подвиг.

*В долгу у вас мы, ветераны,
Вы воевали ради нас.
Вы шли на смерть,увечья, раны,
Так мало вас в живых сейчас!*

*Вы землю русскую спасали
И жизнь, и честь родной страны,
Судьбу Отечества решали,
России верные сыны.*

*Мечтал Адольф единственным махом
Заставить Русь лежать в пыли,
Покрыть золою, пеплом, прахом,
Дотла стереть с лица Земли,*

*Сровнять огромною равниной
Народ, жилища и поля,
Пускай бесплодною пустыней
Заглохнет русская земля!*

*Но не сбылись мечты и планы,
И пыл тевтонский поутих.
Сражались тихие Иваны
С врагом один за семерых!*

*В четыре страшных долгих года
От стен Москвы,
Спасая жизнь всего народа,
Вы до Берлина путь прошли.*

*И те, кто, к счастью, жив поныне,
И те, кто в землю полегли,
Спасли от гибели Россию,
Нас, неродившихся, спасли.*

*Поклон вам низкий, ветераны,
Венок лавровый, слава, честь!
Простые русские Иваны,
В вас в каждом дух бессмертья есть!*

Эти поэтические строки, под названием «России верные сыны», принадлежат нашей шатковской землячке, поэтессе Нине Михайловне МИРСКОВОЙ.

Вечная память тем, кто погиб на фронтах, кто умер от ран после войны: каждый из них внес свою лепту в Великую Победу. Об этом живущие не должны забывать!

Закончилась война и в родную сторонку стали возвращаться мужики-фронтовики, многие израненные и покалеченные, но сильные духом и соскучившиеся по мирному труду. Жизнь начала налаживаться. Село вновь ожило. Детвора пошла в школу.

Мама болела малярией, подцепленной еще в Узбекистане, и отстала по учебе от своих сверстников на два года. Поэтому училась она в одном классе и закончила Красноборскую среднюю школу вместе с родной сестрой Лидой и братом отца Николаем, которые были на два года младше ее. Но это не мешало им всем вместе участвовать в художественной самодеятельности, играть в самодеятельном театре и ездить с концертами в составе колхозной молодежной концертной бригады в соседние села, деревни и в райцентр Шатки. Дружба юноши Анатолия ЕРЕМЕЕВА и Валентины ДЕРЯБИНОЙ перерастала в трепетные и высокие чувства...

В 1953 году отец окончил среднюю школу в селе Красный Бор, расположенную в трех километрах от дома в Озёрках. Их выпуск был первым в школе, ставшей десятилеткой. Отец вспоминал, что свой выпуск он помнит плохо. Впервые, после войны, мать ему «справила» брюки без заплаток и белую рубашку. Получив аттестат о среднем образовании, лихие колхозные ребята-выпускники, а как же без этого, выпили вина в честь торжественного события. Много ли было надо голодным и исхудавшим детям войны?! В общем, проснулся герой на сене в своем дворе, в сарае рядом с буренкой, в белой рубашке и новых брюках, покрытых соломой и репьями. Мама Валя долго еще его подтрунивала за этот выпускной «подвиг».

В 2003 году отмечалось 50 лет первого выпуска Красноборской десятилетки. Отец оделся в парадную военную форму полковника, с орденами и медалями, и поехал в Красный Бор с благими намерениями увидеть своих одноклассников, выступить перед нынешним поколением школьников. Но, увы, не достучался он до разума и души директора школы. Его даже не приняли. Им было некогда. Так и уехал ни с чем,

обиженный черствостью руководства школы, один из выпускников первого выпуска десятилетки 1953 года Анатолий Степанович ЕРЕМЕЕВ.

Как любой юноша военного времени и его сверстники-односельчане, отец решил стать военным. И сын красноармейца, погибшего в боях за Советскую Родину, поехал покорять неизвестный и далекий от родных мест город Новосибирск. Он поступил в Новосибирское военное общевойсковое училище. Как старший и заботливый сын, он не забывал маму с братом и часть своего вещевого имущества, получаемого по курсантскому аттестату (мыло, сахар, теплые портнянки, деньги и т.п.) частично отправлял своим родным в Озёрки. Отец вспоминал, каким счастьем и деликатесом для него, после военных лепешек из мерзлой картошки, была жиidenькая картошка — пюре, подаваемая в курсантской столовой, да еще с банкой кильки в томатном соусе на четверых!

Безусловно, на время летнего отпуска, курсант ЕРЕМЕЕВ А.С. приезжал с подарками в родное село Озёрки к маме и брату. Помогал по домашнему хозяйству, в колхозе, наставлял на путь истинный хулиганистого младшего брата Николая. Но, не менее важной причиной его приездов была выпускница школы и любимая девушка — Валя ДЕРЯБИНА. Тем более, до курсанта дошла весть, что у этой девушки, которую он искренне полюбил, появился ухажер и одноклассник, представитель сельской интеллигенции — местный киномеханик Сашка БУРЕЕВ. Как тут вытерпеть пылкому сердцу будущего офицера! Он же должен был показать любимой девушке удаль молодецкую и лихость воинскую. И показал. В парадной курсантской форме, на глазах у девчонок и своей невесты, решил оседлать на скаку, не менее удалого, жеребца из колхозного табуна. И, под звонкий смех сельчанок, сконфуженный, остался лежать на земле, в облаке оседающей черноземной пыли, висевшей над заливными лугами от умчавшегося дальше табуна.

В 1956 году новоиспеченный лейтенант ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович из Новосибирска был направлен для дальнейшего прохождения военной службы в распоряжение командующего войсками Прибалтийского военного округа. А фактически, с 21 сентября 1956 года по 19 января 1957 года был командирован в Казахстан, в поселок Жана семей, под Семипалатинском, на испытательный ядерный полигон. Там он был живым свидетелем двух ядерных взрывов. Выполнял задачи по обеспечению безопасности местного населения от последствий проведения испытаний ядерного оружия. Имея в распоряжении грузовой автомобиль и в подчинении несколько солдат, оповещал в своей зоне ответственности местных жителей о временном оставлении жилья и угоне домашнего скота в безопасное место. При необходимости, эвакуировал на военном грузовике местных жителей на безопасное расстояние, подальше от эпицентра ядерного взрыва.

Мама, успешно окончив среднюю школу, имея хорошие творческие способности и музыкальный слух, поступила в Челябинское культурно-просветительное училище

на дирижерско-хоровое отделение. А ее сестра Лида, окончив школу «с отличием», решила стать учителем русского языка и литературы. Без особых усилий она поступила в Арзамасский педагогический институт, на филологический факультет. Со слов мамы: «Лиде всегда учеба давалась легко, играючи». Маме в школе хорошо давались гуманитарные предметы, а в математике была «зубрилкой», но очень усидчивой, старалась не отставать от младшей сестры, и окончила среднюю образовательную школу на «хорошо» и «отлично». Она и сегодня в 78 лет помнит все стихотворения, которые выучила в детском саду и в школе.

Окончив с красным дипломом Челябинское культурно-просветительное училище, ДЕРЯБИНУ Валентину Николаевну, как молодого специалиста в сфере культурно-просветительной работы направляют по распределению в город Красноуфимск Свердловской области на должность заведующей клубом, где она проработала почти год.

Вначале 1957 года в Красноуфимск приехал молодой лейтенант Анатолий ЕРЕМЕЕВ с одной целью — забрать Валентину с собой. Да не просто, а на всю жизнь. Там же, в поселковом Совете они с отцом зарегистрировали свой семейный брак. Так ДЕРЯБИНА Валентина Николаевна стала ЕРЕМЕЕВОЙ. Но, став женой согласно Свидетельству о браке, мама не подпускала к себе молодого законного мужа, к его великому непониманию и недоумению. Спали порознь, в разных комнатах, в доме маминой тетки. Пока свадьба не состоится при родных и односельчанах. Вот такие были нравственные устои.

Свадьбу же молодожены сыграли позже, в октябре 1957 года. Состоялась она в фамильном доме ЕРЕМЕЕВЫХ, в родном для обоих селе Озёрки. Знаменательно, что в день свадьбы состоялось два памятных события. Во-первых, 4 октября 1957 года Советский Союз запустил в космос первый в мире искусственный спутник Земли. А во-вторых, в дом ЕРЕМЕЕВЫХ, по случаю свадьбы, первым в дом провели электропроводку и зажгли электрическую лампочку в селе. Свадьбу молодых ЕРЕМЕЕВЫХ сельчане гуляли при электрическом освещении «лампочки Ильича». В историю уходили коптящие керосиновые лампы — трехлинейки. Нижегородское село Озёрки переходило на электроэнергию.

Так, только в конце 50-х годов XX века в домах сельских тружеников колхоза «Гигант» появилось электричество. А молодая жена ЕРЕМЕЕВА Валентина Николаевна, как нитка за иголкой, со своим мужем-офицером ЕРЕМЕЕВЫМ Анатолием Степановичем начали самостоятельную жизнь там, где «Родина прикажет». Впереди новая неизведанная и самостоятельная жизнь. До свидания, родные Озёрки!

Глава 2

ВЕНТСПИЛС. ГОРОД МОЕГО РОЖДЕНИЯ

А Родина приказала лейтенанту ЕРЕМЕЕВУ Анатолию Степановичу из Казахстанских степей убыть к новому месту службы, на самый Западный рубеж Советского Союза — в город Вентспилс Латвийской ССР. Название города произошло от слияния двух латышских слов: слово «Вента» — наименование реки, и слово «пилсса», в переводе с латышского языка — город. Таким образом, Вентспилс — это город на реке Венте, в самом её устье, впадающей в открытое Балтийское море. Крупнейший в СССР нефтеналивной морской порт.

В этот город в 1957 году и приехал лейтенант ЕРЕМЕЕВ А.С. с молодой женой Валентиной и двумя чемоданами с незамысловатыми лейтенантскими пожитками. Здесь молодая чета ЕРЕМЕЕВЫХ начинала самостоятельную семейную жизнь.

Командование части выделило лейтенанту комнатку в здании одноэтажного офицерского общежития с печным отоплением, но зато с видом на реку Венту и морской порт. Настоящие корабли и море молодые ЕРЕМЕЕВЫ воочию увидели впервые только здесь. Из нехитрой инвентарной армейской мебели руками Валентины Николаевны создан домашний уют, с белоснежными занавесками на окне и вышитыми салфетками на тумбочках, да с рукodelьными картинами и настенным ковриком «Девушка с оленем», вышитом крестиком в девичестве своими руками. Первым крупным приобретением молодой семьи стал новенький ламповый радиоприемник Рижского радиозавода имени А.С. ПОПОВА, с названием «Даугава», 1957 года выпуска. И начались трудовые армейские будни.

В течение 3,5 лет отец проходил службу в 156-м гвардейском мотострелковом ордена Кутузова 3-й степени полку, входящем в боевой состав 51-й гвардейской мотострелковой ордена Ленина Краснознаменной имени К. Е. Ворошилова дивизии, в должности командира зенитно-пулеметного взвода и взвода 23 мм зенитных пушек.

Задача западной границы СССР и стратегического объекта, которым являлся западный город-порт, от нападения воздушного противника требовала постоянных и напряженных тренировок, подъемов по тревоге, выездов на различные, совместные

с другими частями и подразделениями, войсковые учения. К службе лейтенант ЕРЕМЕЕВ относился серьезно и успешно справлялся со своими командирскими обязанностями. Ему было, у кого учиться. Старшие офицеры-командиры были настоящими фронтовиками-орденоносцами, имеющими огромный боевой опыт, накопленный за годы Великой Отечественной войны. Они не на словах, а на деле и на своем личном примере передавали основы суворовской «Науки побеждать» молодым офицерам. При этом проявляя чуткость и заботу, как о подчиненных, так и об улучшении жизни и быта их семей.

Валентина Николаевна как дипломированный специалист культурно-просветительной работы, сразу устроилась на работу в солдатский клуб полка, где руководила хором и художественной самодеятельностью части. Результаты ее творческого труда уже в первый год работы были оценены командованием части. Ей вручили грамоту. Эта грамота по сей день хранится в семейном архиве.

Все шло своим чередом, пока в 23 часа 45 минут, в среду, 17 декабря 1958 года родился у них сын, в общем-то, я. Кстати, родился к величайшей радости молодого отца. Он очень хотел сына. Как-никак появился первенец — наследник рода и фамилии ЕРЕМЕЕВЫХ! Мама хотела меня назвать Валерой, но этому не суждено было быть. А причина вот в чем. О ней мне поведал отец.

О радостном событии его оповестили друзья-сослуживцы, дежурившие в этот день по части и получившие сообщение из роддома по телефону. Городской родильный дом находился в двухстах метрах от берега Балтийского моря, но довольно далеко от военного городка. Зима, уже наступила ночь, транспорта нет, только пешком. Колючий и влажный морской ветер пробирал до костей. Кратчайший путь из общежития до роддома пролегал через городское кладбище. Ужас преодоления кладбищенских крестов, могил, склепов и теней от них, под завывание промозглого ветра, еще больше добавляли скорости движения к роддому новоявленному отцу. Рассказывал, что волосы дыбом стояли от страха. Решил, если добегу, назову сына Толькой, в честь себя — героического. Добежал. Так я стал Анатолием Анатольевичем ЕРЕМЕЕВЫМ или Анатолием-вторым. В дальнейшем, чтобы не запутаться, кого зовет или к кому обращается из своих Анатолиев, мама сама нашла выход. Если обращается к отцу, то — Толя. Если зовет меня, то — Толик.

Народная мудрость гласит: «Две загадки в жизни есть. Как родился — не помню. Когда умру — не знаю». Поэтому младенчества, проведенного в Вентспилсе, я совсем не помню. Есть черно-белые фотографии этого периода. Мама рассказывала, что любил смотреть в окно на заходящие в морской порт огромные корабли, дымовые трубы которых медленно проплывали на уровне окна нашей комнаты, вздрагивал от их приветственных протяжных басовитых гудков и чему-то своему радовался. А чему, не помню.

Все хорошо складывалось по службе у отца, если бы не один случай, несколько подпортивший ему служебную карьеру.

Сослуживцу присвоили очередное воинское звание «старший лейтенант». По офицерской традиции он пригласил в ресторан своих друзей-однополчан, чтобы отметить это торжественное событие. В их числе был и отец. В назначенное время и час пять лейтенантов вместе с новоиспеченным старшим лейтенантом, надев парадную форму одежды, направились в ресторан. Местное население города, в основе своей латыши, мягко говоря, не сильно жаловали и побаивались военных, считая их советскими оккупантами. До конца 50-х годов в Латвии еще выползали из своих землянок и хуторков недобитые после войны вооруженные латышские бандиты-националисты, так называемые «лесные братья». Разгульная жизнь иностранных моряков, сошедших на берег, чтобы «культурно отдохнуть» в ресторанах и барах, криминала городу только добавляла. Слово за слово и праздник перерос в хорошую драку. Спровоцировали ее изрядно выпившие местные аборигены, бравирующие перед заморскими гостями и оскорбившие празднующих офицеров. Такого советских офицеры не могли перенести, тем более тоже уже выпили. Со словами известного призыва «Наше дело правое, победа будет за нами!», они смело ввязались в бой с задирами, отстаивая честь офицерского мундира и доброе имя советского воина-победителя.

Военные, хоть и в меньшем количестве, но стойко «стояли на смерть», направо и налево раздавая тумаки обидчикам. Неведомо чем бы закончилась эта история, но администрация ресторана вызвала стражей порядка. Вызови они патруль из военной комендатуры, все бы было по-другому. Получили бы от командования по «выгово-решнику», но честь мундира не опозорили, и дальше б дело не пошло. Но приехала местная милиция, скрутила не успевших убежать военных и увезла, но не в военную комендатуру, а к себе в отделение милиции. Отец рассказывал, что он попал в милицийский участок по банальной причине. Выбегая из ресторана, наступил на тесемки армейских кальсон, предательски развязавшихся и свисавших из-под брюк и, соответственно, растянулся на радость догоняющих местных стражей порядка.

Драка в ресторане получила политическую окраску. Информация о происшествии дошла до городских властей. Те, в свою очередь, обратились к командованию дивизии, мол, советские военные избрали мирное местное население, требуем наказать. Реакция у командования сверху была незамедлительной. В итоге — старший лейтенант, чье повышение праздновали в ресторане, вновь стал лейтенантом. А пятеро друзей-лейтенантов вмиг дослужились до первичного офицерского воинского звания «младший лейтенант». Как они себя потом называли «ночные майоры», из-за одной маленькой звездочки на погонах. В темное время суток не разберешь, кто идет, майор или младший лейтенант. Звездочка-то одна!

Это понижение в воинском звании «сроком на один год», в служебной карточке отца черным пятном «висело», хоть и было давно снято, двенадцать лет. Пока в 1970 году ему не было присвоено очередное и первое воинское звание старшего офицера — «майор». Дело в том, что при присвоении воинского звания «майор», поощрения, полученные за службу ранее, переносились в новую служебную карточку, а взыскания автоматически удалялись. Старая служебная карточка младших офицеров, прошедших воинскую службу от лейтенанта до капитана, уничтожалась.

Вот такая ресторанная история. Об этом случае отец часто напоминал мне, молодому лейтенанту — начальнику клуба части, чтобы я не повторил его грустной истории в армейской службе.

Как бы там ни было, случай неприятный, но и не смертельный. Служба отца на той же должности командира зенитного взвода продолжалась. Сыну Только исполнился один годик. В стране началось реформирование Вооруженных Сил. Наряду с «хрущевским» сокращением армии на 1 миллион 200 тысяч человек, в стране создается новый вид Вооруженных Сил СССР — Ракетные войска стратегического назначения. И начали его комплектовать офицерами из расформированных и сокращаемых частей всех видов и родов войск.

В одном строю первых ракетных полков на строевом плацу стояли пехотинцы, артиллеристы, летчики, танкисты, зенитчики и моряки. Каждый в своей военной форме одежды, цветом околышей фуражек и петлиц, и эмблемами частей, из которых их направили продолжать службу в очень секретный и пока неведомый для них вид войск.

Особенно гордились своей военно-морской формой флотские офицеры. Долго и мучительно для моряков продолжался процесс их переодевания из морских ки-телей в военную форму ракетчиков, считай мундиры пехотинцев. Самые стойкие из них сменили любимую морскую форму на «сухопутную», лишь после окончания срока ее носки. К ним можно смело отнести выпускников военно-морских училищ, ставших впоследствии стратегическими ракетчиками, как первый Маршал Российской Федерации СЕРГЕЕВ Игорь Дмитриевич, командир Добельского полка полковник ГАНИН Всеивод Андreeвич, однокурсники по Бакинскому военно-морскому училищу генерал-майор ПОЛЕНКОВ Геннадий Михайлович и подполковник ДУБРОВИН Геннадий Федорович, и многие другие офицеры. И первым командинрам ракетных частей приходилось с этим фактом мириться. Бездумно, махнув командирской шашкой, насильно заставить усмирить гордость морского офицера за принадлежность к Военно-морскому флоту, конечно можно. Но пошло бы такое решение на пользу?

Задача партии и Советского правительства стояла иная. Требовалось в кратчайшие сроки освоить доселе невиданную ракетную технику и вооружение. Разместить

ракетные дивизионы и полки в определенных партией и правительством местах постоянной дислокации, развернуть боевую учебу и организовать службу. И, главное, приступить к ежедневному боевому дежурству в постоянной готовности к выполнению поставленной задачи по защите рубежей нашей Родины — Союза Советских Социалистических республик.

Глава 3

ВОЕННЫЙ ГОРОДОК ДОБЕЛЕ-2

К концу 50-х годов прошлого столетия военно-политическая обстановка в мире сложилась таким образом, что «Запад», во главе с США, имел возможность со своей территории нанести ракетный удар по Москве и всей Европейской части СССР. В то время как наш ракетный комплекс с ракетой Р-5М, размещенный в Калининградской области, обеспечивал ракетный удар практически по всей Западной Европе, но до Англии, с размещенными на ее территории американскими ракетами, достать не мог.

Такая ситуация сохранялась до тех пор, пока в середине 1959 года СССР не приступил к развертыванию вдоль своей западной границы нового ракетного комплекса Р-12 с ракетой 8К63 (по английской классификации «Сандал»). Этот ракетный комплекс позволял нанести гарантированный ракетный удар по Западной Европе, Англии и Скандинавии. Всего к концу 60-х годов было развернуто около 500 таких ракет, в том числе и в Советской Прибалтике — Эстонии, Латвии, Литве и Калининградской области РСФСР.

В 1960 году 51-я стрелковая дивизия и в ее составе 156-й механизированный полк в Вентспилсе, где проходил службу отец, расформировывается. Офицеры, попавшие под сокращение, без всяких льгот уволены из Вооруженных Сил и были вынуждены осваивать народное хозяйство.

Продолжающих военную службу офицеров переводят в другие виды и рода войск. В основном во вновь формируемые части Ракетных войск стратегического назначения. В это количество служивых попал и мой отец, получив назначение в РВСН. Так пехотный зенитчик, временно младший лейтенант ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович, переходит в ракетчики и убывает к новому месту службы в город Добеле Латвийской ССР. Там уже шло формирование 867-го ракетного полка. Вместе с ним на новое место службы переехали жена Валентина Николаевна и полуторагодовалый сын Толик.

Привез нас отец в военный городок Добеле-2, расположенный в пяти километрах от латвийского районного центра — города Добеле, где за семнадцать лет прошло мое

беззаботное детство и веселая школьная юность, вплоть до 1976 года — года поступления в Львовское высшее военно-политическое училище.

Прошло сорок лет, как я уехал из этих мест. Но по сегодняшний день вспоминаю наш военный городок в Латвии, с которым столько связано! И все события, люди, живущие там, оставшиеся в памяти, вспоминаются только по-доброму.

Место для проведения детства и юности было, как говорится, лучше не придумаешь.

Городок был открытым, стоявшим в лесном массиве вдоль автомобильного шоссе Рига — Лиепая. Слева от дороги, за деревянным зеленым забором, располагался огромный по площади солдатский городок 24-й учебной танковой дивизии. Ежедневно гарнизонный горнист играл «Подъем», «Обед», «Отбой». Звучали строевые песни и слышен на плацу, за забором, печатный шаг многочисленных солдатских сапог. Ежедневно по вечерам работал местный радиоузел и из воинской части мощный динамик транслировал на жилой городок новости и передачи радио «Маяк». Территория танковой «учебки» была буквально вылизана, деревья пострижены, бордюры побелены. Как и полагается, все в соответствии с требованиями общевоинских уставов, армейского распорядка дня, поддержания чистоты и порядка на закрепленной за подразделениями территории.

Справа от дороги находился жилой городок с домами офицерского состава, где проживали семьи военнослужащих, начальной школой, детским садом, магазином на первом этаже двухэтажного жилого дома и угольной котельной. Это уже позже, за тридцать лет развития и строительства военный городок прирастал всей необходимой инфраструктурой. Появились офицерская столовая с кулинарией, комбинат бытового обслуживания со всем комплексом услуг, современный универмаг и школа-десятилетка. Построено более десяти пятиэтажных жилых домов с новой котельной, проведен в дома централизованно газ. Количество многоэтажных жилых домов по улице Советской достигло тридцати четырех. У каждого дома, вдоль пешеходных дорожек, ровные ряды посаженных тополей и кругом клумбы, с огромным разнообразием садовых цветов. Лавочки у подъездов, детские городки с песочницами и качелями, теннисные столы для молодежи во дворах, волейбольные площадки, хоккейная коробка и футбольное поле.

Когда же мы приехали из Вентспилса, в 1960 году, в городке было всего шесть двухэтажных домов 50-х годов постройки, трехэтажный дом командного состава, гостиница барабанного типа под названием «Зеленый змий», котельная на угле и полтора десятка финских домиков с печным отоплением, где со своим натуральным хозяйством проживали сверхсрочники-старшины. И все это «жилое богатство» расположилось среди раскидистых, пахнущих свежей смолой и морской свежестью взрослых прибалтийских сосен.

Вокруг жилого городка грибной, ягодный и ореховый смешанный лес. Мне кажется, что и сегодня нашел бы те места, где растет малина, где земляника, где черника,

а где брусличные поляны. Многочисленные кусты барбариса и можжевельника заполонили лес рядом с жилыми домами. Знали мы куда, в какое время и место пойти за подосиновиками, лисичками, маслятами, белыми грибами и даже желтыми груздями, не говоря уже о груздях белых, черных, волнушках и опятах.

А после крутого спуска, среди густо растущего орешника-лещины, внизу от домов, за хозяйственными сараиами и гаражами, протекает красивая речка с латышским названием Берзе (береза). Здесь жители военного городка отдыхали, загорали, купались, ловили рыбу в летние погожие дни. Она то быстра и бурлива на каменистых порогах, с вездесущими гольянами и пескарями, то превращается в смиренную, умиротворенную, с тихим и плавным течением, с плавно качающимися на дне густыми лохмами изумрудной тины. Огромные гладкие валуны, принесенные сюда когда-то ледником, омываемые речной водой, лежат в реке, как исполины, с нагретыми летним солнцем гранитными спинами и боками. И тихие затоны-лягушатники, где ребятней мы учились плавать и прыгали с «тарзанок» в прохладную, пахнущую речной свежестью воду.

Вся эта водная идиллия и ее природное спокойствие было укрыто своеобразным зеленым шатром-коридором из черемухи, густо растущей вдоль берегов речки. Её белоснежное цветение в конце апреля — начале мая расплывалось ароматным эфиром по вечернему городку. А летом мы, как обезьяны, лазали по стволам и веткам этих черемух, и рвали черные, сладкие и сильно вяжущие рот спелые ягоды с мелкими косточками, от которых наши зубы и губы были иссиня-черными. И бесконечная сеть протоптаных тропинок, сбегающих от городка вниз к реке, сливающихся внизу в одну главную и широкую тропу, протянувшуюся вдоль берега речки на протяжении всего городка.

Моста в районе городка через речку не было. Его заменяли несколько переходов-перекладов, ежегодно оборудуемых из поваленных ветром сосновых стволов. В лучшем случае, эти переходы оборудовались толстой проволокой, протянутой от берега к берегу в виде своеобразного поручня. Без этого поручня, стоя на круглом бревне, засмотрись на быстрое течение реки под собой и гарантировано несанкционированное купание. Что у нас часто и происходило. Мощь воды весеннего половодья и плывущие льдины срывали бревна-переклады с места и уносили их вниз по течению. К лету возводились новые переходы.

За рекой снова грибной лес, уходящий на возвышенность, с зарослями малины, ландышами, шиповником, барбарисом и лесным щавелем, чистым, широколистным и сочным. Далее защитная сосновая лесопосадка, растянувшаяся вдоль железной дороги-однопутки, буквально утыканная блестящими шляпками маслят, торчащих впремешку с земляничными кустами с редкими, но крупными и ароматными ягодами, уцелевшими в тени молодых сосенок после богатого июньского урожая земляники.

И, главная цель наших детских похождений за реку,— железная дорога, соединяющая столицу Латвии город Ригу и балтийский город-порт Лиепая. Пролегала «железка», как мы ее называли, в полутора-двух километрах параллельно одноименному шоссе, проходящему через наш военный городок. Была она без электрической тяги и с редким движением поездов. За сутки проходило два пассажирских поезда в Вентспилс и Лиепаю с 6–8 вагонами в составе и несколько товарняков, в основном с углем и нефтеналивными цистернами. Тепловозов я не помню. Локомотивами были черные паровозы с яркой красной звездой впереди. Стук колес и гул проходящих составов всегда был слышен в городке, особенно в ночной тишине.

Чем же нас, мальчишек, тянула, как магнитом, эта железная дорога?

Конечно, интересно было выйти на пути, увидеть вдалеке грозно надвигающийся на тебя и дымящий трубой монстр-паровоз. Потом посмотреть со стороны, вживую, на пролетающую рядом с тобой пыхтящую и грохочущую машину. И считать, кто быстрее, количество мелькающих перед глазами вагонов. Непременно выскочить сразу за прошедшим последним вагоном на пути, чтобы прильнуть к рельсу и послушать стук уходящего вдаль состава. Нравился нам специфический запах, исходящий от пропитанных креозотом и прогретых на солнце деревянных шпал. И помечтать, что скоро у отца будет отпуск и я также, на поезде, поеду в качающемся вагоне, да на верхней полке, у открытого окна и буду смотреть на проплывающие незнакомые места и природу, пока не усну под мерный перестук колес.

А еще, с помощью проходящего мимо железнодорожного состава, мы делали медальоны. Укладывали на рельсы монеты в три, две или одну копейки, которые под колесами проходящего поезда становились ровными кружочками желтого металла. Оставалось их отыскать на путях и отполировать до зеркального состояния, просверлить дырочку, пропустить веревочку или цепочку, и медальон готов. Хочешь — носи, хочешь — обменяй на еще какую-нибудь ценную вещицу, в нашем детском понимании. Пока ждали прохождения «ювелирного» поезда, собирали полевую дикую клубнику, сладкую и ароматную, сплошь покрывавшую травянистые откосы насыпи вдоль железной дороги. В случае непредвиденно нагрянувшего дождя, прятались, как в шалаше, в средине густых еловых посадок по другую сторону железнодорожного пути, защищающих зимой дорогу от снежных заносов со стороны открытого поля.

Прошагав по шпалам пару километров в сторону Лиепаи, мы добирались до железнодорожного разъезда с наименованием Гардене. Здесь, среди леса, располагалась база разгрузки и хранения ГСМ танковой дивизии, лежали горы выгруженного угля для котельных городка, и в тупике стояли несколько вагонов, искусно закамуфлированных под пассажирские, предназначенных для перевозки боезапаса ракет Добельского ракетного полка.

Но для нас главным были не эти достопримечательности. Здесь мы непосредственно соприкасались с историей и занимались археологическими раскопками. В годы Великой Отечественной войны через Гардене проходила линия обороны «Курляндского котла», где фашисты, прижатые советскими войсками к Балтийскому морю, вплоть до капитуляции Германии в мае 1945 года, упорно сопротивлялись и не хотели сдаваться. А наши войска не могли их выбить. Так и стояли ожесточенным противостоянием друг перед другом: линия немецких траншей, блиндажей и окопов, а через несколько, не сотен, а десятков метров, такие же укрепления наших войск. Весь лес изрыт траншеями, огневыми гнездами, воронками, осколками и ржавыми, искореженными останками оружия и шанцевого инструмента. После окончания войны прошло всего-то двадцать пять лет.

И мы рылись в этих окопах. Копали в безмерном количестве патроны и боевые гранаты, оперения минометных снарядов, каски, фляги, термоса, саперные лопатки, ложки, котелки, бляхи поясных ремней со звездой и рядом с немецким орлом и фашистской свастикой, и другие, сохранившиеся предметы солдатского окопного быта. Надо отметить, что немецкая крупновская сталь была лучше нашей. Гитлер качественно подготовился к войне. Все, что мы находили в наших окопах, было ржавым и полусгнившим от сырой земли, за исключением патронов от автомата ППШ. Все, что найдено с немецкой стороны обороны, находилось в хорошем состоянии, без ржавчины, готовое хоть сейчас к применению.

Выкопанные патроны разбирались, порох ссыпался в трехлитровые банки, а найденное стрелковое оружие надёжно пряталось от родителей в укромные места. Каково же было удивление моего отца, когда из-под своей кровати он извлек две трехлитровые банки с порохом. В прямом смысле спал на пороховой бочке. А позже, в подвале нашего жилого дома, из сарайчика для дров, извлек из моего тайника немецкий пулемёт с раструбом-пламегасителем и решётками охлаждения ствола, выкопанный в лесу у Гардене.

Перед городком, по шоссе, идущему из районного центра города Добеле, глубокий песчаный карьер, разработанный в конце 60-х — начале 70-х годов при строительстве объектов учебной дивизии танкистов и дальнейшем строительстве и благоустройстве жилого городка. Поначалу мы там играли в ковбоев и индейцев. Гоняли ласточек, нарывших тысячами норок-гнёзд на обрывистых песчаных склонах. А когда, со временем, крутые песчаные склоны стали более пологими, всем городком катались с горы на лыжах и санках. Летом в оврагах за карьером собирали красную смородину и поднимались на старинное городище, утопающее в вековых каштанах и кленах, с развалинами старинной часовни на вершине и древним заброшенным кладбищем с замшелыми надгробными плитами и истертymi временем, еле читаемыми готическими надписями о захороненных здесь когда-то людях.

И еще одна достопримечательность детства — танковый полигон. Здесь ежедневно тяжелые боевые машины утюжили глину и песок, преодолевая полосы препятствий и водные преграды, где все ухало от холостых пушечных выстрелов, трещало пулеметными и автоматными очередями, взрывалось учебными минами и даже учебными ядерными взрывами-грибами. Без нас, городковских мальчишек, эти учения, безусловно, никак не могли обходиться. Насмотревшись учебных боев, с полей тактических учений мы возвращались с карманами, набитыми гильзами. Особую ценность для нас представляли гильзы от крупнокалиберного пулемета. Но о гильзах чуть позже.

В дни мирного спокойствия от войсковых учений, с удочками и молочными бидонами мы мчались снова на полигон. Там было три заветных, небольших по размерам, безымянных озера. Одно чисто щучье, на танкодроме, рядом с домиком танкистов. Второе с обыкновенным, серебряным карасем. А в третьем обитали красные, т.е. золотые, жирные, крепкие телом, красавцы караси. И без богатого улова мы с этих озер никогда не возвращались. Принести домой бидончик, битком набитый карасями или щуками на кукане, было нормой жизни.

Вот в таком чудо-уголке Латвии прошли семнадцать лет моего детства, о чем и пойдет речь дальше.

Глава 4

«РАКЕТНОЕ» ДЕТСТВО

Добельский 867-й инженерный полк с сентября 1959 года формировался на основе частей Дальней и фронтовой авиации. А с начала 1960 года, уже как ракетный полк — на базе 156-го расформированного механизированного полка 51-й механизированной дивизии Прибалтийского военного округа. Именно того полка в городе Вентспилсе, где служил отец и откуда он был направлен для дальнейшего прохождения службы в город Добеле.

В октябре 1961 года Директивой начальника штаба Вооруженных Сил СССР, по решению Военного Совета РВСН, с целью сохранения боевых традиций Шяуляйской 29-й ракетной дивизии, по преемственности, было передано Боевое гвардейское знамя 51-й гвардейской стрелковой дивизии. С этого времени дивизия получила наименование — 29-я гвардейская ракетная Витебская ордена Ленина Краснознаменная дивизия. Всему личному составу дивизии были вручены знаки «Гвардия», а в удостоверения личности офицеров записано звание с приставкой «Гвардии...».

Полное наименование полка — 867-й гвардейский ракетный Полоцкий ордена Кутузова 3-й степени полк (войсковая часть 23460). Место постоянной дислокации — город Добеле Латвийской ССР. Первый командир полка подполковник В. Д. КОРУНЧИКОВ. К 10 января 1960 года полк в составе двух наземных дивизионов был в основном укомплектован личным составом и с получением наземного оборудования приступил к освоению ракетного комплекса с ракетой Р-12.

В полку отец был назначен на должность начальника 1-го отделения (наводчики) 1-й стартовой батареи 1-го ракетного дивизиона. Думал ли он в далеком 1960 году, что почти через четверть века, в 1982 году, в составе Государственной комиссии, в звании гвардии подполковника и должности секретаря партийной комиссии политотдела Шяуляйской ракетной дивизии, будет снимать с боевого дежурства свой родной ракетный полк, ветераном которого к тому времени являлся.

В полку отец прослужил семнадцать лет, с 1960 по 1977 годы. За этот период в части поменялось пять командиров. В 1960–1961 годах первым командиром полка, как я уже

упоминал, был подполковник КОРУНЧИКОВ Василий Дмитриевич. В 1961–1965 годах полком командовал полковник ДАНИЛЬЧЕНКО Михаил Платонович. В 1965–1968 годы — полковник ОРЕХОВ Леонид Васильевич. В 1968–1974 годы — полковник ГАНИН Всеволод Андреевич. С 1974 по 1977 годы — подполковник КРАСНОВ Анатолий Дмитриевич. Отец за это время от лейтенанта, начальника 1-го отделения, дослужился до воинского звания «майор» и должности секретаря партийного комитета ракетного полка. В 1977 году, в порядке повышения по службе, отца перевели в политотдел 29-й ракетной дивизии в литовский город Шяуляй.

Ракетные дивизионы полка были спрятаны от глаз мирного населения в латвийских и литовских лесах близ населенных пунктов Тервете, Жагаре и Элея, на расстоянии от 25 до 45 километров от зимних квартир военного городка Добеле-2, где проживали семьи ракетчиков. В целях соблюдения секретности о принадлежности расположенной ракетной части, с самого начала и до 70-х годов, в полку была введена авиационная форма одежды. На мой вопрос к отцу, правда ли, что он лётчик, он утвердительно отвечал и добавлял: «Лётчик, но только подпрыгивающий».

Имеющийся жилой фонд городка был в распоряжении танкистов. Поэтому, на момент формирования ракетного полка, величайшей проблемой было обеспечение жильем ракетчиков. Расселяли, где придется: в казарме, в клубе, в бараке с названием «Зеленый змий», в гостинице и даже в бывшем овощехранилище. Отцу несказанно повезло. Он, как семейный и с маленьким ребенком, получил отдельную комнатку в трехкомнатной квартире-коммуналке в доме старой постройки, в которой проживала семья офицера-танкиста Ивана Романовича АННЕНКОВА с женой Галиной Геннадьевной и двумя сыновьями-мальчишками. Так мой ровесник Лешка АННЕНКОВ стал первым моим другом детства. Сегодня он артист одного из московских театров, снимается в кино, живет в Москве, а я от него в двадцати километрах в Подмосковной Власихе. Но встречи у нас, с того далекого детства, к великому сожалению, пока так и не состоялись. Все какие-то причины, обиодная занятость и проблемы. Или стареем, или жизненные ценности поменялись. Вижу его изредка в кинофильмах по телевизору, в которых он почему-то играет только негативные персонажи.

Мне было два года, а в памяти остались чистенькая и светлая угловая комната на втором этаже, с двумя окнами и высоким потолком, общая кухня с керогазами и длинный коридор с одежными вешалками, ванной и туалетом. По этому коридору мы с соседом Лешкой АННЕНКОВЫМ вольготно бегали и катались на трехколесном велосипеде. Помню, как мама моет полы, а я на кровати с большим гутперчевым голышом-куклой: руки, ноги, голова на резинке и по имени Петя. Но у меня он был почему-то «Птептя». До сих пор ощущаю специфический запах тускло освещенного подъезда с деревянными подставками для чистки армейских сапог и слышу скрип старых широких деревянных ступеней лестницы с массивными перилами, ведущих на

второй этаж к нашей квартире. Помню отца в летной фуражке и шинели, с чемоданом у порога, уезжающего на три месяца на учебно-боевые пуски ракет на полигон в Капустин Яр, обнимающего маму. И помню себя, державшегося за подол маминого ситцевого черного платья в белый горошек.

В начале 60-х годов для семей ракетчиков было развернуто строительство трехэтажных малогабаритных двухподъездных домов, так называемых «хрущёвок». Великим счастьем стал переезд нашей семьи в новый дом, в однокомнатную, пусть и на первом этаже, но отдельную свою квартиру! В нашу бывшую комнату в коммуналке вселился сослуживец отца лейтенант ДУБРОВИН Геннадий Федорович с женой Галиной Илларионновной. Они сегодня, как и я, живут во Власихе. Эти добрые люди сделали много добрых дел в поддержке моей семьи. О них я остановлюсь чуть ниже, в главе о службе во Власихе.

На кухне стоял титан с топкой на дровах для нагрева воды для ванной. Хотя самой ванны почему-то не было. Кран-смеситель с душем и все. Поэтому купили самое большое оцинкованное корыто, в котором мы и мылись. Плиту на дровах заменил коптящий керогаз, с которым мама обычно мучилась при его эксплуатации. Он, то сильно чадил, то самовозгорался бачек с керосином.

Родители купили круглый стол с венскими стульями, вокруг которого я бегал, радуясь обновке, споткнулся и шарахнулся лбом об угол железной родительской кровати. Не плакал, орал. Отец меня в охапку и в медсанчасть к танкистам. Рану зашили, а шрам на лбу остался, и сейчас показать могу.

С покупкой в 1962 году первого черно-белого телевизора «Рекорд», жизнь в квартире оживилась. Не в каждой семье было это чудо техники и научно-технического прогресса. То одна, то другая молодая семья офицеров-сослуживцев отца приходили на просмотр телепередач к нам в гости. Так мои родители подружились с семьей ПУСТОВАЛОВЫХ. Евгений Михайлович служил вместе с отцом в одном дивизионе. Отец его за высокий рост называл «Каланчой». Тот тоже не отставал в красноречии и называл отца «Шнурком», намекая на его худобу и на то, что отец ранее был артиллеристом-зенитчиком. Артиллеристы, чтобы произвести выстрел из пушки, дергали за шнурок. А жена дяди Жени — Антонина Васильевна, для меня она и сегодня тетя Тоня, пока не работала и присматривала за мной. Тогда об устройстве в детский сад и речи не велось. Отец далеко, на службе. Мама устроилась на работу руководителем хора в солдатский клуб и одновременно учителем пения в начальной школе. Оставлять меня одного было опасно. Я почему-то очень любил спички. Не только поджигал их, но и сгрывал с них серные головки. Кто-то ел мел, а я серу. Вот тетя Тоня, пока у них не появилась своя «лялька» — дочь Светлана, была моей заботливой нянькой.

До её прихода я сидел в закрытой квартире, ключ под половиком, у открытого окна и развлекал гурьбу сверстников, облепивших лавочку под окном. Покорял их

своим «исполнительским мастерством» начинающего гармониста. Вместо красивой, управляемой по проводкам машинки, которую я выпрашивал у родителей купить в добельском магазине «Детский мир», вопреки моим желаниям, они приобрели мне маленький детский, но настоящий зеленый перламутровый аккордеон. Отец, не обладая никаким музыкальным образованием, умудрился научить меня играть на кнопочных басах «Подгорную» и «Частушки». Вот я и «докладывал» из окна сверстникам свои первые музыкальные познания, с упоением, на весь двор, распевая частушки типа «Сидит кошка на окошке, к ней подходит бригадир, иди кошка на работу, а то хлеба не дадим...».

В холодное время года или в непогоду тётя Тоня забирала меня к себе домой. ПУСТОВАЛОВЫ тогда жили в однокомнатной квартире в первом подъезде на третьем этаже в доме № 14, где первый этаж занимали кулинария и офицерская столовая. Соседями у них была семья главного инженера РТБ В.П. ВИНОКУРОВА. Бывало, родители задерживались на работе, а Евгений Михайлович приезжал со службы чуть пораньше отца. Он первым делом, не переодеваясь из полевой формы «ПШ» в домашнее, садился на кухне читать газеты, дымя папиросой «Беломорканал». Ему тоже приходилось развлекать меня. А развлечением было наблюдать, как дядя Женя, по моей просьбе, папиросой медленно прожигает поля газетной бумаги. К приходу моих родителей много было прожжено таких дырок в газетах «Правда», «За Родину» и «Красная Звезда».

Часто с тётей Тоней ходили мы на прогулку в лес за грибами. И, когда в лесу, не подалеку от нас, появлялся мужчина-грибник, в целях безопасности она важно звала: «То-о-ля!». Вроде, как зовет мужа. Мол, чужак не подходи. А из кустов семенил защитник «от горшка два вершка» трехлетний Толя, с прутиком в руке.

Отец, как и все офицеры ракетного полка, постоянно пропадали на службе. В 7 утра уезжали. В 20 часов, а то и намного позже, возвращались. Но я всегда ощущал на себе его постоянное внимание, отеческую заботу и любовь. Не было дня, чтобы он не привез или не передал через сослуживцев мне со службы какие-нибудь гостинцы. То у него «лисичка тебе передала из леса букет спелой земляники на кустиках». В следующий раз «белочка передала пакет лесных орехов» и т.п. Все, чем был богат лес в расположении ракетной части, передавалось мне от мишек, лисичек, белочек, зайчиков и прочих лесных обитателей. И я по-детски, искренне этому верил.

К гостинцам из леса всегда прилагалась плиточка шоколада «Гвардейский». Ракетчики тогда питались по лётной норме, в состав которой входил и шоколад. Отец сам не ел, привозил мне. Возвращение отца со службы всегда для меня был праздником. Поэтому каждый вечер, если отец не находился на боевом дежурстве, я с нетерпением ждал его у дороги, когда же появится колонна машин ЗИЛ-157 с КУНГами (будками с маленькими окошками), в которых тогда перевозили офицеров полка. Автобусов пока не было. Номера машин, привозящих домой наших отцов, мы мальчишками знали

наизусть. Если буквы после цифр номера были «ИХ», «НШ» или «НР», значит наши, т.е. ракетчики. Если «ЭЛ», это значит «эловцы». Мы не знали, кто такие «эловцы», а это были машины РТБ, но на этих машинах наши отцы никогда со службы не возвращались. Значит не наши. И всегда возникал вопрос, почему на ГАЗ-69 командира полка ГАНИНА номер машины 69-47 заканчивался буквами «ДФ». Так он наш или не наш?

В редкие выходные отец таскал меня за собой везде и всюду. Сам пилил и колол дрова для титана и я с ним. Вместе переносили и укладывали дрова в поленницу в сарай. Идет по делам в солдатский клуб, автопарк или солдатскую казарму на зимних квартирах, и я с ним. Едет на хутор покупать картошку друзьям — офицерским семьям на зиму, и я с ним, в кабине военного грузовика. А как же. Можно будет посидеть на месте водителя, покрутить барабанку, пока загружают мешки. В лес за грибами вместе. За карасями на озеро вместе. На выборы идти голосовать тоже вместе. С выборов я никогда без апельсинов не возвращался, этот фрукт всегда был дефицитом того времени. Даже в буфет офицерской столовой, куда отец иногда в выходной день заходил выпить кружку пива, тоже вместе. Без лимонада и шоколадки не оставался и я. Вместе выкопали в лесу и посадили под своими окнами две маленькие, с метр ростом, березки. Одна стройная ровненькая. Другая берёзка несколько корявая, но кудрявая. Уезжая в 1976 году из городка, я подходил к этим березкам у нашей бывшей квартиры № 1 в доме № 12 на улице Советской. Дом, в три этажа, теперь для них был маленьким. Какие они сейчас, русские красавицы? Ведь прошло более сорока лет.

Так получилось, что «стратегическим ракетчиком» я стал в четыре года. Мама заболела, ей сделали операцию, и она долгое время лежала в больнице. Днем приходила тётя Тоня. Вечером отец готовил мужской ужин — свое фирменное блюдо — тушеную в жаровне картошку с мясом и кольцами репчатого лука, в соусе. Я ему обязательно помогал, неумело орудуя безопасной металлической картофелечисткой. Нож мне отец пока не доверял. Проходит день-другой, отцу заступать на боевое дежурство на две недели, а мама все в больнице. Это сейчас можно взять больничный лист и сидеть с ребёнком дома что матери, что отцу. Боевое дежурство дело святое, и семья у ракетчиков была на втором месте. С этим было очень строго. Сына-то куда девать?

И отец принял командирское решение — заступить на боевое дежурство вместе со мной. Чего категорически делать было запрещено, но деваться ему было некуда. Поэтому прятали меня от глаз командования части и дивизиона всей дежурной сменой. Спал в казарме, ел из солдатского котла. Пока отец на стартовой позиции, я временно прикреплен к солдату из кухонного наряда. Вечерами смотрел телевизор с офицерами в комнате отдыха дежурной смены. А еще сидел в кабине огромного установщика ракеты, обслуживаемого личным составом отделения, которым командовал отец. И, конечно же, походы за ягодами и грибами. Этого добра, неподалеку от зеленых деревянных сборно-щитовых казарм, было видимо-невидимо. Так в 1962 году прошло мое

первое «боевое крещение», как стратегического ракетчика, в составе боевой дежурной смены пуска 1-го отделения, 1-й стартовой батареи, 1-го ракетного дивизиона 867-го ракетного полка.

Примерный случай повторился через пару лет позже. Только теперь мне пришлось стать участником тактико-специального учения с выходом ракетного дивизиона в ЗПР (запасной позиционный район) в лес, в районе населенного пункта Гардене.

В целях скрытности передвижения колонн тяжелой боевой техники и транспортировки ракет из пункта постоянной дислокации полка за 25–40 километров в учебный полевой район, марш всегда проводился только ночью. Маршрут пролегал через наш городок по шоссе Рига-Лиепая. И вся эта мощь, ревя моторами, длинными организованными вереницами, с определенным интервалом по времени, проплыvalа рядом с нашим домом. Сначала легкие машины, т.е. ГАЗ-63, ЗИЛ-157 с КУНГами и дизельэлектростанциями. Потом огромные монстры — ракетные установщики МАЗ. За ними КрАЗы-214, с прицепленными к ним тяжелыми бочками-цистернами с компонентами ракетного топлива; и длинные транспортные тележки, с зачехленными в гермоупорку, ракетами. Как их называли ракетчики, «изделиями». А для конспирации — «карандашами». Мы стояли с отцом на улице у дома и провожали взглядом это военное действие. Отец, одетый в меховую черную техническую куртку и брюки, что-то про себя считал, смотрел на часы. Наконец сказал, что все проехали, пошли спать. Меня уложил в постель, а когда я заснул, уехал вслед за прошедшей колонной.

Утром отец уже был рядом со мной, в той же куртке, пропахшей бензином и сигаретным дымом, и сказал: «Поехали, ракетчик, я тебе ракету покажу». В течение истекшей ночи ракетчики «воевали», выполняя поставленные учебно-боевые задачи. А утром, когда наступило затишье, «проверяющие» из штаба уехали и личный состав отдыхал, отец вернулся в городок за группой солдат, почтой и свежими газетами и забрал меня с собой. Моей радости прокатиться вместе с отцом в кабине мощного КрАЗа, не было предела. Проехав несколько километров по шоссе, мы свернули направо в лес. Миновав шлагбаумы и посты охраны, мы подъехали к палаткам и, невдалеке, на лесной опушке, я впервые увидел настоящую боевую ракету. Темно-зеленая, стройная, высокая, с головной частью, как остро заточенный карандаш (не зря её ракетчики называли «карандашом»), она грозно стояла на пусковом столе, гордо возносясь над кронами не менее высоких сосен и елей. А в ясном мирном небе плыли обрывки невесомых белых облаков...

Мама Валя, как человек творческий, музыкальный работник, еще до покупки мне детского аккордеона, это уже было следствием, обнаружила, что сын обладает музыкальным слухом и ритмикой. Первая песня, которая при детской памяти запала мне в душу своей мелодией, и я её запел, выступившая ложкой по столу, была песня из кинофильма «Путь к причалу». Родители взяли меня в клуб на вечерний киносеанс, а по возвращению домой я им эту песню и выдал: «Уйди с дороги — такой закон, третий

должен уйти...». И мама начала со мной серьезно заниматься музыкой, вынашивая мечту отдать меня учиться в музыкальную школу.

Летом из Термеза, что в Узбекистане, приезжала в гости, а больше посидеть со мной, бабуля Нина, папина мама. Человек она была веселый, энергичный, даже боевой. С ней скучать не приходилось. Так вот, сажала она меня себе на плечи и я, как всадник на боевом коне, запевал: «Путь далек у нас тобою, веселей солдат гляди! Въёться-въёться знамя полковое, командиры впереди, солдаты в путь, в путь, в путь... А для тебя, родная, пусть почта полевая...». Так и ездил по городку верхом на бабуле, пока запас моих песен не иссякал. Прохожие, по выражению артиста юмористического жанра Игоря МАМЕНКО, неистовствовали.

Моя мама по астрологическому гороскопу «Овен». В полной мере соответствуя этому знаку Зодиака, мама, если что-то задумала, она это задуманное обязательно осуществит. И по жизни примеров привести можно великое множество. Я же продолжаю рассказ о музыке и развитию музыкальных способностей.

Обнаружив у меня задатки музыкального слуха и ритма, мама решила, что без музыкального инструмента эти способности дальше развивать просто не возможно. Инструмент должен постоянно быть в квартире. Тем более, ей, как музыкальному работнику, он тоже бы не помешал. Решительно сняла со сберкнижки деньги, поехала в город, купила музыкальный инструмент, организовала его доставку и разгрузку и установила в нашей маленькой однокомнатной квартирке. Это была мамина мечта — пианино, новенькое, черное, сверкающее свежим лаком, с золотыми буквами на крышке, с названием «Беларусь». Купила, но не посоветовалась с отцом.

Папа, уставший от двухнедельного дежурства, приезжает домой, открывает дверь, а тут песни жены и сына под звуки пианино «Жили у бабуси два весёлых гуся...». Мягко говоря, отец не понял самостоятельного маминого решения в приобретении такой дорогостоящей вещицы...

Не знаю, чем бы все закончилось, если бы не командир батареи ТАРАБАН Георгий Степанович, офицер-фронтовик, живущий на одной лестничной клетке с нами. Услышав шум семейного скандала четы ЕРЕМЕЕВЫХ, он прибежал вместе со своей женой успокаивать своего же подчиненного и не в меру разбушевавшегося офицера. И, если бы не отобрал у отца топор, с которым тот гонялся за мамой вокруг все того же злополучного круглого стола с венскими стульями и всерьез собирался разрубить на части новенькое пианино, отец бы его разрубил. Я его характер знаю.

Мама все равно добилась своего. Спасибо ей и комбату ТАРАБАНУ Г.С., что дали возможность мне и через несколько лет после меня моей родной сестре Лене, обучаясь игре на этом, спасенном от отцовского топора пианино, пройти полный курс 7-летней Детской музыкальной школы по классу «фортепиано». Я окончил музыкальную школу в Добеле, в Латвии, а Лена в Шяуляе, в Литве. Вручение аттестатов о начальном

музыкальном образовании происходило уже при полном взаимном родительском согласии и понимании важности музыкального искусства в жизни семьи и общества в целом. Причем, папина радость и его положительные эмоции от музыкальных успехов своих детей даже перехлестывали радость мамину.

Впоследствии отец всегда с удовольствием слушал, особенно при гостях, нашу с сестрой фортепианную игру и подпевал нашему семейному трио, исполняющему во главе с мамой, на голоса, русские народные песни, такие, как «В темном лесе», «По Дону гуляет казак молодой», «Во — кузнице» и т.д. «Цыганочку» с выходом по просьбе отца исполняли по два, а то и по три раза. Я играл, Лена танцевала. Отец всегда посещал концерты, где мы принимали участие, как исполнители, и радовался нашим с сестрой успехам на музыкальном поприще. И такое бывает в семейной жизни.

В службе отца тоже бывало всякое. Был случай, о котором вспоминают ветераны ракетного полка. Во время занятия на стартовой позиции, по вине номера расчета, была согнута стрела ракетного установщика в месте упора. Стартовая батарея стояла на боевом дежурстве. Это ЧП (чрезвычайное происшествие)! Начальник 1-го отделения ЕРЕМЕЕВ А.С. отвечает головой за вверенный ему личный состав и боеготовое состояние ракетной техники. Отец очень переживал за этот неприятный случай. Над ним подтрунивали офицеры из других батарей, мол, надо же умудриться такую стрелу-махину согнуть. Командование полка из создавшегося положения, конечно, вышло. Пригнали новый установщик из военной школы младших специалистов (вшмс), а выведенный из строя поставили в бокс, для окончательного решения о его ремонте. Через два месяца было получено распоряжение на отправку агрегата в ремонт на завод-изготовитель. Железнодорожная платформа под погрузку была подана на станцию Гардене, в 40 километрах от дивизиона, где находилась поврежденная боевая техника.

Установщик погнали на станцию погрузки в Гардене. Отец с водителем в кабине МАЗа. Путь на станцию пролегал через деревянный мост. И, как только огромное колесо МАЗа стало на первый пролет моста, оно провалилось, и установщик сильно наклонился. Хорошо не опрокинулся, последствия были бы плачевые. Водитель выключил двигатель и вместе с отцом они вдвоем осторожно покинули кабину установщика. Сами бы с такой машиной не справились. Выручили офицеры-танкисты, прибывшие на танковых тягачах. К вечеру установщик был закреплен на платформе и сдан дежурной по станции. А в ближайшую субботу ракетчики отблагодарили танкистов за оказанную помощь и содружество видов и родов войск в городе Добеле, в кафе под липами.

Но это ещё не всё. Чувство юмора отец не потерял. Маме он сказал, что теперь в течение двадцати лет будет ежемесячно выплачивать государству по 25 рублей за согнутую стрелу установщика. Она ему поверила. Так Анатолий Степанович ЕРЕМЕЕВ обеспечил себе ежемесячную заначку на оставшиеся годы службы в Ракетных войсках стратегического назначения.

За годы службы в полку отец три раза: в 1963, 1969 и 1970 годах выезжал на учебно-боевые пуски ракет в Астраханские степи на 4-й ГЦМП (Государственный центральный межвидовой полигон) в Капустин Яр. Каждый выезд — это три месяца напряженного ратного труда ракетчиков в суровых климатических условиях, и, одновременно, три месяца томительного ожидания мужей и отцов их семьями, оставшимися в военном городке Добеле-2.

Площадка № 70, куда направлялись на пуски ракет дивизионы, была самой дальней, в 70 километрах от главного военного городка полигона, так называемой «десятки». Кругом необъятная выжженная солончаковая степь с сусликами и седыми степными орланами, важно сидящими на телеграфных столбах с открытыми от жары клювами. Вода была привозная. Кормились в столовой в несколько смен из солдатского котла. Летом палящий зной и солнце, от которого нигде не укрыться. Мошка забивала всё и всюду, не спасешься. Как себя чувствовали ракетчики, выполняющие при температуре под 40 градусов по Цельсию боевую задачу в противогазах и защитных прорезиненных костюмах Л-1? Зимой не лучше. На пронизывающем ветру и морозе промерзал металл, что уж говорить о живых людях, герметично закованных в резину! По этому поводу хорошо написал в своей бардовской песне офицер-ракетчик, участник пусков, дядя Женя БАХРЕВСКИЙ:

*Судьба забросила нас к черту на кулички,
Зимою стужа, летом лютый жар,
Но, что ж поделаешь, мы едем по привычке
В Капустин Яр, в Капустин Яр...*

И пуски ракет проводились в любых условиях обстановки, в основном, на «отлично» и «хорошо». Значит, полк готов к выполнению боевой задачи. Как говорят полк или дивизион «Боеготов!» А это уже высшая оценка для стратегических ракетчиков.

Через три месяца завершалась полигонная эпопея и воинский эшелон возвращал наших отцов домой. Боевая техника перегонялась на штатные места в пункты постоянной дислокации, личный состав в баню, в столовую и отдыхать в казармы. Только после этого, в КУНГах, загруженных огромными астраханскими сахарными арбузами, уставшие и счастливые офицеры возвращались к своим жёнам и детям. И если мы эти арбузы, хранящиеся в подвальных сараишках наших «хрущевок», вплоть до Нового года.

Будучи старшим офицером Управления по работе с личным составом РВСН, я дважды в 1993 и в 1994 годах бывал на полигоне Капустин Яр в составе инспекторской группы. В это время на 70-й площадке уже не проводились пуски ракет. Там размещалась 161-я Школа техников, где учили и выпускали в Ракетные войска прaporщиков, механиков-водителей МАЗов для современных ракетных комплексов «Тополь».

Но старые двухэтажные казармы, высокие тополя вдоль пешеходных дорожек городка, посаженные в далекие 60-е годы первыми ракетчиками, кинотеатр «Суслик», экспозицию ракеты Р-12, как напоминание о проведенных здесь учебно-боевых пусках ракет, застал воочию. Я искренне проникся духом того времени и глубоким уважением к тяжелому ратному труду ракетчиков первого поколения, в число которых входил и мой отец ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович.

Отец всегда добросовестно относился к исполнению своих служебных обязанностей. Он был и требовательным командиром, и чутким, внимательным к проблемам подчиненных, офицером. Его природная деревенская простота и общительность, добродушный характер и умение повести за собой, организовать людей, как на работу, так и на активный коллективный отдых, были замечены командированием полка. И отца с командной должности — начальника отделения, назначают, а вернее сослуживцы его выдвигают на выборную должность секретаря партийного бюро дивизиона. Так отец в 1965 году переквалифицировался из командира в офицера-политработника.

20 января 1966 года наша семья пополнилась еще одним членом. В роддоме города Добеле у меня появилась сестричка. И назвали её Алёнкой. В соответствии с выданным Свидетельством о рождении — ЕРЕМЕЕВА Елена Анатольевна.

Накануне этого знаменательного семейного события командование выделило отцу двухкомнатную квартиру в той же «хрущёвке» дом № 12 по улице Советская, где мы и жили. Квартиру выезжающего командира батареи майора ТАРАБАН Г.С.. Переезд осуществлялся из одной двери в другую, на одной лестничной клетке первого этажа. Самой тяжелой вещью, как можно догадаться, было мамино черное пианино «Беларусь».

Рождение сестры во многом изменило уклад жизни нашей семьи, в том числе и моей личной. Все было подчинено этому родившемуся толстенькому чуду, ставшему сразу папиной любимицей. По очереди, одна сменяя другую, наезжали бабушки Нина и Дуня, помогать нянчить новорожденную внучку. Декретный отпуск по уходу за ребенком у мамы был коротким, и она вышла на работу. Внимание ко мне ослабло, а требований возросло. Ежедневные прогулки с коляской, походы и очереди за молоком в магазин. Посиди, присмотри, повесь, принеси и т.д. А улица и закадычные друзья-товарищи манили, ожидая моего освобождения от трудов праведных во благо правильного роста и воспитания моей маленькой сестренки.

Купили мне родители ко дню рождения новую черную шубу. Гостила у нас мамина мама — бабуля Евдокия Николаевна. Она и отправила меня снежным зимним днем погулять в этой шубе. В соседнем подъезде жил мой закадычный дружок Сашка ЕДАЛИН, сын начальника автомобильной службы и ВАИ полка. Просто так мы с ним гулять не умели. Руки так и чесались, нам нужно было что-нибудь полезное сотворить.

На этот раз мы оценили состояние фасада нашего дома и пришли к общему мнению, что он изрядно обшарпан, надо бы цоколь здания покрасить. Вход в подвал дома всегда был открыт. В подвале сарайчики по количеству квартир с дровами, запасами картошки, квашеной капусты, солений и всякой всячиной, в том числе и лакокрасочными материалами. Кто ищет, тот всегда найдет. Не прошло и десяти минут, как трехлитровая банка масляной краски светло синего цвета и две старые, но еще рабочие кисти были в наших руках. И работа закипела! Немного оставалось в банке краски, да и на цоколь всего дома нам бы её не хватило. Тем более, на шубе её тоже было больше, чем достаточно. Но вышла на прогулку с сестрой в коляске бабуля Дуня и наши малярные работы остановила. Ох, и получил я за новую шубу от бабули, а позже и от мамы. Хорошо отец на дежурстве был.

В следующий раз приехала бабуля Нина. Занимаясь домашними хлопотами, выдала она мне трехлитровый молочный бидон, 72 копейки и отправила в магазин за молоком, кашу для Лены нужно срочно варить. Разливное молоко тогда, если кто непомнит, стоило 24 копейки за литр. Привозили его в магазин в больших молочных бидонах, причем в определенное время и в ограниченном количестве. К этому определенному времени и отправила меня бабуля за тремя литрами молока.

У соседнего подъезда на лавочке скучал Сашка ЕДАЛИН. И мы пошли в магазин вдвоем. Если бы молоко привезли вовремя, то и нечего было рассказывать. А так, его еще не привезли. Хвост очереди в молочный отдел вылез на улицу. В фанерно-стеклянном ларьке для продажи мороженого, напротив магазина, прилавок закрыт. Зато в соседнем отделе, где продавали хлеб, конфеты, печенье и прочие кондитерские изделия, очереди почти не было. Стоять, ждать машину с молоком стало томно. И мы несколько изменили цель похода в магазин. Купили на все 72 копейки конфет «Ирис». Поделили сладкие квадратные подушечки поровну, рассовали по карманам и беззаботно пошли гулять...

В этот раз мне попало и от папы. В этот день он не дежурил и вечером приехал со службы домой. Бабуля Нина посетовала на меня за невыполненное поручение. И широкий офицерский ремень походил по моей тощей попе. Его воспитательное воздействие отбило у меня желание в дальнейшем тратить родительские деньги не по назначению и оставлять сестру без молочной трапезы. Как сейчас помню.

В квартирах ракетчиков висели радиоточки с целью централизованного оповещения офицеров для сбора по учебно-боевой тревоге. Ежедневно их работоспособность проверяли из радиоузла, установленного на коммутаторе связи «Дефис-2», расположенным на первом этаже офицерской гостиницы. В учебных целях этот динамик громким скрипучим голосом вещал так, что взрослый человек вздрогивал, не говоря о маленьких детях. Бабуля Дуня, дабы самой не пугаться и не разбудить спящую внучку Леночку, по простоте душевной, выводила ручку громкости динамика на «О». И так было до того момента, пока папа не услышал сигнала учебной тревоги. Если бы не

служебный телефон, установленный в квартире, то опоздал бы на общий сбор. Теперь, приезжая со службы по вечерам, отец первым делом проверял установку ручки регулятора громкости «ракетного вещунчика».

Санька ЧЕРНОВ, еще один мой друг детства, живший, как и Сашка ЕДАЛИН, в соседнем подъезде, навсегда уезжал из городка. Его отец закончил армейскую службу, загрузил вещи в контейнер и, убывая из городка, отдал мне стареньющую, замотанную алюминиевой проволокой, видавшую виды ручную ножовку. Раз есть инструмент, значит ему нужно применение. За домом, у шоссе, был лесок, где на веревках между деревьями хозяйки сушили постиранное белье. Среди сосен и густо растущих маленьких елочек проходила тропинка от КПП танкистов к офицерской столовой. Много бы напили еще молоденьких елочек у офицерской столовой этот лесоруб, если бы не офицеры-танкисты, идущие на обед, не отобрали «зубастый» подарок.

Где-то за полтора года до школы меня, наконец, определили в детский сад. Но не в военном городке, там по-прежнему мест не было, а в районном Добеле. Сад, как сад, ничего особенного. Две группы латышские и одна русская, которую мы с Лёшкой АННЕНКОВЫМ и посещали. Моей детсадовской воспитательницей была жена офицера-ракетчика ГРЯЗНОВА Г.П. Лидия, отчества уже не помню. К тому времени тётя Тоня ПУСТОВАЛОВА устроилась на работу в магазин «Детский мир» города Добеле, расположенный не так далеко от детского сада. Она и отвозила меня полусонного в сад, следуя по дороге на работу.

В саду запомнился детский спектакль по русской народной сказке «Репка», в котором я исполнял роль собачки Жучки. Не зря же родился в Год Собаки. На Новогодних утренниках в саду я был бессменным Буратино. Худенький. Ножки, ручки тоненькие. Лучшего персонажа на роль Буратино никого искать и не нужно. Для более яркого выражения художественного образа папа выпилил мне из тонкой фанеры золотой ключик, почти с меня ростом, покрашенный бронзовой пудрой на олифе. Длинный нос скручивался из рулонной бумаги для чистки оружия из ружейной комнаты стартовой батареи. Из картона kleились башмачки с загнутыми носами и шнурками из бумажного упаковочного шпагата. Колпак, шорты и красная тужурочка — это было дело рук маминых. Общими усилиями Буратино получался правдоподобный. Оставшиеся детские фотографии тому подтверждение.

Ещё детский сад запомнился нашими групповыми прогулками под руководством воспитателей в лесопарк «Кастермеж». Дорога среди леса, выложенная булыжником, по обочинам растут цветочки — голубые и белые лесные перелески. И огромная поляна у реки среди этого леса — Певческое поле. На большой поляне построена огромная летняя деревянная эстрада-ракушка для проведения очень почитаемого в Прибалтике «Праздника песни и танца», где в июне-июле выступали народные хоры и танцевальные коллективы, съезжающиеся со всей Латвии.

А еще помню, что за двухэтажным зданием детского сада была лужайка, усыпанная желтыми цветочками куриной слепоты и летающими, такими же желтыми, как цветы, бабочками-лимонницами. И маленький прудик с зелеными лягушками и болотной травой, источающей аптекарский, но приятный запах. Нас туда водили на прогулку. Шли колонной попарно, мальчик с девочкой, держась за руки. Впереди, как гусыня с гусятами, поблескивая строгими макаринскими очками, важно вышагивала наша воспитательница.

В сентябре 1966 года я пошел первый раз в первый класс. Причем одновременно сразу в две школы — среднюю общеобразовательную и музыкальную. И мое детство приняло еще более упорядоченный характер.

Первой моей классной руководительницей была ФИЛИМОНОВА, к сожалению, не помню имя и отчества, маленький был. Со второго класса классом руководила ЧЕБОТАРЬ Мария Филипповна, жена ракетчика. При ней нас принимали в пионеры. Не знаю, как кто, а я помню девиз нашего пионерского отряда: «Кто не горит, тот коптит. Да здравствует пламя жизни!». Эти крылатые слова принадлежат нашему земляку, герою Гражданской войны, писателю Аркадию Петровичу ГАЙДАРУ. Прошу не путать его с внуком Егором, «великим реформатором» и могильщиком достижений своего великого деда. В пятом классе нашей классной мамой стала ПЕТРИВСКАЯ Мария Антоновна. А через год, и до окончания восьмилетней школы, учитель физики Ида Григорьевна БУХ.

Первым, кто запомнился из одноклассников, был Сашка РАЗБОРОВ, толстенький, одетый с иголочки, оттуюженный и облизанный домашними мальчик. На большой перемене нас классом водили в школьную столовую и поили молоком со свежеиспеченной булочкой или пончиком с повидлом. А к Саньке ежедневно во время этой перемены приходила его бабуля со сверточком домашних пирожков и бутербродов, термосочком с какао и кормила внучка, в отрыве от одноклассников, в конце школьного коридора, на подоконнике. Мы над ним посмеивались, «маменькин сыночек». Уже позже, в старших классах Саша стал моим хорошим школьным товарищем и классным спортсменом. Он серьезно занимался тяжелой атлетикой.

Распорядок дня у меня был напряженным. С утра до обеда в общеобразовательной школе. После обеда поездка на рейсовом автобусе за пять километров в город Добеле, на занятия в музыкальную школу. По возвращении, естественно, учить уроки на другой день. Иногда удавалось часик погулять. И с нетерпением я ждал прихода субботы, когда после уроков на музыку не ехать. Значит, можно было запустить портфель в дальний угол комнаты и до вечера носиться по городку по своему усмотрению и интересам, пока голод и родители не загонят домой.

Из нашего класса только двое мальчишек учились в музыкальной школе. Я и мой школьный друг Юра АНУФРИЕНКО, сын начальника штаба ракетного полка,

участника Великой Отечественной войны, подполковника АНУФРИЕНКО Петра Михайловича. Сначала нас в город на занятия сопровождала мама Юры, Мария Никаноровна, старшая медсестра хирургического отделения лазарета танкистов. Потом родители согласовали с педагогами расписание занятий так, чтобы мы с ним одновременно попадали на индивидуальные занятия по фортепиано и групповые занятия по сольфеджио, музыкальной литературе и ансамблю. То есть вместе приезжали на музыкальные уроки и вместе уезжали домой.

Обстановка в музыкальной школе была сурово классическая, дисциплина была строгая, прибалтийская. От старого двухэтажного здания дооценной постройки, с туалетами «свободного падения» внутри, всегда веяло какой-то дальней латышской старины и чопорностью. В классах со стен всюду на тебя смотрели строгие лица великих композиторов Баха, Бетховена, Моцарта, Гайдна, Кабалевского, Свиридова, Чайковского и т.д. Даже директриса школы, добрая по существу, но строгая с виду латышка в годах, напоминала по своему облику композитора-классика Людвига Van Бетховена. В таких условиях не забалуешь. Шалопайство стало постепенно пропадать, а культурные ценности в течение семи лет обучения даже не прививаться, а насаждаться. И в этом воспитательном процессе музыкальной школе и коллективу её педагогов я очень благодарен. Всё, чему воспитывали и обучали учителя музыкальной школы, очень пригодилось в жизни.

Так, в течение шести лет, мы с Юрий АНУФРИЕНКО ежедневно учились в средней школе, вместе ездили в город в «музыкалку» и свободное время проводили тоже вместе. Музыкальные познания, приобретаемые в музыкальной школе, давали нам с Юрий некоторые поблажки. Мама, Валентина Николаевна ЕРЕМЕЕВА, преподавала у нас в начальной школе уроки пения, а сестра Лена в свои год-два в детский сад ещё не ходила. Те музыкальные азы, которые проходили по пению в средней школе, для нас с другом были давно пройдены в музыкальной школе. Поэтому, вместо уроков пения, мы с Юрий гуляли и играли на пришкольном дворе с моей сестренкой Леночкой — этим маленьким «колобком» в пуховой, начесанной, как шар, белой шапке.

В школьном хоре, руководимом мамой, в младших классах я был запевалой нескольких песен. Как сейчас помню наше выступление на сцене клуба ракетчиков. Я выходил вперед перед хором и запевал: «Я первый ученик среди ребят. Пятерки в мой дневник, как ласточки летят. Теряю счет, пятерки круглый год. И в школе уважение, и дома мне почет!». И тут подхватывал весь детский хор: «Ха-ха, почет! Совсем наоборот! Четыре двойки в табеле — позорный счет!». По своему смыслу, мне эта песня совсем не нравилась. До пятого класса я был круглым отличником, а тут выступаю в роли двоечника. Не порядок! И я уговорил маму, больше с этим шедевром детского хорового искусства, где я в роли запевалы, больше не выступать.

Кроме обязательной классической программы, преподаваемой в музыкальной школе, мы с другом развивали своё творчество и сами. Дома сочиняли мелодии, аранжировывали их и играли ансамблем на пианино в четыре руки. Часто выступали на школьных вечерах. Наши творения приветствовались как родителями и учителями, так и одноклассниками, особенно девчонками. Нос не задирал, но было приятно осознавать, что наши музыкальные творения кому-то нравятся.

Свободного времени было не много, но всё же, оно было, особенно на каникулах. Тем более сестру родители устроили в детский сад тут же, в военном городке Добеле-2, где сторожем одно время работала моя бабуля Дуня. Наверное, поэтому и взяли сестру в сад. Утром я сестру одевал, причесывал, привязывал бант, как умел, и отводил, а вернее, для ускорения этого очень медленного процесса, отвозил на плечах верхом, как на коне, в детское дошкольное учреждение, где с удовольствием сдавал на поруки воспитательницам, и весь день был свободным. Заходил за Юрай домой в «командирский дом» по улице Советской дом 13, и тут мы с другом отрывались в гулянии по полной программе.

Не знаю, кому из деятелей от образования, пришло в голову школьникам задавать на летние каникулы задания: прочитать столько-то книг по рекомендуемому школой списку на лето, прекрасно понимая, что никто особенно читать ничего не будет. Летний отдых никаким боком не располагает и не способствует этому. Такое же положение дел было и в музыкальной школе. Понашибает тебе учительница ноты в пятнадцать музыкальных произведений, да ненавистные гаммы с bemолями и диязами, сиди, дружок, все лето изучай. И все эти задания давались под контроль родителей. Сейчас, разбежался, читая и музицируя, когда за окном солнечное лето и друзья!

Но родительский ежедневный контроль никто не отменял. Папа, прочитав список рекомендованных литературных программных произведений, сделал свое умозаключение: «Это ты изучишь в течение нового учебного года в школе. Будешь читать то, что я тебе дам». В нашей домашней библиотеке был четырехтомник с полным собранием сочинений Аркадия Петровича ГАЙДАРА. Папа, как земляк — арзамасец известного советского детского писателя и героя Гражданской войны А.П. ГАЙДАРА, определил мне изучить за лето все его творчество о четырех томах. По вечерам спрашивал о прочитанном материале иставил задачу на следующий день: «прочитать от страницы... до страницы...». Так я прочитал «РВС», «Тимур и его команда», «Чук и Гек», «Школа» и все повести и рассказы, помещенные в четырехтомнике. С папой спорить было бесполезно. Крут, но справедлив. Не забалуешь.

Проще было с мамой, контролирующей музыкальные уроки. По утрам, с тихой грустью, я минут двадцать перелистывал ноты, без всякого энтузиазма муслякал новые произведения и гаммы. Потом оставлял открытые ноты по порядку заданного списка на виду, для мамы, что я занимался, а сам через окно первого этажа вышмыгивал

на улицу, чтобы не потерять ключ от квартиры, предусмотрительно оставленный на журнальном столике. Если нужно было попасть в дом, то по водосточной трубе, по цокольному парапету, держась за подоконник, от окна спальни до окна зала, и снова через открытое окошко, я в квартире.

У меня велосипеда еще не было, а у Юры их было с избытком, т.е. два. Один новенький, обычный большой, как мы его называли «взрослый», минского велозавода. А второй, видавший виды, полуспортивный, с ручными тормозами и несколькими передачами скоростей. Мне достался от друга спортивный агрегат, который я успешно освоил. Хотя не сразу. Сначала, при изучении его ходовых и скоростных качеств, повис грудью на растянутой между деревьями бельевой веревке. Заднего тормоза-то нет! А я до этого на маленьком «Школьнике» привык тормозить педальным, а не ручным тормозом.

И носились мы по лесным дорожкам за городком, гоняли «наперегонки» по шоссе, представляя, что мы управляем не велосипедом, а машиной «Волгой». Объездили и знали всю округу: дорожки, тропинки, мостики, ручейки и поляны. Непременно заезжали проверить рост и спелость ревеня на приусадебном хозяйстве в санатории «Лиелберзе» (на русском языке «Большая береза»). С удовольствием грызли кислящие сочные стебли. По дорожке, среди черемух, спускались к речке, где за санаторием был подвесной пешеходный мост, а далее по тропинке вдоль железной дороги, объезжали с инспекторской проверкой свои ягодные и грибные места.

Не помню, зачем Юра на свою голову захотел на время поменяться велосипедами, но мы ими поменялись. И погнали. Он, впереди, на спортивном, я сзади на простом, но новом велосипеде. Вдоль новых пятиэтажных домов по улице Советской шла бетонная пешеходная дорожка, которая под тупым углом сворачивала у дома № 20 вправо к старым домам, где позже построили здание КБО. На повороте стоял большой информационный щит на металлических ногах, врытых и забетонированных в землю — доска для объявлений и афиш. Мчась на приличной скорости спортивного велосипеда и, не вписываясь в этот поворот, забыв, что ножного тормоза нет, мой друг на всем ходу, распластав руки, влетает в этот щит и медленно с него сползает на землю. Велосипед продолжает движение в заданном направлении и через несколько десятков метров падает между сосен. Все это происходит в доли секунд на моих глазах. И смех разбирает, и в голове вопрос, что же с Юрой, живой ли? А товарищ Юра «стек» с доски объявлений на землю, чуть полежал, как бы отдыхая, медленно поднялся, отряхнулся, без ссадин и видимых ушибов, и больше за руль спортивного «велика» не садился.

Не плохо мы с Юрай играли в футбол. Входили в состав футбольной команды своего класса. Участвовали в соревнованиях между другими классами и школами района. Часто ездили в братский военный городок танкистов в Добеле-1. У них был хороший стадион с футбольным полем на территории солдатского городка. Наша команда имела свою форму — красные майки с белой чайкой на груди и номером на спине, синие

трусы и красные гетры. Китайские кеды тогда продавались без проблем. Мой номер был 11-й, а у Юры 4-й. В то время было редкостью иметь команде свою футбольную форму. Но лучше всех играл наш одноклассник Витька МАЛАХОВ, сын замполита полка. Витёк был коренастый, невысокого роста, но по шустрости и скорости, равных ему не было в школе, как в футболе, так и в забегах на различные дистанции.

С первым снегом мы бегали с клюшками и шайбой. По утоптанному и накатанному снегу меж домов, под фонарями тусклого уличного освещения, в отцовских военных шапках-ушанках, гоняли шайбу без коньков, разбившись на команды. С нетерпением ждали, когда зальют хоккейную коробку-каток, расположенную в городке между 19-м домом и детским садом. Заливка катка в городке была праздником, собирались все, кто был свободен: и дети, и взрослые. Над ледяным полем в несколько рядов вывешивались и зажигались фонари электрического освещения. Народа на катке собиралось видимо-невидимо, не протолкнуться. И все же мы умудрялись отвоевать клочок льда для игры в хоккей. К сожалению, зимы в Прибалтике мягкие, с перепадом температур от минуса к плюсу, с частыми оттепелями. Лёд долго не держался, чаще был покрыт лужицами воды. Но, все же, он был. И каталась на коньках, и играли в хоккей.

Запомнилась наша поездка на рыбалку, с ночевкой, на безымянное лесное озеро за городом Добеле в сторону Кроньяуце, которую организовал для нас с Юрий его отец. Петр Михайлович пообещал нам эту поездку с ночевкой в палатке за отличное окончание второго класса обоими друзьями и сдержал своё слово. Хотя у начальника штаба ракетного полка свободного времени почти никогда не было. Петр Михайлович для нас время нашел, собрал с удочками, палаткой, котелком, продуктами, сели на его служебный пикап Газ-69 и во второй половине дня поехали в ночное. Рыбы мы сильно-то не наловили, всего несколько окуней. Но ночлег в палатке, да у костра с печеною картошкой и горячим чаем, заваренным на малиновых листьях, под рассказы о войне фронтовика-танкиста, участника Парада Победы 1945 года Петра Михайловича АНУФРИЕНКО, запомнился надолго! Ранним утром, выбравшись из палатки, в рассеивающемся над полем тумане, наблюдали за красавцами аистами, мирно, по-хозяйски разгуливающими поодаль от нашего бивака. Собирали душистую землянику. А уж полевой суп на костре с кусочками копченого мяса, зеленью и дымком, мастерски приготовленный Петром Михайловичем, уплетали за обе щеки, да с добавкой!

В пятом классе я впервые самостоятельно сел за руль автомобиля. Да ни какой-нибудь легковушки, а мощного грузовика ЗИЛ-131 с КУНГом. По вечерам, встречая отцов с работы, мы с Юрий познакомились с двумя водителями этих самых КУНГов. Офицеры шли по домам, а машины уходили в автопарк, расположенный на зимних квартирах, на территории танковой дивизии. Мы садились на место «старшего» машины, рядом с водителем и через километр налево через КПП-2 въезжали в солдатский городок. За КПП дорога, вдоль клуба и казармы ракетчиков, вела вверх. Слева

оставался вещевой склад ракетчиков, а направо автопарк ракетного полка. Моего нового знакомого звали Леня ГУНЬКО из Днепропетровска. Он первым делом заправлял машину бензином, потом ехали мыть стального коня, в чем я всегда принимал участие. И только после этого, получив инструктаж от настоящего водителя, мы менялись местами, и я, под присмотром инструктора, самостоятельно за рулем делал три-четыре больших круга по автопарку. Юра делал то же самое, только на «своей» машине, со своим знакомым солдатом-водителем. И так почти все летние вечера 1969 года, пока Лёня ГУНЬКО не уволился в запас и не уехал в родной Днепропетровск. Еще год мы с ним переписывались.

А в шестом классе мой друг — «не разлей вода» Юра АНУФРИЕНКО переехал в город Елгаву, что в 30 километрах от Добеле в сторону Риги. Его отец, Петр Михайлович, уволился в запас и по увольнению получил в этом городе современную квартиру в доме, построенном по чехословацкому проекту. Но мы всегда встречались. Хоть и не часто, но навещали друг друга, приезжая в гости. Если в нашем городке нам все было известно, то с городом Елгавой меня знакомил Юра. Автозавод РАФ, сахарный завод, керамический завод, река Лиелупе (с латышского языка — «большая река», впадающая в Рижский залив Балтийского моря в районе Юрмалы). И особенно понравился красавец архитектуры и зодчества — Екатерининский дворец, где разместилась Латвийская государственная сельскохозяйственная академия.

Общаемся мы с Юрием по сети Интернет и сегодня, когда нам уже за пятьдесят. Мама Юрия Мария Никаноровна, к сожалению, умерла. А отец Петр Михайлович, слава Богу, бодрствует в свои девяносто лет, да еще старается помочь материально детям и внукам. Чувствуется закалка фронтовика!

Юра с женой не нашли себе достойного профессионального применения в современной суверенной Латвии и были вынуждены периодически выезжать на длительное время на заработки в Англию, где их знания и умения оказались востребованными.

Отцов объединяла служба в полку, а нас, их детей, дружба и учеба в школе, общение на улице. Всех офицеров мы знали по фамилии и имени, оставалось только при обращении к ним добавить приставку «дядя ...». Городок для нас был одной большой семьёй. Родители дружили не то, что семьями, а подъездами. Ключи от квартир, как правило, лежали под ковриками. Чистые литровые банки с деньгами под домашнее молоко, для оплаты латышке-молочнице, открыто стояли на подоконнике лестничной клетки между первым и вторым этажом. Ничего никуда не пропадало, а о воровстве и речи не было. Да и на стенах в подъездах никто не рисовал. Не было среди молодежи такой негативной практики варварской настенной живописи, как сегодня.

Нашиими соседями по подъезду в доме № 12 по улице Советской, были семьи ЯЩЕНКО, потом ПЕСКОВЫХ, ЯКОВЕНКО, ЖАВОРОНКОВЫХ, потом БЕЛЬЧИК, ТРУБАЧЕВЫХ, КОСТЮЧЕНКО, ПЕТРАШКЕВИЧ, СУДНИЦЫНЫХ, ВАНЕЕВЫХ,

БАХРЕВСКОГО... На праздники взрослые собирались за праздничным столом, нарытым в одной, а то и двух смежных квартирах. А мы, детвора, в другой, отдельной квартире. Массовиком-затейником, как правило, выступал наш сосед башкир-весельчак дядя Женя ПЕСКОВ. Да и мой отец был любителем почудить и поразвлечь гостей.

На Новый год, на День Советской армии и Военно-морского флота, на юбилеи полка офицеры с женами собирались на вечера отдыха в клубе части на зимних квартирах. Летними вечерами — на волейбольной площадке, расположенной среди сосен между шоссе и домом № 10, до сумерек шли соревнования среди взрослых по волейболу и детворы по пионерболу. Сформированные команды ожидали своей очереди для игры, болея за выступающих волейболистов, и заменяли проигравших. Жили очень дружно и весело.

В 1967 году был принят новый Боевой устав РВСН, в соответствии с которым боевое дежурство дежурных смен было переведено по срокам с двухнедельного на недельное. Теперь наши отцы стали чаще бывать дома, возвращаясь вечерами со службы к своим семьям.

Многие, спешившись из душных КУНГов, по бетонной дорожке направлялись в буфет офицерской столовой, после напряженного дня пропустить кружечку-другую холодного свежего «Рижского» или «Терветского» пивка. И, утолив жажду пенным напитком, направлялись по домам.

Другие были заядлыми рыбаками и после службы сразу спешили домой, быстро переодевались и, используя светлые летние вечера, отправлялись на рыбалку. Отец Сергея ДАНЧЕНКОВА, Евгений Семёнович, садился на мопед, удочки и подсак в чехле за спиной и мчал на озеро в Аннениеки, за 9 километров от городка в сторону города Салдуса. И всегда возвращался с крупной плотвой, красноперкой, лещами и линями. У него были свои прикормленные, излюбленные, «клёвные» места. Ловил рыбу дядя Женя только один, не раскрывая своих секретных мест... Сегодня Евгений Семёнович и Алла Игнатьевна ДАНЧЕНКОВЫ живут на своей родине в Белоруссии, в городе Бобруйске.

С Игорем Яковлевичем БОРТНИКОВЫМ, секретарем партийного комитета ракетного полка, и с отцом мы часто по вечерам ходили на речку за пескарями, окунями и плотвой за городок, в район очистных сооружений и полей фильтрации. Там было хорошее место с песчаным дном и несильным течением. Постоянно дымя, меняя одну папиросу «Беломорканала» на другую, дядя Игорь, человек бывалый и с хорошим чувством юмора, заправски таскал пескарей, одновременно обучая своему методу рыбалки и меня. После увольнения в запас, Игорь Яковлевич и Зинаида Ивановна БОРТНИКОВЫ переехали на постоянное место жительства в город Киев, получив там квартиру. В столице Украины и похоронены оба.

Часто после приезда со службы дежурный КУНГ ожидал коллектив переодевающихся в рыбакские костюмы офицеров. В назначенное время собиралась группа рыбаков

вместе с сыновьями, и выезжали на карасиное озеро, по дороге 5–6 километров от городка, на полигон к танкистам. Машина со старшим возвращалась в автопарк, а мы до сумерек ловили карасей. Отцы ловили трех-четырех коленными бамбуковыми удочками крупных карасей, стоя в воде среди камышей, используя возможности ракетного костюма химзащиты Л-1. Мы же, ребятня, довольствовались рыбалкой карасиков орешниково-ыми удочками с берега, у деревянного слива на дамбе запруженного лесного озера.

Завсегдатаями таких коллективных выездов были: дядя Саша БАКУН с сыном Игорем, Яков Борисович БУХ с сыном, тоже Игорем, Анатолий Степанович КОСТИЮЧЕНКО, дядя Саша СОЛОВЬЕВ, дядя Лёша ФАДИН, Виктор Георгиевич ОРЛОВ, Александр Степанович СПИРИН, ЧЕРНИКОВ, отец моей одноклассницы Лены ЧЕРНИКОВОЙ, Борис Нуруллович АБДУЛИН, дочь его Люда, тоже моя одноклассница. И мы с отцом. До его приезда, по его же заданию, я накапывал в черноземе, у речки, банку червей. С рыбалки возвращались домой пешком, затемно, в составе всей выезжавшей команды рыбаков. Обратный путь до городка, напрямую, через тактическое поле и подсобное хозяйство танкистов, было около трех километров.

У заядлого рыбака дяди Саши СОЛОВЬЕВА был автомобиль-малолитражка «Москвич-401». Он, выезжая на рыбалку, а часто ездил на танкодром за красным карасем, брал с собой и меня. Вдвоем мы всегда удачно наливали жирную красивую рыбу и без улова с этого озера ни разу не возвращались. Но одна рыбалка с ним мне заполнилась надолго. С нами поехал третьим рыбаком дядя Лёша ФАДИН.

Дело было в июне. Воскресный день. Встали рано утром, затемно, часа в три. Сидим с СОЛОВЬЕВЫМ у его гаража, рядом со старой котельной, машина подготовлена к отъезду, ждем ФАДИНА. Тот добросовестно проспал, опоздал на час, да ещё притащил с собой камеру от КрАЗа и начал её накачивать, дабы не терять драгоценное время на рыбалке. Кто не знает, размеры и объем кразовской камеры весьма не маленькие. Время шло. Он всё качал.

Наконец загрузили камеру на крышу автомобиля и поехали в сторону заветной рыбалки. Накачанную камеру, принявшую размеры габаритов малолитражки, держали через открытые стекла окон за веревки. Имея внушительные размеры, камера от КрАЗа постоянно сползала с крыши мыльницы — «Москвичонка», и мы часто останавливались, вновь водружая её на место транспортировки.

К шести утра мы все-таки доехали до озера и увидели грустную картину — свежие водоросли и следы уехавшего мотоцикла с коляской на берегу. Кто-то побродил с бреднем по нашим любимым рыбакским местам, буквально перед нашим приездом. Расстроившись, я все же прикорнил своё постоянное место ловли и стал ждать, уже не надеясь на хороший клёв. И правильно, что не надеялся.

Озеро дикое лесное, в низине, густо окруженное деревьями. От воды поднимался прохладный утренний туман. Рыбак дядя Лёша ФАДИН принял стакан водки для

«согреву» и настроения, довольно крякнул, закусил, собрал свои удочки и прочие рыбакские причиндалы, взгромоздился на камеру и весело, в предчувствии доброй рыбалки, отчалил от берега.

Доплыv до моего прикормленного места, дядя Лёша вспомнил, что оставил червей на берегу и попросил СОЛОВЬЁВА бросить их ему, пока недалеко отплыл, он поймает. Черви находились в большой металлической банке из-под конфет. Её дядя Саша снайперски и кинул.

Банка, набрав заданную скорость, в свою очередь долетела до цели и от соприкосновения со лбом дяди Лёши ФАДИНА разлетелась на две половины, в соответствии с технической конструкцией, скоростью полета и силой удара о препятствие. Черви, накопанные на всех, высыпались в воду. От такой дерзости, неожиданности удара по голове, руки ФАДИНА, не поймавшие банку, замкнулись в громком хлопке, типа «Оп!», а сам он, назад, через спину кувыркнулся в воду. Злополучная камера тоже перевернулась и доска, на которой сидел рыбак, по закону земного притяжения, своим весом добавила и без того доставшейся голове горе-рыбака. Фыркая и матерясь, держась за камеру, теперь ставшей огромным спасательным кругом, весь в тине, дядя Лёша выбрался на берег. Махнул с горя второй стакан водки, выкрутил мокре белье, развесил его по кустам и до обеда сушился, хрюя в тени тех же кустов.

По итогам этого неудачного выезда на рыбалку я познал, что, не имея червей, карасей можно ловить и на красную шерстяную нить, выдернутую из собственного свитера. Но на червя, все же, золотой карась клюёт гораздо лучше.

В романе Михаила ШОЛОХОВА «Поднятая целина» дед Щукарь рассказывал, как его в детстве на рыбалке поймали на крючок за губу. В кинокомедии «Особенности национальной рыбалки» незадачливый прокурор поймал себя крючком за большой палец. Со мной был случай похлеще. Меня поймали за глаз. Хотите, верьте, хотите, нет. Но это правда. А дело было так.

Командование части организовало в одно из летних выходных коллективный отдых семей военнослужащих, с выездом на Лесное озеро за Аннениеками. Инициативная группа рыбаков во главе с заядлым рыбаком ДАНЧЕНКОВЫМ Е.С., выехала на озеро накануне в субботу, чтобы оборудовать место отдыха, наловить рыбы и, к приезду семей, наварить котел настоящей рыбакской ухи.

На следующий день на ЗИЛ-157 в КУНГе к месту отдыха доставили нас — семьи ракетчиков, основные отыхающие силы. Озеро располагалось в очень живописном месте, в обрамлении леса, с большой поляной на песчаном берегу и диким пляжем. Водоем глубокий, вода в нем чистая, дно видно, кругом лилии и кувшинки. Подходы вдоль берега к воде для рыбаков изумительные, так и тянут к себе, поскорее закинуть удочку и ждать клева рыбы. Тем более, спешившись из КУНГа, мы увидели, какую рыбу и в каком количестве наловили взрослые рыбаки на вечерней и утренней зорьке,

до нашего приезда. Глаза загорелись в предвкушении удачной рыбалки. Поэтому мы с другом Серегой **ДАНЧЕНКОВЫМ** прямиком из машины направились на берег озера. Программа отдыха взрослых нас абсолютно не интересовала, а ухи похлебать позовут.

Стоял июнь, только закончили второй класс, в прекрасном настроении мы с Серегой начали рыбачить. За нами увязалась наша одноклассница Ленка **ЧЕРНИКОВА**. Посмотрев, что мы стали удачно ловить окуней, она сбегала в лагерь отдыхающих и вернулась с удочкой своего отца.

Чтобы забросить снасть с червяком подальше в воду, мах удочкой мы с Серегой, как бывалые рыбаки, делали через себя. Если у нас эта несложная рыбацкая операция получалась легко и непринужденно, то Ленке такой заброс удочки никак не давался, поплавок постоянно шлепался в воду недалеко от берега. Мы ей показали технику махового заброса и продолжили рыбалку, не обращая внимания на начинающую рыбачку. Ленка сопела от усердия, кряхтела, а потом подошла ближе к берегу, на шаг впереди меня, и размахнулась удочкой в забросе снасти...

Я так ничего и не понял, как крючок с червяком вонзился мне в верхнее веко правого глаза. На мой рев первым прибежал невдалеке от нас удивший рыбак, перекусил леску и осторожно, сняв червяка, вынул крючок ушком вперед из травмированного века. Просто чудом я чуть не остался без глаза. Есть Бог на свете! Спасибо отвел от меня беду.

Я не единожды упоминал, что транспортными средствами для перевозки офицеров на службу и обратно были грузовые машины марки ЗИЛ-157, а позже и ЗИЛ-131, с установленными на их рамках КУНГами. Если перевести аббревиатуру «КУНГ», то — кузов унифицированный герметичный. В них всегда было тесно, летом жарко и душно, а зимой холодно. Впоследствии, будучи пропагандистом ракетного полка в Советске, я тоже познал «прелести» передвижения в этой ореховой скорлупе, битком набитой людьми. Те, кто успевали занять сидячие места на лавках вдоль бортов и посередине этой будки, еще умудрялись играть на фанерках парами в домино и в карты. Надо признать, что азартные игры в карты командованием не приветствовались и всячески пресекались.

На весь Добельский ракетный полк был один автобус на базе ГАЗ-51, матово-грязно-темно-зеленого цвета, с военным регистрационным автомобильным номером 44-16 ИХ. Автобус располагал 16 штатными сидячими местами-сиденьями, обтянутыми чёрным грубым кожзаменителем. В нем перевозили офицеров управления полка и работающих в части женщин. Набивалось в его небольшой по вместимости и пропахший смесью бензина и моторного масла салон намного больше служивых людей, чем было желающих добраться до дома.

Я помню сатирическую газету, выпущенную офицерами-организаторами Новогоднего вечера для семей военнослужащих полка, в клубе на зимних квартирах. Там

был нарисован этот автобус, в каждом окне по три-четыре перекошенных от давки лица офицеров и на заднем борту, вместо номера 44-16 ИХ, было написано «ИХ там 44+16».

Так вот я об автобусах ПАЗ, которые все же стали появляться в полку, к большой радости офицеров части и членов их семей.

В Добеле находилось городское автопредприятие с парком автобусов ПАЗ и ЛАЗ, осуществляющее все маршрутные рейсовые перевозки по городу Добеле и Добельскому району, в том числе и с военным городком Добеле-2. Директором этого предприятия был офицер в отставке, майор-фронтовик, боевой и шумливый по натуре ПИЩИКОВ Матвей Яковлевич. Авторитет руководителя у него был огромный и непрекаемый. С водителями и механиками предприятия был требовательно суров, но справедлив. А в быту юморист и весельчак. Я до сих пор помню его любимую незамысловатую шуточную песенку, которую он самозабвенно исполнял, после выпитой рюмашки: «На горе стоит коза, у козы есть хвостик... Повалилась гора, оторвался хвостик. Рай, рай, рай, рай. Оторвался хвостик...». Надо было видеть, с каким удовольствием и выражением лица он пел, под всеобщий хохот присутствующих за столом.

Мама с 1965 года перешла работать библиотекарем и учителем пения в только что построенную городскую русскую Добельскую среднюю школу № 2. Секретарем директора школы была тоже участница Великой Отечественной войны ПИЩИКОВА Зинаида Семёновна, жена Матвея Яковлевича. Познакомились они, офицер и санитарка, в годы войны. Разница в возрасте Зинаиды Семёновны с мамой была лет в пятнадцать, если не больше. Не знаю, какие интересы их объединили, но они подружились. А там познакомились семьями и часто праздники проводили вместе, то у нас дома в военном городке, то у них, в старинном латышском двухэтажном особняке с садом, в городе Добеле, недалеко от городского кладбища. Даже семьями на служебной директорской «Волге» Матвея Яковлевича ездили в Вентспилс по местам службы отца и моего рождения. Вот отец и заикнулся, что проблема в части с перевозкой людей, беда прямо. Может, поможешь, Матвей Яковлевич? И фронтовик помог.

Я не знаю, какой бартер был между командованием полка и дирекцией автобусного парка, какую шефскую помошь ракетчики оказали автопарку, но четко помню, что после каждой переговорной встречи военных представителей с гражданскими автомобилистами, отец возвращался домой довольный результатами переговоров и, мягко говоря, не совсем трезвым. Зато после этих встреч в полку один за другим появились четыре списанных, но совместно восстановленных, отремонтированных, свежепокрашенных и шустро бегающих белоснежных ПАЗика. Чуть позже появился ещё и автобус большой вместимости ЛАЗ-695. Это было большое достижение того времени. После неудобных КУНГов это был заметный рывок вперед в комфортабельной доставке офицеров на службу и обратно.

Эти автобусы не только перевозили офицеров на службу и со службы домой. Их использовали и в интересах членов семей. Нас, школьников, возили на экскурсии в Ригу, мемориальный комплекс на месте фашистского концлагеря Саласпилс, на древнее городище земгалов в Тервете. Эти автобусы доставляли нас летом в пионерский лагерь Шяуляйской дивизии, расположенный в 120 километрах от городка в Литве, на берегу живописного озера Ширвис. Благодаря этим автобусам, семьями выезжали на коллективный отдых на Рижское взморье, в Кемери (Юрмала). Ездили семьями в Ригу на концерты органной музыки в концертный зал Домского Собора. Посещали спектакли Рижского театра оперы и балета и Рижского русского драматического театра.

Особой популярностью пользовались летние коллективные поездки офицеров полка и членов их семей на Рижское взморье. Пусть не часто, три-четыре выезда за лето, с разрешения командования полка, но они проводились. Составлялись списки желающих, назначался день выезда, выделялся автобус и офицер — старший машины, как правило, из числа политработников. Часто старшим выезда назначался мой отец. Благо расстояние от городка до Взморья было не великим и составляло всего 55 километров пути. Час езды по ровному асфальтированному шоссе вдоль высоких корабельных сосен, и мы в курортном городке Юрмалы — Кемери.

Кругом чисто и ухожено. Запах разогретой на солнце сосновой хвои и смолы, чистого мелкого желтого песка, многочисленных кустов, растущих в дюнах, и морской соленой воды соединялись в неповторимый аромат свежести, присущий только Рижскому взморью. Дышится очень легко и слегка дурманит голову. Чистый озон. Кто там бывал, знает.

Единой командой поднимались по асфальтированной широкой центральной дорожке, идущей среди соснового бора, вверх на гребень дюны и перед взором открывался влево и вправо песчаный пляж Юрмалы, с накатывающими на него зеленоватыми волнами Рижского залива Балтийского моря, сливающегося далеко за горизонтом с небом. При виде чарующего морского пейзажа отец всегда в шутку восклицал, под общий смех, свою излюбленную фразу: «О, море Балтийское, превратись в водку «Московскую!».

К слову сказать, отец всегда любил повеселить народ, организовать коллективный семейный отдых сослуживцев. Ветеран полка, главный инженер части Анатолий Степанович КОСТЮЧЕНКО в своих воспоминаниях пишет так: «Умели мы работать, умели и отдыхать. В памяти осталось: ежегодное открытие и закрытие офицерского футбольного сезона в Тервете; выезды в театры города Рига; поездки с семьями на Рижское взморье; вечера в клубе с семьями по праздникам со своей художественной самодеятельностью; грибы, охота и рыбалка; встречи с друзьями на «пеньке» с шашлычком. Ну как тут не вспомнить А. ЕРЕМЕЕВА (он рулил в полку парткомиссией), когда в офицерской столовой он делал объявления: в начале громко «Состоится

тематический вечер, под лозунгом — «Несокрушимая и легендарная», а затем тихо — с пары по 100 рублей». И вот характерный штрих: спирта было полно, а массовой пьянки практически не было. И бутылка «Кристалла» в то время стоила 3 рубля 12 копеек».

Чувство коллективизма офицеров — ракетчиков не покидало и на отдыхе, никто никогда не разбредался по отдельным семейкам среди дюн. На поляне, в тени сосен, из привезенных покрывал разворачивался общий стол в складчину и места для отдыха и загорания, в виде огромного круга. Это был центр бивака приехавших на отдых семей ракетчиков. Взрослые веселились от души, играли в пляжный волейбол, загорали, а мы не вылезали из холодной морской воды, лепили замки из песка, искали мелкие осколочки янтаря, ловили руками рыбёшк-колючек и лакомились мороженым. Иногда местные жители проходили по пляжу среди отдыхающих и продавали вкусных угрей горячего копчения, собственного приготовления.

День, проведенный на Балтийском взморье, пролетал незаметно. Но для незагорелых тел ощущимо. Накупавшись в соленой морской воде и набегавшись под солнцем за день, вечером многие возвращались с моря изрядно обгоревшими. Меня это касалось в полной мере. Красный, как рак и с повышенной температурой, я еле добредал до квартиры. В ход шли маминны кремы, а чаще сметана и кефир.

Летние каникулы, будучи мальчишкой, у меня делились на три части: каникулы до отпуска отца, отпуск вместе с ним и подготовка к школе во второй половине августа. Я всегда ждал того дня, когда отец возвращался со службы и за ужином торжественно сообщал, что с такого-то числа уезжаем в отпуск. Радости не было предела! В санатории и на курорты мы никогда не ездили. А в Термез к бабуле Нине Григорьевне в Узбекистан и в Озёрки, в то время Горьковской области, посещали постоянно.

Реже навещали мамину сестру тётю Лиду, живущую на Украине. Её муж, БОРЗЕНКОВ Николай Павлович, прослужив длительное время на границе с Китаем в танковых войсках Забайкальского военного округа, был офицером-политработником. По замене перевёлся на Украину, имел хороший карьерный рост и, часто меняя места службы и должности, переезжал с одного гарнизона в другой. Мы за ним не спспевали. Да и жили они, как говорят в военной среде, постоянно «на ящиках», в ожидании очередного перевода.

Съездили мы к ним в военный городок Трехизбенка под Ворошиловградом. Городок в один пятиэтажный дом, пары финских домиков и воинской части за КПП, среди украинской степи. Никаких достопримечательностей, ни водоема, ни новых знакомых — сверстников. За отпуск съездили на сбор вишни за несколько километров в совхоз. Вывез нас дядя Коля раз на пикник на озеро с рыбакским домиком, километров за тридцать по степи. Ну, посмотрели в солдатском клубе концерт художественной самодеятельности части. И все. Скучно. Хорошо, что ехали в гости к БОРЗЕНКОВЫМ с остановкой на три дня в Киеве у БОРТНИКОВЫХ. В Киеве было что посмотреть...

Поэтому, чаще тетя Лида с бабулей Дуней и моими двоюродными сестрами Ларисой и Лилей, приезжали летом к нам в городок Добеле-2.

Подготовка к отъезду в отпуск была целым процессом приятных подготовительных мероприятий. В зависимости от места его проведения, заранее собирались вещи и укладывались чемоданы. Если едем в Термез, то там 48 градусов со знаком плюс в тени, берем легкие вещи. Если отправляемся в Озёрки, там река, лес, необходимы рыбачьи снасти. То, что не носится в городе, для деревенской жизни — самое ходовое.

И в Термез и в Озёрки нам ехать через Москву, с пересадкой. Весь день будем гулять по столице, дожидаясь вечернего поезда. А в Москве на каждом углу столько автоматов с газированной водой! Поэтому заранее набирал коробочку-копилку с монетками достоинством в одну, для воды без сиропа, три, для воды с сиропом и пять копеек, для проезда в метро и покупки соков в уличных лотках «Соки-воды».

Я всегда любил поездки на дальние расстояния. Первым подготовительным к отпуску выездом была поездка с отцом за билетами в кассы железнодорожного вокзала в столицу Латвии город Ригу. От военного городка до Риги 72 километра, а это уже расстояние для детства. Как правило, отец договаривался с начальником клуба полка капитаном ЛЮТОВЫМ Борисом Ивановичем, отцом моего однокашника Витьки, и в назначенный день в будке походного автоклуба на базе машины ГАЗ-51 мы катили приобретать билеты. Пока начальник клуба менял банки с фильмами на кино-базе Прибалтийского военного округа и сдавал в ремонт телевизоры, мы с отцом покупали билеты и гуляли по столице Латвии. Первое дело было сделано.

И вот он, день отъезда. Папа, мама, я. Кто с чемоданами, кто с сумками. Толстенькая Ленька-сестра была особым, живым багажом.

На рейсовом автобусе из городка пять километров пути, и мы на железнодорожном вокзале в Добеле. Там же и автостанция. Мороженое. Пересадка в микроавтобус РАФ маршрутом Добеле–Елгава–Рига. И 72 километра до моста через главную водную артерию Латвии — реку Даугава. Далее — по её набережной к Центральному железнодорожному вокзалу Риги.

Снова мороженое, газировка, да не один стакан. Вторая половина дня, ближе к вечеру. Посадка в фирменный поезд «Латвия» или «Юрмала» сообщением Рига–Москва. Уютное купе с белоснежными занавесками и салфетками, ночной лампой с абажуром на столике, печеньем в упаковке и сахаром-рафинадом, с изображением мчащегося поезда, в вазочке. Везде по вагону расстелены новые чистые ковровые дорожки и в коридоре размещены вазочки-кашпо с цветами. Всё, поехали. Перрон поплыл вместе с провожающими рижанами. Верхняя полка занята у приоткрытого окна. Теплый ветерок обдувает лицо. Сбылась моя мечта походов за речку на железную дорогу!

А рано утром, полукругом объезжаем Останкинскую телевизионную башню и прибываем на Рижский вокзал Москвы. Такси перевозит нас на площадь трех вокзалов.

Казанский вокзал встречает нас шумом и гамом представителей Средней Азии и Закавказья с их огромными многодетными семьями — таборами, расположившимися повсюду на вокзале и перронах, азиатки в цветастых шелковых платьях и штатах-шароварах, арбузами, дынями и прочим среднеазиатским и кавказским колоритом.

Вещи сдаем в камеру хранения, отстоив длинную очередь, и ныряем в метро, подальше от этой суэты, на ВДНХ. Наш следующий поезд поздно вечером, независимо, едем ли мы в Термез или в Арзамас.

И снова мороженое, газировка до отвала и экскурсии по столице до полного физического изнеможения. Обязательно покупали в кондитерском магазине на углу, со стороны Ярославского вокзала, пару буханок черного, ароматного Бородинского хлеба. В Прибалтике его почему-то не пекли, а мы его очень любили. За час до отправления поезда мы снова на Казанском вокзале.

Опять посадка в вагон, но уже далеко не блещущий порядком и чистотой. Духота, шум, разнообразие запахов съестного и не мытых, натруженных по столичным улицам и площадям потных ног и тел транзитных пассажиров.

Я не знаю, в чем причина, но с детства заметил, что пассажиры, в какое бы время суток не садились в вагон дальнего следования, почему-то обязательно, после расшивания багажа по полкам и лавкам, непременно садятся за еду. Даже если они сели в вагон, только что приехав к поезду из дома. И, как правило, на вагонный столик выкладывают: вареная или жареная курица, аккуратно завернутая в бумагу, сваренные вкрутую куриные яйца с солью, свежие огурцы, помидоры и хлеб. Все это проглоченное с аппетитом кушанье обильно запивается горячим чаем, принесенным проводницей в звенящих по ходу поезда тонкостенных или граненых стаканах с подстаканниками и чайными ложками. И только после этой ритуальной трапезы пассажиры начинают расползаться по своим полкам для отдыха и сна, сопровождаемого дружным храпом.

Если едем в Арзамас, то через восемь часов, утром, мы на месте. Ещё 25 километров на автобусе в сторону Шатков, и мы достигаем конечной цели — села Озёрки. Вот дом ЕРЕМЕЕВЫХ, а по другую сторону улицы, рядом с сельмагом, мамин, дом ДЕРЯБИНЫХ.

В Термез поездом Москва — Душанбе ехать почти трое суток. За это время увишишь леса, потом поля с пролесками, далее степи. В Сызрани по железнодорожному мосту медленно и долго переезжаем через широченную Волгу, катим под палящим солнцем по пустыне с верблюдами, и перед Термезом на рассвете нас встречают горы, розовые в первых лучах восходящего солнца. Вот он, пограничный город Термез, задолго до девятивалетней войны 40-й армии ограниченного контингента Советских войск в Афганистане в 80-х годах. Река Амударья, а на другой стороне — соседний с СССР Афганистан. Моста через реку тогда еще не было.

Жара, в тени под 50 градусов. Журчащий арык со змеями, ящерицами и тритонами у дома бабули Нины, в старом центре города на улице М.И. Фрунзе. Рядом городской парк культуры и отдыха, оживаящий по вечерам, с музыкой, танцами, ароматом шашлыков, мороженым, прохладительными напитками, аттракционами и чертовым колесом. Рядом кинотеатр «Бахор». На краю города зоопарк с экзотическими животными. Внизу река Амударья. За ней Афганистан.

Зеленый густой шатёр сплетенных лоз разных сортов южного винограда, защищающий от палящего солнца палисадник с цементным полом, для прохлады периодически поливаемый бабулей Ниной водой из колонки. Черное небо с яркими звёздами по вечерам, ящерицы, густо облепившие нагретые за день стены домов, и перекрещающиеся в небе лучи мощных прожекторов местного пограничного отряда. И ещё пару дней под тобой качается земля, как будто продолжаешь поездку в вагоне скорого поезда.

Термез поражал изобилием южных фруктов и овоцей, восточных сладостей, которых мы не видели в Прибалтике, и гостеприимством узбеков. На восточном базаре, в прямом понимании этого слова, где можно было торговаться, все фрукты и овощи стоили по три и пять копеек за килограмм. Единственные дыни стоили 10–15 копеек, в зависимости от сорта. Самыми вкусными и большими были самарканские дыни.

Мы часто ходили в гости к своим родственникам и их друзьям — узбекам, и всегда хозяевами готовилась шурпа из барабанины, манты, настоящий узбекский плов в огромном казане, шашлыки. И вся эта вкусная, но довольно жирная пища, заедалась виноградом «Дамские пальчики» или «Кишмиш» и запивалась зеленым узбекским чаем без сахара, но под изобилие восточных сладостей.

Особо запомнился отпуск отца в августе 1968 года. В этот год мы ехали в Озёрки, где нас уже ждали БОРЗЕНКОВЫ тетя Лида с мужем Николаем Павловичем, двоюродная сестра Лариса, на полтора года младше меня и бабуля Евдокия Николаевна.

Отец всегда в отпуск отправлялся в повседневной военной форме одежды, брюки на выпуск и в фуражке. Военным везде был почет и искреннее уважение гражданского населения. В форме намного проще было решить возникающие дорожные проблемы. Да и приехать к родственникам в военном мундире, ещё и в новом, более высоком воинском звании, пройтись по родному селу, поговорить с односельчанами, — тоже было веской причиной для выходца из местного колхоза «Гигант».

В этот раз отпуск у отца не задался с самого начала. По прибытии из городка на вокзал в Добеле, выяснилось, что вместо повседневной фуражки с черным окольышем и золотой кокардой с красной звездой, в суете сборов он снял с вешалки фуражку от полевой формы, полностью защитного цвета. С нарушением формы одежды продолжать путь было нельзя. Пришлось отцу возвращаться домой, менять головной убор и возвращаться к нам, сидящим, как на иголках, на чемоданах и переживающим за возможное опоздание на поезд.

Добрались мы до Озёрок. Сходили с отцом, Борисом Ивановичем ЕЛИСЕЕВЫМ и его сыном Вовкой, моим одногодком и родственником, в ночное на Тёшу, где рашнями удачно наловили ведро раков. Собирали лесные орехи на Красной горке за речкой. Купались в прохладной Тёше, возвращаясь из леса. Не прошло и недели отдыха, как начались известные события в Чехословакии по «подавлению контрреволюционного мятежа».

20 августа 1968 года в 22 часа 15 минут, по сигналу «Влтава-666», началась операция «Дунай». Войска пяти стран Варшавского Договора — СССР, ГДР, Венгрии, Польши и Болгарии вошли на территорию Чехословакии. А за пять часов до этого сигнала в частях РВСН был получен приказ: «К 22.00 занять повышенную боевую готовность...».

К слову сказать, за всю историю Ракетных войск стратегического назначения только два раза они приводились в боевую готовность «Повышенная». Первый раз в 1962 году, во время Карибского кризиса, когда советские ракеты Р-12 были размещены на Кубе, под боком у США. И мир стоял на грани третьей мировой войны с применением ядерного оружия. Второй раз, с 20 августа по 2 сентября 1968 года, во время Чехословацких событий, когда в непосредственном военном противостоянии сошлись вооруженные силы стран Варшавского Договора и НАТО.

Одним из мероприятий повышенной боевой готовности является отзыв офицеров ракетных частей из отпусков, командировок, и весь личный состав полка переводится на казарменное положение, и т. п. Вот и отцу в Озёрки пришла служебная телеграмма с приказом командования срочно прибыть из места проведения отпуска в часть. Не мешкая, он быстро собрался и уехал к месту службы, оставив нас в деревне. Его отпуск закончился... Случай с полевой фуражкой и вынужденным возвращением обратно домой, видимо, был предзнаменованием этих тревожных событий. Мы же остались отдыхать дальше.

Весть, что СССР стоит на грани новой мировой войны, моментально докатилась и до Озёрок. Нам, детворе, было не до того, что в мире творится. А вот сельские жители, не успевшие до конца оправиться от лишений и невзгод в годы Великой Отечественной войны, были охвачены, в определенной степени, паникой. Я хорошо помню, как из сельского магазина сельчане-колхозники скучали мешками соль, сахар, крупы, упаковками спички, вёдрами керосин. За пару дней полки сельмага были пустыми. Слава Богу, что, в конечном итоге, все обошлось мирным путем.

Подошел к завершению срок нашего отпуска, и мы засобирались обратно домой. Уложены вещи, закрываем металлические ставни окон, ожидая машину, которая повезет нас к поезду на вокзал в Арзамас. Сестру мою Елену, два года от роду, мама нарядила в красное платьице в белый горошек, к трем волосинкам изловчилась прицепить большой белый бант и выпустила, на свою голову, во двор погулять, чтоб не мешала завершению сборов.

На другой стороне улицы, у дома наших родственников КОРНЕВЫХ, на лужайке гусиной травки, привязанный на веревке к колышку мирно пасся бычок, никого не трогая. Наше прекрасное создание, по имени Елена Анатольевна, пораскинув своим детским двухлетним умишком, чем бы заняться, скоротав затянувшееся ожидание отъезда, взяла прут и смело направилась пасти мирно жущее травку домашнее животное.

Бычку было ещё меньше от роду, чем моей сестрёнке. Но по своим размерам он был гораздо больше и, безусловно, сильнее. Глубиной мысли этот герой не сильно отличался от первой героини. Желания, чтобы его пасли, при этом похлестывая прутиком, у бычка абсолютно не было. Более того, он совершенно не оценил эстетическую красоту красного платыща в горошек маленькой пастушки. Не зря говорят, «как красная тряпка для быка». Не стал бычок долго терпеть своего притеснения и боднул Елену Прекрасную зарождающимися на лбу рогами. Мы выходим с чемоданами, приехала машина, а перед нами картина: батюшки, сидит Елена Прекрасная в свежей коровьей лепёшке, бант на дороге и бычок продолжает её валять-пырять по своим свежим фекалиям! Пришлось отмывать и переодевать ребёнка.

На поезд мы не опоздали. В Риге нас встретил счастливый отец. А место, где сестра бодалась с теленком-бычком, я ей и сегодня показываю, когда собираемся в отпуск семьями в Озёрах. Вспоминаем и от души смеёмся.

У нынешних детей и молодёжи совершенно другие возможности и интересы, чем были у нас. Воспитательный процесс их сегодня происходит под постоянным воздействием и культивированием иностранщины. На поколение, с пелёнок вспоенного не столько молоком, сколько «Пепси-Колой», обрушился мощный поток заокеанского оболванивания в духе распущенности, насилия и наркомании, где во главе ставится культ денег, силы, материального обогащения и праздного времяпровождения. Принцип, на котором воспитывались мы, утверждающий, что «Человек человеку друг, товарищ и брат», утратил государственно-национальную силу. Сегодня человек человеку постепенно становится волком. Главным в жизни стала личная нажива. «Я» — это всё, лишь бы мне было хорошо. А окружающие,— они не интересуют, это их проблемы. У кого больше денег, тот сильнее и во всем прав, даже если грубо преступает закон.

Ежедневно на их несформировавшуюся психику воздействуют десятки каналов телевидения, интернет, западная «киностряпня» с ужасами и насилием, завлекая в кинотеатры ноу-хау с 3Д, всевозможная низкопробное чтиво. Новое поколение наших зрителей стало киноамериканцами. Свободное время молодежь просиживает за компьютерными войнами и прочими ужастиками. Даже детские игрушки и те являются героями из американских мультсериалов. Человеки-пауки, черепашки Ниндзя, Бэтмены, Барби и Коны, прочие американские кино и мультишные герои, заполонили

рынок детских товаров. Предается забвению и вытравляется все русское. Слово «Патриотизм» среди россиян становится словом нарицательным. Этому во всю силу потакают некоторые наши нынешние государственные «деятели». Для них советский период развития страны, как бельмо на глазу. Они строят в России дикий капитализм и готовы, набив свои карманы, уворованными у народа деньгами, продаться с потребителями Западу.

Многое происходящее сегодня в нашей стране соответствует плану руководителя политической разведки США в Европе Аллена ДАЛЛЕСА, потом директора ЦРУ, подготовленного им еще в 1945 году.

В своем плане развала СССР он писал так: «Посея в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобъем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культив секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно культивировать.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявит «отбросами общества».

Чем не реальная наша российская действительность? Я бы сказал «не в бровь, а в глаз». Живем прямо по плану А. ДАЛЛЕСА.

Не буду о грустном настоящем. Продолжу повествование о нашем прошедшем прекрасном детстве, в котором и игры были другие, подвижные, на свежем воздухе, коллективные.

Выбор телевизионных каналов у нас был не богатым. По телевизору транслировали всего две программы: Центральное и Латвийское телевидение. Культа «говорящего ящика» у нас не было. С удовольствием смотрели мы телевизор в дни проведения чемпионатов мира по хоккею и футболу, Олимпийских игр, мультики по выходным, наши кинофильмы военной тематики, отечественные добрые комедии. Нравились нам сериалы типа польского «Четыре танкиста и собака», венгерского «Капитан Тэнкеш» и т.д. … Основное свободное время мы проводили на воздухе, в постоянном движении.

Сначала играли в «войнушку». Сами мастерили деревянные автоматы, гранаты и героически отражали, в леске за жилыми домами, нападение воображаемых фашистов, защищая Родину, спасая «раненых» бойцов и закрывая собой амбразуру немецкого ДЗОТа, по примеру героя Советского Союза рядового АЛЕКСАНДРА МАТРОСОВА.

После просмотра исторического фильма «Спартак», пошла эпопея с мечами, щитами, дротиками и копьями. Вооружение каждый мастерил и выстругивал себе сам. Был у нас свой доморошенный Спартак с войском восставших рабов-гладиаторов. В их роли выступали мальчишки, так называемые «стародомцы», проживающие в старых двух и трехэтажных домах. К их числу тогда относился и я.

Был у нас и римский военачальник Красс со своим войском. Их представляли «новодомцы», живущие в двух первых новых, только заселенных, пятиэтажных домах танкистов. Так мои друзья, братья Миша и Лешка АННЕНКОВЫ, на время спартаковских сражений стали моими «врагами».

Была у нас и своя гора Везувий за городком у реки в лесу. Высокий холм, омываемый со всех сторон ручьем, впадающим в речку Берзе. И бои шли «не на жизнь, а на смерть», до ссадин и крови. Но никто не хотел уступать. Наступали и оборонялись до темноты. После битвы каждое войско строилось и строем, по своей, отличной от другого войска дороге, с песнями двигались зализывать раны и отдыхать домой в городок, до завтрашнего штурма. И ведь никто не покалечился. Глаза и руки-ноги остались целы. Хотя синяков и ссадин было достаточно с обеих сторон. Слёзы тоже были, не скрою.

Культурным местом нашего времяпровождения был клуб ракетного полка, расположенного в городке на зимних квартирах. В каждом ракетном дивизионе, в лесу, где служили отцы, был свой солдатский клуб-филиал в сборно-щитовом исполнении и прaporщиком во главе. Этот же использовался в интересах офицеров и членов их семей, проживающих в военном городке Добеле-2.

Всем этим хозяйством заведовал капитан ЛЮТОВ Борис Иванович, счастливый обладатель новеньского беленького ушастого «Запорожца» первого выпуска, на котором он ежегодно вывозил семью на отдых в Крым. Надо отдать ему должное, клуб в полной мере выполнял свои функции по прокату кинофильмов. В будние дни, кроме понедельника, ежедневно в 19.30 часов проводились вечерние киносеансы для взрослых. В выходные в 12 и 16 часов демонстрировали фильмы для детей. А в дни

школьных каникул — мультики и детские фильмы показывали ежедневно. Каждый киносеанс начинался с выпуска кинохроники «Новости дня» и пары выпусков сатирического киножурнала «Фитиль» или «Ералаш».

Для нас киносеанс начинался с приобретения счастливого билета. Напомню, что входной билет для взрослых был 20 копеек, а детский 5 копеек. Билетным кассиром работала Зинаида Ивановна БОРТНИКОВА. Нумерации мест в билетах не указывалось, мы рассаживались на деревянных клубных креслах по своему усмотрению. По-парно начинали сравнивать цифры серийных номеров приобретенных билетов. У кого разница больше и на какое число, тот раздавал «щелбаны» по лбу тому, у кого разница в цифрах оказалась меньше. Поэтому, до начала киносеанса, в зале шел массовый подсчет разницы в цифрах и слышны шлепки по лбам, с вздохами и ахами, в зависимости от силы полученного щелчка.

После просмотра кинофильмов «Триста спартанцев» и «Дакки», начался бум игр в спартанцев и афинян. Все поголовно ходили с самодельными луками, щитами и мечами. На стрелы из жести сгибали острые наконечники, чтобы стрелы втыкались в дерево или забор с нарисованной мишенью. Не было, разве что, только боевых колесниц.

Много труда и души, не говоря о затраченном времени, я вложил в лепку из пластилина солдатиков, лошадей, колесниц спартанцев и афинян. Каждый воин был одет в бронзовые латы, изготовленные из внутренней стороны металлического тюбика от зубной пасты «Поморин». Мечи и копья из алюминиевой проволоки требовали кропотливой, ювелирной работы. Наконечники копей расплощивались и затачивались на наждачной бумаге, мечи тоже плющились молотком и заострялись напильником. Всё делалось вручную и поштучно. И вся эта армада, более пятисот фигурок, когортами, друг против друга, была построена на огромном листе плотного картона, аккуратно задвигающегося под трехстворчатый шифоньер в родительской спальне.

Можно только представить моё разочарование и досаду, когда однажды по возвращении из школы, я увидел на полу у шкафа сидящую и урчащую от удовольствия маленькую сестру Елену Анатольевну. На картонке лежали отдельно латы, копья, мечи, а всё моё войско скатано в один огромный пластилиновый ком. Сначала получила от меня сестра. Потом от родителей я, за то, что нашлётпал маленькую сестру по толстой попе.

Несколько серий из французского фантастического цикла «Фантомас», показанных в клубе, моментально оказались на росписи чьей-то неизвестной рукой, мелом буквы «F» на стенах домов, подъездов и на входных квартирных дверях. Не скрою, свою руку я тоже приложил. Не хотел отрываться от коллективного художества и запугивания народонаселения городка страшным Фантомасом.

Гойко МИТИЧ стал нашим кумиром сразу после показанных фильмов об индейцах и бледнолицых. «Большая медведица», «Чингачгук — Большой змей», «Вениту — друг апачей» и прочие, показанные нам вестерны, быстро проявились во дворах.

«Краснокожие» начали массовое изготовление томагавков и ножей, для борьбы за свою независимость с «бледнолицыми». В магазинах в одночасье из продажи пропали маленькие хозяйствственные топорики. Особенно ценились топорики цельнометаллические, очень схожие с настоящими томагавками. Метание топоров и ножей буквально захлестнуло городок. Заборы, сосны, деревянные сараи повсеместно использовались, как цели для метания холодного оружия индейцев.

«Бледнолицы» же выпиливали из обрезной доски-тридцатки ружья, мастерили курок из алюминиевой проволоки и на конце ствола, на два гвоздика, прикручиваясь резинка для кордовых моделей, типа «венгерка». Поначалу стреляли шпонками из алюминиевой проволоки, но они были легкими для дальнего полета и прицельной стрельбы. И мы пошли в усовершенствовании самодельного стрелкового вооружения дальше.

На стройке нового двухэтажного универмага стащили у военных строителей ящик стальных трехсантиметровых тонких гвоздиков, на которых вместо шляпки был загнутый кончик. Как раз для зацепления с резинкой. Такое ружье, как арбалет, выстреливало примерно на семьдесят метров и, если попадало в живую цель, то было очень больно, оставляя синяки. Знаю, сам получал. Много кошек и ворон в городке успели ухватить «заряд бодрости» из этого самодельного «Винчестера». Это вам не пейнтбольные шарики с краской или лазерные безопасные ружья.

В солдатском городке танкистов стоял долгострой. Строители вывели под крышу огромную трехэтажную коробку будущего солдатского клуба на 1200 мест с бассейном и заморозили строительство на три года. Стояли неоштукатуренные стены с оконными проемами, лестничные пролеты без перил, балконы без ограждений, в планируемом зрительном зале и бассейне, подсобные комнатки и помещения из кирпичной кладки. И никакой охраны. Тишина. Вот раздолье! Здесь и разворачивались сражения «краснокожих» с «бледнолицыми», с применением ружей с пульками-гвоздями.

Умели мы сами себя занять и развлечь. Правильно, неправильно, но активно проводили свободное время. Помогали и старшим. Ни один субботник, проводимый в военном городке, не обходился без нашего участия. И опять же, я сравниваю с днем сегодняшним. Кто сегодня выходит на субботник по благоустройству своего городка, дома, места, где живем и отдыхаем? Единицы жителей домов, штатные работники администрации-дворники и прианные солдаты местных воинских частей. Больше никому ни до чего нет дела.

В Добеле-2 на субботник выходили всем городком от командира полка до малыша, умеющего держать в руках лопатку. Этот день был настоящим праздником коллективного труда. Мели, красили, белили, вкалывали, строили, завозили, вывозили. Каждый знал, что он должен сделать, кто за какой участок отвечает. Работа кипела под бодрую

музыку походного автоклуба капитана Б.И. ЛЮТОВА. По итогам работы городок приобретал новый ухоженный и яркий вид. Как говорят, глаз радуется. Мы разбегались по своим делам, а отцы с друзьями-сослуживцами, хлопнув с устатку по рюмашке, шли домой.

Глава 5

ДОБЕЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ

В 1970 году для ракетчиков построили новый пятиэтажный дом по улице Советской, с порядковым номером 26. В этом доме отцу дали новую трехкомнатную квартиру на третьем этаже, с балконом. Здесь с 6-го по 10-й классы я прожил до июля 1976 года — до убытия в город Львов для поступления в военное училище. В этом доме и этой квартире начиналась и проходила моя школьная юность.

После увольнения в запас подполковника БОРТНИКОВА Игоря Яковлевича, другого человека и офицера-фронтовика, секретарём парткома Добельского полка назначили моего отца — майора ЕРЕМЕЕВА Анатолия Степановича. Он пользовался заслуженным авторитетом у однополчан. И этому были веские основания. Его не прислиали в полк чужаком. В родном полку, до капитана включительно, отец прошел командные должности, работая непосредственно с личным составом и на боевой технике. Хорошо знал тонкости боевой работы. Позже, в должности секретаря партийного бюро дивизиона, а потом заместителем командира дивизиона по политической части, уже на партийно-политической работе, тоже показал себя, как хороший организатор и опытный руководитель,уважаемый в воинском коллективе офицер. Поэтому коммунисты полка, составляющие основное ядро офицерского состава, выдвинули его на высшую выборную партийную должность в части — секретарем партийного комитета Добельского ракетного полка.

Единственным минусом было то, что выпускник Новосибирского военного училища майор ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович не имел высшего образования, и на его кицеле красовался, как он сам называл, «бычий глаз». То есть знак об окончании среднего военного училища, по форме и вправду напоминающий налившийся кровью бычий глаз.

Целеустремленность в достижении поставленной цели всегда присутствовали в характере отца. Должность партийного лидера обязывала заняться повышением своего образования. Среди офицеров полка много было офицеров-выпускников академий и военных училищ, имеющих высшее инженерное образование, и отставать от

их образовательного уровня «партийному вождю» было не к лицу. Практика жизни практикой, а повышать свой образовательный уровень требовало современное время.

Сначала отец отучился на трехмесячных курсах усовершенствования политсостава в Ленинграде. Получил свидетельство о повышении квалификации военно-политического работника.

Потом предпринял попытку поступить в Военно-политическую академию (ВПА) имени В.И. Ленина в Москве. Эту страницу в своей служебной биографии отец назвал «полосатый рейс». На мой вопрос: «Почему «полосатый рейс»?», — он ответил так: «Вместе с экзаменами успешно сдал кал, мочу, полосатый матрас, не прошел по конкурсу, и вернулся домой», т.е. не поступил.

Но, все же, отец своего добился, чтобы получить высшее образование. На следующий год поступил в Заочную высшую партийную школу (ЗВПШ) при ЦК КПСС. Пять лет учился в Риге, а выпускные экзамены сдавал Государственной аттестационной комиссии в Высшей партийной школе в Москве (позже она стала называться Академией общественных наук). Отец очень серьезно относился к учебе и слыл одним из лучших студентов-заочников в своей учебной группе, в которой обучались взрослые люди, занимающие серьезные государственные должности.

Теперь на его кителе красовался синий «поплавок», т.е. знак-ромбик о высшем образовании, с золотым Гербом СССР, а под ним — таким же золотым открытым учебником. Как отец говорил, «недочитанной книгой».

Многим молодым ракетчикам секретарь парткома ЕРЕМЕЕВ А.С. помог в определении их дальнейшей судьбы. Приведу только один пример.

Рядовой Александр ДОЛИНИН, земляк-горьковчанин, проходивший срочную службу солдатом, отцом был привлечен к комсомольской работе, стал сержантом, потом прaporщиком, избран секретарем комсомольской организации дивизиона. Потом выдвинут на комсомольскую работу в политотдел Шяуляйской ракетной дивизии, окреп в службе. Закончил экстерном Рижское военно-политическое училище РВСН, получив офицерское звание «лейтенант». Далее политотдел Смоленской ракетной армии... Окончил отделение журналистики Латвийского государственного университета. В РВСН он прослужил с 1973 по 1990 годы, от рядового до майора. Нес боевое дежурство, участвовал в учебно-боевых пусках ракет, занимался воспитательной работой. Позднее был приглашен в главную военную газету страны «Красная звезда», где прослужил 17 лет. Общий стаж календарной военной службы Александра Ивановича — 34 года.

Он автор десятков книг и сборников, двух документальных фильмов о Ракетных войсках, Член Союза журналистов СССР с 1984 года. По увольнению в запас семь лет являлся главным редактором журналов «Открытый урок. Образование Подмосковья», «Социальная защита. Подмосковье», «Местное самоуправление», вел персональную

страницу «Служивые люди» в правительенной газете Московской области, руководил журнальной редакцией издательства «Московия». Лауреат Всероссийского конкурса журналистов.

Полковник, редактор, журналист, публицист, писатель Александр Иванович ДОЛИНИН сегодня проживает в городе Москве. С 2013 года работает в старейшей в России Международной общественной организации «Императорское православное палестинское общество» помощником председателя Общества С.В. СТЕПАШИНА.

Мы с ним часто созваниваемся, совместно работаем в интересах ветеранского движения первого ракетного соединения страны и Ракетных войск в целом. Он душевно вспоминает о своем наставнике и земляке Анатолии Степановиче ЕРЕМЕЕВЕ. По-доброму упомянул он отца и в своей авторской книге «Судьба ракетная такая», которую мне вручил с авторской подписью «Анатолию — в память об отце, с пожеланиями добра и благополучия».

Не будь поддержки и доброго совета молодому солдату ДОЛИНИНУ А.И., не будь личной целеустремленности в достижении жизненных целей молодого человека, одевшего военную форму стратегического ракетчика, уволился бы Александр после срочной службы и уехал в свой сельскохозяйственный Шахуньский район на севере Горьковской области. И как бы сложилась его судьба, одному Богу известно.

Начиная с шестого класса, несколько стали меняться жизненные интересы. Мои друзья раннего детства разъехались по городам и весям Советского Союза вместе со своими отцами-ракетчиками, уволившимися в запас. Появились новые друзья, из своих же «старых знакомых» одноклассников: Толик СЛАСТУНОВ, Сергей ДАНЧЕНКОВ и Сергей ЯКОВЛЕВ. До окончания восьмилетки в Добеле-2 эта «великолепная четверка» в составе двух Толянов и двух Серёг с утра до вечера проводили вместе. В футбол, в гонках на велосипедах, за березовым соком, за грибами и ягодами, на рыбалку, на раскопки в Гардене и т.п., везде и всегда были вместе. Достаточно было узнать, куда пошел один из четверых, там найдешь всех остальных. Такую дружбу молодых парней и называют «не разлей вода». Иногда могли повздорить друг с другом, спорить, но не проходило и часа, как все легкие распри забывались.

Одноклассник Сергей ЯКОВЛЕВ, сын местного лесника, сначала жил на кордоне, за городком, в районе полигона танковой дивизии. В школе мы учились вместе, а после уроков часто ходили к нему на кордон. До его дома было около трех километров. И эти километры через лес, в любую погоду, Сергей преодолевал ежедневно в школу и из школы.

Серега показывал нам свой, в прямом смысле, грибной огород в леске перед хозяйственным двором. В одном месте росли белые, а в другом, недалеко в осиннике, росли подосиновики. Подросшие, зрелые грибы он собирал, но маленькие не трогал, пока не вырастут. Переросшие оставлял, как семена до следующего года. Так они и росли, как на огороде, весь грибной сезон.

Ели мед с небольшой пасеки ЯКОВЛЕВЫХ, с домашним белым хлебом, запивая парным молоком. Ловили щук на озерке рядом с домом. Потом лесник дядя Ваня ЯКОВЛЕВ получил жилье прямо в нашем военном городке, в финских домиках, на радость всей четверки закадычных друзей. Серегина мама, хрупкая и душевная женщина, тетя Рита, устроилась на работу администратором-дежурной в офицерскую гостиницу ракетного полка, расположенную рядом с клубом и конечной остановкой рейсового автобуса. Здесь же, на первом этаже гостиницы, располагался полковой коммутатор связи. Позывной Добельского полка был «Дефис», а военного городка, так называемых зимних квартир, «Дефис-2». У нас дома стоял служебный телефон. Крути ручку и в трубке отвечал женский голос: «Дефис-два, слушаю Вас».

Учился Серега неохотно, больше занимался мопедами, хорошо разбирался в любой технике. Полностью разбирал своего железного коня с моторчиком, потом вновь собирали, оставались какие-то заводские, ставшие лишними, детали, и облегченный модернизированный мопед ехал еще шустрее. Большой шутник, авантюрист и холерик по характеру, Сергей был первым зачинщиком героических похождений нашей четверки друзей.

Толик СЛАСТУНОВ приехал к нам в городок из города Паплака, где до перевода в Добеле-2, служил его отец Иван Петрович, тоже офицер-ракетчик. Его старший брат Александр — студент Рижского политехнического института жил в общежитии в Риге, играл в хоккей за рижское «Динамо». Для нас он был хоккейным авторитетом. Когда приезжал домой, учил нашу четверку премудростям игры с шайбой. Смугловатый Толик, в ком по маминой линии текла калмыцкая кровь, был энергичным и спортивным парнем, хорошо разбирался в математике и имел несколько взрывной характер, готовый на любые подвиги, до победы.

С Серегой ДАНЧЕНКОВЫМ мы учились с первого класса, жили в одном доме, но близких товарищеских отношений в младших классах не имели. Помню только, что Серега постоянно ходил в темно — синем берете. Его отец Евгений Семёнович служил вместе с моим отцом в ракетном полку, а мама Алла Игнатьевна, светловолосая добрейшая белорусская женщина, работала в библиотеке Добельской районной поликлиники. Наши дружеские отношения начали зарождаться в классе третьем или четвертом на почве рыбачьих интересов. Сергей, как и его отец, был заядлым рыбаком и имел хорошую хозяйственную жилку. Такой же скромный, добрый, душевный, рассудительный и светловолосый, как мама, Сергей был душой нашей компании и завхозом во всех походах.

Пришло время, когда начали нравиться девчонки. Но свои личные симпатии к некоторым понравившимся нам особам мы не показывали. По вечерам наша четверка выходила на улицу и, выстроившись в одну шеренгу, с транзисторными радиоприемниками рижского радиозавода «Спидола» и «ВЭФ» в руках у каждого, настроившись

на одну волну, как правило, на «Радио Люксембург», прогуливались по городку. На этой радиоволне всегда транслировали музыку модных рок-групп, таких как «Битлз», «Пинк флойд», «Слэйд», «Назарет», «Дип перпл», «Роллинг стоунз», «Свит» и других.

Усиленные в четыре динамика звуки хитов нравились нам и привлекали такие же группки прогуливающихся девчонок. Серега ЯКОВЛЕВ баламут и балагур, легко завязывал шуточный разговор с барышнями. Не проходило и десяти минут этого общения, как объединившаяся команда молодежи продолжала совместное движение дальше. А сзади, как партизан, следовала моя сестрица Елена и влет докладывала родителям, с кем из девчонок мы сегодня прогуливались, и даже кто из них мне нравится.

Приехал как-то в гости к Сергею ДАНЧЕНКОВУ его двоюродный брат Саша, наш одногодок из Белоруссии, из города Бобруйск. Интересный компанейский парень, с четко выраженным мягким белорусским акцентом. Мы его быстро приняли в свою компанию и начали знакомить с местными достопримечательностями.

Не могли мы не показать своих раскопок в Гардене. Взяли саперные лопатки, веревку, сели на велосипеды и покатали в лес, в район бывшего «Курляндского котла». Выкопанные патроны мы не считали. Нашли защитный щиток от сорокапятки, истлевший красноармейский ремень и звездочку от пилотки, карабин и четыре гранаты Ф-1, так называемые «Лимонки». Кто не знает, поясню, Ф-1 — оборонительная граната отечественного производства, с радиусом поражения противника в 200 метров. Мы, как опытные сапёры, не один год исследующие окопы военной поры, решили в конец удивить и без того уже обалдевшего от такого арсенала найденного оружия и боеприпасов, Саньку из Бобруйска.

Как говорил юморист, а впоследствии губернатор Алтайского края, Михаил ЕВДОКИМОВ, «Ума-то, нету!». Мы тогда перешли из седьмого в восьмой класс. Решили перед гостем Сашкой козырнуть. Недалеко от мест раскопок подошли к обрыву метров в десять-пятнадцать над речкой Берзе, сорвали чеку и бросили в воду первую, самую ржавую гранату. Она не взорвалась. Бросили вторую. Тоже не взорвалась. Видимо они сильно отсырели в прибалтийской земле за четверть века. Третья грохнула так, что брызги во все стороны, самопроизвольно все пятеро упали на землю. Сердце бешено колотилось, и слышал, как кровь пульсировала в висках бестолковой головы.

Без того глупый поступок местных аборигенов начал обрастиать ещё большей дурью. Вспомнили, что у нас есть верёвка. Вышли на светлую брусничную поляну с молоденькими березками и отдельными ямками — заросшими окопами военной поры. Положили в старый окоп самую свежую на вид, последнюю оставшуюся от раскопок гранату, привязав к кольцу чеки взрывателя бельевую веревку. Закрепили гранату к земле деревянной рогатиной, отползли метров на тридцать от неё и залегли впятером, в более глубокий окоп, нам по пояс. Толик СЛАСТУНОВ, как самый смелый и лидер

всего героического в нашем братстве, намотал пару раз вокруг ладони руки другой конец верёвки. За нашим окопом лежали пять велосипедов, по количеству юных сапёров. Эх, не видели этого действия наши отцы! Надрали бы они нам пятые точки широким офицерским ремнём. Но они были в трех десятках километров на службе, а боевая граната в тридцати метрах от нас.

Как полагается у ракетчиков, отсчитали: «Десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один. Пуск!!!». И Толик со всей силы резко дернул за верёвку. Согласно ТТХ гранаты Ф-1, она взрывается через четыре секунды с момента выдергивания предохранительной чеки. Мы отсчитали эти секунды, но взрыва не последовало. Лежим, ни живые, ни мертвые, не дышим, что дальше?

А дальше было следующее. Граната, дернутая за веревку Толиком СЛАСТУНОВЫМ, легко свалила свою преграду в виде слабо воткнутой в землю перевернутой рогатины и полетела в нашу сторону. Её поступательное движение завершилось на бруствере нашего убежища, прямо перед нашими головами. Кольцо не выскочило, но усики взрывателя разогнулись, готовые в любой момент выскочить из прорези предохранителя. Мы этого еще не видели. Первым выглянул Серега ЯКОВЛЕВ и, увидев перед своим носом эту картину, с криком: «Атас, спасайся!», рванул первым из окопа. Мы за ним. Толик СЛАСТУНОВ, с крепко намотанной на руку веревкой, на другом конце граната, тоже за нами. Мы от него, а он за нами. Сашка — белорус орет: «Лайбы спасай!», т.е. велосипеды. Какие там велосипеды, самим бы живыми остаться! Признаюсь, я с детства боюсь змей и трухлявых пней, где они обитают. Так вот летел я по этим пням от Толика, забыв и о змеях, и о пнях, где они живут. Точно, как в короткометражной кинокомедии «Пёс Барбос и необыкновенный кросс».

Нам просто повезло. Граната, где-то по пути наших забегов по пересеченной местности, все же оторвалась от веревки и хорошо, что не взорвалась. Набегавшись по лесу, мы собрались в безопасном месте. Выбрался из зарослей и Толик, бегавший за нами с веревкой. На конце веревки осталось кольцо предохранителя с разогнутыми усиками. И ведь где-то там, в лесу под Гардене, по сей день лежит без чеки неразорвавшаяся граната времен Великой Отечественной войны.

Но на этом случае мы не остановились. В арсенале тех раскопок оставалась немецкая винтовка с уцелевшим деревянным прикладом и патроны к ней. Пошли в сарай, смазали ее машинным маслом, затвор заработал, только вставляй патрон и нажимай спусковой крючок. Но наше занятие увидел офицер-танкист, возившийся рядом в гараже со своим «Москвичом». Он деловито осмотрел стрелковое оружие, подтвердил, что оно и сегодня действующее, боевое, вынул затвор и порекомендовал убрать винтовку от беды с глаз подальше. Мы её и утопили в реке Берзе.

Я выше писал, что ценностями находками для нас были гильзы от крупнокалиберного пулемета. Теперь самое время сообщить почему.

Многие помнят, как мальчишками мы брали ключ от серванта или шифоньера, с дырочкой внутри, набивали в неё спичечную серу, привязывали на веревочку гвоздик, чуть меньше диаметром дырочки в ключе и об стену дома хлоп! Звук выстрелившего патрона. А порох куда девать? Зазря что ли копали патроны в Гардене исыпали порох в банки? Вот тут и нужны были крупнокалиберные гильзы. Набивали их порохом, сплющивая на конце. Пропиливали напильником дырочку, к ней серными головками приматывали изолентой три спички и взрывное устройство готово. Среди людей мы их, конечно, не бросали. Но в лесу, у речки, много таких самодельных взрывчаток было взорвано. Шум взрыва, как у боевой гранаты.

Я упоминал о патронах от автомата ППШ. Пролежавшие в окопах военного времени россыпью, они покрывались зеленоватым налетом окиси, но порох в них был сухим. Если находили цинк или смоляную упаковку таких патронов, то они, промасленные заводской смазкой блестели на солнце красно-желтым металлом, готовые к боевому применению. С этими патронами, признаюсь, мы, будучи подростками, просто хулиганили. Но без умысла напугать, или, не дай Бог, покалечить людей. Просто были балбесами.

В лесу за пятиэтажными домами был смешанный лес с множеством прогулочных тропинок. Центральная дорожка, широкая, прямая, около полукилометра длинной, доходила до лесного пруда, разделенного дамбой на две части. Многие семьи прогуливались по ней, дыша свежим воздухом перед сном грядущим.

Вчетвером установить вдоль всей дорожки, через каждые два метра друг от друга, зажженные квадратики оргстекла с установленными на них патронами, особого труда и времени не составляло. Что и делалось. Сами садились в конце тропинки и ждали результатов. В вечерних сумерках мерцающие огоньки оргстекла смотрелись, как подсветка фарватера подводных лодок и, если таковые были, привлекали гуляющих. Разогретый на огне первый установленный патрон, в конце концов, разрывался, а за ним, один за другим и последующие патроны, по цепочке. И так все пятьсот метров. Зрелище незабываемое. Но это для нас. А для нашей учительницы по истории и обществознанию ДРОГИНОЙ Людмилы Георгиевны, прогуливающейся в это время с мужем, сослуживцем отца, наша забава не понравилась и закончилась для нас разборками на следующий день, в кабинете директора школы.

На наших школьных вечерах в Добеле-2 играл подшефный солдатский вокально-инструментальный ансамбль ремонтно-восстановительного батальона танковой дивизии с латышским названием «Угунс путнс», проще «Жар — птица». Руководителем у них был младший сержант Николай ГАЛКИН, призванный в армию после окончания фортепианного отделения Рижского музыкального училища имени Язепа ВИТОЛА. Человек уже сформировавшийся, 22-х лет, грамотный и культурный, интересный в общении. С шестого класса у меня была мечта создать свой школьный ансамбль. На этой почве мы с Николаем и познакомились.

В состав первого нашего школьного ВИА входили Леша ШУБИН и Паша РАБОВОЛЕНКО, на класс старше меня, я и Олег КАНЫКИН, на класс младше. Так как у нас только создавалась группа, а музыкальных электроинструментов и звукоусильтельной аппаратуры пока не было, мы регулярно ходили в солдатский городок на репетиции в часть к Коле ГАЛКИНУ. Он же был нашим первым художественным руководителем, вплоть до своего увольнения в запас. Первой песней, которую мы самостоятельно исполнили ансамблем на школьном вечере отдыха, была песня «Березовый сок» из кинофильма «Мировой парень», легендарных «Песняров». И получилось, по отзывам, не плохо.

Отслужив срочную службу, Николай уволился из армии, уехал домой в Ригу, их армейский ансамбль распался. Но наше желание заниматься эстрадой и дальше было крайне велико.

В подвале нашей пятиэтажки, где в одном подъезде жили я, Леша ШУБИН и Олег КАНЫКИН, мы заняли пустующее помещение колясочной, куда никто никогда коляски и не ставил. Ротный барабан и одна оркестровая тарелка на непонятной, но никелированной подставке, составляли первую ударную установку Олега КАНЫКИНА. Простые семиструнные гитары, переделанные на шестиструнные, с примотанными изолентой мембранными от наушников, вместо звукоснимателей, были первыми ритм и соло гитарами Павла РАБОВОЛЕНКО и Леши ШУБИНА. Для звукоусиления они подключались к бобинным магнитофонам «Маяк-202» и «Маяк-203», включаемым в режим «Запись». И моя бас-гитара, такая же, как соло и ритм, но со звукоснимателем, подключаемая к военному усилителю УМ-50, привезенным отцом из части и динамику нашего лампового старенького радиоприемника «Даугава». Офицеры-соседи по дому № 26 из-за наших репетиций и шумной игры, незлобиво назвали нас, вместо «джаз — бэндом», «джаз — бандой».

Пролетело три года нашей учебы и дружбы. В 1973 году я окончил полный курс семилетнего обучения в Добельской детской музыкальной школе по классу фортепиано. Аттестат о начальном музыкальном образовании мне вручала новоиспеченнная директриса Добельской ДМШ Мара Яновна ГИРНЕ, нервная латышка, преподававшая нам ранее сольфеджио и вечно обзывавшая нас тупыми.

Ещё через год, в 1974-м, мы закончили восьмилетку, получив аттестаты о неполном среднем образовании. Проведен выпускной вечер-бал в здании, наконец достроенного, нового современного и комфорtabельного клуба танкистов. В том клубе, бывшем «недострое», где мы в свое время гоняли друг за другом с самодельными ружьями, стреляли шпульками-гвоздями, играя в ковбоев и индейцев. Это был прощальный вечер друзей школьного детства, запечатленных на фото, с кем по жизни больше не увижусь: Леня ГАВЕРДОВСКИЙ, Саша РАЗБОРОВ, Володя СУЗАНСКИЙ, Олег ЖУРАВЛЕВ, Ольга ПЕРЕСКОКОВА, Люда АБДУЛЛИНА, Лена ЧЕРНИКОВА, Гена КАШИН.

На выпускном вечере своим составом ансамбля мы отыграли последнюю музыкальную программу и попрощались с родной восьмилетней школой нашего военного городка Добеле-2.

Низкий поклон и большое спасибо за наше обучение и воспитание учителям Добельской восьмилетней школы: учителю математики Галине Федоровне КОСТЮЧЕНКО, Иде Григорьевне БУХ, преподавателю физики, СОЛОВЬЕВОЙ Татьяне Дмитриевне, учителю химии и биологии, ГУСЬКОВОЙ Анастасии Матвеевне, преподавательнице русского языка и литературы, ЖЕЛДАК Ларисе Дмитриевне, учителю географии, и нашей неутомимой и энергичной пионервожатой школы ЦАПЕНКО Ольге Васильевне.

Толик СЛАСТУНОВ переехал в Елгаву, его отец уволился в запас и по увольнению получил там квартиру. Сергей ЯКОВЛЕВ уехал в новый город химиков Олайн под Ригой, где поступил в ПТУ. Встречались с ним очень редко. Да и сам он, попав в другую среду общения, сильно изменился и не в лучшую сторону.

Моя первая, школьная любовь Марина ВАНЕЕВА тоже переехала в Эстонский город Выру, куда её отца Юрия Артемьевича, офицера-политработника и сослуживца отца, перевели к новому месту службы.

Паша РАБОВОЛЕНКО и Леша ШУБИН перешли в последний, выпускной десятый класс и, решив серьезно заняться учебой перед поступлением в ВУЗы, объявили о выходе из состава ансамбля. На душе было просто прескверно и тоскливо.

Впереди были девятый и десятый класс в новой для меня Добельской средней школе № 2. Впереди были новые знакомства, новые школьные товарищи и друзья. Но это еще впереди.

Мама, давно работая в школе библиотекарем, получила семейную путевку в курортный город Юрмала, в пансионат «Булдури». Я ехать не хотел, но и в городке делать было нечего, все друзья разъехались. И мы с мамой и сестрой Леной отправились на Прибалтийский курорт. Отец не мог ехать, был занят на службе.

Лето в Прибалтике преимущественно прохладное и дождливое. Зато август 1974 года был исключительно теплым и солнечным, температура воды Рижского залива достигала 20–22 градусов, при норме в 15–18. Бархатный сезон. Жили в отдельном номере старенького деревянного двухэтажного, но чистенького и уютного курортного домика. В трехстах метрах от моря. У нашего окна на втором этаже была пожарная металлическая лестница. В 22.30 дежурная по курортному корпусу закрывала на ключ входную дверь здания, в соответствии с распорядком дня. Всем спать и точка. Но какой отбой в это время на Взморье для молодого парня?!

Курортный город Юрмала — это сорок километров обустроенного песчаного пляжа и курортных городков без границ, сменяющих друг друга, со своими санаториями и пансионатами, соединяемых автомобильным шоссе — центральной улицей Юрмалы

на все сорок километров, и электрифицированной железной дорогой. Каждая остановка электрички, идущей двадцать минут из Риги, это курортный городок: Лиелупе, Дубулты, Булдури, Дзинтари, Майори, и так далее, Кемери и до Яункемери. Далее идут рыбачьи поселки.

В общем-то, было куда сходить и что посмотреть, при ознакомлении с Юрмалой. До этого ведь посещали в Юрмале только Кемери. Конечно, допоздна гуляя с новыми знакомыми ребятами и девчатами, отдыхающими с родителями, как и я. По возвращении, чтобы не тревожить дежурную, я проникал в окно своей комнаты при помощи пожарной лестницы.

Пару раз нас навещал отец, приезжая с офицерами-сослуживцами на военном УАЗике, возвращаясь из Риги, по завершении служебных дел. Мы вместе отдыхали пару часов на песчаном берегу курорта.

Три безмятежных недели отдыха пролетели незаметно, и мы возвратились в городок, готовиться к школе.

Восьмилетних школ, как наша в военном городке, в районе было несколько, а полная средняя школа только одна, в районном городе Добеле. Поэтому из выпускников восьмилеток района было сформировано четыре девятых класса — 9А, 9Б, 9В и 9Г. Как мы себя называли: «аковцы», «бэковцы», «вэковцы» и «гэковцы». Нас, выпускников восьмилетки из Добеле-2, распределили примерно поровну во все созданные классы. Я с Серегой ДАНЧЕНКОВЫМ, Сергеем СОКОЛОВЫМ, Натальей ЛЮТОВОЙ и Натальей САДОВСКОЙ попал в 9-й «В». Моих хороших школьных товарищей Ваню ЛИМАНЦА, Саню РАЗБОРОВА, Витю ЛЮТОВА и Додика КАУФМАНА определили в 9-й «Б» класс.

Наш класс был самым разношерстным, но как потом показало время, сплоченный и дружный. С нами, детьми военнослужащих из военных городков Добеле-1 и Добеле-2, учились ребята из рабочих и колхозных семей из совхозов «Добеле», Аури, Кроньяуце, колхоза — миллиона «Накотне» и местные, городские ребята — добельчане.

Нам очень повезло с классным руководителем. СЕГЛИНЯ Эльза Матисовна, учитель латышского языка и литературы, интеллигентная, выдержанная и добрейшей души женщина. Мы все для нее были, как собственные дети. За два года учебы и ее классного руководства мы ни разу не слышали от учительницы грубого слова или повышенного тона в голосе. Подвести такого человека, мы не имели права. Это была взаимная любовь и уважение класса и учительницы-руководителя.

1 сентября 1974 года на школьной линейке по случаю начала учебного года, мы стояли в строю класса среди незнакомых ребят и девчонок, за исключением своих из военного городка. Сплачивание коллектива и личное знакомство, кто есть кто, и на что способен, началось с сентябрьских выездов на уборку картофеля, черноплодной рябины и сахарной свеклы. К октябрю казалось, что мы знаем друг друга не один год.

Лучшим моим другом в старших классах остался Сергей ДАНЧЕНКОВ, с которым учились с первого класса. Возвращаясь из школы, уроки делали вместе или у него, или у меня дома. Он хорошо соображал в математике, физике, я в гуманитарных предметах. Помогали друг другу. Если куда-то очень торопились, я списывал у него алгебру, геометрию, физику, а Серега у меня упражнения по русскому языку, письменные задания по истории и обществоведению. Но такое было в редких случаях. Понимали, что не за горами выпускной класс и со своей головой, а не головой друга, придется сдавать вступительные экзамены в ВУЗ.

Учеба шла своим чередом, а мысль о восстановлении школьного ВИА не оставляла меня. И мы его вновь создали. Иван ЛИМАНЕЦ, Олег КАНЫКИН, я и Сергей СОКОЛОВ, наш кино — радиомеханик и мастер паяльных дел. Нужна была аппаратура и музыкальные инструменты, которых в школе на то время не было. Выход нашли. Пошли к директору школы ГЕТИКОВУ Григорию Прокопьевичу, участнику Великой Отечественной войны, и предложили, часть денег, заработанных школой в колхозе на уборке урожая, выделить на приобретение необходимого для создания школьного ансамбля. И он нас поддержал. Поддержало и общешкольное собрание.

Сентябрь и октябрь мы классами добросовестно убирали картошку и чернoplодную рябину. Когда деньги колхозы и совхозы перечислили на счет школы, нас к себе вызвал директор. Обсудили, что необходимо закупить. И, накануне празднования очередной годовщины Великого Октября, на стареньком школьном автобусе РАФ, вместе с завхозом школы, мы поехали в Ригу. За день приобрели все, что планировали. Возвращались в приподнятом настроении, не выпуская из рук новеньких электрогитар. Олег КАНЫКИН ехал в обнимку с барабанами красной перламутровой ударной установки «Рига».

Директор школы, человек боевой и волевой, на другой день снова вызвал нас в кабинет. Так как я входил в состав комитета комсомола школы и отвечал за культурно-массовый сектор, он поставил задачу, чтобы к Новому году мы отрепетировали свою музыкальную программу и играли на новогоднем школьном вечере отдыха. Военный ансамбль он больше приглашать не будет.

Все сказано по-военному, предельно ясно, как и положено. Подвести директора нельзя. Время до назначенного срока оставалось чуть больше месяца. И началось. До обеда занятия в школе, быстро домой в городок, учить уроки на завтра и снова автобусом в школу на репетицию. Домой возвращались в 23 часа на последнем рейсе автобуса Добеле — Добеле-2. Новогодний вечер отдыха удался на славу и от директора ГЕТИКОВА Г.П. мы получили благодарность. Так и выступали на школьных вечерах до самого своего выпуска из школы.

В Латвии всегда серьезно относились к музыкальному творчеству и всемерно занимались его развитием. В том числе и развитием молодежной эстрады. В Добельском

районном доме культуры ежегодно проводился смотр вокально-инструментальных ансамблей района. Каждый ансамбль должен был исполнить три произведения на свой выбор: инструментальная композиция, песня патриотической тематики и танцевальная. Четвертое произведение было обязательным для всех участников. Выдавалось оно конкурсной комиссией в виде нот и текста, как правило, новой, только сочиненной песни начинающего латышского композитора. Как сегодня говорят, «не раскрученная песня». Никто никогда ее не слышал, разучивай на латышском языке сам, аранжируй сам и покажи со сцены, что получилось.

По итогам смотра авторитетная комиссия присваивала участникам квалификационные категории: первую, вторую и третью. Наличие категории позволяло творческим эстрадным коллективам официально зарабатывать деньги, выступая с концертами, играя на танцах, обеспечивая вечера отдыха в школах и на предприятиях за плату, по тарифам и путевкам-направлениям районного управления культуры. Год выступаешь, а на следующий год обязательное подтверждение или повышение имеющейся категории. Наш школьный ансамбль с названием «Флюгер» дважды подтверждал звание вокально-инструментального ансамбля 2-й категории. Для старшеклассников русской школы это было достойное достижение. И оба раза на наших выступлениях в зрительном зале районного Дома культуры находился и нас поддерживал главный ценитель нашего эстрадного искусства — мой пapa, секретарь парткома ракетного полка.

Конечно, мы больше занимались учебой, общешкольными культурными мероприятиями и мыслей о заработках на танцах не имели. За два года только четыре раза нас направляли по путевкам управления культуры на платные мероприятия. Цена вопроса 7 рублей 80 копеек за выступление каждому. Я их отдавал маме.

Наша школа специализировалась на автоделе, как в ДОСААФ. Все выпускники школы, допущенные по здоровью к управлению автотранспортным средством, весной, в год выпуска сдавали экзамены в ГАИ и получали водительские права категории «В» и «С». Обучение было бесплатным, оно входило в специальную программу нашей общеобразовательной школы. В течение двух лет мы изучали такие предметы, как «Устройство и эксплуатация автомобиля. Теория», «Правила дорожного движения», «Практическое вождение автомобиля» и «Практическая работа на агрегатах автомобиля. Труды».

Школьный гараж располагал двумя бортовыми ГАЗ-51, двумя ГАЗ-52, автобусом РАФ и одним «Москвич-412». К гаражу пристроены классы с автомобильными агрегатами и узлами в разборе. Двигатель, установленный стационарно на полу класса, заводился и регулировался. Здесь по субботам последними были два урока практики.

ПДД нам преподавал прокурор Добельского района, латыш без всяких эмоций. У него были только две оценки: или «два» или «пять». Он учил, да и я тоже так считаю, что если не знаешь ПДД, как «Отче наш», за руль можешь не садиться. Обучал строго,

но доходчиво, подтверждая излагаемый материал жуткими фотоиллюстрациями из прокурорских дел по расследованию ДТП с человеческими жертвами.

Теория хорошо, а практическое вождение интереснее. В нашем 9 «В» вождение преподавал СЕГЛИНЫШ Улдис Эвалдович, муж нашей классной руководительницы. Мы его любили не меньше, чем Эльзу Матисовну. Прекрасная семья, прекрасные люди, прекрасные педагоги.

За нашим классом был закреплен учебный грузовик, старенький ГАЗ-51. Каждый практический выезд начинался с выполнения всех операций ежедневного технического осмотра автомобиля. Потом Улдис Эвалдович, с заметным латышским акцентом, говорил: «Ну, Анатолий, будем поехать ...» и указывал, куда держим путь. Машину заправляли бензином марки А-66 на городской АЗС. Была такая марка автомобильного топлива розового цвета, по цене 6 копеек за литр. Для сравнения приведу пример, пол-литровая бутылка лимонада стоила 12 копеек! А некоторые нынешние политики нас убеждают, что мы в СССР жили плохо.

Уже на третье занятие по вождению преподаватель-инструктор взял меня, Сергея ДАНЧЕНКОВА и Сергея СОКОЛОВА, как наиболее успешных учеников, на дальнее расстояние по маршруту Добеле — Елгава — Рига — Юрмала — Слока — Добеле. Круг, около четырехсот километров. Стоял теплый сентябрьский день. Один за рулем в кабине, двое на лавке в кузове. Машину вели по очереди. Из Риги я выехал весь мокрый от напряжения, хоть выжимай одежду. Зато практического опыта за эту поездку мы получили сполна. Вернулись домой начинающие водители авто уставшие, но удовлетворенные поездкой.

Экзамен по ПДД в ГАИ я сдал с первого раза. Практическое вождение тоже. Получил заветное водительское удостоверение категории «В» и «С», но с пометкой «Разрешено в очках» с 18 лет. До начала их применения оставалось полтора года.

В старших классах я стал задумываться над тем, кем быть, какую профессию выбрать и в какой ВУЗ поступать. С математикой я не сильно дружил, просто не понимал ее. Сухие цифры, теоремы, графики, формулы не прельщали меня. И вообще я сугубо гуманитарный человек. Интересовала история, обществоведение, география, музыка. Поэтому первым желанием было поступить в Минский государственный педагогический институт на исторический факультет, а лучше на археологический. Исторические раскопки всегда привлекали меня. Мама одобрила мое желание. Папа сначала занял позицию: «Тебе жить, ты и выбирай. А то будешь всю жизнь корить родителей, что не ту профессию посоветовали».

Где-то за полгода до выпуска в школу пришли представители Добельского районного военного комиссариата с целью агитации юношей поступать в военные училища. Список военных ВУЗов был большим, доводы агитаторов о романтике военной службы были убедительными. Добрая половина парней выпускных классов приняли

решение пойти в военные училища. Правда, когда наступило время убытия для сдачи экзаменов, большинство будущих абитуриентов забрали свои документы и сдали проездные билеты, в том числе и мой друг Ваня ЛИМАНЕЦ. Из нашего класса реально поехали поступать только я и Сергей СОКОЛОВ.

Мне приглянулся «политфак» Ростовского ВВКИУ имени Главного маршала артиллерии М.И. Неделина. Училище выпускало офицеров с высшим военно-политическим образованием, то есть замполитов для Ракетных войск стратегического назначения. Тут папа одобрил мой выбор, а мама выразила нежелание, чтобы я, как и отец, четверть века проходил в сапогах и в портупее. В итоге вышло все по-другому, золотая середина, и вашим и нашим.

На первой же медкомиссии в военкомате в ракетчики меня забраковали по зрению. Военкомом Добельского РВК был наш, выходец из Добельского ракетного полка и прекрасный баянист майор А. ЕСКИН, отец моей одноклассницы по Добеле-2 ЕСКИНОЙ Татьяны. Он и предложил мне поступать в Львовское высшее военно-политическое училище. Это единственное военное училище в стране, обучающее и выпускающее офицеров-политработников по специальности «Культурно-просветительная работа» и «Военная журналистика». Для обучения во Львове мое зрение было проходящим. Папа был доволен, что я могу стать офицером-политработником, как и он. Мама же рада тому, что стану культпросветработником, как она. Решение принято. Все довольны. Я начал подготовку одновременно к выпускным госэкзаменам в школе и вступительным экзаменам в Львовское военное училище.

Ежегодно в День Победы районные власти проводили факельное шествие, завершающееся общегородским митингом у постамента с танком Т-34, установленного в память советским танкистам, освободившим город Добеле от немецко-фашистских войск. Вечером, со всего района, с факелами, горящими на сухом спирте местного химзавода «Сподриба», колонны стекались на митинг в районный центр Добеле. Здесь 9 мая 1976 года, от имени молодежи, поступающей в военные училища, мне было поручено выступить с речью-заверением достойно продолжать славные боевые традиции наших дедов и отцов. С чем я успешно справился и первым получил «Комсомольскую путевку — направление» от ЦК ЛКСМ Латвии на поступление в Львовское высшее военно-политическое училище, причем из рук первого секретаря Добельского райкома партии.

Не было у нас ЕГЭ. Не было обязательных и не обязательных предметов. Все предметы были нужны и важны. В десятом классе мы сдавали восемь устных и письменных выпускных экзаменов. Учи всю программу, тяни свой билет и отвечай. Что наговорил, то и получил. Мы с Сергеем ДАНЧЕНКОВЫМ лежали на речном пляже, загорали и учили билеты очередного к сдаче предмета, рассказывая материал друг другу, как на экзамене. Единственный предмет, который учили порознь, это иностранный язык. Я сдавал английский, он немецкий.

Школу я закончил без троек. Балл аттестата составлял 4,68. Такой балл позволял мне уверенно ехать для поступления в военный ВУЗ во Львов. Отгремел, в добром понимании слова, выпускной бал. Сыграв несколько прощальных песен своим школьным ансамблем, мы торжественно передали свои музыкальные инструменты ребятам младше нас на год: Олегу ОЛЬХОВОМУ, Юре РОМАНЕНКО и Игорю ЯМЩИКОВУ. Олег КАНЫКИН, игравший с нами с самого начала, перешел в их состав. Ребята тоже исполнили для нас свое музыкальное приветствие — композицию и поздравили с выпуском из школы.

Встречая классом утренний рассвет, в школьном фруктовом саду мы закопали бутылку из-под шампанского с запиской-пожеланием о нашей встрече через десять лет, с указанием фамилий и личными росписями. И эта встреча состоялась в Добеле, в школе, осенью 1986 года. Но это будет позже.

Впереди было поступление в училище и десять дней подготовки до убытия во Львов, город, в котором я никогда не был. Снова учил билеты, только теперь вступительных экзаменов. В перерывах выходил во двор, где кипели спортивные страсти на двух теннисных столах. Сыграв пару партий, передав ракетку другому очереднику, снова шел садиться за учебники. Никто не заставлял, само по себе проявилось чувство ответственности за свою дальнейшую судьбу. И так до дня отъезда. В альбоме осталась моя последняя гражданская фотография, где в Добеле-2 по улице Советской, между 24-м и нашим, 26-м домом, у теннисного стола стоим: Дмитрий ШИКОВ, Виктор ЛЮТОВ и я, Анатолий ЕРЕМЕЕВ. Все трое дети ракетчиков.

Забегая вперед, скажу, что мои друзья-одноклассники успешно поступили в ВУЗы, кто куда. Иван ЛИМАНЕЦ в Рижский институт Гражданской авиации (ГВФ), Сергей ДАНЧЕНКОВ, Толик СЛАСТУНОВ и Александр РАЗБОРОВ в Рижский политехнический институт, а Сергей СОКОЛОВ в Ульяновское высшее военно-техническое училище тыла.

Отец прослужил в полку до 1977 года и, в порядке повышения по службе, переведен в политотдел Шяуляйской дивизии. В первый зимний курсантский каникулярный отпуск я еще приезжал в Добеле-2, принимал участие во встрече выпускников родной школы. Лето 1977 года я уже проводил в Литве, в городе Шяуляй.

Добельский 867-й ракетный полк успешно нес боевое дежурство на ракетном комплексе 8К63 с ракетой Р-12 до 7 июня 1982 года. До получения директивы о снятии полка с боевого дежурства и переформировании его на штат полка с новым ракетным комплексом РСД-10 («Пионер»). Это к тому, о чем разговаривали отец и его сослуживцы в Елгаве в июле 1976 года в квартире у ПУСТОВАЛОВЫХ, когда мы уезжали во Львов для моего поступления в ЛВВПУ. С того времени прошло шесть лет.

К 1 декабря 1982 года по новым штатам были сформированы три боевых дивизиона и дивизион связи, которыми командовали майор А. ДОРОШЕНКО,

майор О. ФРОНТОВ, майор КАШИЦЫН и дивизионом связи — майор М. ЧЕРНОБАБ, проживавший в нашей квартире с № 36, после переезда отца с мамой и сестрой из Добеле-2 в город Шяуляй.

В феврале 1982 года на должность командира полка, вместо подполковника БЛАЩЕНКО М.И., был назначен подполковник ВЕРБИЦКИЙ Сергей Андреевич. Мир тесен. Я, будучи лейтенантом, знал его по Эстонии, по Вырусскому ракетному полку, где он был командиром ракетного дивизиона, а там и заместителем командира полка.

10 мая 1983 года полк в полном составе убыл на переучивание и изучение новой техники на 4 ГЦП МО в Капустин Яр. 6 сентября полк возвратился в Добеле и пробыл там до июля 1984 года. В этот период Боевое Знамя полка было отправлено в Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Новое Знамя полку было вручено уже на новом месте дислокации, в районе города Барнаул.

После получения директивы ГШ РВСН, в начале июля 1984 года, 867-й гвардейский ракетный Полоцкий ордена Кутузова полк «Пионер» (войсковая часть 23460) был передислоцирован из города Добеле-2 Латвийской ССР на новое место, в поселок Сибирский-2 Первомайского района Алтайского края. Он вошел в состав 35-й ракетной дивизии, Омской 31-й ракетной армии. По прибытии на новое место дислокации полку было присвоено новое условное наименование — войсковая часть 29551, а условное наименование — войсковая часть 23460, аннулировано.

Я же убыл из городка 3 июля 1976 года. На автобусную остановку меня провожали все собравшиеся ребята и девчата нашего двора. Среди провожающих был мой лучший друг Сергей ДАНЧЕНКОВ, поступающий в августе в Рижский «политех» и добрая, симпатичная девчонка Лариса БАРАННИК.

И помчал меня рейсовый автобус маршрутом «Добеле-2 — Добеле» навстречу курсантской юности и совершенно новой жизни.

До свидания, мое добельское «ракетное» детство и школьная юность. Счастья вам и добра, друзья-товарищи моего детства и школьной юности. Прощай, милый сердцу, военный городок Добеле-2, где прошли семнадцать лет моей жизни!

ЧАСТЬ II
В АРМЕЙСКОМ СТРОЮ

Глава 6

ГОДЫ КУРСАНТСКИЕ. ЛЬВОВ

Отец по случаю моего предстоящего поступления в военное училище взял отпуск. Ни он, ни я во Львове ранее не были. Не было у нас там никого из знакомых, у кого бы можно было остановиться или к кому обратиться за помощью. Поехали покорять неизвестную нам столицу Западной Украины вдвоем.

Из городка выехали во второй половине дня. До поезда «Рига — Львов», проходящего около 23 часов вечера через город Елгаву, т.е. места нашей посадки в поезд, было достаточно много времени, и мы решили навестить тетю Тоню ПУСТОВАЛОВУ с ее детьми Светой и Володей.

После трагической гибели в 1974 году в автокатастрофе под Добеле мужа Евгения Михайловича ПУСТОВАЛОВА, ей с детьми дали квартиру в Елгаве, в новом микрорайоне на улице Жукова, рядом с военной учебной частью Шяуляйской ракетной дивизии. В этих домах по увольнению получили жилье многие ветераны Добельского полка: НИКОЛАЕВЫ, РАЗБОРОВЫ, ДАНЧЕНКОВЫ, БУХ и многие другие семьи ракетчиков.

В квартире у ПУСТОВАЛОВЫХ посидели за наскоро, но празднично накрытым Антониной Васильевной столом. Уже не помню кто, но пришли еще двое бывших сослуживцев отца. Звучали напутственные речи. Впервые отец разрешил мне выпить бокал красного вина. До этого спиртных напитков я не употреблял, разве что бутылку пива с друзьями в лесу. И то редко, уже ближе к выпуску из школы. Не дай Бог, отец учуяет запах, пиши, пропало!

А тут сам предложил, обосновав свое предложение так: «Будущий офицер-поли-тработник должен уметь в меру выпить, при этом не потерять голову. Будешь начальником клуба или Дома офицеров, всякое будет. Будешь проводить мероприятия, в том числе вечера отдыха с участием командования, и без коллективных праздничных застолий не обойтись. И ты, как организатор культурного досуга, до окончания мероприятия обязан быть на высоте и самый трезвый. А для этого никогда не злоупотребляй спиртным, выпей только для настроения и аппетита». И рассказал свою ресторированную

историю в Вентспилсе, когда за драку с местным населением из лейтенанта был разжалован до «ночного майора», т.е. младшего лейтенанта.

Уже тогда, за ужином, июльским вечером 1976 года, между сослуживцами — добельчанами шел разговор о скором перевооружении Добельского ракетного полка на новый современный ракетный комплекс «Пионер» и его передислокации из Прибалтики вглубь страны. Меня эта проблема тогда мало интересовала. Все мои мысли были о предстоящем поступлении в военное училище.

Точно по расписанию пришел львовский поезд, мы заняли свои полки в купейном вагоне, поезд тронулся, и я поехал в неизвестность. Мысль, поступлю или нет, не выходила из головы, и я долго не мог заснуть. Возвращаться в городок «на щите» перед друзьями и подружками было стыдно. Не для этого я ехал во Львов.

После полудня проехали областной город Украины Ровно. Три часа езды, и за окном вагона появилось предместье Львова город Здолбунов. К 16 часам, обогнув подножье утопающей в зелени горы Высокого замка Львова с телевышкой наверху, мимо многоэтажной современной гостиницы Прикарпатского военного округа и стадиона СКА, минут десять езды по старой части города и, наконец, въехали в крытый застекленный перрон железнодорожного вокзала.

Львов имеет свою богатую средневековую историю. Как город он известен с 1256 года. С XIV века он входил в состав Польши. С 1772 года вошел в состав Австрии и стал носить немецкое название — город Лемберг.

С 1918 года Львов вновь возвращен Польше. И только с 1939 года город стал областным центром Украинской ССР.

Крупный экономически развитый, культурный и исторический центр с десятью ВУЗами, университетом и музыкальной консерваторией, десятью музеями и четырьмя театрами. Архитектура города создавалась веками и сохранена по сегодняшний день. В годы Великой Отечественной войны, отступающие под натиском Советской армии, фашисты не успели разрушить его, как планировали. Поэтому центр города и прилегающие предместья стоят и поныне в первозданной красоте и многообразии архитектурных стилей.

А язык общения львовян, хоть и называют украинским, не всякий чистокровный восточный украинец их поймет. В нем намешаны все языки народов, кто здесь исторически проживал: украинский, польский, еврейский, русский, с вплетением карпатских и гуцульских наречий.

Львов нас встретил многолюдной привокзальной площадью, покрытой старинной шлифованной серой брусчаткой, в окружении могучих каштанов. На этой небольшой площади одновременно обосновались такси, автобусы, троллейбусы и трамваи, которые один за другим привозили и забирали пассажиров. Людей было много, но шума толпы и мусора, как на Казанском вокзале Москвы, не ощущалось.

Первым делом мы подошли к киоску, рядом с выходом из вокзала, с названием «Справочное бюро». На вопрос, как проехать к училищу, еврейка в возрасте, ближе к пенсионному, с одесским говором, моментально скороговоркой ответила: «Шо, поступать в политучилище? Так я вам вот что скажу. Вы зря приехали. Там сегодня конкурс десять человек на место! Если у вас там нет хороших связей, то покупайте билеты и поезжайте, откуда приехали! Берегите ваши деньги и драгоценное время. Может, еще куда-нибудь успеете поступить!».

Мой оптимизм абитуриента ЛВВПУ постепенно начал падать, не доехав до училища. Но со мной был мой отец, опытный и выдержаный офицер, тем более боец руководящей и направляющей силы советского общества. Со словами «Сын, не паникуй!», он направился к остановке трамвая. Я с чемоданом, набитым конспектами, обреченно поплелся за ним.

Мы сели в трамвай № 9, следующий покольцевому маршруту, и доехали до центра города, где размещалась военная комендатура Львовского гарнизона. При комендатуре, на втором этаже здания, была дешевая старенькая гостиница для командированных военных, где мы и остановились. Номер на шесть человек. Мы были в нем первыми, поэтому разместились, как нам было удобно, оставили свои вещи и вышли на оживленную улицу, решив перекусить чего-нибудь горячего.

Старый центр города, построенный во времена правления Австро-Венгрии и Польши, с улочками, вымощенными отшлифованной старинной брусчаткой, засаженный каштанами, со старинными красивыми зданиями, встретил нас дружелюбно и приветливо.

Узкие улочки Львова, с многочисленными маленькими, но уютными, на три-пять столиков, «Кофейными», «Блинными», «Чебуречными», «Пирожковыми», «Закусочными», «Бутербродными», «Пончиковыми» и прочими заведениями «Общепита», радушно встречали нас открытыми дверями и аппетитными запахами. Мы перекусили в «Пельменной» и направились на рекогносцировку к училищу.

Училище находилось в старом городе, наверху от центра, на пересечении улицы Гвардейская, с прилегающим к ней Парком культуры и отдыха имени Т.Г. Шевченко и улицы Сtryйская, с огромным Сtryйским лесопарком, где проходила Львовская детская железная дорога. На стыке улиц и парков Монумент Славы, установленный в честь советских воинов, освобождающих город от немецко-фашистских оккупантов. Напротив него, через дорогу, за невысоким декоративным металлическим ограждением, среди старых каштанов, располагалось Львовское высшее военно-политическое ордена Красной Звезды училище, в которое я и приехал поступать.

Стоял теплый и мягкий июльский солнечный вечер. В парке им. Т.Г. Шевченко в Зеленом театре играла музыка. В тени парковых аллей неторопливо прогуливались отдыхающие. Старички то здесь, то там кучками играли в шахматы, расположившись на парковых скамейках.

Мы подошли к проходной КПП военного училища. Внимательно прочитали информацию для поступающих абитуриентов. Здесь же познакомились с курсантом выпускного 4-го курса Александром ЯКИМЕНКО. Он нас «просветил» о тонкостях и подводных течениях, ожидающих меня при поступлении. Дал советы, которые мне потом пригодились. Александр подтвердил, что действительно в этот год, как никогда, конкурс десять человек на место. Солдаты и сержанты, поступающие из войск, уже сдали экзамены и занимаются хозяйственными работами в учебном центре училища в Старицах на Яворовском полигоне. Первый курс будут набирать всего 210 человек. Преимущество при поступлении имеют медалисты и «национальные кадры», т.е. выходцы из союзных республик СССР — Закавказья, Прибалтики и Средней Азии.

Так оно потом и получилось. Все, как говорил курсант выпускного курса.

Шансы моего поступления таяли на глазах. Подавленный полученной информацией от бывшего курсанта-выпускника я вернулся в гостиницу. Проходящие под окнами трамваи до ночи сотрясали старинное здание. Мне явно не спалось в чужом городе. Уснул под утро, когда уже светало.

В 9 часов утра 5 июля 1976 года я пересек КПП училища, которое станет мне на четыре года вторым родным домом. Но тогда я об этом еще не знал.

Сдал документы, занял свою двухъярусную армейскую койку в спортивном зале училища, битком набитым приехавшими такими же абитуриентами, как и я. Соседями по койке оказались общительный весельчак, местный львовянин Витя ПЛЮЩЕНКО и азербайджанец Ибрагим ГАДЖИБАБЕКОВ из Риги. Позже его фамилию, для удобства обращения и с его согласия, сократили до ГАДЖИБЕКОВА.

Мы с ним познакомились и вместе готовились к предстоящим экзаменам. Ибрагим тоже приехал с отцом, капитаном 3 ранга, боевым офицером — подводником, поступать на Военно-морское отделение.

Наши отцы, переживающие за нас за училищной изгородью, тоже познакомились и приходили на встречу с нами вместе, предварительно заглянув на рюмочку азербайджанского коньячка в парковое кафе, окрашенное курсантами в «Политработник». Другого коньяка Рустам Ибрагимович не признавал, видимо из-за национальной гордости за достойный внимания крепкий азербайджанский солнечный напиток.

За ворота училища нас не выпускали. С отцом встречались и общались возле училищной ограды. Он с одной стороны, я с другой, как в зоопарке. Рядом отец и сын ГАДЖИБАБЕКОВЫ.

Чтобы пройти по конкурсу и поступить, нужно было набрать двадцать один балл, сдав экзамены по «Истории СССР», «Экономической географии», «Русскому языку и литературе» устно и написать сочинение. Балл школьного аттестата тоже шел в зачет. Чем он выше, тем лучше.

Кроме вступительных экзаменов необходимо было сдать физическую подготовку и пройти специализацию по видам и жанрам искусства. Но главной преградой, которая безжалостно отсеивала абитуриентов, была местная военно-врачебная комиссия училища, работающая беспощадным ситом в ходе сдачи экзаменов.

Мы с Ибрагимом брали учебники и готовились к экзаменам, лежа в тени на травке под деревом на спортивном городке, за клубом училища. Рядом по улице Стрыйской один за другим подходили и уходили автобусы и троллейбусы, останавливаясь на остановке в двадцати метрах от нас за забором. За училищной оградой кипела гражданская жизнь. Но она нас не интересовала. Мы по своей воле, осознанно ушли от гражданки и стремились стать кадровыми военными.

Летом в Стрыйском парке работала детская железная дорога с маленькими, но настоящими тепловозом и несколькими вагонами. Машинистами и проводниками являлись сами дети, прошедшие специальную подготовку. Начальная станция этой узкоколейки находилась как раз напротив училищного спортивного городка. Громкий девичий голос, усиленный динамиком, каждые двадцать минут объявлял: «Шановни громадяне! Обережно! Двери зачиняются. Наступна зупинка «Орлятко». И так весь световой день, с утра до вечера. Ее пронзительно-гнусавый голос доставал нас до невозможности. Но и в душной аудитории учебного корпуса нам сидеть не хотелось. Нам разрешали готовиться к экзаменам на спортивном городке.

Географию и русский устно я сдал на пятерки. Историю на четверку. Замялся на дополнительном вопросе о Тарутинском маневре М.И. КУТУЗОВА в Отечественной войне 1812 года.

А на сочинении полез в дебри. Взял предложенную свободную тему: «XXV съезд КПСС о развитии культуры и искусства». После его написания, при встрече с отцом, я сразу в лоб получил папиро краткое, но лаконичное резюме: «Ой, дурак!».

Кто не видел и, тем более не читал, книжки в красном коленкоровом переплете с золотым теснением, с материалами этого съезда, я поясню, что о развитии культуры и искусства в ней написано всего лишь четверть одной страницы книжного листа. Сочинение же требовало гораздо большего объема. А лучше, чем партия сказала устами дорогого товарища Л.И.БРЕЖНЕВА, семнадцатилетний абитуриент, безусловно, написать не мог. В итоге получил я троек за свою «развернутую программу культурного развития всея советской страны». «Тему не раскрыл». Повезло в одном. Написал я свои умозаключения почти без орфографических и грамматических ошибок.

По физо получил зачет. Бегал я хорошо. Занятия футболом и хоккеем, постоянное вращение велосипедных педалей сделали свое доброе дело. Подтягивался хуже. Гитара и микрофон вместо турника тоже оказались, но в обратную сторону.

Пошли на медкомиссию. И тут проблема. У седого подполковника медслужбы, врача — окулиста, без пяти минут пенсионера, возникли сомнения, допускать меня по

зрению, которое было по приказу МО СССР проходным, или отправлять меня домой. Все было в его руках.

Я по этому факту, при первой же встрече, сразу доложил отцу. На поверку оказалось, что это было самое настоящее вымогательство денег, которое сегодня в нашем российском царстве-государстве обыденно называется словом «взятка» или «коррупция».

Отец срочно телефонировал маме в Добеле-2. Та сняла необходимую сумму денег с книжки и отправила телеграфом во Львов. Кстати сумма, переданная врачу, составляла размер месячной зарплаты советского шахтера. А шахтеры зарабатывали раза в три больше, чем офицеры Советских Вооруженных Сил. Зато проблемы со зрением при поступлении у меня сразу отпали! С таким уровнем близорукости я прослужил в армии все 27 лет, уволился в запас и, по сей день, с таким же зрением работаю на гражданском поприще, в возрасте за пятьдесят. Еще и пишу эти свои воспоминания.

Пришел день мандатной комиссии, которая выносила вердикт, кто «со щитом» поступил и остался в училище, а кому возвращаться домой «на щите». По конкурсу я не добрал пол балла. У меня был балл двадцать с половиной, а необходимо набрать двадцать один! Думал, что «все, приехал»!

Но меня выручила специализация, на которой перед членами госкомиссии от «Кафедры культуры и искусства» я сыграл на фортепиано, гитаре, ударных, спел и представил свои рисунки. Разве что не сплясал. То есть показал навыки, которые требуются по специфике данного военного училища. И меня, как и еще семерых таких же, взяли в резерв, за счет будущих отчислений в ходе четырехлетней учебы. К слову, в первый же год, по нежеланию учиться, недисциплинированности и неуспеваемости, было отчислено восемь человек.

Отпуск у отца заканчивался, и он уехал домой в Добеле-2. Я остался ждать окончательного решения о зачислении меня в училище. Всех поступивших переодели в военную форму. Они уже приступили к курсу «Молодого бойца» и бодро маршировали на строевом плацу училища. Мы же, «резервисты», завидуя их счастью, еще три дня ходили в цивильных костюмах, никому не нужные, в ожидании решения своей судьбы.

Но все обошлось благополучно. 4 августа 1976 года приказом начальника Львовского ВВПУ генерал-майора ЗИНОВЬЕВА В.К., в списке поступивших я был зачислен курсантом первого курса. Радости не было предела! Добрая весть тут же была отправлена телеграммой родителям в Добеле-2. Нас тоже переодели в полевое х/б обмундирование и поставили в армейский строй. Так начиналась моя самостоятельная курсантская жизнь в отрыве от родителей. Как сказал отец: «Ты уже отрезанный ломоть. Привыкай, сын, жить самостоятельно». Я и начал привыкать к новой и неизведанной самостоятельной жизни.

В Львовском высшем военно-политическом училище было три факультета. Первый — «Культурно-просветительной работы», с военно-морским отделением. Второй факультет — «Журналистики». И третий — «Специальный факультет», для иностранцев, представителей армий из 25 стран мира.

Журналистов мы называли «мурзилками», а они нас «балалаешниками» или «два притопа, три прихлопа». Особой дружбы между ребятами двух факультетов не было.

Зато на «спецфаке» нашими лучшими друзьями были веселые, компанейские ребята-кубинцы, и вечно улыбающиеся, маленькие ростом, но до корней волос преданные делу социализма, жилистые и спортивные вьетнамцы.

Болгары и монголы — те какие-то вечно мятые, не стриженные и засаленные, безалаберные, одним словом, как зачухонцы. И военная форма их напоминала мундиры и фуражки железнодорожников СССР.

Самыми надменными и высокомерными со всеми были вышколенные, в военной форме с иголочки, немцы и чехи.

На бенинцев, сомалийцев, конголезцев и прочих представителей африканского континента мы даже не обращали внимания. Такое впечатление, что их выловили в джунглях, сняли с лианы или пальмы, переодели в военную форму и прислали в Советский Союз на учебу. Слушатели специального факультета жили в других условиях, чем мы, и в другом измерении. За их учебу государства платили СССР золотом.

Курсантами мы ходили с красными погонами и общевойсковыми эмблемами. Выпускников училища распределяли во все виды и рода войск, во флоты и флотилии, пограничные отряды, железнодорожные и Внутренние войска.

Всего на 1-й курс факультета «Культурно-просветительной работы» набрали восемь групп сухопутчиков и одну моряков. В учебной группе три отделения по девять-девять человек, как положено по Боевому уставу Сухопутных войск. Две группы это учебный взвод. Два взвода или четыре учебных группы — учебная рота.

Я попал во 2-е отделение, 1-й группы, 1-го взвода, 3-й роты. Командир взвода старший лейтенант ШТЫРЛИН Александр Константинович, бывший офицер-разведчик, прибывший с Дальнего Востока, из-под Благовещенска. Он сразу получил кличку «Зорро».

Командир группы старший сержант РЫБНИКОВ Андрей Александрович, местный львовянин, отслуживший два года срочной службы в штабе мотострелкового полка писарем, рядом с домом своих родителей, в 7-м мотострелковом полку прославленной 24-й Железной дивизии.

Первым отделением командовал сержант МОРГУНОВ Владимир Иванович, юморист за два метра ростом. Командир нашего второго отделения — сержант ПОРОТИКОВ Анатолий Иванович. Доброй души ярославский богатырь, прослуживший в войсках полтора года срочной службы. В третьем отделении командиром был сержант

ЧЕРНЫЙ Владимир Павлович. Ростом по грудь сержанту МОРГУНОВУ, живчик и шустрик, которого на мякине не обведешь. Самому дороже станет. Всего в учебной группе 31 человек.

Командиром нашей роты был старший лейтенант МИЛОШИЧ Николай Александрович, русский серб, высокий, подтянутый, форма с иголочки, с аккуратно подстриженными усами, точно белогвардейский офицер. Выпускник нашего училища более раннего года выпуска. В свое время он поступал старшиной срочной службы из войск. В курсантские годы был старшиной курса. Да так и остался на командной должности в училище.

Начальником факультета КПР был полковник САДОВСКИЙ Владимир Иванович — фронтовик, прошедший Великую Отечественную войну от рядового до младшего лейтенанта, ветеран училища. Все его на факультете уважительно называли «Папа САДОВСКИЙ» или просто «Папа».

С выходом приказа о зачислении мы приступили к прохождению «Курса молодого бойца». Сержанты и старшины, поступившие из войск, как мы их окрестили «Рексы», были назначены на должности командиров отделений и групп. «Дорвавшись» до молодежи, поступившей со школьной скамьи, они с «пристрастием» начали учить нас азам военного дела, воинского быта и обучать строевым приемам на плацу.

Мы же их придиричивую требовательность и бесконечные «45 секунд — отбой. 45 секунд — подъем!», пока горит спичка, возненавидели сразу. Тяжело было переходить на военные рельсы. Доходило и до слез в уголке, чтобы никто не видел. За месяц постепенно немного обтерлись, привыкли к их требовательности, которую поначалу принимали за издевательства. Начал вырисовываться воинский коллектив группы и взвода в целом.

31 августа 1976 года на Монументе Славы в присутствии представителей командования Прикарпатского военного округа и училища, ветеранов, многочисленных родственников и почетных гостей, мы приняли воинскую присягу на верность Советской Родине.

Я очень сожалел, что не смогли приехать на присягу мои родители и сестра. После торжественных ритуальных мероприятий нас отпустили в первое увольнение в город. В парадной форме, с одной нашивкой-курсовкой на рукаве, «заинструктированные до слез» о воинской вежливости, гуляя по городу, мы отдавали воинское приветствие и солдату-ефрейтору, и даже сержантам-милиционерам.

Первым делом мы с товарищем по отделению, тоже сыном офицера-ракетчика из Пружанской ракетной дивизии, Виктором ГОБОЙ пошли на городской Центральный переговорный пункт по улице Жовтневой и позвонили родителям, доложив о прошедшем торжественном событии. Тут же рядом, в «Пирожковой» накупили свежей сдобы, кофе с молоком и наелись до отвала, отметив присягу. Пошел проливной львовский

дождь и мы, ускоренно передвигаясь под кронами каштанов, возвратились в училище сушить и гладить новенькие парадные кителя, изрядно намокшие от дождя.

Жили мы в старом казарменном корпусе, построенном специально для кадетского военного корпуса еще при Австрийском правлении. Коридор на всю длину здания по одну сторону с окнами во двор, а по другую с жилыми кубриками на каждый учебный взвод. Армейские койки в два яруса. Весь курс, а это восемь групп, свободно умещался в две шеренги на одном этаже. Оружейная комната располагалась в подвальных казематах. Здание казармы потернами-переходами соединялось с главным учебным корпусом, старым клубом, кафедрой «Культуры и искусств» и спортивным залом. Два современных типовых здания казарм только начинали строить.

У главного учебного корпуса размещался строевой плац с аллеей фруктовых деревьев. По другую сторону плаца трибуна и клуб училища. За клубом спортивный городок и стадион, примыкающие к ограде со стороны Стрыйской улицы.

Рядом с казармой, со стороны входа, современное здание, где расположились кафедры «Танкотехнической подготовки», «Автомобильной подготовки», «Физической подготовки и спорта», «Ракетно-артиллерийского вооружения», почта, магазин и парикмахерская. Чуть левее от него, курсантская столовая с двумя огромными обеденными залами. Офицерская столовая и столовая для иностранцев на втором этаже.

У проходной училища старинное здание «Кафедры музыки», построенное одновременно с главным учебным корпусом и казармой. За ним современный библиотечный корпус с буфетом и кафедрами «Партийно-политической работы» и «Военного права». Рядом с ним караульное помещение с караульным городком.

Общежитие для старшекурсников и факультета «Журналистики», с буфетом, банией и училищным лазаретом на первом этаже, находилось внизу училищной территории, вдоль улицы А. В. Суворова. Рядом девятиэтажное общежитие «Специального факультета» для иностранцев.

На территории училища располагался и свой автопарк с танковыми боксами и боксами машин «НЗ».

В центре училищного городка, недалеко от КПП-1, за всеми зданиями и учебными корпусами, в тенистой тишине, спряталось двухэтажное здание штаба училища. В фойе штаба размещено Боевое Знамя с орденом Красной Звезды, охраняемое вооруженным карабином курсантом-часовым в парадной форме.

ТERRITORIЯ УЧИЛИЩА УТОПАЛА В КАШТАНАХ И ФРУКТОВЫХ ДЕРЕВЬЯХ. ВСЕ, ЧТО НЕОБХОДИМО БЫЛО ДЛЯ УЧЕБЫ, ЖИЗНИ И БЫТА, УЧИЛИЩЕ РАСПОЛАГАЛО В ПОЛНОМ ОБЪЕМЕ И СОДЕРЖАЛОСЬ В ОБРАЗЦОВОМ СОСТОЯНИИ. МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА УЧИЛИЩА БЫЛА СОЗДАНА ОЧЕНЬ МОЩНАЯ. Не зря в 1979 году на базе Львовского ВВПУ проводились Всеармейские сборы руководящего состава военно-политических училищ Советской Армии и Военно-Морского

Флота. Руководил сборами лично начальник Главного политического управления СА и ВМФ генерала армии А.А. ЕПИШЕВ.

Напомню, что в советское время в Вооруженных Силах СССР, с марта 1967 до конца 1980 года было образовано одиннадцать высших военно-политических училищ и одно Высшее пограничное военно-политическое училище КГБ СССР. В их число входили: Рижское (РВСН), Новосибирское и Минское (общевойсковые), Свердловское (танко-артиллерийское), Донецкое (связи), Курганское (авиационное), Симферопольское и Таллинское (строительные), Львовское (военные культпросветработники и журналисты), Киевское (военно-морское) и Ленинградское (ПВО). Эти училища выпускали политработников с учетом специфики видов Советских Вооруженных Сил.

Высшие военно-политические училища пользовались большой популярностью среди молодежи. Высокий уровень получаемого образования открывал хорошие возможности для служебного роста выпускников. Но и отбор абитуриентов был достаточно жестким. Конкурс для поступления в них составлял 1 к 10, а среди гражданской молодёжи доходил до 1 к 14.

Офицеры-политработники, прослужившие в войсках, со штатной должностной категории «майор» и выше учились в Военно-политической академии имени В.И. Ленина в Москве и на 10-х Центральных курсах усовершенствования политсостава в Киеве.

В Львове Начальнику ГлавПУРа СА и ВМФ было что показать и на чём положительном примере учить руководящий состав военно-политических училищ.

Учиться было интересно. Наряду с сугубо военными дисциплинами и общественными науками, мы изучали такие специфические предметы, как «История музыки», «История архитектуры», «История театра», «История кино», «История изобразительного искусства», «История хореографии», «История русской и советской литературы», «История зарубежной литературы», «Библиотековедение и библиография», «Режиссура массовых форм клубной работы». Даже проходили практические занятия по «Театральному гриму». Ни в одном военном училище таких предметов не преподавали.

Всего за четыре года учебы требовалось изучить, сдать зачетов и экзаменов по тридцати девяти дисциплинам, написать и защитить курсовую работу. Кроме того, необходимо было пройти и защитить две войсковые стажировки. Одна, в течение месяца, после второго курса, в должности заместителя командира роты по политической части. Вторая, два месяца, на четвертом курсе, в должности начальника клуба полка. И в завершение, отчитаться перед Государственной комиссией по трем госэкзаменам: «История КПСС», «Культурно-просветительная работа в Советских Вооруженных Силах» и «Общая тактика».

Большое внимание командованием училища обращалось на физическую подготовленность курсантов. За этот вопрос отвечал заместитель начальника училища

полковник КОБОЗЕВ Георгий Кузьмич — фронтовик, боевой офицер-танкист, в годы войны два раза горел в танке. Суровый, требовательный начальник. Каждый курсант старался его обходить подальше, иначе за что-нибудь зацепится и отчитает. Мы его прозвали «Жора — черный полковник». Драл он нас, как «сидоровых коз», за соблюдение формы одежды, строевую выправку, а уж физподготовка и спорт были его любимым коньком. Кроме плановых учебных занятий по физо, ежедневная утренняя физическая зарядка в любое время года и в любую погоду — беспрекословно.

Каждую субботу кросс три километра в форме, с автоматом и противогазом. Раз в месяц марш-бросок на шесть километров с полной выкладкой и на время. Не уложился, в увольнение не идешь. Иногда мы умудрялись перехитрить заместителя начальника училища. Скрывшись за поворотом шоссе, останавливали грузовики, тракторы, даже скрепер, и часть пути марш-броска ехали, оседлав технику. Некоторые умудрялись ловить проезжающее такси. Отдохнув на обочине, как ни бывало, продолжали свое движение к финишу, в соответствии с нормативным временем, имитируя изнеможение и усталость от преодоленного бегом пути.

В воскресенье с утра и до обеда очередные спортивные праздники и соревнования. И везде, и всегда личное присутствие полковника КОБОЗЕВА Г.К. От него не спрячешься. Всех посчитает. Уважительной причиной отсутствия на физо считалось только нахождение в наряде или на больничной койке в госпитале или лазарете. Мы шутили, что надо переименовать Львовское высшее военно-политическое ордена Красной Звезды училище в Львовское высшее военное конноспортивное, с легким культурным уклоном, имени товарища Г.К. КОБОЗЕВА училище.

Доставалось нам и от «Кафедры тактики», кафедр «Огневой подготовки» и «Танкотехнической подготовки». Базовой в училище являлась общевойсковая тактика. Опять же, кроме плановых учебных занятий, два раза, зимой и летом, на каждом курсе проводились полевые выходы с выездом на Яворовский полигон, в пятидесяти километрах от Львова. Учебный центр училища располагался на территории общевойскового полигона Прикарпатского военного округа в местечке Старики.

Ночью подъем и сбор по тревоге, получение личного оружия, боеприпасов и суточного сухого пайка. На крытых брезентом бортовых ЗИЛ-130 нас вывозили за пять километров от города и дальше, спешившись, в полной амуниции, штатным оружием и боеприпасами, шанцевым инструментом и укомплектованным вещмешком с сухим пайком за спиной, мы пешком совершали 50-километровый марш-бросок до самого учебного центра.

На пути по пересеченной местности отдавались вводные распоряжения то о нападении противника и его отражении, то о применении оружия массового поражения и ведении боевых действий в общевойсковом костюме химзащиты (ОЗК). То требовалось выставить разведку, боковой дозор или заминировать пути отхода и т.п.

Измотанные до нельзя, с истертыми ногами и мокрыми сапогами, по темну, мы выходили на высоту «Круглая». Располагалась она в двух километрах от жилого лагеря учебного центра, где нас ждала в столовой горячая пища и видавшая виды старая сборно-щитовая казарма с печным отоплением и провалившимися местами от ветхости дощатым полом, где стояли армейские койки в два яруса. Шли в предвкушении скорого отдыха и гадали, кто же с марша из нас заступит в наряд по роте. Это означало, что кому-то, по прибытии, еще сутки не спать, исполняя обязанности дежурного и дневальных по роте, одновременно являясь истопниками дровяной печи.

Но не тут-то было. В довершение марш-броска приходила команда занять оборону с инженерным оборудованием опорного пункта роты. Это значит рыть окопы, траншеи, ходы сообщения, с использованием личного шанцевого инструмента, т.е. саперных лопаток. Этот норматив тоже имел свое время выполнения, в которое необходимо было уложиться.

Только к трем часам ночи, через сутки, после подъема по тревоге, обессиленные мы доползали до заветной койки, засыпая, не успев головой коснуться подушки. Мокрые портянки клали под простыню, чтобы к утру высушить их теплом своего тела.

Именно на занятиях по тактике рождались курсантские шутки типа «Сигнал к атаке — три зеленых свистка», «Ориентир номер один — одиноко стоящая корова», «От меня до следующего пня — триста метров», «Ориентир номер два — высота «Бестолковая» и прочие.

Надо отдать должное, учили нас «тому, что необходимо на войне» без послаблений, по пехотному, по главному суворовскому принципу: «Тяжело в учении, легко в бою». И с нами, молодыми и крепкими, кому еще не было двадцати лет, вместе шли маршем, бегали и прыгали те, кто нас обучал, седовласые полковники — преподаватели кафедры «Общей тактики», имеющие богатый опыт ведения боевых действий.

Нашим куратором по тактике все четыре года был старший преподаватель кафедры полковник ИВАНОВ. Имени и отчества уже не помню. Его принцип «Делай, как я!», а не «Как я сказал!», нам импонировал. Спуску и послаблений в боевой подготовке курсантов он не допускал. Не зря члены госкомиссии на выпускном экзамене по тактике отмечали, что львовских выпускников с их уровнем боевой подготовки можно смело ставить на должности командиров мотострелковых рот, а не начальниками солдатских клубов.

Не менее важное место на полевых выходах занимала огневая подготовка.

За годы учебы мы отстрелялись со всех видов стрелкового оружия советской пехоты, как днем, так и в темное время суток, с приборами ночного видения. Пистолет Макарова и автомат АКМ знали досконально и постоянно, как из штатного оружия, выполняли различные упражнения по огневой подготовке.

Выполняли упражнения из ротного пулемета ПК, с трехсот метров легко дробящего на куски кирпичную стену-кладку, в два силикатных кирпича. На стрельбище

отрабатывали нормативы по стрельбе из монозарядного гранатомета РПГ-7 и многозарядного скорострельного АГС-17, при этом испытывая чувство гордости за силу и мощь современного советского стрелкового оружия.

Регулярно выполняли упражнения по метанию боевых гранат, как наступательных РГД-5, так и оборонительных Ф-1, таких же, какие выкапывал школьником в траншеях периода Великой Отечественной войны под Гардене.

Преодолевали в химзаците огневую полосу препятствий из зажженного напалма, у которого температура горения 1200 градусов. В полях нас учили воевать, быть готовыми к защите своей Родины, а не полировать казармы.

В учебных аудиториях училища изучали материальную часть и тактико-технические характеристики танков и БМП, как отечественных, так и зарубежных армий вероятного противника.

На полевых выходах каждый курсант отрабатывал практическое вождение танков и БМП. Далеко не свежий по модельному ряду выпускаемой бронетехники, учебный танк Т-55 сразу покорил меня своей мощью. Никакая на вид непролазная грязь ему не помеха. Месит ее гусеницами, без особых усилий и уверенно ползет вперед, грозно рыча мощным двигателем, выпуская едкий черно-сизый дым отработанной солярки. Не зря говорят о тех, кто идет напролом, что «прет, как танк».

Чтобы управлять рычагами и педалями этой машины без гидроусилителя, механику — водителю танка требуется хорошая физическая подготовленность, и умение видеть поле боя через щелку специального призменного узенького стекла. Хотя был один случай, когда наш однокурсник, щупленький на вид Володя ЛОБАХ, умудрился так дернуть рычаг управления, что сжег левый фрикцион, и танк крутился на месте, как подбитый в бою, до тех пор, пока прaporщик-инструктор, при помощи ненормативной лексики в адрес незадачливого курсанта, не заглушил двигатель.

Другое дело боевая машина пехоты (БМП-1). Машина легкая в управлении, штурвал с гидроусилителем, скоростная, маневренная и мягкая на ходу, как по шоссе, так и по бездорожью. Не зря пехотинцы ее называли «чайка полей». Из-за ее мягких ходовых качеств, боевой расчет мотострелкового отделения, состоящий из молодых воинов, сначала обкатывали, так как передвижение личного состава в бронированном корпусе без окон, равносильно качке на корабле, приводящей к «морской болезни». Зато управлять БМП, сидя на месте механика-водителя, по полям и долам — одно удовольствие. На ней бы на рыбалку или за грибами в лес!

Отличие курсанта от студента не только в том, что он изучает военные дисциплины и обучается «Науке побеждать». Он еще несет внутреннюю, караульную и гарнизонную службу. Наводит порядок в казарме — доме, где он живет. Отвечает он и за порядок на закрепленной территории училища, вроде бесплатного дворника. Его привлекают на различные хозяйствственные и инженерно-восстановительные работы. Еще

они имеют свои подшефные школы и детские сады города, которым всемерно надо помогать и проводить военно-патриотическую работу с молодежью. Курсант военного училища — это специалист широкого профиля.

Согласно поговорке: «Два курсанта и лопата заменяют экскаватор». Мы же развили ее дальше: «Два курсанта КПР заменяют БТР». Это сегодня Министр обороны А.СЕРДЮКОВ, подражая укладу жизни армии США, отменил все «несвойственные функции» в армии, оставив солдату и курсанту только боевую учебу. Бытовые задачи за военных выполняют гражданские специалисты «Оборонсервиса», которые разбегутся при первых же выстрелах в условиях настоящих боевых действий. Они в мирное время работают только с 9 до 18 часов. И дальше по времени к работе их привлекать «не маги».

Мы же, советские курсанты, делали все сами. Видимо от этого, вместо юнкеров и кадетов дореволюционного времени, после победы Великого Октября, появилось слово «КУРСАНТ». Смысль этого слова мы перевели по-своему так, перевожу дословно по буквам: **К**олоссальная **У**ниверсальная **Р**абочая **С**ила **А**бсолютно **Н**ежелающая **Т**рудиться. Не желающая, но обязанныя. И мы трудились на всех направлениях курсантской жизни и быта, попутно помогая и населению города Львова.

Наряду с учебой мы несли воинскую службу. А видов этой службы было много. Кроме внутренних нарядов по роте и учебным корпусам, заступали во внутренний караул по охране объектов на территории училища и в наряд по столовой. Заступали повзводно. Если наша 1-я группа идет в караул, то 2-я группа формирует кухонный наряд. В следующий раз наоборот.

В карауле семь постов, все по три смены. Одна смена на посту, вторая бодрствует, третья отдыхающая, т.е. спит. Самый ответственный был 1-й пост у Боевого Знамени училища в штабе. Два часа в парадной форме по стойке смирно с карабином АКС, на виду всего начальствующего состава училища, не так-то просто стоять не шелохнувшись. Зато ни дождь, ни снег не страшен, тепло и светло. На этот пост подбирали высоких ребят, без изъянов. Я на этот пост не подходил, т.к. был очкариком.

Самым лучшим был 7-й пост — патрулирование на Монументе Славы у выхода из Парка культуры и отдыха имени Т.Г. ШЕВЧЕНКО. В парадной форме, с белым ремнем и штык — ножом на боку, алая повязка «Патруль» на рукаве, гуляй себе и смотри, чтобы не допустить случаев вандализма или осквернения охраняемой святыни. В будние дни добавлялось здание Музея истории Прикарпатского военного округа, принимающего экскурсионные группы и посетителей по выходным, в ста метрах по аллее от Монумента Славы, передаваемое нашему внутреннему караулу под охрану. Ходи и созерцай на отдыхающих львовян, из Зеленого театра парка звучит музыка, лепота! Мини увольнение, да и только.

На этот пост ходили по очереди, но чаще всех заступал командир первого отделения сержант МОРГУНОВ Владимир Иванович. Ростом за два метра, статный,

с лицом волевого мужчины, типа артиста УРБАНСКОГО. Наутюженный и надушенный одеколоном, сапоги, надраенные до зеркального блеска, Володя любил побалагурить на посту с местным женским населением, на людей посмотреть, да и себя показать.

Но один раз с ним произошел небольшой конфуз. Сменился, как мы его называли, сержант Вова, со своей смены, пришел на обед и стал нам восторженно рассказывать, что познакомился с такой девушкой! В следующую его смену она обещала снова прийти на встречу. И давай гладиться, мыться, бриться, намазываться благоухающими кремами и одеколонами. Оделся в соответствие со строевой парадной формой одежды и отправился в очередную свою смену к Монументу Славы.

Не прошло и получаса, как возвращается красный от смущения Володя и поведал нам следующее. Хожу, говорит, гордый и красивый, как павлин с распущенными хвостом, жду приятной встречи. Люди проходят мимо и на меня все обращают внимание, показывают в мою сторону и радуются. Я, говорит, еще больше приосанился, строгость служивую напустил, сам себе нравлюсь. Присмотрелся, а народ не радуется, а посмеивается надо мной, показывая пальцами в мою сторону.

Оказалось, что Володя, торопясь на встречу, не прищепил на брюках подтяжки. Мужские помочи, предательски свисавшие сзади из-под парадного мундира, как хвост, болтались на уровне начищенных до глянца сапог, в такт его шагам, и поблескивали на солнце никелированными зажимами-крокодильчиками. Эту картину можно только представить. Пришлось ему по-быстрому ретироваться, благо до проходной училища меньше ста метров, и приводить себя в порядок.

Мы с Витей КОЗЛОВЫМ и его сменщиком Александром КАЛИНИЧЕНКО в основном ходили охранять училищный автопарк и танковые боксы. Мой пост № 3. У Виктора или Сани пост № 4. Две половины парка, разделенные въездной дорогой, спускавшейся мимо боксов вниз от КТП.

Моя охраняемая половина парка примыкала через ограждение сеткой «рабица» к курсантской столовой. Половина Виктора к глухому забору с вышкой и прожектором — в углу. За забором уступами размещались общежития Львовского политехнического института, откуда постоянно звучала музыка, и слышались голоса разгулившихся студентов. Посредине, на стыке наших постов, в глубине парка, открытая стоянка инженерной техники под крышей-навесом. Ничего интересного, скучно, а если дождь или снег, то и грустно.

В ночное время, набродившись вокруг своих охраняемых объектов, мы, в нарушение Устава караульной службы, встречались у инженерной техники, забирались в кабину гусеничного БАТА на десятиминутный перекур. Если идет проверка, нам ее видно в свете коридора КТП. А им нас нет. Тем более, после яркого освещения в помещении КТП. Мы, как ни в чем не бывало, быстро занимали свои посты и, по уставу, встречали

роверяющего нас дежурного по училищу офицера в сопровождении нашего сержанта-разводящего и караульного бодрствующей смены.

За все время охраны автопарка было только два случая, о которых можно вспомнить.

Первый, когда на День Великого Октября из окна студенческой общаги умышленно из мелкокалиберной винтовки обстреляли пост Виктора. Ему повезло, пули прошли рикошетом по крыше, не попав в часового. Поднимали караул по тревоге. Но никого, конечно, не нашли. Потом со студентами разбирались специальные органы. Результатов нам не доводили. Единственной принятой мерой по итогам этого случая стала отмена из маршрута патрулирования часового этого поста обязательный подъем на караульную вышку с прожектором. Хорошая мишень для львовских студентов «политеха», с которыми традиционно исторически мы были не в ладах.

А второй случай был со мной, за что мне объявили три внеочередных наряда на службу.

Было дождливое утро перед подъемом. Кухонный наряд от 2-й группы мимо меня шел готовить столовую к завтраку. Кто ходил в караул, знает, что самое солнечное время с четырех до шести утра. Вот и мне ужасно хотелось спать, глаза слипались сами собой, автомат оттягивал плечо, шел дождь, и мокрый брезентовый караульный плащ висел на мне тяжелой ношей.

Чтобы облегчить свою нелегкую долю часового, я вставил автомат затвором в трещину между кирпичами стены танкового бокса. Он висит на стене, я стою в плаще, за спиной виден ствол автомата. Не придерешься, цвет брезентового ремня автомата совпадает по цвету с плащом-дождевиком часового, пошитого из грубого брезента.

Накануне мне пришло письмо от родителей, и ребята из кухонного наряда принесли его к ограде моего поста. Забыв про автомат, висящий на стене, я отошел от бокса к забору за письмом. И, как назло, идет проверять готовность кухонного наряда наш родной командир взвода старший лейтенант ШТЫРЛИН А.К. У него от такой картины, где я у забора, а автомат, в десяти метрах, на стене висит, перехватило в горле, и фуражка медленно поползла на сивый затылок. Не стал он меня снимать с караула. По возвращении воспитывал с пристрастием и объявил взыскание в три внеочередных наряда на службу.

Отдельная тема — наряд по кухне. О нем нельзя не упомянуть.

Группа, заступая в столовую, проходила медосмотр и получала робу-подменку. Состав наряда распределялся по объектам столовой: варочный цех, обеденные залы, овощерезка и посудомоечный, так называемый «торпедный цех».

Наиболее престижным было попасть в варочный цех. Рядом с гражданскими поварами. Получил со склада продукты, доставил их поварам на кухню. Помыл огромные варочные котлы и кастрюли. Начистил ванную размороженной рыбы. Убрался

на своем, закрепленном участке и, казалось бы, с задачей справился, можешь отдохнуть. Ах, нет. Негласной обязанностью наряда по варочному цеху было договориться с поварами на счет мяса и рыбы, для доппайка составу стоящего наряда по столовой. К 23 часам вечера нажарить картошки с мясом и рыбой, добытые у сердобольных женщин-поваров, и накрыть на весь состав наряда стол. Поэтому сюда назначались самые коммуникабельные в общении, балагуры, пронырливые и смелые ребята, типа Валеры АРАКЕЛЯНА, Олега НАРОЛЬСКОГО или Александра КАЛИНИЧЕНКО. А после приема ночного дополнительного пайка, все направлялись на помочь мученикам из овощерезки.

Похоже было в обеденных залах. Надо накрыть столы в двух залах на более двух тысяч человек с бачками, чайниками, тарелками с маслом, хлебом и сахаром, ложками и вилками. После приема пищи все это хозяйство собрать обратно, загрузить на тележки и доставить в посудомоечный цех. Потом подмести и помыть полы в бескрайних обеденных залах, перевернув стулья на столы, а потом, после уборки, поставить их обратно. За сутки набегаешься вдоволь.

Овощерезка и моечный цех — «хрен редьки не слаше». Две ванны картофеля горой, пару баков моркови, лука, при наличии вечно неработающей электрической картофелечистки. И весь этот объем овощей доставался четверым. Это вам не мед ложкой хлебать у мамы дома! В течение суток, не выпуская ножей из рук, сидели мы и до одури чистили нескончаемую картошку и моркошку. Благо приходили на помочь освободившиеся ребята из других цехов и обеденных залов. К двум-трем часам ночи заканчивали работу и всем нарядом шли отдохнуть оставшееся время. Глаза закрываешь и перед тобой та же картина — нож и картошка в руках, и падающие очистки. В пять утра наряду по кухне снова подъем и по своим местам в столовой.

В посудомоечном цеху работали три человека. Душно и влажно от парящих ванн с горячей водой, заправленных обезжирающим посуду порошком посудомоя или низкосортной мукой. Горы грязных тарелок из нержавейки, как торпеды, влетали в моечную ванну. Почему и дали название «Торпедный цех». Бесконечный конвейер, с небольшим перерывом на ночной отдых. Один сбрасывает объедки в бак под пищевые отходы, очищая тарелки. Второй в ванне с горячей водой моет посуду. Третий споласкивает ее холодной проточной водой из-под крана и ставит в сушку. И такой непрерывный процесс после завтрака, обеда и ужина на протяжении всего наряда. Романтики мало.

Кроме внутренних нарядов по училищу были еще и гарнизонные. Первый гарнизонный караул — охрана гарнизонной комендатуры и гауптвахты.

Комендант Львовского гарнизона подполковник КУЗЬМЕНКО, человек, обличенный властью, ненавидящий всех и вся в округе, лютовал, наводя порядок, доходя до маразма и даже оскорблений гражданского населения. Объезжая город на своем

грузовом УАЗ-452 с «собачатником» — клеткой на кузове, набивал его служивым людом, кто чем-то не понравился требовательному коменданту. Привозил в комендатуру и рассаживал по камерам гауптвахты. Нередко, за незначительные нарушения Устава гарнизонной и караульной службы, выводные в курсантских погонах сами становились временными арестантами. Пройти осмотр, развод и инструктаж без замечаний, при личном участии коменданта КУЗЬМЕНКО, ни рядовому, ни полковнику не удавалось. Не моргнув глазом, он отправлял заступающий караул обратно в училище для устранения недостатков, указанных им. В первый гарнизонный караул мы заступать не любили. Для нас он был, как каторга.

Намного легче и спокойнее было во втором гарнизонном карауле, на продовольственных складах Прикарпатского военного округа. Людей нет, закрытые и опечатанные длинные складские здания. Тишина. По периметру забора помогают охранять объект здоровые злые псы, бегающие на поводке по протянутой по периметру забора проволоке. За забором Львовский городской молочный хладокомбинат. Наши специалисты по варочному цеху умудрялись сбегать туда, договориться и принести в караульное помещение картонную коробку сливочного мороженого в вафельных стаканчиках.

Хуже, когда мы попадали на эти склады в роли дежурного подразделения по гарнизону. Обычно команда приходила после отбоя или в выходные дни. На крытом грузовике нас доставляли на склады на окраину Львова, где у разгрузочной рампы ждал товарный вагон грузоподъемностью 62 тонны. Хорошо, если с мешками сухофруктов. Больше попадались вагоны с сахаром-песком в мешках по 50 килограммов каждый или большими картонными упаковками замороженной морской рыбы. Ночь проходила на разгрузке вагона, а утром подъем, правда, без зарядки, завтрак и факультетский развод на учебные плановые занятия.

Лучшим гарнизонным нарядом был патруль по городу.

Пройдя через личный осмотр внешнего вида и инструктаж коменданта КУЗЬМЕНКО, по трое, во главе с офицером, мы расходились по установленным четырнадцати городским маршрутам патрулирования. Офицеры-старшие патруля, от старшего лейтенанта до полковника, в большинстве своем были нормальные, земные, государевы служивые люди, без «снаряда в голове», далекие от солдафонства и интересные в общении.

Мы ходили по городу и мирно беседовали на всякие интересующие темы. Отклонение от маршрута влекло за собой драконовские меры со стороны коменданта гарнизона. Вместе с тем, несмотря на угрозы коменданта, уйдя на маршрут, мы, добросовестно патрулируя, успевали зайти в кинотеатр, куда нас пускали бесплатно, и посмотреть кинофильм. Попить кофе в уютном летнем кафе. Частенько офицер — старший патруля отпускал нас чуть раньше окончания времени патрулирования. И мы с другом Виктором ГУСАКОМ, живущим в Львове, предварительно позовинив его маме, ехали

к нему домой на улицу Днестровская, где нас уже ждал домашний ужин, заботливо приготовленный Ольгой Петровной ГУСАК.

Ежегодно 7 ноября, в День Великого Октября, проводился парад войск Львовского гарнизона. Участие в параде принимали части всех видов и родов войск Прикарпатского военного округа, а также Хмельницкое, Каменец — Подольское и наше, Львовское, военные училища. От нас выставлялись рота почетного караула, одна офицерская «коробка», два сводных общевойсковых батальона, один военно-морской и рота парадных барабанщиков, традиционно открывавшая военный парад. В течение четырех лет учебы я был участником всех четырех львовских парадов 1976, 1977, 1978 и 1979 годов.

Наша 3-я рота, переодетая в суворовскую военную форму, с красными нагрудниками с золотыми пуговицами и аксельбантами, была той ротой «юных барабанщиков». Как в песне поется: «Ты уже не мальчик, юный барабанщик». Так и в нашем случае. До смеха доходило. На четвертом выпускном курсе, когда большинство однокурсников были женатыми и даже успели завести детей, без пяти минут лейтенанты, а мы изображаем юных суворовцев. На общих гарнизонных тренировках доходило до курьезов, когда на перерыве к нам подходили курсанты 2-го и 3-го курсов из Хмельницкого и Каменец-Подольского училищ и агитировали нас, по окончании суворовского училища, поступать к ним. Мы включали дурака и наивно их разводили, показывая величайшую заинтересованность их предложениями и условиями поступления к ним в училище.

Нас тренировали отдельно от всех. Коробка десять на десять, т.е. сто человек. Занимался нашей подготовкой музыкант училищного оркестра, ветеран Вооруженных Сил, старшина-сверхсрочник по фамилии ФОГЕЛЬ. Прохождение строевым шагом, с барабаном на животе и единообразной, с секундной задержкой, отмашкой рук в белых перчатках и с барабанными палочками, требовало определенной подготовленности и строевых нюансов.

Если обычный строй становился по ранжиру, т.е. с высоких ростом в первых рядах, до низкорослых, завершающих строй, то у барабанщиков было наоборот. Мелкие шли впереди, а строй замыкали дяди под два метра ростом, как сержант Володя МОРГУНОВ, к тому времени имеющий годовалого сына. На параде, с трибуны, такой строй смотрелся объемно и красиво. После каждого парада мы оценивали свое прохождение, транслируемое по местному телевидению, и сравнивали с парадным строем барабанщиков настоящих суворовцев в Москве, на Красной площади. Мы шли намного лучше. Все- таки уже не дети, хотя еще и не лейтенанты.

За полтора месяца до парада начинались ежедневные тренировки на плацу училища. Потом несколько дневных сводных тренировок на проспекте В.И. Ленина в центре города у Львовского театра оперы и балета. И триочных тренировки там же. На парадной стометровке наш строй барабанщиков стоял напротив магазина текстиля

«Лавсан» и магазина «Гудзики», где продавали пуговицы и прочую фурнитуру для швейного дела. Насмотревшись на них за время тренировок, мы их окрестили на иностранный манер — английский магазин «Лавсан» и итальянский «Гудзики», с ударением на первую букву «И».

Парад открывал начальник гарнизона, стоя в парадной серой «Волге» без крыши, за ним шли мы — барабанщики, потом парадные строи нашего училища, а там и все остальные участники парада. В завершение шли боевая техника и сводный военный оркестр округа.

За свое прохождение мы всегда получали благодарность от командующего округом. В мою бытность командующими Прикарпатского военного округа были Герой Советского Союза генерал армии ВАРЕННИКОВ В.И., потом его сменил генерал-полковник БЕЛИКОВ, прибывший из ГСВГ.

Строевой плац. Место проведения торжественных построений, строевых смотров, ежедневных построений и разводов на занятия, место занятий по строевой подготовке и вечерних прогулок, общеучилищных поверок, завершающих государственные праздники. Это место сбора всего личного состава и обязательный атрибут каждой, даже маленькой отдельной воинской части. Можно сказать святыня воинских коллективов. А на святыню плевать нельзя. Поэтому содержаться строевой плац должен всегда, в любое время года, в образцовом состоянии.

Плац нашего училища, протянувшийся вдоль величественного длинного здания главного учебного корпуса, при моем поступлении был сравнительно небольшой, с широкой аллеей фруктовых деревьев и такой же ширины асфальтированной пешеходной дорожкой вдоль здания. Командование училища приняло решение расширить плац. По осени 1976 года вырубили яблони и закатали освободившуюся территорию асфальтом. Строевой плац училища стал в два раза больше.

Начало 1977 года ознаменовалось тем, что училище перевели с факультетской системы на батальонную штатную структуру. А в нашей роте поменялся начальник курса.

Старшего лейтенанта МИЛОШИЧА из-за развода с женой отправили служить в войска. Командование посчитало, что «морально неустойчивый командир и коммунист не может воспитывать будущих политработников». И очень жаль. Отличный был начальник курса — уважаемый нами командир и человек.

Его заменил, прибывший из закарпатского городка Берегово старший лейтенант ПОДЧУВАЛОВ, вскоре повышенный в звании до капитана. Мы его сразу окрестили «Пупком». Своей барственной манерой поведения с подчиненными, розовощекий, с плотным торсом и животиком, он в полной мере соответствовал этому прозвищу.

Эти два события стали первым реформированием в моей дальнейшей 27-летней службе. Вслед за этим отобрали портфели и дипломаты, с которыми мы ходили на

занятия. Это была великая потеря демократичности, присущая до этого времени нашему училищу. Даже в строю была команда: «Взять портфели!». Портфели запретили, зато всучили нам полевые сержантские сумки через плечо. Но они не прижились. И до самого выпуска мы их не носили. Все купили картонные папки на завязках с теснеными буквами «Папка для бумаг». Заштриховав необходимые буквы на лицевой стороне, получилось «Папка для ума». Вот с ними мы и ходили на занятия.

Факультет остался, но его разделили на два батальона. Группы с 1-й по 4-ю всех четырех курсов вошли в состав первого батальона, под командованием полковника САДОВСКОГО В.И. Вторая половина групп с 5-й по 8-ю, также четырех курсов и военно-морское отделение, во второй батальон, под командованием подполковника ТЮПАЛОВА. В то время на слуху была знаменитая, почитаемая нами, рок-группа «Дип пёпл». Вот мы и придумали, что если целостный факультет «КПР» — это «Дип пёпл», то командир нашего первого батальона полковник САДОВСКИЙ будет называться «Дип папа», а второго батальона подполковник ТЮПАЛОВ, соответственно станет «Тюп папл».

За уборку и содержание плаца отвечал 2-й курс 1-го батальона факультета КПР. То есть, перейдя на второй курс, наша рота в придачу получала и эту огромную площадь, поровну поделенную на четыре группы.

Если в летний период с уборкой плаца проблем почти не было, разве что слегка местами подмести, да разогнать лужи пред училищным разводом. То к осени положение усугублялось опадающими широкими разлаписто-резными листьями каштанов, крепко прилипающими к мокрому асфальту. Не писанный армейский закон, гласящий, что «Листья имеют два состояния: они или висят на дереве, или зависают в воздухе, не долетая до земли», никто не отменял. Поэтому метлы и плащ-накидки, под ворохи собранных листьев, до наступления зимы становились нам, как родные. Выражение комбата САДОВСКОГО В.И. «Метите плац от КПП и до отбоя. С метлами я договорился», соответствовало действительности.

Зато зимой! Как мы гребли строевую святыню львовской снежной зимой 1977–1978 года! На удивление мокрый крупный снег валил ежедневно, особенно предательски шел по ночам. Нас поднимали за два часа до училищного подъема и отправляли на уборку закрепленной территории. Гребли по двое широкими металлическими щитами с ручками. Только уберем, снег снова нападал. Так до завтрака и ползали по плацу со скребками. Нам этот процесс порядком надоел. Ночи постоянного недосыпа сказывались на качестве учебного процесса. В теплой аудитории, волей неволей, брал свое здоровый курсантский сон, к великому неудовлетворению преподавателей. И мы на время нашли выход из создавшегося положения.

Ежедневно, около 5.30 часов утра, мимо училищного КПП по улице Гвардейская, проходил грейдер, очищая проезжую ее часть от выпавшего снега. Командир группы

старший сержант Андрей РЫБНИКОВ, как местный львовский абориген, знающий украинский язык с местным диалектом, договорился с трактористом, чтобы тот за деньги убирал трактором за нас плац. Что ему на грейдере, пару кругов сделал, получил пять рублей и поехал дальше городскую улицу убирать. Нам оставалось лишь окультурить сугробы. Получая на втором курсе свои курсантские 7 рублей 30 копеек в месяц, мы складывались на арендную плату трактора. И трактористу приработок и нам хорошо, можно подольше поспать.

Но наши коммерческие отношения с одним из востребованных зимой представителей гражданского населения города Львова прекратил комбат САДОВСКИЙ В.И., прияя пораньше на подъем в училище.

В соответствии с нашими договоренностями, тракторист, закончив работу, остановил грейдер посредине убранного от снега плаца, и вылез из кабины получить законно заработанные пять рублей. Из-за грейдера, как черт из табакерки, вылетел, кипя от негодования, наш «Дип папа» с вопросом: «Рыбников! Что это за безобразие? Почему гражданский трактор на территории военного училища?». Командир группы старший сержант РЫБНИКОВ, не моргнув глазом, доложил по команде, что плац убран, задача выполнена и не найдется ли у товарища полковника пять рублей для оплаты трактористу. Немая сцена. Стоим мы, вне строя, с лопатами, тракторист в ожидании денег, и два наших командира друг перед другом, младший и старший. Комбату, как фронтовику, неудобно было падать в грязь лицом перед зелеными курсантами из-за пяти рублей. Он отдал деньги трактористу и впредь запретил нам пользоваться его услугами. Ну и пусть. Весна была уже не за горами.

В соответствии с распорядком дня училища перед вечерней поверкой и отбоем на плацу проводились ежедневные вечерние прогулки в составе учебных рот. Все курсы выходили на плац, но прогуливались по-разному. Как и в любом другом военном училище, у нас была четкая градация.

Первый курс назывался: «Без вины виноватые», т.е. молодые, неопытные курсанты, которых всему еще надо учить и за все строго спрашивать, приучая к строгой армейской дисциплине.

Второй курс назывался: «По тонкому льду». Взаимоотношения в коллективе уже окрепшие, устоявшиеся и дружеские. Но еще можно быть отчисленным из училища по неуспеваемости или за грубое нарушение воинской дисциплины. Да не просто отчисленным, а с отправкой в войска, для дослуживания установленного срока службы по призыву, т.е. рядовым солдатом. Причем, два года училища несправедливо засчитывались за один год службы по призыву.

Третий курс самый беззаботный — «Веселые ребята». Всему обучены, всё знают, взаимоотношения — один за всех и все за одного, не обременены подготовкой к выпускным экзаменам, впереди еще самостоятельная двухмесячная стажировка, в отрыве от

училища и, как правило, уже не отчисляют за успеваемость и за мелкие нарушения. Одна причина отчисления — грубейшее нарушение воинской дисциплины или преступление. Третий курс, считай, младшие лейтенанты, только в курсантских погонах.

Четвертый, выпускной курс, назывался: «А туда ли я попал?». Все знают и умеют, стерты грани между сержантами и рядовыми, все без пяти минут лейтенанты. Но каждый понимает, что впереди подготовка к выпускным экзаменам и его личное распределение по видам и родам войск. Можно поехать в Среднеазиатский военный округ в пески или горы, или Забайкальский военный округ в сопки и тундру. А можно послужить в Венгрии, Германии, Чехословакии или Польше. Неплохо попасть в Прибалтийский, Одесский или Киевский округа. Это рыба ищет, где глубже, а человек-то, где лучше. Нормальное явление и человеческое желание удачно распределиться, становилось головной болью каждого выпускника.

Надо отдать должное, никакой дедовщины между курсантами старших и младших курсов в нашем училище, как и во многих других, не существовало. Такого термина «дедовщина» не было. Исключительно порядочные и товарищеские отношения. Младшие с уважением относились к более опытным старшим курсам. Те, в свою очередь, помогали словом и делом младшим. У нас было одно объединяющее заветное слово «Курсант Львовского ВВПУ», без скидок на количество нашитых курсовок на рукаве. Причем выпускники оберегали первокурсников, а второй и третий курсы, почти ровесники, просто друг с другом были теснее и дружнее. И попробуй обидеть местными хоть одного! А такие случаи бывали, хоть и нечасто.

Как в кинофильме «Республика ШКИД» — клич: «Наших бьют!». И на этот сигнал срывались все курсы, кто через КПП, кто через забор, на ходу наматывая ремень с бляхой на руку.

Наши ровесники, бывшие студенты Львовского политехнического института знают, о чем я сейчас упоминаю. Вражеский «Голос Америки» из Вашингтона в сентябре 1976 года тут же передал на весь мир, что львовские комиссары намолотили мирному львовскому населению. Причем, сначала в городском парке культуры и отдыха, потом гнали до студенческих общежитий, а там им еще добавили, завершив полный разгром «мирного» студенчества.

Но «Голос Америки» не сказал, что досталось на орехи не мирному населению, а своре местных националистически настроенных молодчиков, напавших в парке, как стая волков, на двух львовских курсантов-второкурсников. Избивали жестоко толпой, только за то, что курсанты пришли на танцплощадку в военной форме.

Надолго у многих из них остались отметины на спинах и тазобедренных суставах с прекрасным символом Советской Армии — лучистой пятиконечной звездой с серпом и молотом, от армейских начищенных блях. Потом боялись, а значит и уважали. Вот так.

А сейчас молодые последыши ОУН и УПА хояйничают во Львове. Недобитые нашими дедами фашистские прихвостни — старище, себя считают героями-освободителями Украины, да в бандеровской форме и немецкими крестами на груди по улицам города смело выхаживают. И местные львовские власти их почитают, охраняют милицией и чествуют, юродствуя перед памятью 28 миллионов погибших в годы Великой Отечественной войны советских людей. «Слава героям! Героям слава!» — это приветствие украинских националистов, уничтожавших вместе с фашистами в годы войны мирное население, сегодня обыденно звучит на улицах Львова. Вроде, как, здравствуйте! Ничего не боятся. Герои! Да некому их там гонять, этих «героев»!

Продолжаю о проведении вечерних прогулок на строевом плацу. Для первокурсников вечерняя прогулка являлась логическим продолжением плановых дневных строевых занятий в составе роты, с обязательным исполнением строевых песен.

Второкурсники, выполняя то же самое, вели себя более раскованно и демократично, имея существенные послабления от своих сержантов. Они же на год старше.

Третий курс просто отбывал номер на плацу, вальяжно и никуда не торопясь, прогуливался на свежем воздухе перед сном грядущим. При виде дежурного по училищу или, особенно тупого коменданта училища, майора по прозвищу «Миша Косоротов», еле перебирая ногами, руки за спину, они запевали поэму Т.Г. ШЕВЧЕНКО, которую исполняли хором в училищном клубе. Текст поэмы следующего содержания: «По пыльному полю телега несется. А в ней по бокам два жандарма сидят. Сбейте оковы, дайте мне волю. Я научу вас свободу любить!». Только вместо слов по «пыльному полю», мы пели по «пыльному плацу». Классика, но с намеком в адрес недемократических притеснений курсантского братства со стороны товарища коменданта.

Особенно забавно на вечерней прогулке смотрелись наши моряки в дождливую погоду. На плацу лужи, а они шлепают по воде и бодро поют: «По морям, по волнам. Нынче здесь, завтра там. По-о морям, морям, морям, морям. Ны-ынче где-есь, а завтра там!». Брызги во все стороны, брюки — клеш мокрые, ну прямо морские волки! А сами море только на картинке и в кино видели. В Львове одна речка — «вонючка», в которую стекает канализация, с названием Полтва, и та в трубу под землей спрятана и протекает прямо под Львовским оперным театром. За городом есть небольшое, не-глубокое и цвета жидкой глины озеро, с соответствующим названием Глиновария. На этом местном «море-океане», а точнее загородном пруду, у нашего военно-морского отделения была учебная база, с несколькими настоящими морскими шлюпками. Вот туда наших сухопутных моряков вывозили на практические занятия и чему-то военно-морскому обучали. Да не обидятся на меня выпускники военно-морского отделения. Но, так было.

Четвертый курс в этом прогулочном мероприятии не участвовал. Женатые после самоподготовки уходили к своим молодым семьям, у них был свободный выход.

А холостые выпускники гуляли по городу в увольнении и готовились к предстоящим свадьбам перед выпуском, в том числе и я.

Специфика училища требовала развития самодеятельного художественного творчества. Поэтому со дня его образования в училище были постоянно действующие курсантский хор, оркестр народных инструментов и вокально-инструментальный ансамбль «Поиск».

После поступления, в первых числах сентября, нас первокурсников завели в клуб училища и начали проверять каждого на наличие слуха и голоса. Голосистые были внесены в список хора, которым руководил интереснейший человек и прекрасный дирижер-организатор Заслуженный деятель искусств Украинской ССР Владислав Леонтьевич ПЫНДЫК. Остальных ребят отправили в состав оркестра народных инструментов к художественному руководителю творческого коллектива Марии ДОРОШ.

Репетиции проводились два раза в неделю, после самостоятельной подготовки с 17.00 до 19.00 часов. Личное присутствие участников хора на репетициях обязательное. Перекличка участников проводилась старшиной хора в присутствии начальников курсов или курсовых офицеров. Голоса хора делились на первые и вторые теноры, баритоны и басы. Хор был достаточно большой, поэтому размещался в пять ярусов, используя специальные легкие, но прочные стакки-ступени. Среди ста шестидесяти человек хора, в шеренге вторых теноров пел и курсант Анатолий ЕРЕМЕЕВ.

Поначалу я скептически отнесся к хоровым занятиям. А когда раскусил, что такое настоящий мужской хор, исполняющий не только военно-патриотические песни, но и классические произведения, да с какой мощью голосов, мое отношение в корне изменилось. Со своей программой мы стали Лауреатами второго Всесоюзного смотра самодеятельного художественного творчества. Каждому участнику был вручен «Диплом лауреата 1-й степени». Были мы участниками всех концертных программ, посвященных государственным праздникам, выступая на сцене Львовского академического театра оперы и балета имени Ивана ФРАНКО. Нашей визитной карточкой всегда были строевые песни российского воинства «Взвейтесь соколы орлами!» и «Бородино».

По прошествии нескольких десятков лет, пролетевших после выпусков из родного училища, бывшие курсанты, а сегодня старшие офицеры, офицеры запаса и в отставке, регулярно собираются на юбилейные даты Львовского ВВПУ. После развода СССР такие встречи проводятся в Москве на Суворовской площади, в Центральном академическом театре Российской армии (ЦАТРА). Начальник ЦАТРА генерал-майор ЯКИМОВ Виктор Иванович — тоже львовский выпускник 1966 года, закончивший училище с отличием.

Всего наше училище вырастило шесть армейских генералов и одного генерала МВД. Казалось бы не много. Но для профессиональных специалистов культурно — досуговой работы в армии и на флоте, достаточно.

На юбилейные торжества приезжают наши львовские собратья-однокашники, живущие на Украине, представители Министерства обороны Украины и Львовской общеиздательской академии — преемницы ЛВВПУ. Их делегацией обязательно привозится Боевое Знамя училища с орденской лентой и орденом Красной звезды на знамени.

Каждая такая встреча начинается с торжественного построения выпускников всех поколений. С табличками в руках участники встречи строятся по годам выпуска на ступенях парадного входа в театр. Генерал-майор ЯКИМОВ В.И. докладывает генерал-лейтенанту ЗОЛОТАРЕВУ — последнему по счету начальнику Львовского ВВПУ, о том, что личный состав училища на торжественные мероприятия собран. На приветствие начальника все участники, как в бытность на строевом плацу, лихо и слаженно приветствуют своего генерала. Прохожие на площади Суворова останавливаются и становятся созерцателями происходящего действия. Звучит Государственный Гимн России, возлагаются гирлянды и цветы к памятнику великому русскому полководцу генералиссимусу А.В. СУВОРОВУ, установленному напротив театра в сквере, на одноименной площади.

Наполненность театрального зала полная, как говорится, полный аншлаг. Торжественный вечер всегда завершается песней «Взвейтесь соколы орлами!». Зал встает и становится многоголосым курсантским хором. Со сцены сводным хором из участников разных поколений дирижирует постаревший, но молодой душой и полный курсантского задора бессменный художественный руководитель Владислав Леонтьевич ПЫНДЫК, приезжающий на встречу из Львова. И песня звучит также слаженно на четыре голоса, как в курсантские годы. От мощи звучания, многоголосия и чистоты исполнения песни, сердце сжимается, слезы радости и ностальгии, по ушедшему училищному времени, самопроизвольно накатывают на глаза.

Мне повезло еще и тем, что со второй половины первого курса и до выпуска я был участником вокально-инструментальной группы училища с названием «Поиск». Название ВИА было дано намного раньше, и мы, решив продолжить традиции первых его участников, не стали менять названия ансамбля. В шутку же себя называли группой «Происк».

Так уж получилось, что в училище обучалось порядка двух тысяч курсантов, людей творческих и музыкальных, а училищный ансамбль, выступающий с 1977 по 1980 годы, состоял из пяти курсантов нашей 3-й роты. Назову их имена: Андрей РЫБНИКОВ (курсантский псевдоним Антон) — вокал и соло-гитара; Игорь ГАВРИЛОВ (Тартюф) — вокал, клавиши и соло-гитара; Владимир ПЛЕШКОВ (Кот) — вокал и ритм-гитара; Владимир ЧЕРНЫЙ (Блэк) — вокал и ударные; и я, Анатолий ЕРЕМЕЕВ (Эрик) — вокал и бас-гитара. Четырехлетнее участие в школьном ансамбле, к моей великой радости, нашло свое логическое продолжение, только на более высоком уровне. Все участники певучие и, при необходимости, взаимозаменяемые в игре на

музыкальных инструментах. «Беловежскую пущу» исполняли на пять партий голосов, максимально приближенно к «Песнярам» Владимира МУЛЯВИНА.

Игра в ансамбле для меня была золотым временем во время учебы в училище. График воздействования ансамбля был напряженным. Не было недели, чтобы мы где-то не выступали. Ежемесячно обслуживали танцевальные вечера отдыха в клубе училища, куда можно было попасть только по специальным пригласительным билетам, пропорционально распределяемыми между курсами и факультетами. Танцевальный зал просто не вмещал всех желающих попасть на вечер. Безусловно, из города приглашались только представительницы прекрасного пола.

Благодаря такому пригласительному билету в мае 1977 года я познакомился со своей будущей женой Ириной НАУМОВОЙ, впервые пришедшей с подругой на училищный вечер отдыха. Ее подруга и однокурсница по Львовскому государственному музыкальному училищу Рита КЛЮЧНИКОВА, через полтора года знакомства, стала женой моего командира отделения Анатолия ПОРТИКОВА, тоже будущего офицера РВСН, прослужившего после выпуска в Ужурской ракетной дивизии.

Все праздничные и отчетные училищные концерты не проходили без нашего участия. Регулярно с шефскими концертами мы выступали на предприятиях, в институтах, училищах и школах. Обеспечивали там концертные программы, вечера отдыха или чисто танцевальные вечера.

Взаимно полезным было наше выступление на хорошо известной Львовской конфетной фабрике «Светоч». Совместно с участниками художественной самодеятельности фабрики мы провели три репетиции, а потом совместный концерт в честь юбилея предприятия. Отыграли и вечер отдыха со столиками, куда были приглашены курсанты нашего курса. Работницы фабрики показали нам весь технологический процесс, как из какао-бобов изготавливаются шоколадные конфеты с различными начинками, имеющие мировую известность. Пробовали все, что предлагали, и чистый горький шоколад без добавок и сахара, и различные орехи, и готовые конфеты. Не скрою, коньяк, используемый в качестве конфетного наполнителя, тоже пробовали. Но не до отделения головной части. Наказу отца был верен.

В завершении отработки всей программы, за нашу помощь, руководство фабрики вручило каждому участнику ансамбля по большому упаковочному картонному коробу с ассортиментом из самых дорогих шоколадных конфет, выпускемых кондитерской фирмой «Светоч». Угостив однокурсников, большую часть конфет доставил домой к невесте Ирине. Девчонки НАУМОВЫ любили конфеты и были нескованно рады свалившемуся на их голову сладкому счастью, да в таком количестве, под двадцать килограммов. Будущий мой добрый тестя и прекрасный человек НАУМОВ Юрий Николаевич, как и я, спокойно относился к конфетам. Мы отведали конфетного коньяка, вложенного заботливыми работницами фабрики в короб вместе с конфетами.

Чем ближе к выпускну, тем чаще пошла череда свадеб однокурсников. Как не выручить в благом деле своих друзей и товарищ? Поэтому по выходным мы играли и на курсантских свадьбах. К ним добавлялись свадьбы детей командования и профессорско-преподавательского состава училища. С точки зрения обычательской, и сыты, так как нам всегда накрывали отдельный столик для музыкантов со свадебной едой и напитками. И по 50 рублей на брата давали. А мы и не отказывались, хотя и не требовали оплаты за свое музыкальное обеспечение торжества.

Три, а то и четыре свадьбы в месяц, плюс месячная курсантская получка 16 рублей 80 копеек, да родители ежемесячно присыпали 25 рублей, как отец говорил «для поддержки штанов». Так что в курсантскую бытность я не бедствовал, имея денежный доход даже больше, чем в свои лейтенантские годы. В увольнение к Ирине на Липовую аллею и обратно, в целях экономии драгоценного времени, которого рядом с любимым человеком всегда не хватало, ездил на такси. В один конец по таксометру 1 рубль 05 копеек, а не столько, сколько на свое усмотрение таксист «заломит», как сейчас.

Дважды ансамблем мы выступали на Львовском радио и один раз на телевидении. Запись проходила в телестудии на Высоком замке. Первый день записывали только звук исполняемых по программе пяти песен. Скажу, трудоемкое и выматывающее дело, целый день записи-перезаписи. Что-то не так прозвучало, и все, как в поговорке: «Плохо корова мычала, давай начнем сначала!». А во второй день, переодетые в парадную курсантскую форму, под свою же записанную фонограмму, только открывали рты и имитировали игру на инструментах, записали телевизионную «картинку» своего выступления.

В 1978 и 1980 годах ансамблем обеспечивали культурную программу, не помню, каких по счету, Всеармейских слетов туристов Министерства обороны СССР, проводимых на базе Прикарпатского военного округа.

Первый слет проводился в Брюховичах, в лесу, под Львовом, когда мы учились на втором курсе. А второй раз, обучаясь на выпускном четвертом курсе — в Яремче, в Карпатах, где туристические команды со всех военных округов проводили восхождение на высшую точку советских Карпат гору Говерла.

Нас — участников училищного вокально-инструментального ансамбля перед выездом всегда лично проверял, инструктировал и провожал в путь-дорогу начальник политического отдела училища полковник ВИНОГРАДОВ Александр Сергеевич (подпольная курсантская кличка Сказочник). Вот и перед выездом в Карпаты он пришел в клуб с очередной напутственной речью. Мы уже загрузили в автобус музыкальную аппаратуру, которую он проверил на наличие «недозволенного». Это недозволенное, в количестве двух бутылок по 0,7 литров «Пшеничной», оставалось лежать в музыкальной комнате в клубе, не загруженное в автобус, по причине прибытия начальника политотдела.

Училищная автоколонна с участниками туристического слета, выстроенная на плацу перед клубом, завела двигатели в ожидании отмашки на начало движения. А мы в легком замешательстве. Ведь не все в поездку взяли!

И тут Андрей РЫБНИКОВ спросил у барабанщика Володи ЧЕРНОГО, подмигнув ему глазом, взял ли он запасные лампы на 700 ватт от усилителя, которые у нас часто горят? Тот состроил озабоченно-испуганное лицо и ответил, что забыл, стойте, не уезжайте! Полковник ВИНОГРАДОВ А.С., услышав этот диалог, понял, что задача по музыкальному обеспечению Всеармейских сборов может быть сорвана, а он лично отвечал за этот участок, и приказал: «Бегом за лампами!». Володя ЧЕРНЫЙ беспрекословно выполнил приказание начальника политотдела и вернулся с двумя большими лампами Г-807 в руках, которые в нашей транзисторной аппаратуре совсем не были нужны, и с пакетом старых шнурков, добавив, что мы еще чуть микрофонные шнуры не забыли. Под этими шнурами в пакете лежали «лампы» типа водка «Пшеничная» Львовского ЛВЗ. Двери нашего автобуса ПАЗ закрылись. Впереди восьмичасовой марш до Карпат и города Яремче.

Если бы не участие в ансамбле «Поиск», в Карпатах бы я так и не побывал. Там очень красивая и своеобразная природа — горная быстрая река с чистой ледяной водой и подвесные мостики над ней, обрывистые скалистые склоны, сплошь поросшие хвойными деревьями, и главное достояние — чистейший воздух. На равнинных полянах то тут, то там построены колыбы — закарпатские деревянные высокие шатры, с мангалом в виде круга, установленного посередине этого карпатского чума. Дым от очага выходит через отверстие на верху конуса шатра. Вместо столов и стульев ровно спиленные бревна-чурбаки. Тепло и уютно. Мясо, заранее нанизанное хозяином на шампуры и сухое домашнее вино, покупаешь тут же. По деньгам совсем не дорого. Шашлык жаришь сам, до готовности по своему вкусу. Мы пригляднулись хозяину колыбы тем, что, отдыхая, с удовольствием распевали ему и его посетителям песни под акустические гитары, тем самым привлекая новых гостей. Он нас с удовольствием угождал шашлыком за свой счет. Да и вновь приобретенные знакомые из числа отдыхающих туристов-студентов, заглянувшие покушать и ставшие невольными свидетелями нашего творчества, тоже угощали. Все-таки музыка — дело великое! Прокормит. Не все же по горам лазить и вечера отдыха военных туристов обслуживать.

Ближе к выпуску командование предложило нам поехать в составе концертной агитбригады училища на полтора месяца на БАМ, обещая, что с выпуском помогут. Но мы вежливо отказались. Надо было думать уже о более серьезных проблемах — выпускные экзамены, распределение, сам выпуск, предстоящая свадьба, отпуск и убытие с молодой женой к первому месту офицерской службы. Руководство нас поняло правильно, не стало настаивать и поддержало наше решение, отправив творческих ребят младших курсов. Поэтому на БАМ я не попал, да и не сильно жалею.

В конце ноября 1977 года отец впервые за свою службу получил путевки в санаторий «Фрунзенское», и они с мамой отправились отдохнуть в Крым. Я учился на втором курсе. На обратном пути они решили заехать ко мне во Львов, чтобы поздравить с девятнадцатым днем рождения. Так и сделали. Приехали, а в училище карантин, повальный грипп. Я только возвратился с зимнего полевого выхода из учебного центра и бегом на КПП. Пообщались в комнате для посетителей. Вид, после двух недель учений и тряски в холодном кузове грузовика под тентом, у меня был явно не героический и не бравый. Мама как увидела такого сына-зачухонца, так в слезы. А тут, как назло, никого в увольнение не отпускают. От должностных лиц категорический отказ. То, что родители, то, что приехали издалека, в учет не шло. Никто на себя ответственность не берет. Сказано «карантин» и «не пущать», и точка!

Проникся лишь один старшина курса Андрей БУРБАН. Выписал он мне увольнительную до 7 утра, дал команду каптеру выдать мне парадную форму и, под его ответственность, поехал я с родителями в центральную гостиницу Прикарпатского военного округа. Отмылся, мама накрыла праздничный стол. Родители подарили мне новенькие наручные часы с именной гравировкой. Выпили по бокалу «Советского шампанского», пообщались, посмеялись, и я уснул «без задних ног» в теплом гостиничном номере. Утром, в назначенное время прибыл на курс, доложил старшине и дальше по распорядку дня. После занятий пообщались на КПП и вечером родители уехали на железнодорожный вокзал, на рижский поезд.

Знаменательными событиями за время учебы в училище стали проведенные две войсковые стажировки.

Одним из мест стажировок была 24-я учебная танковая дивизия в Добеле. Я так стремился попасть туда, где были родные места моего детства, мои друзья и знакомые. Но туда поехали другие ребята из нашей группы.

По окончании второго курса, меня, сержанта Володю МОРГУНОВА и Игоря БАБЧУКА, направили стажироваться в Закарпатье, в город Мукачево. Там, у подножья высокого холма — городища со стальным средневековым замком, расположился 149-й мотострелковый полк сокращенного кадрового состава. То есть техника поному штату полка, стоящая на хранении, законсервирована в боксах. Офицеров по минимуму, а личного состава ровно столько, сколько необходимо для охраны и поддержания жизни и деятельности части. На военное время полк развертывался по полному штату и укомплектовывался из отмобилизованных военнослужащих запаса, так называемых резервистов.

В роте, куда меня направили на стажировку, было три офицера и восемь солдат, вместо более ста по полному штату. Командир роты при ознакомительной встрече поручил мне проводить два раза в неделю политзанятия с солдатами и следить за выпуском «Боевых листков» и ежемесячной стенной газеты роты с названием «Выстрел».

Остальное время, с его слов, я мог быть свободен. У командования роты своих служебных проблем было предостаточно. «Наслужишься еще. Отдыхай. Только не влети по воинской дисциплине», — резюмировал понятливый старший лейтенант — командир 3-й мотострелковой роты.

У Володи МОРГУНОВА было такое же положение дел, как и у меня, только в роте ремонтно-восстановительного танкового батальона.

Третий наш стажер и одногруппник ефрейтор Игорь БАБЧУК (курсантская кличка Тарзан), приехал на стажировку к себе домой. Его отец служил в этом полку старшим прaporщиком. Поэтому Игорь жил дома, в пяти минутах ходьбы от места стажировки. Его на время отпуска начальника клуба поставили исполнять обязанности начальника полкового учреждения культуры. Здесь он появлялся в дни демонстрации кинофильмов и на ПХД, чтобы драить солдатский клуб, выделяемыми для этого бойцами. Важно ходил перед входом в местный воинский очаг культуры, гремя увесистой связкой ключей, изображал великую деятельность и напускал на себя важность, пропуская прибывших остатков подразделений в зрительный зал на просмотр фильма.

По средам Игорь работал в роли полкового почтальона, ему это было знакомо по училищу, т.к. исполнял непростую должность почтальона нашей роты. Рос в службе не по дням, а по часам. За стажировку дошел до вершин полкового почтальона! В назначенное им же самим послеобеденное время, в клубе раздавал, с видом великого благодетеля, письма адресатам в солдатской форме, шлепая их по ушам конвертом с письмом или заставляя сплясать. Ну, точно копия наш «Пупок» — командир роты ПОДЧУВАЛОВ. В соответствии с народной мудростью, дурной пример все же заразителен.

Иногда мы с Володей приходили к нему в клуб, чтобы не забыть клавиши пианино и попеть любимые песни. Тут он становилсятише воды и ниже травы. Понимал, что в присутствии нас, кто его скользкие качества хорошо знает, не стоит бравировать перед чужими людьми.

Политзанятия с солдатами мы проводили исправно. Все, что поручалось, выполняли добросовестно и не имели претензий к нашей работе и службе со стороны командования. Жили мы вдвоем в кубрике казармы. Выход в город был свободным. В солдатской столовой, куда мы сдали свои продовольственные аттестаты, кормили отвратительно. Солдаты-повара просто портили продукты. Одного похода туда нам было достаточно, чтобы в этой столовой больше не появляться. Поэтому питались мы за свой счет в местной офицерской военторговской столовой, к удивлению, работающей на территории мотострелкового полка. Предусмотрительный Володя, любящий хорошо покушать, привез с собой чемодан различных консервов, которые мы с ним успешно подъедали, как дополнительный паек к столовскому рациону.

В свободное время, а его было достаточно, по вечерам ходили на танцы на турбазу «Латорица», расположенную прямо в городе, на берегу одноименной быстрой

и мутной закарпатской реки. Туда съезжались наши гражданские сверстники со всего Советского Союза. Нас, в курсантской военной форме, в виде исключения, пускали на территорию туристической базы, где мы себя чувствовали комфортно, завели новые знакомства с ребятами и девчатами и весело проводили вечернее время.

В двух километрах от части, за лугами, у реки Латорица высокие зеленые холмы, предгорье Карпат. Их хорошо было видно вдалеке из окна второго этажа нашей казармы. И мы с Володей МОРГУНОВЫМ решили туда прогуляться.

Подойдя к подножию склона огромного, как остров, гористого холма, мы обнаружили, что он сплошь покрыт черешней. Причем, внизу росла белая и желтая ягода, а чем выше, тем краснее. На самой вершине оказалась самая темная, почти черная, крупная и самая сладкая.

Володя, как уроженец города Зернограда Ростовской области, в родительском саду имел черешню и в диковинку она для него не была. Он просто очень любил насытить свое двухметровое тело. Я же, волею судьбы, родившийся и проживший до военного училища в Прибалтике, никогда не видел такого разнообразия и количества бесплатной черешни. Поднимаясь в гору, а потом, спускаясь обратно, мы дегустировали вкусную сочную ягоду, сравнивая вкусовые качества черешни, сорванной с одного дерева, от другого. Уже не лезло, а мы все пихали ее в рот.

Человеческий организм создан так, что все съеденное, переварившись в желудке, через определенное время обязательно найдет выход, дав свободу и облегчение пищеварительному тракту. Для этого человеческая цивилизация придумала специальное помещение с наличием рулонной бумаги или, на худой конец, старых газет. Мы с сержантом Вовой, объедаясь черешней, не учли этого серьезного и неоспоримого по жизни факта. Уже на спуске с горы, действие жизненного закона мы начали ощущать, причем оба, словно по команде.

Как известно, в походах за ягодами, газет и журналов не читают. Напомню, до заветной казармы с необходимыми атрибутами, было порядка трех километров чистого поля, просматриваемого со всех сторон из окон многоэтажных домов, стоящих на окраине города. Сначала мы ускорили свое возвращение назад в часть. Но ускоряться было уже бесполезно. Через каждые двести-триста метров, как на ладони, по-другому никак, посреди лугов, как вороны на помойке, кряхтя, восседали две фигуры в курсантской форме, сетуя, что не взяли с собой ни клочка бумаги. Прав был тот мудрый человек, который сказал сакраментальную фразу, что «Ни один голодный еще (мягко говоря) не обкакался». А мы с Володей, банально, от жадности, «дорвавшись до бесплатного», другого слова не подберешь, кроме как «обожрались» черешней. За что и поплатились. Вот вам и войсковая стажировка. Она жизни тоже учит. Потому мой полезный совет, куда бы вы ни шли или не ехали, не переерайте и берите всегда с собой дежурную бумажку.

За месяц стажировки и внеслужебных приключений мы с Володей МОРГУНОВЫМ сдружились еще тесней, чем было до этого. Суворовская заповедь, гласящая, что «Служба и дружба есть суть две параллельные линии, которые никогда не пересекаются», в отношениях между командиром отделения сержантом МОРГУНОВЫМ В.И. и рядовым курсантом ЕРЕМЕЕВЫМ А.А., утратила свою силу. После стажировки мы возвратились в стены родного училища, отчитались за проделанную работу в войсках и убыли в родные родительские места, в летний каникулярный отпуск.

Мой друг и товарищ по ансамблю, талантливый певец, поэт и музыкант Игорь ГАВРИЛОВ, в завершении летнего отпуска, собрался жениться и предложил мне быть его свидетелем на свадьбе. К маминому разочарованию мне пришлось на неделю раньше вернуться из Шяуляя во Львов, находясь еще в отпуске, с целью качественной подготовки к ведению свадьбы друга. Тем более в Львове меня ждала моя любимая девушка Иринка НАУМОВА. Мы вместе с ней приглашены на бракосочетание моего курсантского товарища Игоря ГАВРИЛОВА и ее подруги по музыкальному училищу Людмилы ГОЛОД. К свадьбе я пошил себе новые модные расклешенные брюки. Пиджак у меня был и так модный по тому времени. Эти штаны меня и подвели на свадьбе.

Львовский дворец торжественных событий, расположенный в центре старого Львова, в бывшем Дворце графа ПОТОЦКОГО, блестал в своей красоте богато убранных залов, при ярком освещении старинных позолоченных хрустальных люстр. Торжественная церемония бракосочетания прошла успешно.

После традиционного фотографирования молодых с участием свидетелей, все участники свадьбы переехали в ресторан «Першатравневый». Если на русском языке, то «Первомайский». На центральную улицу города — проспект имени В.И. Ленина, где мы ежегодно проходили в парадном строю. Вход в ресторан прямо с проспекта, минуя швейцара и по старинной винтовой деревянной лестнице на второй этаж, в банкетный зал.

Свадьба пела и плясала, я исправно исполнял роль свидетеля, а заодно ведущего и тамады, не забывая уделять внимание своей девушке Ирине. Ближе к завершению, когда уже никто никого не слушал, когда все пьют и отдельными компаниями поют, что ни попадя, когда, особо преуспевающие «вокалисты» из числа приглашенных вырывают друг у друга микрофон, чтобы показать свои пьяно-вокальные способности, руководить свадьбой уже нет смысла. Мы с Ириной пошли на вечернюю прохладу, вслед за уезжающими молодыми и провожающими их родителями.

Лестница старинного здания ресторана была деревянная, винтовая, ступеньки расширяются лучами — узкие в месте соединения с несущим столбом, и широкие в упоре к стене. Я, как галантный кавалер, с букетом цветов, иду на ступеньку впереди, придерживая даму за ручку, спускающуюся в туфельках на каблучках по широкой части винтовой лестницы. По узкой части и без того идти невозможно, так как

каблуки туфлей соскальзывают со ступенек, а тут я наступил на свою же расклешенную брючину, споткнулся и с букетом цветов, на том месте, на котором сидят, поскакал вниз, считая мягким местом ступеньки. Швейцар, за время своей службы в ресторане, видимо к таким спускам гостей уже привык. Он ловко остановил мое движение вместе с букетом цветов в руках прямо перед выходом из ресторана, в метре от раскланивающихся и обнимающихся счастливых молодоженов и их родителей. Всем было смешно, а мне неудобно перед своей невестой, да и тазобедренный сустав отбил, было больно. Вот вам и новые расклешенные брюки. Мода, как и искусство, требует жертв.

Третий курс, я уже отмечал, это «Веселые ребята», самое интересное и беззаботное курсантское время. Сдано много военных дисциплин и других предметов, оценки за экзамены и зачеты уже пошли в диплом. Занятия шли больше по специфике нашей будущей профессиональной деятельности. Учиться было интересно и легко. А еще мы вечно придумывали какие-нибудь приколы, юморили, подмечали смешное за командирами и однокурсниками, записывали эти, как мы называли «дурки», и использовали их в дальнейшем по назначению, в капустниках, юморинах и спектаклях, показанных на сцене училищного клуба.

Самой колоритной фигурной мы считали нашего глубокоуважаемого начальника факультета и комбата полковника САДОВСКОГО Владимира Ивановича. Наш «Дип папа». Фронтовик, вся жизнь связана с пехотой, ему давно уже нужно было быть на пенсии. Но он не мыслил себя без армии и чуткого командирского руководства курсантскими воинскими коллективами. Тем более, детей и внуков у него не было, а гражданки он боялся, как «черт ладана». Командир до мозга гостей. Он, наверное, больше ничего и не умел делать, как командовать. И это у него получалось замечательно. Также замечательно, как он грозил нам указательным пальцем, крутящимся как пропеллер, словно на шарнире. Это было неподражаемо.

Когда-то у него был громкий командирский голос и его, как вертолет, еще не было видно, но зато было прекрасно слышно. Сначала звук его громкого голоса, потом, через несколько минут, из-за здания появлялся сам полковник САДОВСКИЙ В.И.

Вначале нашего первого года обучения Владимир Иванович сорвал голос, получил осложнение на горло, голосовые связки не восстановились и теперь он постоянно хрипел и шепелявил. Мы ему искренне сочувствовали. Но должность обязывала его командовать громко и внятно. Поэтому, когда он повышал командирский голос, из него вылетало, что-то типа «Ачь-ачь», «шволочи», «вьих пошажу». Многим обещал посадить на гауптвахту, но за четыре года нашей учебы я такого случая не припоминаю. Наоборот, прогуливаясь с женой по парку Шевченко, засучивал рукава и отбивал своего курсанта от подвыпивших местных молодцев. На другой день перед строем всего факультета отчитал им же спасенного курсанта за то, что тот не смог постоять за себя

сам и пришлось вмешиваться, как он сказал «Мне, штарому дураку. Да еще потом жена шипела, как жмей!».

После выходных по понедельникам на плацу проводились построения. Сначала в составе факультетов, затем общее училищное, под руководством начальника училища генерал-майора ЗИНОВЬЕВА В.К.

Перед курсантским строем выходил полковник САДОВСКИЙ В.И. Следом за ним из-за угла клуба, как по команде, вальяжно выходила и садилась чуть поодаль от комбата наша любимица — пегая собачонка, с начертанным на её боку краской словом «Папа». Она, как и комбат, была старенькая, с осипшим голосом, и уже давно не помнила своего заливистого лая.

Удовлетворенный нашим лихим ответом на свое приветствие, Владимир Иванович обязательно напоминал, что «Шегодня понедельник», словно мы этого не знали. И после этого важного сообщения начинал выводить перед строем провинившихся курсантов, умудрившихся что-либо отчудить за выходные дни. Минут двадцать «папа» проводил воспитательный процесс, с использованием своего быстро врачающегося грозящего перста. Завершалось все, как обычно, «Вших пошажу. На шемь шуток ареста пошажу!». При этом его врачающийся перст возносился к небу и, наконец, замирал, как восклицательный знак. А округлившиеся глаза и поднятые во гневе брови выражали его решительное стремление к страшной каре провинившихся, и чтобы другие, стоящие в строю, тоже очень боялись. Вот так. После всех «папиных» страшилок мы в составе учебных групп расходились по аудиториям в соответствии с утвержденным учебным отделом расписанием занятий.

Один раз комбат САДОВСКИЙ выдал нам такую строевую команду, что сам не понял, что сказал. На улице шел проливной дождь, и развод на занятия перенесли в коридор главного учебного корпуса. Почти 500 человек учебного курсантского батальона, в начищенных до блеска сапогах, выстроились в коридоре первого этажа. Полковник внутренне собрался, вытянулся в строевой стойке и торжественно скомандовал: «Равня-яйши!», пауза, осмотрел строй и продолжил «Шми-ирно!», пауза, еще раз посмотрел, как выполнена его команда. Что-то ему не понравилось, и он подал требовательно следующую команду «Во-ольно!». И уже спокойным голосом, миролюбиво добавил, указывая рукой на паркетный пол: «Ну-ка, подравняйте ношки по половым щелям». Стой грохнул от смеха. А он так и не понял, чего ляпнул. В этот день в курсантских записных книжках для сбора армейских приколов появилась очередная, новоиспеченная байка.

Полковник САДОВСКИЙ В.И. жил в трехэтажном доме старой постройки рядом с училищем. Его дом и забор училища, с примкнувшей к нему нашей новой современной казармой, разделял фруктовый сад. На первом этаже жилого дома, как это часто бывает в городах, размещался гастроном. Отдельные наши собратья, любящие

приключения, переодевались в спортивную форму, перемахивали через забор и, через яблоневый сад, в этот продовольственный магазин, прикупить несколько бутылочек свеженького львовского пивка. Львовское пиво «Золотой колос» славилось своими вкусовыми качествами.

В свободное от службы время «папа» САДОВСКИЙ любил сидеть на балконе и наблюдать в бинокль, кто же из его курсантов идет в самоволку, да еще, «шволочь такая», за пивом. Вычислив очередного нарушителя, он спускался вниз, заходил в магазин и становился за дверь, ожидая появления своей жертвы. Вот и она, заходит в магазин. И, как только дверь за любителем пива закрывается, здрасте, стоит «папа» и, как волк с зайцем в мультике «Ну, погоди!», «Ачь! Иди-ка шюда, жашранец!». И приводил самовольщика на воспитательную беседу в училище. У него появлялся повод снова уйти на службу, чтобы жена в выходной не заставляла чего-нибудь по хозяйству делать.

Мы быстро раскусили «папину» военную хитрость и посещали магазин в его доме только тогда, когда он гарантированно был на территории училища.

А вот комбат разок опростоволосился со своей хитростью. С банкой за пивом через забор перелез солдат, так называемый «дембель», со спортивной роты, прикомандированной к батальону обеспечения учебного процесса. И на «папино» «Ачь» военный спортсмен с разворота и без предупреждения выдал ему прямо в глаз, и пока первый ловил искры и зайчиков, второй убежал. Солдатский или как военные называют, переменный состав училища полковник САДОВСКИЙ в лицо не знал, а этого нарушителя воинской дисциплины, травмированный физически, он не успел запомнить. Сорвалось.

Не менее интересная личность, командир второго батальона нашего факультета КПР подполковник ТЮПАЛОВ. «Тюп папл» был спортсменом. Успешно преуспевая и в командовании батальоном и на ниве армейского спорта, занимаясь и боксом и тяжелой атлетикой, дослужился до подполковника, стал делегатом ХХУ съезда КПСС и был направлен командовать батальоном курсантов в Львовское политучилище. Здоровый, крепкий, весь в накаченных мышцах, кулачищи размером с гирю, квадратный подбородок, большая, коротко остриженная голова без шеи, как говорят, «голова на плечах». Чудовище, монстр, да и только. Второй батальон культпросветработников от него пищал. Наш «папа» САДОВСКИЙ был просто душкой, по сравнению с ним.

Любимой воспитательной речью комбата-2 была следующая тирада, посланная в адрес воспитуемого: «Ты курсант, или где? У тебя часы есть, или кто? Или тебя в...?» (в смысле ударить). Без того суровый обличьем, он еще грозно, свирепым медведем надвигался, как на беззащитного ягненка, на курсанта нарушителя воинской дисциплины. «Воспитанный» комбатом ТЮПАЛОВЫМ курсант уже больше никогда — никогда не нарушал установленный армейский порядок.

Пугал, но в рукоприкладстве замечен не был. Хотя силища в его руках была огромная. Вот пересказ его собственного рассказа в курилке накануне нашего выпуска, о том, как он купил новенький «Москвич» ижевского автозавода.

Суть истории такова. «Жена плешь проела, давай купим машину. Встал на очередь. Пришло время, принесли извещение, выкупай. Поехал, а там пригнали партию желтых, цвета детской неожиданности, машин. Деваться некуда, купил. Едем с женой по Львову, по улице Юбилейной, впереди светофор. Загорелся красный, я остановился. Жду, загорелся желтый, за ним зеленый. Думаю, пора ехать. Жму на газ, а она не едет. Жму на педаль еще больше, ревет и не едет. Сзади насобирал машин, все гудят, нехорошими словами обкладываются. Я газую, а она не едет. Тут жена предположила, может я скорость не включил? И ведь точно не включил! Я с досады как рванул, этот чертов рычаг, так он у меня в руках и остался!».

Ребята младших выпусков рассказывали, что по выпускну кинули ему на капот этого «Москвича», припаркованного у казармы, 16-килограммовую гирю с четвертого этажа. Попробуй, найди дерзкого виновника! Вот тебе и «ты курсант, или где?». Как говорил Федя в кинокомедии «Операция «Ы» и другие приключения Шурика»: «К людям надо помягче, а на жизнь смотреть шырше». Вот так.

Любили мы подшутить над однокурсниками, находясь в казарме.

Сержант Виктор БАКАЙ, коренастый, лысый, с полным ртом золотых зубов украинец, во сне приснится, не проснешься, получил из дома посылку. Так как он торопился в увольнение на свадьбу к товарищу, фанерный посыпочный ящик, не открывая, задвинул под кровать в изголовье. Заведомо зная, что Витя на свадьбе обязательно зальет за воротник и будет чудить по возвращению, мы изъяли посыпочный ящик из под кровати, засунув на ее место прикроватную тумбочку, уложенную на бок. Отбой прошел, выключили свет. Лежим, ждем с минуту на минуту возвращения хозяина посылки сержанта БАКАЯ.

Шумливый Витя вернулся с товарищем и, пока шел по коридору, рассказывал тому, какого ему домашнего сала прислали, мол, сейчас отведаем. Войдя в темное расположение казармы, Витя добрел до своей койки и резко уселся на нее. Коечная пружина просела под его весом до того момента, пока не соприкоснулась с тумбочкой. Витин зад уперся обо что-то твердое. Он, не вставая с кровати, перегнулся и заглянул под нее. Увидев тумбочку, он что-то посоображал хмельными мозгами и восторженно изрек: «Во цей посылка!». Спать, наблюдавшим за ним, уже не хотелось. Вернув настоящую посылку, раскрутили БАКАЯ на домашнее сало.

Курсантская столовая — это не только место, куда мы заступали в кухонный наряд. Мы там еще завтракали, обедали и ужинали. И за четыре года учебы точно пуд соли съел каждый из нас. Сидели мы за столиками по четыре человека. Кормили нас хорошо. Только два блюда, которые не лезли в рот. Это безвкусное пюре из сухой картошки,

подаваемое в конце мая, по причине завершения запасов свежего картофеля. Она была, как клей. Остывая, это варево затвердевало так, что перевернув тарелку вверх дном, никакие силы земного притяжения на это пюре не действовали. И второе блюдо, которое употреблять в пищу было практически невозможно, это «рагу — смерть врагу!», или «выдерги глаз», приготовленное из старой переквашенной кислящей капусты.

За нашим столом восседали три Виктора — КОЗОЛОВ, ГУСАК, БРОНИРОВ и я, дважды Анатолий. В этом заведении у нас тоже без приключений время не проходило и есть чего вспомнить.

Витя БРОНИРОВ парень хороший, отличник учебы, но была у него дурная привычка чавкать, когда ест. Да так громко и смачно, что любая свинья позавидует. И мы его отучили от этой нехорошей привычки, не достойной звания будущего военного работника культуры.

Словесные замечания на Витю действовали ненадолго, и он снова, забывшись, начинал громко чавкать. Тогда мы пошли по другому пути. Как только Витец начинал по-свински есть, мы втроем картинно тоже начинали чавкать, да еще громче его. Витя стыдливо краснел и продолжал принимать пищу аккуратно. Пусть не сразу, но за пару месяцев мы его чавкать отучили. Хоть бы спасибо сказал, выпускник с отличием!

Мы с Витей КОЗЛОВЫМ были, да и сегодня остаемся, очкариками. У него дальтонность, у меня близорукость. В нашей училищной парикмахерской работал дядя Саша-еврей. Помимо своей основной работы он успешно приторговывал, как тогда говорили, фарцевал модными дорогими оправами для очков и разнообразной жевательной резинкой. И я, и Витя приобрели у него классные оправы и довольные щеголяли в новых модных очках.

У этих «костылей для глаз» есть существенный недостаток, проявляющийся в холодное время. Когда с мороза заходишь в теплое помещение, а в нашем случае, в курсантскую столовую, они предательски запотевают, все становится, как в тумане, их приходится снимать и нести в руках. Поэтому, зайдя в столовую, мы с Витей очки снимали и клади на обеденный стол. Места на столе было не так много и остатки борща мы сливали в бачок, стоящий на углу стола, туда же сверху и тарелки, чтоб не мешали. Пообедали, я очки нацепил, а Витъкиных очков нет. Обыскивали все на столе, под столом и по карманам. Нет очков. Хорошо бачки не успели унести. Слегка нецензурно выражаясь, вынуждены Витец свои очки под общий смех из бачка с остатками борща, на дужках висела капуста. Каким образом они попали туда, никто так и не понял.

Во второй группе нашего 1-го курсантского взвода учился курсант Игорь БУДКО (курсантская кличка Буфет) из Закарпатского городка Виноградово. Роста не великолепного, плотного телосложения, сивоволосый, круглицы и лопоухий. Ну, точно копия с Гашековского бравого солдата ШВЕЙКА. Ел он — не в коня корм.

Был праздничный день, подавляющее большинство ребят находились в увольнении. В роте оставались курсанты, сменившиеся из наряда, как я, и заступившие в новый внутренний наряд. В казарме осталось человек десять из ста шести по списку. В увольнении ты, или нет, а столы в столовой накрывались на всех. И мы, оставшиеся в роте, поспорили с Игорем БУТКО на торт, что он не съест все собранное с нетронутых столов сливочное масло, гуляющих в увольнении однокурсников. Причем, не запивая чаем и не заедая хлебом. Собрали все масло, выдавленное на роту хлеборезом в виде желтеньких жирных двадцатиграммовых цилиндриков, и поставили перед Игорем. Сами, как в амфитеатре, расселись вокруг него, в предвкушении, что тот сейчас проиграет и купит нам к чаю торт. Заинтересованные развитием событий к нам присоединились ребята с других курсов и наряд по столовой. Началось великое зрелище.

Как ни в чем не бывало товарищ «Буфет» вилкой нанизывал один за другим кусочки натурального жирного молочного продукта и, не морщась, запихивал в рот. Когда два килограмма масла скрылось в этом туловище, мы поняли, что пари проиграли. Скинулись, сходили в буфет, купили большой бисквитный торт и вручили победителю спора. Игорь тут же, только с чаем, откушал четверть сладкого жирного лакомства и, забрав с собой вторую, в три четверти часть торта, спокойно пошагал в сторону казармы. И ведь не поплохело парню! Как в него столько влезало?

Соответствуя третьему курсу «веселых ребят», мы иногда ходили на ужин, пронося мимо дежурного по училищу разливное пиво, и с удовольствием попивали его открыто за столом, да под жареную рыбу. На спичках вытаскивали, кому идти за львовским в магазин дома комбата САДОВСКОГО В.И. Пиво из трехлитровой банки переливали в ротный чайник, принесенный после караула и строем в столовую. Мимо дежурного по училищу заходили в обеденный зал, снимали со стола чайник с настоящим чаем, заботливо поставленный кухонным нарядом, на его место чайник с пивом. Разливали по кружкам и, помешивая чайными ложками, яко бы чай, ели пюре с жареной рыбой, запивая пивком. Рядом, следя за порядком, прогуливались дежурный по училищу и наш курсовой офицер, ответственный по роте в этот день,правляясь у нас, как аппетит и вкусно ли приготовлена пища. Мы им удовлетворенно подтверждали, что сытно и очень вкусно.

«Баня парит, баня правит, баня все исправит», — лозунг-девиз, украшающий любую мало-мальски уважающую себя баню. Наша училищная баня никаким боком к этим мудрым народным словам не относилась. Расположенная в подвальных казематах старого казарменного корпуса, она елеправлялась с потоком желающих помыться теплой водой курсантов. Банный день проводился по строгому графику-расписанию помывки личного состава. Дело еще осложнялось и тем, что своей воды в Львове не было, разве только в лужах после частых дождей. В город ее качали по трубопроводу за 70 километров из города Стрый и подавали в краны домов с 6 до 9 часов утра и с 18

до 21 часа вечером. Училище исключением не было. Начищенные до блеска краны в умывальниках были, а воды в них в дневное время нет.

В конечном итоге нашу баню закрыли на капитальный ремонт, а более новая, та, что у журналистов, физически неправлялась с таким количеством курсантского населения. Командование училища договорилось с руководством города об использовании по средам каждой недели городского баниного комплекса на улице Тургенева, в интересах училища. Это минут двадцать хода строем по улицам города. Вот туда, на третьем и четвертом курсах, нас и водили мыться. Картина была интересная. Горожане, привыкшие видеть львовских курсантов в парадном строю или в увольнении, в парадной форме с иголочки, наблюдали, как в повседневном хэбэ и фуражках, с мыльницами, шампунями и полотенцами, колоннами-строями ведут политбойцов — краснопогонников на помывку в городскую баню.

По дороге было несколько продуктовых магазинов, куда успевали заскочить гонцы и прикупить пива или дешевенького крепленого вина, с красивым названием «Золотая осень». Ведь еще генералиссимус А. В. СУВОРОВ говорил, что «после бани, порты продай, но рюмку хряпни!». Все делалось в соответствии с заповедями великого русского полководца. Мылись по двое-трое в отдельных душевых кабинках, куда взгляд сопровождающих офицеров сквозь стену из стеклянного кирпича не проникал. Распаренные, чистые, довольные и, как полагается после бани, пригубившие легких хмельных напитков, мы возвращались обратно в училище.

Банные дни проводились по средам. И каждую среду одна из четырех групп роты, по графику, неделю готовила, а после бани показывала свой концерт-капустник, высмеивая в стихах, песнях и сценках самих себя же за недельные проделки. Одни выступают, другие, сидя в исподнем, кто на табуретах, кто на полу, смотрят и аплодируют. По уровню и юмору наши ротные капустники могли бы смело состязаться с КВН Александра Васильевича МАСЛЯКОВА!

К концу третьего курса все ждали выпуска наших старших собратьев, чтобы переселиться из казармы в общежитие комнатного типа, нашить на рукава четыре курсовки старшего выпускного курса и уехать в последний летний курсантский отпуск. Выпускники 1979 года оставили нам написанную авторским коллективом выпускную песню «Лейтенанты», которая запала всем в душу и текстом, и приятной на слух мелодией. Мы по сей день ее поем, и не только на встречах выпускников.

Последний летний курсантский отпуск пролетел быстро, и мы возвратились в стены родного училища. Встреча, как и всегда, проходила весело и радостно, как будто мы не виделись несколько лет. В день возвращения из отпуска в столовую не ходили. На импровизированные столы из дорожных сумок выкладывались съестные дары всех народов СССР, обучающихся на нашем курсе. Украинское сало, белорусские драники, узбекские дыни, армянский лаваш с кинзой, молдавский виноград, татарская вяленая

колбаса из конины и прочие национальные яства, выданные в путь-дорогу заботливыми родителями, накрывались на общий стол. Радости от встречи и общения, искренне, не было предела. Тем более, накануне долгожданного переезда из казармы в общежитие для выпускного курса! Уже распределились, кто с кем в комнате будет жить.

Наша эйфория пропала, как мираж, на следующий день, на общем построении училища. Начальник училища генерал-майор ЗИНОВЬЕВ вышел перед строем и торжественно объявил, что к нам на учебу едут триста пятьдесят офицеров-политработников братской армии Афганистана, поэтому их будут размещать в комнатах нашего общежития. Это был удар по нашему авторитету выпускников!

Так и жили в казарме до самого вручения лейтенантских погона. А братских политработников из Афганистана, вкушивших мирной, свободной и вольготной жизни, по вечерам вызывали курсовые офицеры «спецфака» из милицийских отделений и, в хлам пьяных, штабелями привозили в училище. А говорят, что мусульмане не пьют, им вера не позволяет! Не верьте, пьют и салом закусывают!

Четвертый курс пролетел быстро. Первая его половина прошла в подготовке и проведении второй войсковой стажировки. А вторая половина — в подготовке и сдаче выпускных экзаменов, распределением для службы в войсках, пошивом и получением офицерского военного обмундирования.

На вторую двухмесячную войсковую стажировку в должности начальника клуба полка я попал все же в 24-ю танковую учебную дивизию. Ту самую в городе Добеле, где прошло мое детство. В начале декабря 1979 года на «родном» поезде Львов — Рига мы с командиром группы старшиной РЫБНИКОВЫМ Андреем и однокурсником Мишой КУЗНЕЦОВЫМ поехали на стажировку в Добеле. В Шяуляе к вагону на вокзал пришли, встретиться на время стоянки поезда, мои родители и сестра.

Путь следования был мне знаком с детства, и мы без труда, выйдя из поезда в Елгаве, доехали до Добеле. Десять минут хода пешком от железнодорожной станции, мы вошли в штаб дивизии в Добеле-1 и по уставу представились начальнику политотдела.

К сожалению, мое желание стажироваться в новом клубе в военном городке Добеле-2, не было удовлетворено. Нас раскидали в разные места, где дислоцировались другие части дивизии. Мишу КУЗНЕЦОВА отправили в танковый полк в город Вентспилс. Андрея РЫБНИКОВА в артополк под Ригу, в местечко Балдераи. Меня направили в саму Ригу, в отдельный батальон химзащиты.

Миша КУЗНЕЦОВ из Добеле поездом уехал на запад Латвии, в город моего рождения. А мы с Андреем РЫБНИКОВЫМ рейсовым автобусом в Ригу. Там я его проводил на городской маршрутный автобус, а сам поехал искать свой батальон, на окраину города.

Прибыв к месту назначения, я обнаружил одно досадное и немаловажное обстоятельство. В части не было клуба. А стажироваться где и в какой роли? Как меня

замполит батальона не уговаривал, я добился того, чтобы меня направили в часть, где есть солдатский клуб.

В этот же день я убыл в поселок Адажи-2, где располагался образцово-показательный 13-й учебный мотострелковый полк. Эта учебная часть была гордостью Прибалтийского военного округа. Сюда для показа и проведения военных сборов часто привозили военных и гражданских руководителей высокого ранга. Солдатский городок с новыми казармами, все с иголочки. Рядом, за КПП, в сосновых жилой городок офицерского состава. В полку был типовой современный действующий клуб со штатным капитаном во главе. Мне повезло. Здесь велась полнокровная живая работа по культурно — досуговому обеспечению личного состава, как составной части партийно-политической работы.

Это был декабрь 1979 года, время начала ввода Ограниченногоконтингента Советской войск в Демократическую республику Афганистан. Толком никто еще ничего не понимал, что происходит и во что ввязывается Советское правительство. Очень многим военнослужащим полка от рядовых до офицеров захотелось романтики, проверить себя в настоящей боевой обстановке. В части пошел бум подачи рапортов с просьбой отправить для оказания интернациональной помощи дружескому афганскому народу. Кто же тогда знал, что за десять лет этой интернациональной помощи 14 тысяч наших солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров вернутся на Родину в цинковых гробах. Еще большее их количество возвратятся через термезский мост искалеченными духовно и физически, инвалидами, о которых вскоре Родина забудет, отвечая устами чиновников — бюрократов: «Я тебя туда не посыпал!».

Жил я рядом с клубом в отдельной комнате в помещении военного оркестра. Бытовые условия были устроены, впереди два месяца стажировки. Только работай. Что я и делал. Впитывал и вникал во все практические тонкости клубной работы. Было чему поучиться у начальника клуба и во что приложить свои теоретические знания, полученные в училище.

В этот период проходили подготовка и проведение выборов в местные советы. Получил опыт оборудования и организации работы избирательного участка, проведения агитационно-пропагандистской работы и оформления наглядной агитации.

На пользу пошло ознакомление с работой по кинообслуживанию войск военной кинобазой Прибалтийского военного округа. На практике изучил работу библиотеки и музея Боевой славы части.

С моим участием в полку был организован и проведен смотр художественной самодеятельности части. За подготовку и выступление 9-й учебной роты отвечал лично. Замполит пообещал, что если рота займет призовое место, он отпустит меня на Новый год домой к родителям, на три дня. Это был весомый аргумент, и я смело направился в 9-ю роту собирать ротную художественную самодеятельность.

Когда я поднялся в расположение подразделения, то подумал, что попал в Закавказье. Кругом были солдаты выходцы из Средней Азии и Закавказья, с трудом говорящие на русском языке. Первая мысль, которая посетила меня: «Что же я буду с ними делать?». Но, как потом, оказалось, был не прав.

Во-первых, старшиной роты оказался прaporщик Леня ЛЕОНОВ, мой одноклассник по 10 «В» классу Добельской средней школы. С ним не виделось с выпускного вечера. Он быстро подобрал мне творческих воинов, и я начал с ними заниматься. Леня их освобождал от нарядов и работ во время наших репетиций.

Во-вторых, концертная программа роты получилась очень колоритная, многонациональная. Звучали восточные народные инструменты, танцевалась «Лезгинка», создали свой вокально-инструментальный ансамбль, где азербайджанец виртуозно играл на ударной установке. Но больше всех удивил и был изюминкой программы представитель солнечной Армении по имени Левон, настоящий йог.

Наступил день проведения смотра. В жюри заседали замполит полка, пропагандист, начальник клуба, секретарь комитета ВЛКСМ, председатель женсовета части и заведующая библиотекой. Дошла очередь до 9-й роты. Выступаем, поем, танцуем, стихи рассказываем, жонглируем. Пришел черед оригинальному жанру. Ведущий предупредил, что выступает настоящий йог, слабонервных зрителей, просим не волноваться. Зря некоторые члены жюри не прислушались к нашему конферансье.

На сцену вышел в галифе и босиком, с голым торсом Левон, с ним четверо его степенных земляков. На расстеленную плащ-палатку они разбили несколько стеклянных лимонадных бутылок. Левон разулся и невозмутимо босыми ногами встал на острые осколки, походил, попрыгал на них, сел на стул и показал ступни ног. Без единого пореза! Потом невозмутимо лег спиной на эти стекла, земляки положили на него перевернутый стол, взгромоздились на него и несколько раз попрыгали. Левон снова не спеша поднялся и показал зрителям в зале не пораненную острым стеклом спину. Зал грохнул аплодисментами.

Когда Левон в ноздрю медленно засунул гвоздь-двуухотку и тот по шляпку куда-то вошел, не по себе стало председателю женсовета части, и она покинула зал. Но это было не все в программе Левона. Когда он, запрокинув голову и открыв широко рот, медленно начал погружать в себя макет сабли, выструганной из дерева, без сознания на свежий зимний воздух вынесли заведующую библиотекой. Замполит, в целях безопасности, прервал выступление местного йога из 9-й роты.

Из двенадцати выступавших в смотре подразделений рота заняла третье, значит призовое место. Я сначала получил взбучку от замполита части за представленный оригинальный жанр, а уже потом трое суток отпуска с выездом домой на Новый год.

За три часа до Нового года я приехал домой в Шяуляй и начало 1980-го олимпийского года я встречал с родителями за домашним праздничным столом.

Стажировка прошла с пользой для моей дальнейшей службы.

В конце января она завершилась, и мы возвратились в училище. Отчитались за стажировку, сдали командировочные документы, и в этот же день убыли в последний каникулярный курсантский зимний отпуск.

Последние месяцы учебы на занятиях нам меньше преподавали теорию, больше говорили о практическом опыте предстоящей армейской службы в войсках. Преподаватели общались с нами, как с офицерами, по-дружески делясь опытом своей офицерской службы.

Начальник кафедры «Культурно-просветительной работы в СА и ВМФ», участник Великой Отечественной войны, Заслуженный работник культуры РСФСР, профессор, полковник ПОДОБЕД Иван Михайлович, собрав весь наш выпускной курс, выступил по-отечески с напутственной речью, акцентируя на то, что нас ждет впереди и как себя вести молодым лейтенантам по прибытию в войска. Иван Михайлович предупреждал, что то, чему на перспективу нас научили в училище, пригодится лишь на 15–20 процентов. Армия пока не готова к такому уровню культурного обслуживания, как нам преподавали, и наша задача добиваться внедрения высокой культуры в армейские и флотские коллективы, в работу солдатских клубов и Домов офицеров. Как сейчас помню его слова: «Придете вы представляться к командиру части, он вам первым делом скажет: «Лейтенант, бери кисть и иди, крась клуб». У меня лично так и вышло. И второе, что я усвоил — разговаривать с подчиненными уважительно и только на «Вы».

Запомнился наш преподаватель по философии, заместитель начальника кафедры МЛФ полковник БАЛАБАЙ Иван Трофимович. Большой, сутуловатый, полностью лысая огромная голова 64 размера, с добрыми, но цепкими и умными, с хитринкой глазами. Жена у него умерла и он, больше не женившись, один растил и воспитывал школьницу дочь. Семинаров с его участием мы побаивались. Он садился на кафедре за преподавательский стол, медленно поднимал тяжелый взгляд на курсантскую аудиторию и медленно задавал вопрос: «Ну, кто хочет пофилософствовать?». Со стороны это действие выглядело, как в мультильме «Маугли»: удав Ка общается с обезьянами — бандерлогами. Никто умничать на философские темы с полковником БАЛАБАЕМ, безусловно, не хотел. Мы всегда подсовывали первым ему на затравку нашего отличника учебы Витю БРОНИРОВА. Виктор любил пофилософствовать и вовлечь преподавателя в живую дискуссию, в которой больше говорил педагог, курсанты только поддакивали или незначительно добавляли свои реплики.

Пришло последнее семинарское занятие по философии. Скоро выпуск. Сел на свое место полковник БАЛАБАЙ, посмотрел на нас и многозначительно изрек: «Что общего и в чем разница между матом и диаматом? Даю вам первую пару семинара на размышление. Потом вернусь. Не ответите, две пары буду спрашивать по теме семинара», и спокойно вышел из аудитории.

Не имея никакого желания отвечать по теме семинара, как в телевизионной игре «Что, где, когда?», мы приступили к вариантам ответов на заданный преподавателем вопрос. За два часа наумничали несколько вариантов, оперируя философскими категориями и понятиями.

После перерыва вернулся полковник БАЛАБАЙ И.Т. Мы ему и так, и эдак, все вроде бы умно и грамотно. Но нет, видим, что не попадаем в вариант ответа преподавателя. Не стал он нас долго мучить и ответил сам: «Мат знают все, но делают вид, что не знают. Диамат не знает никто, но делают вид, что знают. А общее у них то, что и мат, и диамат являются краеугольным камнем в борьбе пролетариата!». Не стал он нас спрашивать по теме семинара, поговорили о предстоящей лейтенантской службе и распорошились, навсегда.

Наш выпуск был олимпийским, дата выпуска совпадала с датой начала Олимпийских игр в Москве, т.е. 10 июля 1980 года. Центральные газеты в своих передовицах ежедневно сообщали, сколько дней осталось до Олимпиады-80, заодно отсчитывая дни до нашего выпуска из училища.

К концу мая началась компания по распределению выпускников по видам и родам войск. Предварительное собеседование с каждым из нас-выпускников лично проводил начальник факультета полковник САДОВСКИЙ В.И. Мы все желали попасть служить в пехоту — мотострелки или танкисты. По итогам разговоров с выпускниками прошлых выпусков, приезжающих в отпуск, в пехоте был хороший карьерный рост, а значит, не за горами и поступление в высший военный ВУЗ политработников — ВПА имени В.И. Ленина. Кроме того, служба в Сухопутных войсках давала возможность послужить за границей, на территории государств Варшавского Договора, с заменой в военные округа в Союзе. Можно было посмотреть мир. Так нам тогда казалось.

Разнарядка по видам и родам войск была строго регламентирована, и всех желающих направить служить в Сухопутные войска не представлялось возможным. Первоначально мне предложили на выбор ВВС, Московский округ ПВО или Железнодорожные войска. От последнего я отказался сразу. В ВВС начальник клуба полка должность категории «старший лейтенант», а мы выпускались на капитанские должности. От желдорвойск я тоже отказался. Остался Московский округ ПВО, о чем я с гордостью по телефону сообщил отцу. Он не поддержал моего оптимизма и доходчиво объяснил, что собой по меркам территории СССР представляет Московский округ ПВО, а заодно и все минусы службы на отдаленных точках. И предложил мне продолжать боевые традиции в Ракетных войсках стратегического назначения. Я ему сказал, что от начальника факультета служить в РВСН мне предложения не было. На что отец сказал: «Главное твое согласие, а остальное тебя не касается!». И я ответил: «Согласен!».

В первых числах июня в училище съехались, так называемые, покупатели — офицеры кадровых органов видов и родов войск. Нас построили на плацу отдельными

стройми по видам и родам войск, в соответствии с предварительным распределением. Меня вызвали в строй РВСН. Вот тебе и РВСН!

Прошло минут двадцать, на плац вышел начальник факультета полковник САДОВСКИЙ В.И. и зачитал несколько изменений, среди которых была и моя фамилия. Меня перевели в строй РВСН. Нас направили по учебным аудиториям на собеседование с представителями кадровых органов. Здесь уже решалась судьба каждого будущего ракетчика, в какое место РВСН он поедет служить.

Полковника в повседневной форме с артиллерийскими эмблемами я видел впервые, и перед заходом на собеседование волновался. Это позже я узнал, что это был офицер отдела кадров Политуправления РВСН полковник ИСКОСКОВ. Он спросил, хотел бы я служить в одной ракетной дивизии вместе с отцом? На что я ответил отрицательно, обосновав тем, что отец хорошо известный офицер в дивизии, и я, в его тени, окажусь «папенькиным сынком». Служба есть служба, и как она повернется, никто не знает. Поэтому лучше служить в другом месте. Отец сам по себе, а я сам буду строить свою служебную карьеру. И мне было предложено начинать лейтенантскую службу в должности начальника клуба ракетного полка в городе Выру Эстонской ССР, Валкской ракетной дивизии. На том собеседование закончилось.

Оставалось ждать торжественного выпускного построения с вручением лейтенантских погон и диплома, и прощанием с Боевым Знаменем родного училища.

10 июля 1980 года на плацу училища в присутствии родных и близких, жен и невест, состоялся 41-й выпуск офицеров-политработников Львовского высшего военно-политического ордена Красной Звезды училища. Привыкшие за четыре года к единообразному, красному цвету, погон и петлиц, в строю стояли мы — новоиспеченные ракетчики, авиаторы, танкисты, пограничники, мотострелки, моряки, офицеры Внутренних войск и т.д., во всем многоцветье представителей видов и родов войск Вооруженных Сил СССР. Это было наше последнее училищное построение.

Лейтенантские погоны, диплом и нагрудный знак мне вручали в присутствии отца подполковника ЕРЕМЕЕВА Анатолия Степановича, приехавшего в военной форме по случаю выпуска сына и для решения организационных вопросов по предстоящей 3 августа нашей свадьбе с Ириной НАУМОВОЙ. Рядом с ним находилась и моя невеста Ирина. Погода стояла чудесная, день был торжественный и радостный, мы фотографировались на память и прощались с родным училищем. Отец вручил мне наручные часы с надписью «Командирские».

Командование училища приняло правильное решение документы и деньги выдавать утром на следующий день после выпускных банкетов. И мы в парадной форме отправились в банкетный зал заранее заказанного ресторана, где вместе с командиром взвода капитаном Александром Константиновичем ШТЫРЛИНЫМ, женами и невестами весело провели время, без потерь боевых товарищней. Расходились далеко за

полночь, напоследок исполнив полюбившуюся выпускную песню «Лейтенанты», с текстом следующего содержания:

*Брошены в каптерки, брюки, гимнастерки,
Новоиспеченные лейтенанты спят.
А для них с иголочки, с звездными погонами
На грядушках коечек кителя висят.*

*И теперь свободные, кончилась учеба,
Завтра улетаем в разные края.
Может быть на Севере, может быть на Юге
Вспомнятся тебе и мне старые друзья.*

*Вспомнятся наряды, ночи караулов,
Или увольнения теплым летним днем,
Может быть на Севере, может быть на Юге
Нас девчонки в Лемберге вспомянут добром.*

*Песенки веселые, ласковые звуки
По казарме нашей медленно летят,
И под эти звуки, распластавши руки,
Тихим сном спокойным лейтенанты спят.*

На следующий день, переодевшись в повседневную форму одежды, мы собрались у штаба училища для получения документов, первого офицерского денежного довольствия, отпускных и предписания для убытия к новому месту службы.

В моем предписании было напечатано «прибыть 12 августа 1980 года в войсковую часть 21201 гор. Волга Эстонской ССР», т.е. сразу с двумя ошибками. Во-первых, город не Волга, а Валга. Во-вторых, в/ч 21201 — это штаб ракетной дивизии, который находился в городе Валка Латвийской ССР. Роли это не играло, я знал, куда мне надо ехать. И там уже выпускника ЕРЕМЕЕВА А.А. ждали.

К обеду училище осиротело. Последний выпускник 1980 года покинул его стены, переступив порог училищного КПП в самостоятельное плавание. И только старые каштаны стояли молчаливо и величаво, как и четыре года назад при поступлении, грустно помахивая на прощание своими большими красивыми резными листвами.

Через двадцать пять лет, после нашего выпуска, мой однокурсник и офицер-ракетчик, прослуживший на полигоне Капустин Яр, прекрасный поэт Анатолий ГОРИШНЯК в 2000 году написал стихотворение «Львовская осень». Не могу не упомянуть эти душевые строки:

*Вспомнишь порою тихую, львовскую осень
Знамени шелк, под которым шагал ты в строю,—
Время летит — четверть века отбросив,
Но с фотографий я лица друзей узнаю...*

*Наше братство армейское вновь соберется.
Седина на висках и звезды сияют с погон,—
Не забыть нам тех дней, сожалея, что вновь не вернется
Осень львовская наших курсантских времен...*

*Не грусти, друг — мы нашею дружбой городимся.
Каждый верит в свою путеводную нить и звезду,—
Пусть не часто, но все же, порою нам снится
Осень львовская — ЛВВПУ...*

Глава 7

ПРИБАЛТИЙСКОЕ ЛЕЙТЕНАНТСТВО

За четыре года моей учебы в Львовском высшем военно-политическом училище отец, проходивший службу в политотделе Шяуляйской ракетной дивизии, был назначен на более высокую партийно-политическую должность — ответственный секретарь партийной комиссии при политотделе ракетной дивизии. Кто-то умный подсказал, что безответственных секретарей в КПСС не может быть. И слово «ответственный» в названии его должности вскоре убрали. Вместе с тем, надо признать, что эта должность была уже номенклатурой Военного отдела ЦК КПСС. Вслед за назначением ему было присвоено очередное воинское звание «подполковник».

К моему выпуску из училища отец был самым старшим по возрасту в политотделе, и сослуживцы его, как старшего, мудрого и к тому времени убеленного сединой, уважительно называли «дед». Я его подкалывал, мол, «какой ты, батя, дед, если внуков не имеешь». А не имеешь, значит, ты не дед, а «кандед», т.е. кандидат в деды.

Этот «дед Советской Армии» собирался купить первую в своей жизни машину — новенькие «Жигули» (ВАЗ-2101). Полной суммы денег на приобретение машины не было, отец взял в КВП (кассе взаимопомощи) ссуду и ждал уведомления из автосалона в Риге о покупке автомобиля.

В июне, за месяц до своего выпуска из училища, я позвонил отцу и сообщил важную новость, что женюсь, документы в ЗАГС поданы и свадьба намечена на 3 августа. У папы седых волос добавилось. И машина, и свадьба одновременно — два очень дорогостоящих мероприятия!

Вот отец и приехал во Львов «убить двух зайцев»: поучаствовать в выпускных торжествах сына и познакомиться с будущими невесткой и сватами, и определиться в организационном плане по свадьбе.

С Ириной мы познакомились в мае 1977 года в конце первого курса, на училищном вечере отдыха. Она училась на первом курсе фортепианного отделения Львовского Государственного музыкального училища имени С.Ф. Людкевича. Наша дружба, переросшая в более высокие чувства, продолжалась три с половиной года и логически

завершилась свадьбой. Решили, что оба оканчиваем учебные заведения, получаем дипломы, поженимся и уезжаем вместе, куда меня Родина пошлет.

По окончании музыкального училища Ирина получила направление на трехгодичную обязательную отработку преподавателем фортепиано в детскую музыкальную школу в село Бибрка под Львовом. Став женой офицера, она освобождалась от этой обязанности и получала свободное направление на трудоустройство по месту службы мужа.

Возражений по нашей женитьбе со стороны одних и других родителей не было, и мы готовились одновременно и к выпускным экзаменам, и к свадьбе. Вдобавок к этому, НАУМОВЫ перед свадьбой затеяли полный косметический ремонт своей трехкомнатной квартиры. В стороне от этого серьезного дела я, как без пяти минут зять, безусловно, оставаться не мог. Поэтому вместе с Валерией Владимировной — неутомимым двигателем семейного прогресса НАУМОВЫХ, я еще вдохновенно белил потолки и клеил новые обои.

Родители Ирины прекрасные, добрые, интеллигентные люди, профессиональные музыканты.

Мой тесть Юрий Николаевич НАУМОВ 21 сентября 1930 года рождения, в детстве был сыном полка, воспитанником военного оркестра. Выпускник Военно-дирижерского факультета при Музикальной консерватории имени П.И. Чайковского, Юрий Николаевич до капитана был военным дирижером, служил в оркестре штаба Прикарпатского военного округа. Что-то у него не сложилось в служебных отношениях с начальством, и он уволился из армии задолго до пенсионного возраста. На гражданке Юрий Николаевич преподавал в музыкальном училище, где училась дочь Ирина, и одновременно был главным дирижером народного самодеятельного творческого коллектива — симфонического оркестра Львовского государственного политехнического института.

НАУМОВА (девичья фамилия ПЛИСКО) Валерия Владимировна, моя теща, 6 августа 1939 года рождения, жила в Черновцах и училась в Черновицком государственном музыкальном училище на фортепианном отделении, где и познакомилась с молодым и статным военным дирижером старшим лейтенантом Юрием НАУМОВЫМ. Они поженились. Там же, на Украине в городе Черновцы, 13 февраля 1961 года родилась моя будущая жена Ирина. После переезда во Львов мама Лера бессменно проработала педагогом по классу фортепиано в Львовской детской музыкальной школе № 2, даже после выхода на пенсию.

9 июля 1975 года в музыкальной семье НАУМОВЫХ родилась вторая дочь Юлиана, впоследствии тоже музыкант, профессиональная пианистка. Она закончила и музыкальное училище, где работал отец, и ранее училась старшая сестра, и Львовскую государственную музыкальную консерваторию имени Н. В. Лысенко.

Две семьи ЕРЕМЕЕВЫХ и НАУМОВЫХ должны были породниться, а свадьба официально закрепить такое родство. Знакомство родителей прошло в дружной

и конструктивной обстановке. Распределив роли и обязанности по подготовке к торжественному событию, отец, я и Ирина уехали в Шяуляй.

У меня был первый лейтенантский отпуск, и я перед свадьбой повез Ирину познакомить с мамой, родной сестрой и показать Прибалтику. Посетили старую Ригу с ее старинными средневековыми католическими соборами и Домским концертным залом органной музыки. На Рижском вокзале, у электрички случайно встретились с одноклассником по школе Иваном ЛИМАНЦОМ, выпускником Рижского института гражданской авиации. Совершили на катере водную прогулку по реке Даугаве с выходом в Рижский залив Балтийского моря. Объехали и обходили все курортное побережье Юрмалы. Побывали в литовском курортном городе Паланга. Изучили все достопримечательности города Шяуляй, занимающего четвертое место по величине и численности населения в Литве, после Вильнюса, Каунаса и Клайпеды. Побывали на литовском святом городище — Горе крестов.

За неделю до свадьбы Ирина уехала домой во Львов готовиться к торжественному событию. Я остался в предсвадебных хлопотах в Шяуляе. Оставалось несколько свободных дней до уезда во Львов, и я направился в Ригу, встретиться со своим лучшим школьным другом Сергеем ДАНЧЕНКОВЫМ.

Еще не прошло и месяца, как Сергей женился на своей однокурснице по Рижскому политехническому институту Маргарите ГРИГОРАШ. В городе нам сидеть не хотелось, и мы решили на два дня пойти в поход, сплавляясь на резиновых лодках по реке Гаяя. Собрали лодки, палатку, удочки, котелок, провиант и на Рижский вокзал. Сели на пригородный дизель-поезд «Рига — Валга» и доехали до места назначения, остановочного пункта Стренчи.

Расстояние от населенного пункта Стренчи до города Валмиеры, где нам предстояло завершить путешествие, по железной дороге составляло около 30 километров. По реке мы петляли два дня. Правда, с остановкой для вечерней рыбалки, приготовления ухи на костре и ночевки в палатке. И это с учетом, что плыли по течению реки. Молодые ДАНЧЕНКОВЫ плыли в первой лодке, Сергей сидел на веслах. А я со всем туристским скарбом, трутнем возлежал на второй надувной лодке, привязанной веревкой к головной, одновременно загорая и созерцая окрестности.

Своеобразная река с бурлящими каменистыми порогами, быстринами, переходящими в тихие плесы и глубокие затоны, проплывающие пейзажи по берегам, то обрывистым, то плавно спускающимся к воде, поросшим густым смешанным лесом, оставили неизгладимое впечатление в моей памяти.

Вечером третьего дня я вернулся домой в Шяуляй. А на следующий день вся команда ЕРЕМЕЕВЫХ и гостей с их стороны поездом направилась во Львов, на свадьбу. Шумливые ПИСАНОВЫ, прилетевшие из столицы Таджикистана города Душанбе, заводная моя бабуля Нина Григорьевна ЕРЕМЕЕВА, приехавшая из узбекского города

Термез, и веселая по натуре тетя Тоня ПУСТОВАЛОВА из Елгавы, всю ночь чудили и веселились в соседнем купе, играя в карты. Таким же шумным табором они высыпали на перрон Львовского вокзала, где нас встречали НАУМОВЫ.

День свадьбы 3 августа 1980 года был солнечным, довольно жарким и душным. Так получилось, что мой добрый друг по училищу Виктор ГУСАК расписывался с Людмилой в том же бывшем Дворце графа ПОТОЦКОГО, в этот же день и прямо перед нами. Они вышли из зала торжественных событий, мы с Ириной их поздравили и следом зашли в зал регистрации браков. Свидетелем у меня был мой однокурсник по отделению Саша ПАЛАМАРЧУК из Киева-Василькова, направляемый для прохождения службы в Каунасскую дивизию ВДВ, город Ионаву. Торжественная часть прошла успешно, обменялись кольцами, вручили нам свидетельство о браке, согласно которому Ирина стала моей женой, поменяв девичью фамилию НАУМОВА на ЕРЕМЕЕВА.

За время игры в училищном ансамбле свадьбы мне пресытили дальше некуда, поэтому свое свадебное гуляние я пережил, с нетерпением ожидая его завершения. Столы были накрыты в квартире НАУМОВЫХ на первом этаже пятиэтажного дома № 5 по улице, с красивым названием Липовая аллея. Танцы проводились под навесом на площадке у подъезда, в тени фруктовых деревьев.

В свадебном костюме при галстуке, весь мокрый от духоты и тесноты, со всех сторон «Горько!», да «Горько!». Толком ни поесть, ни выпить. Молодым не до этого. Хотя стол ломился от яств, и всего хотелось попробовать.

К вечеру духота, наконец, спала, и мы со свадебной молодежной делегацией пошли поздравить друзей Витю и Люду ГУСАК. Их свадебное застолье проходило в кафе на улице Белоцерковской, недалеко от нашего дома.

Второй день свадьбы прошел легче, раскованнее, без суэты и торжественности. Сутились только мамы и бабушки Нина Григорьевна ЕРЕМЕЕВА и Нина Сергеевна МАКЕЕВА, накрывая столы и менять посуду.

Завершилось свадебное гуляние. На третий день гости разъехались. Их проводили на железнодорожный вокзал Львова, к отправлению поезда. Восстановив интерьер квартиры, начали собираться в путь-дорогу сами.

Ирина уезжала из родительского дома. Теперь только приезжать в отпуск. Поэтому собирался и упаковывался весь ее гардероб и прочие личные вещи, даже большой плюшевый мишка — подарок детства. Да и свадебных подарков надарили достаточно большое количество. Для доставки нас на вокзал пришлось заказывать две машины такси.

Через день из Львова в Шяуляй уехали и мы, чтобы паковать свой, теперь общесемейный, багаж для убытия к первому месту моей офицерской службы. До выхода на службу оставалось несколько дней.

В Шяуляе состоялась приятная встреча. К нам в гости из Елгавы приехал мой школьный товарищ Юра АНУФРИЕНКО. Он тоже, как Сергей ДАНЧЕНКОВ и я, только что

женился. Брак был без родительского благословления. Его родители Мария Никаноровна и Петр Михайлович, были против этого союза и, как оказалось чуть позже, были правы. Через пару лет молодая семья АНУФРИЕНКО распалась, не успев окрепнуть. Загуляла жена, променяв спокойного и уравновешенного Юрия на горячего выходца с Кавказа. Для меня же была главным наша встреча в июле 1980 года. Встреча друзей детства, наши воспоминания и доброе общение. А Юра, пережив предательство, нашел достойную даму сердца, женился, они родили сына и живут сегодня счастливо в любви и согласии.

Начальником политотдела Шяуляйской ракетной дивизии в то время был полковник ЕВСТРАТОВ Вячеслав Александрович, будущий Член военного Совета Читинской ракетной армии, депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва, поддержавший в августе 1991 года ГКЧП. Он и отец находились в хороших служебных и, я бы сказал, дружеских отношениях. Не без его участия я попал служить в Ракетные войска стратегического назначения.

Я находился дома, когда позвонил отец и попросил, чтобы я оделся в повседневную военную форму и приехал в штаб дивизии. Со мной хочет побеседовать полковник ЕВСТРАТОВ В.А.

Через двадцать минут я был в кабинете у отца. Напротив кабинета секретаря парткомиссии кабинет начальника политотдела. Когда пригласили, я представился по форме, согласно уставу. Мне навстречу из-за стола поднялся энергичный полковник, крепкий, с густой шевелюрой аккуратно зачесанных волос, волевым мужским лицом и острым прониженным взглядом, с огоньком.

Первым делом, для порядка, он сделал мне замечание, что расстегнут клапан на кармане рубашки. Потом проверил наличие и состояние партийного билета. Расспросил об училище, об успехах в учебе, о планах на будущее и прочее. Рассказал о РВСН и особенностях службы в этом виде войск. Коротко проинформировал о Валкской ракетной дивизии, куда меня направляли начальником клуба Выруского полка.

После часа собеседования Вячеслав Александрович обратился к отцу: «Анатолий Степанович, а не выехать ли нам на природу, обмыть лейтенантские погоны твоего сына?!». Вызвал, как сейчас помню, свою служебную темно-вишневую «Волгу» ГАЗ-24, и мы втроем выехали за город, мимо мясокомбината, вдоль железнодорожного пути, в сосновые посадки на берегу озера. Место для неформальных встреч на свежем воздухе, без лишних ушей и глаз.

Традиционное представление по случаю присвоения первого офицерского звания «лейтенант», снова по-отечески напутственные слова, доброе общение. В завершение начальник политотдела в шутку сказал: «Смотри, лейтенант, может первый и последний раз, с полковником и начальником политотдела, рюмку выпиваешь. Ведь, как служба пойдет. Успехов тебе!». И мы в хорошем настроении вернулись в Шяуляй, разъехавшись по своим квартирам.

11 августа 1980 года. Отпуск завершен. Дата выезда к месту службы. За сорок минут до прибытия поезда «Чайка», проходящего через четыре союзные республики, маршрутом Минск — Вильнюс — Рига — Таллинн, такси привезло нас с вещами, в сопровождении родителей и сестры Лены, на железнодорожный вокзал города Шяуляй. Вытащили из багажника вещи, расплатились с таксистом, машина ушла. И тут Ирина обнаружила, что оставила у заднего стекла такси свою сумочку, в которой были все наши документы и деньги! Состояние стрессовое, у женщин близкое к панике.

Надо отдать должное спокойствию отца и порядочности шяуляйских таксистов, машины которых все были радиофицированы. Первый подъехавший таксист вник в наше положение и вышел по радио на связь с диспетчером, попросив доставившего нас таксиста вернуться на вокзал.

За десять минут до прибытия поезда сумка с деньгами и документами была снова у Ирины. Больше она ее из рук не выпускала. Из этого случая мы извлекли на всю жизнь два семейных урока. Первый, — к поезду приезжать заблаговременно, не позже, чем за час до его прибытия. И второй, — в дорогу брать необходимый минимум дорожных денег. А основную сумму класть в сберкассе на аккредитив, «до востребования».

Через пять часов пути, проехав знакомые с детства Елгаву, Ригу, Валмиеру и Стренчи, поезд доставил меня с женой на вокзал эстонского города Валга. Приятной неожиданностью было то, что на перроне нас встречали. На служебном УАЗе заместителя начальника политотдела дивизии нас встречал старший инструктор политотдела по комсомолу старший лейтенант Александр ТАРАСЕНКО.

По ходу движения машины по городу он провел короткую экскурсию, из которой мы с Ириной узнали, что Валга и Валка — два разных районных центра, хотя на вид, как один город. Разделяет их, эстонскую Валгу и латвийскую Валку, пограничная маленькая речушка, больше похожая на ручей.

Железнодорожный вокзал, гарнизонный офицерский клуб дивизии, дивизионный госпиталь и местный ракетный полк располагаются в эстонской Валге. А штаб ракетной дивизии и узел связи соединения в латвийской Валке, куда мы сейчас и едем.

Первым делом Александр завез нас в городскую старенькую, без особых удобств, но чистенькую и тихую двухэтажную гостиницу, где мы оставили вещи и я, для представления командованию, переоделся в парадную форму для строя. Штаб дивизии располагался недалеко от гостиницы, не больше десяти минут пешком. Ирину отправили погулять и прикупить чего-нибудь на ужин, а сами через КПП и вошли в штаб на представление к командованию дивизии, в соответствии с предписанием.

Командиром ракетного соединения был генерал-майор МОРОЗ Виталий Васильевич, будущий первый заместитель начальника боевой подготовки Ракетных войск. Начальника политотдела полковника МАЛАХОВА Александра Георгиевича я знал еще с детства, когда он был заместителем командира Добельского полка по политической

части, еще в звании майора. С его старшим сыном Витькой мы учились в одном классе, дружили и часто бывали друг у друга дома.

Полковник МАЛАХОВ А.Г. меня по-доброму встретил, расспросил об отце, мимо-летно вспомнив о службе в Добеле, и сказал, чтобы я не переживал, так как должность начальника клуба Выруского полка (войсковая часть 33847), куда я был назначен приказом Министра обороны СССР, пока занята. Начальник клуба капитан ГУЛЬ Александр Яковлевич планировался на должность пропагандиста этого же полка, но что-то не получилось, и цепочка служебных передвижений на момент моего прибытия, не срослась. Поэтому временно меня назначают на должность начальника клуба военной школы младших специалистов дивизии (ВШМС, войсковая часть 21201-ш), с категорией «старший лейтенант». Вместе с тем, полковник МАЛАХОВ А.Г. дал слово, что в течение 6–8 месяцев мой кадровый вопрос будет решен положительно. И он сдержал свое слово. А пока, напоив чаем, начальник политотдела отправил меня к жене в гостиницу и предупредил, что утром к гостинице подойдет машина, и нас доставят в город Выру, где располагалась ВШМС.

От Валги до Выру около 90 километров. Нас привезли в открытый жилой военный городок, расположенный за железнодорожным переездом, на берегу живописного озера, в окружении соснового леса, на окраине города. У офицерской гостиницы нас встретил заместитель начальника вшмс по политической части майор КОЛЧИН Юрий Михайлович. Невысокого роста, светловолосый и светлобровый, спокойный и располагающий душевностью к себе человек. Под его руководством нам оперативно оформили и выделили отдельную комнату, где мы оставили свои чемоданы и вместе с Ириной поехали в часть на представление к начальнику ВШМС.

Военная школа младших специалистов дивизии располагалась вдоль железной дороги. За глухим забором части располагался железнодорожный вокзал города Выру. С другой стороны, за шоссейной дорогой, городское кладбище в сосновом светлом бору. За ним жилой военный городок, где жили семьи ракетного полка и ВШМС.

Как в любой учебной части, территория блестела чистотой и порядком, побеленными бордюрами и деревьями, трехэтажные старые кирпичные казармы и штаб покрашены, большой строевой плац, за ним современная военторговская солдатская чайная. Вдоль заасфальтированных дорог и пешеходных дорожек взрослые фруктовые деревья.

В кабинет командира меня пригласили вместе с женой, в присутствии замполита КОЛЧИНА Ю.М. За огромным полированным столом сидел командир части подполковник УХТИНСКИЙ Николай Павлович. Большой человек, с громогласным голосом и здоровыми кулакищами. По внешнему виду, манере разговора и поведения он мне сразу напомнил артиста Бориса АНДРЕЕВА в роли БУРМАКА из кинофильма «Сказание о земле Сибирской». Настоящий русский богатырь, руки которого, как две

булавы, постоянно смахивали с рабочего стола темной полировкой невидимую пыль или крошки.

Уточнив, где и как мы разместились, первым делом командир пригласил нас на обед в солдатскую столовую, расположенную в подвальном помещении соседней со штабом части трехэтажной казарме 1-й учебной батареи. Шторы на окнах, картины и цветы на стенах, покрытых светлой полировкой, на столах скатерти, повара и кухонный наряд в белоснежных халатах и шапочках, аппетитный запах обеда, вся эта домашняя обстановка, нас приятно удивили. Уже по столовой было видно, что командир части в своем хозяйстве настоящий хозяин.

После сытного обеда мы снова зашли в кабинет командира. Но уже без Ирины. Там состоялся служебный разговор командира с подчиненным ему молодым офицером. Оказалось, что начальника клуба в части давно не было. Его обязанности, как общественную нагрузку, исполнял замполит 1-й учебной батареи капитан САЛЬНИКОВ Борис Степанович. Все ключи от клуба находились, а значит и хозяйствовал там, младший сержант, штатный старший кинорадиомеханик. Как оказалось, очень порядочный, культурный и грамотный парень. В армию его призвали после окончания техникума. Мой одногодок, Владимир уже полтора года срочной прослужил на этой должности. В клубе работала и библиотека, во главе со штатной заведующей.

Если внешне здание клуба было покрашено и смотрелось, более- менее свежо, то внутри, особенно темно-зеленые стены фойе, имели неприглядный вид и давно не видели косметического ремонта. Вот тут я и вспомнил мудрые слова начальника кафедры «Культурно-просветительной работы» полковника ПОДОБЕДА И. М., когда командир УХТИНСКИЙ Н. П. выдал: «Ну, лейтенант, примешь должность и сразу бери кисть и приводи в порядок клуб. Да укрась его картинами военной тематики. Краски и людей дам. Любого художника из учебных батарей выбирай. Иди, трудись». И, как отрезал: «Время на исполнение — один месяц!». Так начиналась моя офицерская служба.

Ирина на следующий день поехала в город и без особого труда оформилась на работу преподавателем фортепиано в Вырусскую детскую музыкальную школу.

Поселились мы в офицерской гостинице в городке на улице А. В. Суворова. По ironии судьбы, напротив гостиницы стоял жилой четырехэтажный дом, где после переезда с родителями из Добеле-2 жила моя первая школьная любовь Марина ВАНЕЕВА. После ее уезда в 1974 году, больше года мы переписывались, и адрес я знал наизусть: Эстонская ССР, город Выру, улица Суворова, дом 8, квартира 12. Переписка у нас с ней прервалась после того, когда я получил очередное письмо с информацией, что Маринка познакомилась с другим парнем, и они весело проводят время. В моем понимании это был плевок на мои искренние чувства. И я прекратил отвечать на приходящие еще какое-то время ее письма. А там поступил в училище. Так мы разъехались и потерялись.

С того времени прошло шесть лет, и вот я стою перед ее подъездом, прокручивая в голове варианты возможной встречи. Но встречи не состоялось. От соседей, выходящих из подъезда, я узнал, что Марина уехала учиться в Ленинград, там же вышла замуж за офицера, родила дочь и служат они не то на Камчатке, не то на Сахалине. А ее родители Юрий Артемьевич и Неля Кирилловна ВАНЕЕВЫ недавно переехали к новому месту службы в город Кингисепп Ленинградской области. Не судьба.

Август стоял теплый и грибной. В первый же вечер мы с Ириной пошли прогуляться по сосновому бору и насобирали крепких, нераскрывшихся шляпок разноцветных сыроежек на толстых ножках. Они всюду торчали из густых бархатных зеленых мхов, словно в сказочном лесу. Считая себя заядлым грибником с большим стажем, такого количества крепких, без червоточинки, сыроежек я больше нигде и никогда не встречал. Ужин был из тушеных грибов с отварной картошкой. Заодно, на обед следующего дня приготовили ароматный грибной суп. Так прошел наш первый день в Выру.

Две недели мы прожили в офицерской гостинице в военном городке, заселенной офицерами — двухгодичниками, т.е. выпускниками военных кафедр гражданских вузов, призванных на два года службы на офицерских должностях. Через неделю нам дали первую лейтенантскую квартиру. На территории ВШМС, сразу за КПП, по обеим сторонам асфальтированной дороги когда-то стояли два деревянных двухэтажных дома-брата, построенных еще в 1936 году при буржуазной Эстонии. Один ранее сгорел. А второй, почерневший от времени и старости, немыслимой архитектуры, с нежным названием «Теремок», устоял. Архитектурной красоты воинской части он явно не добавлял. В его затхлой утробе разместились отделение почты и несколько квартир, где влачили свое существование двое холостяков офицеров — двухгодичников и трое семейных молодых офицера в ожидании очереди на получение нормального жилья. Теперь добавились и мы с Ириной.

На календаре конец августа, сухо, тепло, и мы были рады своей первой квартире на втором этаже этого здания. Позже наша радость улетучилась вместе с моментально выдуваемым теплом с приходом осеннее — зимнего периода. Узкая крутая деревянная скрипучая не отапливаемая лестница в коридоре. Входная дверь и сразу попадаешь на кухоньку, благо с водопроводным краном холодной воды. За ней маленькая жилая комната с закутком для хранения вещей. Финская печь без задвижки, которая топилась привозным углем и обогревала одним боком кухню, другим комнату.

Расставив по углам свой нехитрый скарб, мы первым делом поехали в город и купили сразу две первые крупные вещи — черно-белый телевизор «Рекорд В-312» со стабилизатором напряжения и пианино «Рига». Деньги на пианино были свадебным подарком Ирине от ее бабушки МАКЕЕВОЙ Нины Сергеевны. Все приобретенное имущество мы с трудом по узкой крутой лестнице затащили в свое новое жилье. Особенно тяжело далось пианино, полировку которого, как ни старались, все же поцарапали.

Обустроили свой скромный быт, навели домашний уют, чему были несказанно рады и счастливы. И начались наши служебные и трудовые будни.

Пятиминутная близость дома от службы и двухчасовой перерыв на обед мне явно импонировали. За это время я успевал и спокойно пообедать, и прессу почитать, еще и часик вздремнуть. К 16 часам, не торопясь, приходил на плац, на общее построение части. Суббота до обеда была рабочим днем.

За месяц мы с киномехаником и приданными нам двумя художниками из учебных батарей отремонтировали и украсили картинами фойе клуба, зажгли новые люстры и бра. Пришел день сдачи работы командиру части подполковнику УХТИНСКОМУ Н.П.

Обновленное фойе клуба командиру понравилось. А вот наши художественные картины, добросовестно и в короткий срок написанные маслом дипломированным художником, выпускником Тбилисской художественной академии рядовым Дато КАНЧАВЕЛИ, были, мягко говоря, грубо раскритикованы. Самолеты, танки, ракеты, корабли и подводные лодки в действии были, а людей на картинах нет. Это было мое упущение. Поэтому вину и удар командира части я взял на себя, успокаивая доброго и немногословного по натуре представителя великого грузинского народа, до глубины души уязвленного непарламентскими выражениями начальника ВШМС. Расстроенный Дато, получивший вместо похвалы за добросовестную работу командирский разнос, с безысходностью выдавил из себя: «Товарищ лейтенант, я так старался, а он...!» И чего я не ожидал от интеллигентного грузина, он в сердцах добавил: «Вот, би... т!», вспомнив древнюю женскую профессию, только без мягкого знака на конце слова. После этого с безысходностью уронил голову на свои натруженные руки мастера художественной кисти и серьезно загрустил.

В течение недели на фоне уже написанной маслом боевой техники и оружия видов и родов войск, на каждой картине успешно добавились мужественные лица советских воинов в касках и моряков в бескозырках. На этот раз командир выразил свое удовлетворение работой и объявил нам благодарность. У Дато КАНЧАВЕЛИ от души отлегло и его лицо просветлело.

К концу октября материальную базу клуба мы привели в порядок. Провели ревизию и выбраковку книжного фонда библиотеки.

Фильмы для личного состава показывали по субботам и воскресеньям. По пятницам выделялся автомобиль, и я ездил за двадцать километров в клуб местного Вырунского ракетного полка, к капитану ГУЛЬ А. Я., менять банки с кинолентами.

Далее взялся за художественную самодеятельность. В короткие сроки создали ВИА части, состоящий из двух местных прaporщиков, двух солдат и меня самого. На День Великого Октября дали свой первый концерт и провели вечер отдыха семей офицеров и прaporщиков в помещении «Солдатской чайной». В нем принимала участие

и моя тёщенька — мама Валерия Владимировна, приехавшая из Львова посмотреть, как мы с Ириной разместились и какими проблемами живем.

Подготовили и провели хорошую праздничную программу для личного состава и членов семей ко Дню РВСН. Командир и замполит части были довольны работой. Да и сам я уже немного освоился, окреп в службе, заступал дежурным по части, имел хорошие товарищеские отношения с начальниками служб, командирами учебных батарей и их заместителями по политчасти, в особенности.

Полным ходом шла подготовка к новогодним праздникам, когда в клуб прибужал посыльный с приказанием мне прибыть в штаб части. Требовалось позвонить по телефону в кабинет начальника политотдела дивизии полковника МАЛАХОВА А.Г.

Александр Георгиевич сообщил, что он убывает к новому месту службы на должность начальника политического отдела Харьковского высшего военного командно-инженерного училища Ракетных войск имени маршала Советского Союза Н.И. Крылова. Но слово свое он выполняет, меня назначают на должность начальника Гарнизонного офицерского клуба дивизии в город Валгу. Прибытие к новому месту службы сразу после встречи Нового 1981 года.

Полковника МАЛАХОВА А.Г. на должности начальника политотдела Валкской ракетной дивизии сменил подполковник АСТАФЬЕВ Борис Васильевич. По прибытию в штаб ракетной дивизии я представлялся уже новому начальнику политотдела. После беседы с ним меня представили офицерам политического отдела, ввели в курс событий и определили круг задач. Из штаба дивизии в Валке мы с капитаном ВЕКОВЕШНИКОВЫМ Анатолием Васильевичем пешком пошли в Валгу, в Офицерский клуб. Один сдавать, а другой принимать хозяйство.

Анатолий Васильевич давно был начальником гарнизонного офицерского клуба, все и всех знал, был очень уважаемым офицером в штабе дивизии. Его перевели на должность инструктора политотдела по культурно-массовой работе, а меня назначили на его место. Разница в возрасте почти двадцать лет. ВЕКОВЕШНИКОВ А.В. стал моим первым добрым наставником, помощником и другом в управлении ракетной дивизии. Всегда, особенно на первых порах, помогал во всех делах, поддерживая и словом, и делом.

Я уехал в Валгу, а Ирина осталась пока работать в музыкальной школе в Выру. В офицерском общежитии мест свободных не было и я жил прямо в своем служебном кабинете. На обед ходил в ресторан железнодорожного вокзала. Там было уютно, по-прибалтийски культурно и спокойно, играла тихая отыхающая музыка, вкусно готовили, а главное рядом с местом службы и недорого. Дилем ресторан работал в режиме и по ценам столовой.

В будние дни в 21 час входная дверь офицерского клуба закрывалась на ключ, и один из моих подчиненных солдат по графику в ночь оставался дежурным по клубу. В клубе была хорошая бильярдная с дорогим трофеинным бильярдным большим

столом, оставшимся в наследство от буржуазной Эстонии. Свободное вечернее время я и проводил в освоении игры на бильярде, играя в паре то с киномехаником, то художником, то с фотографом — своими подчиненными, дежурившими в этот вечер. Они уже за полтора года службы в клубе уверенно овладели кием и шарами, я же только начинал осваивать премудрости бильярдной игры.

Говоря о бильярде, который считается истинно игрой русского офицерства, мне вспоминаются два старичка-фронтовика, освобождавших город и оставшихся здесь жить после войны. Оба заядлые игроки на бильярде.

Я уже не помню их имен, но что они вытворяли с шарами на зеленом сукне, вызывало восхищение. Они приходили днем, никому не мешая, вежливо просили разрешения на игру и, получив добро, спускались в бильярдный зал. Оба старые фронтовые друзья-пенсионеры, играли они на интерес, по «червончику» в лузу. Для них главным было правильно бросить жребий, кому первым разбивать шары. Дальше начиналось действие. Разбивающий играл, а второй отставлял свой кий в сторону, потому что первый мастерски загонял ему все восемь шаров подряд. Они не лупили со всей силы по шарам, как мы это делаем зачастую, не уверенные в точности своего удара. А подолгу ходили вокруг стола, высматривая наиболее удобный для игры шар и мягким, спокойным, ударом-то не назовешь, направляли его точно в лузу. Шар, гулко шурша по графитовой плите стола, обтянутого зеленым приборным сукном, медленно катился к цели и, не зацепив бортов створа лузы, мягко вкатывался в сетку бильярдной корзины.

Товарищ, проигравший партию, шел через дорогу в магазин и возвращался с «чекушкой» водки и легкой закуской. Большего количества спиртного они не употребляли. Наблюдать за их игрой можно было часами, но труба звала исполнять свои должностные обязанности.

Раз в неделю я приезжал на побывку домой к своей любимой жене в наш «Теремок». Очередной раз приезжаю и вот картина: январь, мороз, холода, ветер воет, кругом снег, вхожу домой, а моя жена сидит на кровати во всей теплой одежде, какая была, укрытая поверх одеялом и плачет. В доме температура, как на улице, только без ветра. А из разорванного льдом латунного крана висит большая сосулька. Не смогла растопить печь, уголь не загорался и за сутки квартира вымерзла. Уголь был низкокачественный и вправду долго не разгорался. Печь, все же, я растопил, нагрели квартиру до 30 градусов, легли спать. Утром просыпаемся, а на градуснике 13 градусов тепла. Все тепло ветер выдул. После этого случая забрал я Ирину с собой в Валгу, заставив уволиться с работы.

Мы освободили в клубе большую комнату одного из методических кабинетов под свое жилье и перевезли туда вещи. В одной комнате оборудовали и кухню, и зал с пианино, столом, магнитофоном и телевизором, и спальню. Ирина вскоре устроилась на работу в Валгаскую музыкальную школу, и жизнь пошла своим чередом.

Двухэтажное старое здание офицерского клуба, где при буржуазной Эстонии располагалась военная казарма, размещалось в городе, рядом с военным госпиталем, заброшенным костелом и домами офицерского состава, в пяти минутах хода пешком от городского железнодорожного вокзала. Половину первого этажа здания занимал местный «Военторг», со своими складскими помещениями и отдельным входом со двора.

С начальником военторга майором по фамилии ПУШКИН у нас завязались взаимовыгодные соседские отношения. Чешское пиво «Пльзеньское» или «Старапрамент» у меня всегда стояло в холодильнике служебного кабинета. Да и с легкими чешскими форменными туфлями по цене 19 рублей 50 копеек, пользующимися широким спросом у советских офицеров, у меня проблем тоже не было. У майора ПУШКИНА А.С., в свою очередь, не было проблем с изготовлением и оформлением вывесок и табличек, необходимых в подчиненных ему учреждениях и проведении культурных мероприятий.

Для работы в клубе было все необходимое: огромный кабинет начальника, хорошо оформленный и уютный зрительный зал с киноаппаратной, два методических класса, библиотека, большая художественная мастерская, танцевальный зал, бильярдная, фотография, и множество подсобных помещений в подвалной части здания.

В июне 1981 года в этом подвале в запаянном цинковом гробу, до похорон, сутки покоился первый погибший в городе Валге русский солдат-интернационалист, прибывший «грузом-200» из Афганистана. Останки воина сопровождал старший прaporщик, уставший, не по годам поседевший, в полинялой от пота и солнца полевой форме — «афганке», бронзовый от среднеазиатского загара, а главное, без жизни в глазах.

Я его пригласил на ужин и, когда от выпитого прaporщик немного расслабился, он поведал мне о горькой правде «романтике выполнения интернационального долга», о настоящей войне, где мы проигрываем в партизанских налетах на наши колонны и блок — посты афганским моджахедам и теряем бессмысленно своих людей. Эта война бесконечна и победителей в ней, вряд ли, будет. И еще о многом другом, о чем в новостных программах не сообщалось, в газетах не писалось, а открыто говорить о действительном положении, строжайше запрещалось.

После похорон погибшего солдата, старший прaporщик грустно и безысходно прощавшись убыл назад в Афган. И дай Бог, чтобы он остался живой! Это был июнь 1981 года. Только первый год девяносто летней войны.

В штате клуба, не считая начальника, были заведующая библиотекой и три военнослужащих срочной службы — кинорадиомеханик, художник-оформитель и фотограф. Кроме них, ежедневно в моем распоряжении были пять солдат-музыкантов вокально-инструментального ансамбля «Лабиринт».

Ежедневно, кроме понедельника, в офицерском клубе демонстрировались платные киносеансы. Пятница, суббота, воскресенье — платные танцевальные вечера, на

которые битком собирались молодежь со всего города. Ребята военного ВИА «Лабиринт» исполнял весь репертуар песен популярной рок-группы «Машина времени». Да так профессионально, что их исполнение было не отличить от первоисточника.

Здесь же, в офицерском клубе, проводились совместные вечера отдыха семей офицеров управления дивизии и местного Валгасского ракетного полка, которым в то время командовал подполковник КОПЕЙКИН Александр Николаевич, будущий последний командир 24-й (Гвардейской) ракетной дивизии и начальник штаба 4-го ГЦМП в Капустином Яре.

В этом офицерском клубе при проведении очередной партийной конференции дивизии я, как начальник военного учреждения культуры, впервые встречал легендарную среди стратегических ракетчиков личность, в то время командующего Смоленской 50-й ракетной армии генерал-лейтенанта ЯШИНА Юрия Алексеевича. Впоследствии, генерал армии ЯШИН Ю.А. был первым заместителем Главнокомандующего РВСН, заместителем Министра обороны СССР, а после увольнения в 1992 году стал создателем и первым председателем Совета межрегиональной общественной организации «Союз ветеранов-ракетчиков». Будучи уже начальником Дома офицеров РВСН во Власихе, я часто его встречал, и мы общались в моем служебном кабинете за чашкой чая с коньяком при проведении ветеранских мероприятий и конференций.

Военные, в лице ракетной дивизии, были единственными в Валге и Валке. Других войск не было. Поэтому такие государственные праздники, как День Победы и День Великого Октября проводились местными властями по следующему сценарию.

На День Победы войска и власти латвийского города Валка строились на своей территории и организованной колонной, под звуки военного оркестра дивизии, шли в эстонскую Валгу, где у приграничной речки-ручья соединялись с местными властями и общественностью эстонской стороны. Далее, общей колонной вместе следовали к местам проведения митинга, возложения венков и проведения праздничных мероприятий, в том числе и совместного с военными концерта на эстонской стороне города.

На День Октябрьской социалистической революции с точностью до наоборот. Строились у эстонцев, а мероприятия проводили у латышей. Тогда военных уважали.

По субботам мы с Анатолием ВЕКОВЕШНИКОВЫМ ходили в железнодорожную баню, недалеко от клуба. Это уже стало традицией. После баньки выпить холоднень-кого эстонского пивка, пообщаться, в том числе и по вопросам службы,— милое дело. Два-три часа парилки и общения, и по домам.

Вот я раз так вернулся из бани, лег и крепко уснул. Ирина решила проверить, насколько я крепко заснул, и аккуратно сняла с моего пальца обручальное кольцо. Не чуя, я перевернулся на правый бок, руку под голову. Кольцо одевать обратно, значит, меня разбудить, и Ирина положила его в вазочку на подоконнике до утра. Я до этого

слышал, что плохая примета снимать супругам, а тем более потерять, обручальное кольцо. Через несколько лет жизнь подтвердила силу этой приметы.

Утром, умываясь, я обнаружил, что кольца нет. Меня охватил ужас, неужели в бане потерял обручальное кольцо, могло ведь слететь с намыленного пальца. Что я жене скажу! Пока Ирина спала, я бегом к ВЕКОВЕШНИКОВУ, разбудил его, коротко довел суть своей проблемы, и мы вдвоем пошли искать банщика, чтобы попасть в помещение бани. Переворошили все помещения, раздевалку, парилку, ковырялись в сливах помывочного зала, даже осмотрели канализационный колодец на улице. Нет кольца!

Часа через три поисков, не давших положительных результатов, я побрел виниться перед женой, что потерял атрибут супружества и верности. Я весь в расстройстве чувств рассказываю, а она смеется и вынимает кольцо из хрустальной вазочки, повествуя, как меня проверяла на крепость сна после вчерашней бани. От души отлегло, но неприятный осадок остался. Может и неправильно, но постоянно ожидал какую-то семейную беду. Она и пришла годами позже.

Летом 1981 года сваты НАУМОВЫ впервые приехали в отпуск к новоиспеченным сватам ЕРЕМЕЕВЫМ в Шяуляй. К ним на встречу уехала и Ирина. Отец уже год, как был счастливым обладателем новеньких «Жигулей» цвета «Адриатика». Вот они совместно и решили всем табором приехать на машине, посмотреть на наше житье — бытъе, заодно привезти Ирину обратно ко мне в Валгу. Как встречать, где расселять, чем кормить? Я один, службу правлю. Несколько растерялся. Как всегда, на помощь пришел опытный сорокалетний капитан Анатолий Васильевич ВЕКОВЕШНИКОВ. Мест в городской гостинице нет, а для него есть, даже два свободных номера. С размещением вопрос решен. На одноконфорочной электроплитке, хоть и долго, но сварили кастрюлю борща по его рецепту. Вкус, за уши не оттащишь! Натушили жаровню мяса. А к приезду гостей в готовности ждала горячая отварная картошка и охлажденные напитки. Домашние соления Анатолий Васильевич принес из своих закромов. Стол был сервирован на славу. Встреча прошла прекрасно, все остались довольны. Почетным и компанейским гостем нашей семейной встречи был А.В. ВЕКОВЕШНИКОВ. Я был очень благодарен старшему товарищу за помощь и науку не теряться в любой ситуации. А борщ ВЕКОВЕШНИКОВА я по сей день варю, используя его секреты приготовления, и всем, кто пробовал, он очень нравится.

Всегда добрым словом вспоминаю начальника политотдела дивизии АСТАФЬЕВА Бориса Васильевича, его спокойствие и выдержку, отеческую заботу о подчиненных и науку жизни. Он никогда не повышал голос, кстати, как и командир дивизии, генерал-майор МОРОЗ В.В. Но умел сказать так, что дважды повторять сказанное не надо, выполняешь указания с удовольствием и думаешь, как бы только не подвести уважаемого начальника.

Чего не скажешь о его заместителе подполковнике ГЛОТОВЕ Владимире Яковлевиче. О таких, как он, в служебных характеристиках пишут: «Бывает груб, но только

с подчиненными». Оскорбить и принизить человека, постоянная подозрительность, вместе с тем решение своих личных проблем за счет своих подчиненных, вечно стоптанные форменные туфли и мятые брюки,— вот, пожалуй, и все, что могу вспомнить об этом офицере. Да еще не возвращенные мои магнитофонные бобины со стереозаписями концертных выступлений Владимира ВЫСОЦКОГО и Джо ДАССЕНА, взятые им на два дня перезаписать, да так и оставленные у себя навсегда.

Борис Васильевич был хорошим семьянином, имел троих детей. Он много читал и часто приходил вечерами с младшим сыном в библиотеку менять книги. Если заставлял меня в будний день позже 19 часов на службе, приказывал убыть домой. Как он говорил: «Хватит мне разваливать молодую семью. Давай домой, к жене!». Такого отношения со стороны начальства ни до, ни после в моей 27-летней службе больше не было.

В служебное время политотделцы были единым сплоченным офицерским коллективом, выполняя поставленные задачи, поддерживая во всех делах друг друга. Один за всех и все за одного, не считаясь с разницей в возрасте, количеством и размерами звезд на погонах. В дни праздников, присвоения очередных воинских званий, убытия в отпуск и в дни рождения, всем составом политотдела, во главе с начальником, мы собирались в отдельном «греческом зале» офицерской столовой, расположенной на центральной улице города Валга. Товарищ ГЛОТОВ В.Я. на эти мероприятия приходил очень редко, у него всегда были какие-то причины.

В неформальной обстановке мы дружно общались, решали и служебные вопросы, строили планы на перспективу. Чистую водку никогда не пили. Тогда модно было ее разбавлять ликером «Старый Таллинн» или «Пепси-Колой». С этими напитками проблем в Эстонии не было. И никогда никто домой «с отделением головной части» не возвращался.

Ежегодно командованием объединения проводились учебно-методические сборы культпросветработников Смоленской ракетной армии, где подводились итоги работы за год, ставились задачи, проводились занятия и обзорные познавательные экскурсии. В сборах принимали участие офицеры от начальника клуба части до инструкторов по культурно-массовой работе армии. На сборы всегда приезжал и выступал перед нами Член Военного Совета объединения генерал-майор КУРИННЫЙ И.И. и офицеры политотдела армии. За два года службы в Валкской дивизии я был два раза на таких сборах.

В 1981 году сборы проводились в Литве, в Каунасской ракетной дивизии, где встретил своего однокурсника по курсантскому взводу, которому играл свадьбу, лейтенанта Бориса ХАРЕВИЧА. Он попал служить в Белоруссию, в Лидскую ракетную дивизию, начальником клуба полка в Гезгалах. В это время его полк перевооружался на новый ракетный комплекс РСД «Пионер», а замполитом полка был майор ЛОЙКО Александр Владимирович. Ныне ЛОЙКО А.В. полковник запаса, директор «Центра социального

обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов» во Власихе. Там же, в Каунской, а вернее, Кармелавской дивизии нам показали прекрасный музей Боевой славы соединения, оформленный руками народного умельца и художника-оформителя майора Евгения СОКОЛОВА.

В 1982 году сборы проводились на базе Островской ракетной дивизии в Псковской области. Заместителем командира дивизии был полковник КРАСНОВ Анатолий Дмитриевич, бывший командир Добельского ракетного полка и будущий начальник штаба объединения Военно-космических сил СССР. У входа в Дом офицеров, на перерыве между проводимыми занятиями, мы с ним успели пообщаться. Благодаря этим сборам, мы посетили пушкинские места в Пушкинских Горах, в бывшем селе-имении поэта в Михайловском и осмотрели достопримечательности древнего Кремля с величавыми соборами в Пскове.

В ноябре 1981 года я получил однокомнатную квартиру на пятом этаже современного дома в эстонской Валге по улице Усс. Соседи по подъезду были эстонцы, дом был чисто гражданский. Соседских отношений никаких, как будто нас с Ириной и не было рядом с ними. В латвийской Валке купили стенку «Рига», занесли в квартиру, но так ее и не распаковали.

Уже во второй половине 1981 года стало известно, что нашу, Валкскую 23-ю гвардейскую ракетную Орловско-Берлинскую ордена Ленина, Краснознаменную дивизию перевооружат на новый ракетный комплекс и к 1983 году передислоцируют в город Канск Красноярского края. Командир дивизии полковник КОНДРАШОВ Борис Иванович побывал на новом месте, где только были забиты колышки будущей «десятки» ракетной дивизии нового состава. Мне предлагалось поехать в Канск на майорскую должность начальника, еще не существующего Дома культуры Советской Армии (ДКСА) дивизии. Я отказался, хотелось творческой работы по специальности, а не строить новое здание военного учреждения культуры. Строителем я не был и с нуля начинать не хотелось. Поэтому, не успев переехать в благоустроенную квартиру, через две недели пришел приказ о переводе меня начальником клуба армейского узла связи 50-й ракетной армии, в поселок Гусино Смоленской области. Там же размещался и командный пункт ракетного объединения.

Не дождавшись Нового 1982 года, в соответствии с предписанием, я убыл к новому месту службы. В Валгу возвратился только один раз, чтобы выписаться из квартиры, сдать ее, получить справку о сдаче жилплощади в КЭЧ города Тарту, упаковать вещи и заказать контейнер. Загружали и отправляли контейнер без меня мои добрые товарищи — политотдельцы, во главе с капитаном ВЕКОВЕШНИКОВЫМ А.В. И я им очень благодарен за поддержку и оказанную помощь. Меня же с нового места службы для решения вопроса по перевозке семьи и домашних вещей второй раз в Валгу не отпустили.

Так, два года службы в Прибалтике, время становления и моего лейтенантства, быстро проскочили. Знаю, что многие офицеры уехали в Канск одни. Семьи остались в Валге и Валке, на новом месте еще не было жилья. У стратегических ракетчиков на первом месте всегда были боевая готовность и боевое дежурство. БСП были построены, личный состав дивизии заступил на боевое дежурство, а жилье и объекты соцкультбыта, в том числе ДКСА, строились во вторую, а то и третью очередь. А это не один год.

Вскоре вернулся из Канска, переводом в 4 ЦНИИ МО, в подмосковный город Юбилейный, полковник АСТАФЬЕВ Б.В. с семьей. Майором, уволившись в запас, возвратился в Валгу, к жене Татьяне, А.В. ВЕКОВЕШНИКОВ. Моя служба в Валкской ракетной дивизии тоже закончилась.

Жаль было расставаться с прекрасным коллективом офицеров политотдела полковником АСТАФЬЕВЫМ Б.В., подполковником АНТОНОВЫМ В.А., подполковником БОЙКО В.Ф., майором СЕЛИВЕРСТОВЫМ, капитаном ВЕКОВЕШНИКОВЫМ А.В. и старшим лейтенантом ТАРАСЕНКО А.П. Спасибо им за совместную службу и поддержку меня, как молодого офицера-политработника.

Глава 8

НА ЗЕМЛЕ СМОЛЕНСКОЙ

Распрощавшись с сослуживцами, оставил в Валге жену Ирину ждать отмашку на очередной переезд к новому месту службы, я убыл в город Смоленск, чтобы оттуда добраться до места назначения — поселок Гусино Краснинского района, в воинскую часть 54763 (Узел связи Смоленского ракетного объединения). Я уже знал, что от города Смоленска до поселка Гусино добираться минут пятьдесят на электричке, в сторону Белоруссии.

В 9.30 утра поезд Рига – Воронеж доставил меня на Смоленский железнодорожный вокзал. Время позволяло и я, сев в трамвай, по мосту через реку Днепр, вверх по улице Большая Советская, мимо городского универмага и старинного, намоленного смоленского Успенского собора, поехал в центр города, где находился Смоленский Дом офицеров. По сути, этот Дом офицеров был главным военным учреждением культуры Смоленского ракетного объединения. Там заместителем начальника ансамбля песни и пляски Смоленской ракетной армии с названием «Мы небо Родины храним» служил мой однокурсник лейтенант Володя ГОЛОДНИКОВ. Своего товарища по училищу я застал на месте и до обеда мы с ним, вспомнив годы курсантские, рассказывали друг другу о своей лейтенантской службе, кто еще из наших однокурсников попал служить в РВСН и кого из ребят встречали с момента выпуска из училища.

Пришло время обеда, да и мне уже нужно было уезжать в новую для меня часть, и Володя пригласил меня отобедать в офицерском кафе, расположенном на втором этаже здесь же, в здании Дома офицеров. Уютный большой зал с тяжелыми бордовыми шторами-гардинами и приглушенным светом экстравагантных люстр, с отдельными кабинками вдоль главного обеденного зала, больше напоминал респектабельный ресторан, чем кафе при Доме офицеров.

Не успели мы приступить к трапезе, как в зал вошли два офицера. Один майор, высокий и худой, орлиный нос с горбинкой и энергичной походкой. Второй розовощечкий, плотненький капитан, с улыбчивым добродушным русским лицом. Оба с эмблемами связистов, шли и оживленно о чем-то разговаривали. Я, как представитель РВСН,

гордо носящий эмблемы ракетчиков в виде скрещенных пушек, всегда посмеивался над эмблемами связистов, напоминающих жучков и называл их «военным пчеловодством».

Володя оживился, окликнул их, как старых знакомых, и накоротке представил меня, как однокурсника. Оказалось, это был замполит армейского узла связи майор БОНАДЫКОВ Василий Сергеевич и начальник клуба капитан ДЕГТЯРЕВ Валерий Николаевич, которого я ехал менять. Его уже назначали заместителем начальника телеграфного центра по политической части. Они по делам службы приезжали в политотдел армии и перед возвращением в часть заехали в Дом офицеров пообедать.

Меня сразу пригласили за стол, как оказалось, моего нового непосредственного начальника. Пока работали ложками и вилками, само собой состоялось первое знакомство и, в какой-то мере, представление. По завершении обеда Василий Сергеевич пригласил в свой служебный УАЗ. Мы заехали на вокзал забрать мои вещи из камеры хранения и, через мост над железнодорожными путями, налево, на выезд из города.

Стоял декабрь, стемнело быстро, пошел снег. Как я ни всматривался в придорожную темноту, так и не запомнил дорогу до части. Тем более, от майора БОНАДЫКОВА В.С. сыпались вопросы, как из рога изобилия и приходилось на них отвечать. А прежде, чем ответить, думать, что говорить новому начальнику.

Через час пути, минуя вокзал и железнодорожный переезд, мы въехали в поселок Гусино. На окраине поселка светился окнами пятиэтажных домов открытый военный жилой городок, с магазином, детским садом и школой. Проехав мост над Днепром, машина, свернула с шоссейной дороги в лес и остановилась у КПП. Короткий доклад дежурного по КПП. Еще минут пять езды по темному густому лесу, мимо антенных полей, и мы въехали в освещенный солдатский городок. Проехали мимо котельной и автопарка и, наконец, остановились у крыльца штаба части.

Представившись, как положено, командиру части полковнику МЕДВЕЦКОМУ Г.В., я прибыл в кабинет заместителя командира по политической части майора БОНАДЫКОВА В.С. После более полного ознакомления с моим послужным списком и семейным положением Василий Сергеевич довел до меня структуру и задачи, выполняемые личным составом армейского узла связи. Провел по ухоженной территории с аллеей Героев — связистов и по подразделениям части. Повсюду был идеальный порядок.

Служебные здания и казармы городка были современной постройки и компактно располагались по периметру строевого плаца. Штаб части располагался напротив только что построенного солдатского клуба, а казарма напротив солдатской столовой. Слева от клуба медпункт части, справа вещевой и продовольственный склады, и баня. Как сейчас говорят, все служебные здания располагались в шаговой доступности.

Мне исключительно повезло. Здание солдатского клуба, построенного по типовому современному проекту ДКСА, было совершенно новым, только что отстроенным.

Тем более руками капитана ДЕГТЯРЕВА В.Н., отличного художника-оформителя, все помещения были оформлены, обставлены новой мебелью и блестали в первозданной красоте. Рядом с клубом на высоком гранитном постаменте был установлен памятник В.И. ЛЕНИНУ — точная копия с работы известного советского скульптора ВУЧЕТИЧА. Такой клуб был подарком судьбы, мне оставалось только организовать работу по культурному обслуживанию личного состава и членов их семей. Сомнения, что я зря не поехал в Канск на майорскую должность, сразу рассеялись. Душа ликовала.

Вскоре клуб стал образцово-показательным в армии. На любые сборы сюда привозили, как на учебную точку передового опыта, участников сборов, вышестоящее военное руководство и представителей партии и правительства, посещающих город Смоленск.

Так в 1982 году часть и клуб посещал, при вручении Узлу связи переходящего Красного Знамени ЦК ВЛКСМ, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Николаевич ПАСТУХОВ.

В 1983 году находился на учениях «Запад-83» и выступал перед личным составом части Герой Советского Союза, начальник Политического управления РВСН, генерал-полковник ГОРЧАКОВ Петр Андреевич.

После беседы с замполитом части, экскурсии по расположению подразделений и сверкающему клубу, меня доставили в офицерскую гостиницу, расположенную на берегу Днепра, где выделили отдельную комнату на третьем этаже. На первом этаже здания гостиницы находилась офицерская столовая, что было очень удобно для проживания временного «холостяка». За гостиницей, среди елей, стоял деревянный магазин Военторга, построенный в 60-х годах. На другой день мне было предписано прибыть в 8.15 утра в кабинет замполита БОНАДЫКОВА В.С. на ежедневное утреннее совещание политработников части.

Как оказалось, на всем этаже гостиницы, кроме меня, в соседнем номере проживал, прибывший за неделю до меня из Лидской ракетной дивизии, помощник командира части по МТО майор МАРТЫНЕНКО Владимир Петрович. А в другом конце коридора, в двухместном командирском номере, временно с семьей проживал тоже только прибывший полковник САВЧУК Иван Васильевич, бывший командир Приекульского ракетного полка Шяуляйской ракетной дивизии, сослуживец моего отца. Он прибыл на должность начальника армейского командного пункта и менял уходящего на повышение в управление ракетной армии полковника ЛИХОЛЕТОВА Виктора Николаевича, тоже выходца из Шяуляйской дивизии, бывшего в свое время там заместителем начальника штаба — начальником оперативного отделения ракетного соединения.

Утром в назначенное время я прибыл в кабинет замполита. Меня представили офицерам партийно-политического аппарата части и замполитам подразделений. На совещании у каждого офицера было свое место. За главным столом восседал, имея

орлиный профиль, Василий Сергеевич БОНАДЫКОВ. Рядом с ним, за приставленным столом для совещаний, сидели два крепко сложенных майора — секретарь парткома БОБРОВ Михаил Степанович и пропагандист части ЦЫБУЛЬСКИЙ Александр Иванович. Справа, на диване, места занимали два офицера. Это, секретарь комитета ВЛКСМ старший лейтенант КОВАЛЕВ Алексей Анатольевич, огромный богатырь, занимающий сразу два диваноместа, он же будущий заместитель начальника Военной академии РВСН имени Петра Великого по воспитательной работе. И начальник клуба. Теперь я, лейтенант ЕРЕМЕЕВ А.А. На стульях вдоль стен располагались замполиты подразделений — приемного радиоцентра майор РАТМАНОВ Александр Львович, телеграфного центра капитан ДЕГТЯРЕВ Валерий Николаевич, эксплуатационной команды капитан Владимир Федорович КРАВЦОВ, телефонного центра майор ЗАЯРНЫЙ Олег Викторович и замполит роты МТО лейтенант, фамилия стерлась из памяти.

Все офицеры по графику заступали на сутки дежурными политработниками, работающими днем в подразделениях, а в ночное время на боевых постах связистов на командном пункте армии. В 7 утра дежурный коротко докладывал по телефону майору БОНАДЫКОВУ В.С. о состоянии дел и нарушениях, если таковые были. В 8.15, по прибытии из жилого городка на службу остальных офицеров, при всех политработниках заслушивался полный доклад ответственного и проходил «разбор полетов» по линии ответственности политработников за сутки, с постановкой задач на день. Все было четко организованно и регламентировано. Ничего лишнего. Половину часа длилось совещание, потом общий развод и начинался рабочий день, в соответствии с должностными обязанностями и поставленными начальником задачами.

После первого такого совещания, став связистом, мне пришлось на три года заменить на черных бархатных петлицах военной формы ракетные эмблемы на «военное пчеловодство».

Работать в части, да в новом клубе, было одно удовольствие. Тем более, теперь у меня был служебный автомобиль — автокинопередвижка (АКД) на базе УАЗ-452, со штатным водителем рядовым Геннадием ОРЛОВЫМ. Кроме штатных водителя-киномеханика, старшего кино-радиомеханика и заведующей библиотекой БИЗЮКОВОЙ Валентины Васильевны, в клубе были нештатные художник-оформитель, чеканщик по металлу, резчик по дереву и двенадцать солдат-музыкантов внештатного оркестра части. По завершении общего развода в фойе клуба я проводил свой местный развод, с постановкой задач на день каждому штатному и приданным из подразделений воину. Вечером перед общим построением и убытием со службы проверял их исполнение.

К 23 февраля подготовили и провели смотр художественной самодеятельности подразделений части. Имея уже определенный опыт работы в этом направлении, я взял на карандаш особо талантливых ребят и быстро подобрал активный костяк всех проводимых концертов и шефских выступлений.

Создали свой ВИА «Диапазон», состоящий из толковых ребят с хорошими музыкальными данными, куда вошли москвичи: рядовые Петр ПУЗЫРЕВ, Алексей КУЗЬМИН, Тимофей ЭЛЬМАНОВ, Сергей ВЕСЕЛОВ и мой водитель Геннадий ОРЛОВ, лихо играющий на барабанах ударной установки. В агитбригаду попал народный самородок и музыкальный пародист, служащий СА Анатолий КОЛУПИН. Был у нас свой артист-цыган, солдат-повар солдатской столовой, изумительно исполняющий цыганские народные песни. Были жонглеры и эквилибристы, юмористы и чтецы.

В свободное от службы время, по вечерам, я собирал творческий коллектив на сцене клуба, и мы увлеченно раскручивали свои интересные творческие задумки. Любой концерт, проводимый для личного состава и членов семей военнослужащих части, всегда отличался новой программой в исполнении полюбившихся зрителями исполнителями.

Постоянными участниками концертов были и мы с женой Ириной. Она исполняла классические фортепианные произведения, Я бардовские песни под гитару. И вместе дуэтом исполняли песни, под аккомпанемент инструментального ансамбля.

Офицеров и их семей привозили автобусами из городка. Клуб празднично освещался, принимая нарядно одетых по случаю членов семей военнослужащих. Проводимые по праздникам концерты были настоящим культурным событием для всего военного городка, а не только личного состава части.

По выходным дням для личного состава части демонстрировали кинофильмы. После каждого такого киносеанса в новенький клубный общий мужской туалет с блестящими белыми унитазами и писсуарами без возмущения войти было невозможно. Тут я вспомнил мамин рассказ из ее школьной поры, когда они с сестрой Лидой, также возмущенные безобразием в школьном уличном скворечнике, написали в нем, на самом видном месте, призыв: «Товарищи! Друзья! На доску срать нельзя! Для этого есть яма! Держите попу прямо!». Обработав более культурные рамки ранее придуманный текст девичьего воззвания, мы развесили информацию следующего содержания: «Уважаемые товарищи! Если Вы не совсем уверены в филигранном исполнении задуманного, приподнимите верхнюю часть аппарата!». И действовало положительно.

Замполит части майор БОНАДЫКОВ В.С. был очень эрудированным, с тонким чувством юмора, высокоорганизованный и грамотный человек. Такой же самоорганизации и достижения конкретных результатов он требовал и от нас, своих подчиненных. С ним было легко и интересно работать. Разумную инициативу он всегда поддерживал и помогал в ее претворении в жизнь. На телефонные звонки он всегда отвечал: «Я БОНАДЫКОВ, слушаю Вас». В части его уважали и побаивались. Передовиков службы он поднимал на щит. С бездельниками и нарушителями воинской дисциплины резко и жесткоправлялся. Не зря по части гулял стишок следующего содержания: «Не боюсь я никого, даже зверя дикого. Лишь боюсь я одного — Васю БОНАДЫКОВА».

Такого офицера-организатора не могли не заметить в управлении ракетной армии. В звании майора, на должности замполита армейского узла связи, он был награжден орденом «За службу в Вооруженных Силах ССР» 3-й степени и вскоре переведен в отдел агитации и пропаганды политотдела Смоленской ракетной армии, с одновременным присвоением воинского звания «подполковник».

С присущим ему юмором, прощаясь с коллективом политработников, Василий Сергеевич сказал: «Вот теперь я настоящий старший офицер!». На наше возражение, что майор тоже старший офицер, он выдал свое видение в разнице между старшими и младшими офицерами: «В армии существует негласная градация офицеров. Полковник и подполковник — это брат! Майор — полубрат, так как его еще могут разжаловать до капитана. А остальные, от лейтенанта до капитана, просто ...братья». И добавил: «Офицер, который окончил военное училище, это настоящий офицер. Кто пришел в армию после военной кафедры гражданского вуза, называется «пиджак». А офицеры-выходцы из прапорщиков — эти «из чемоданов».

На его место с присвоением воинского звания «подполковник» был назначен пропагандист узла связи Александр Иванович ЦЫБУЛЬСКИЙ. Выходец из сельской белорусской глубинки, Александр Иванович был хорошим хозяйственником, обладал природной мудростью и деревенской хитростью. Все председатели близлежащих колхозов и директора предприятий у него были в товарищах и успешно работали во благо части, не забывая и его самого.

Несколько уступая в грамотности БОНАДЫКОВУ В.С., он мог, где-то и пошуметь, но был человеком душевным и незлобивым, заботливым начальником по отношению к подчиненным. Очень любил концерты нашей художественной самодеятельности, лично сам всегда на них присутствовал и часто посыпал меня с концертной агитбригадой с шефскими концертами в сельские Дома культуры и районный центр поселок Красный. Тот самый Красный, граничащий с Оршанским районом Белоруссии, где русская армия М.И. КУТУЗОВА в Отечественной войне 1812 года добивала остатки разгромленной наполеоновской армии, отступающей из Москвы по старой Смоленской дороге.

За время «холостяцкой» жизни в офицерской гостинице мы сдружились с майором МАРТЫНЕНКО В.П., вместе завтракали и уходили на службу. При подходе к части, он первым делом смотрел на свой объект — котельную на мазуте, где начальником был лейтенант Валерий Николаевич БОЯРИНОВ, будущий полковник, заместитель начальника Инженерно-технического управления РВСН. Мазут, поставляемый в железнодорожных цистернах, был часто некачественным, с водой, которая зимой замерзала, что могло привести к остановке котельной. Вот он первым делом и смотрел, дымит ли его крейсер «Варяг». Я, в свою очередь, смотрел, светится ли мой новенький авианосец «Киев», то есть клуб. И так каждое утро.

Служебный день заканчивался, все уезжали в городок по домам, мы же были временно без семей и коротали зимние вечера вместе, возвращаясь в свою, как мы называли, ночлежку. Часто задерживались у меня в клубе поиграть на бильярде или ходили в командирскую парилку с небольшим бассейном, оборудованную в здании солдатской бани, за которую отвечал Владимир Петрович, как помощник командира по тылу.

С ним легко решались все вопросы обеспечения клуба необходимыми материалами, получаемыми по линии службы МТО и КЭС. Под его руководством регулярно проводились организованные централизованно выезды автобусом представителей служб части на закупки, по линии ответственности, в города Дубровно и Оршу. В Белоруссии очень хорошо было поставлено дело с обеспечением хозяйственными и канцелярскими товарами, в отличие от Смоленщины. Там же мы покупали и продукты питания. В то время мясо, масло, сыр, колбаса и многие другие продукты питания на Смоленщине были дефицитом. Они продавались по вторникам и пятницам в нашем военном сборно-щитовом магазине по спискам, по талонам и очерёдности, чего не было в соседней Белоруссии.

Новый панельный пятиэтажный жилой дом в военном городке на окраине поселка сдали еще осенью, но пока не заселяли. Причиной тому был лом вместо трубы в системе горячего водоснабжения, вваренный из хулиганских побуждений каким-то великовозрастным балбесом из числа военных строителей. Эта глупая шутка обернулась нарушением циркуляции в системе отопления и заморозкой целого подъезда нового жилого дома. Мы с нетерпением ждали устранения неисправности и распределения квартир, чтобы поскорее привезти свои семьи к месту службы. Холостяцкая жизнь изрядно надоела.

Наконец, дождались этого момента. В марте дом был распределен, и мы получили долгожданное жилье, одновременно уехав из тихой лесной гостиницы в новенькие квартиры.

Я, как бездетный, получил однокомнатную квартиру на первом этаже и был нескованно рад. Это уже была настоящая квартира, которая не требовала косметического ремонта. Вскоре приехала Ирина. С ее приездом жизнь снова приняла полноценное содержание и смысл, обогреваемая теплом семейного очага и домашнего уюта. Вскоре прибыл контейнер с домашними вещами. И мы обставили свое новое жилье, развесили шторы и тюль, только живи и радуйся. Работы для Ирины в городке не было, так как музыкальная школа в Гусино отсутствовала, а ездить ежедневно в райцентр Красный за 20 километров от городка, было и неудобно, да и накладно. И она устроилась временно работать в детский сад воспитателем и музыкальным работником.

Офицерский состав части состоял в основном из молодых лейтенантов, старших лейтенантов и капитанов. Выпускников 1979 и 1980 годов, как и я, было более двадцати человек. В основном выпускники Ставропольского высшего военного командно-инженерного училища связи РВСН. В конце июня 1982 года у них вышел срок службы для

присвоения очередного воинского звания «старший лейтенант». Вышел приказ командующего Смоленской ракетной армии генерал-полковника КОТЛОВЦЕВА Н.Н. о присвоении очередных воинских званий, в который включили одной командой и меня. Я же выпускался 10 июля, и до старшего лейтенанта мне еще не хватало двух недель. Помощник НШ по кадрам и строевой части по ошибке включил меня в приказ раньше времени.

Надо отдать должное командиру части полковнику МЕДВЕЦКОМУ Г.В. и его замполиту подполковнику ЦЫБУЛЬСКОМУ А.И., которые на общем построении, вместе со всеми вручили погоны старшего лейтенанта и мне. И только потом, Александр Иванович, с глазу на глаз сказал мне о допущенной ошибке, но дал добро на досрочное ношение погон с тремя маленькими звездочками. Так на две недели раньше срока я стал старшим лейтенантом.

В августе 1982 года я ушел в отпуск. Сначала съездили в Шяуляй к родителям ЕРЕМЕЕВЫМ. Потом проводали в Львове родителей НАУМОВЫМИХ. И в завершение отпуска мы вместе с НАУМОВЫМИ посетили бабушку Нину Сергеевну и родную тетю Ирины Викторию Васильевну, в городе Черновцы.

Они жили в старой части города, в старинном доме с палисадником, укрытым густым шатром из листьев и гроздьев сладкого домашнего винограда, с черешней и вишней под окнами по другую сторону дома, и мягкой прохладой чистеньких и уютных комнат. Дома, такого же чистенького и аккуратного, как сама хозяйка бабушка Нина.

Светлая аура и душевное тепло семьи МАКЕЕВЫХ, поездки на дачный участок со спелой крупной клубникой, шашлыки в тенистом палисаднике двора, прогулки по старинному красивому зеленому городу, купание в прохладной и быстрой реке Прут, рыбалка на городском пруду, поездка в лес за город за подсолновиками, просмотр концертных выступлений в «Зеленом театре» городского парка культуры и отдыха, и добродушное общесемейное общение позволили расслабиться, хорошо отдохнуть, набраться витаминов, положительных эмоций и физических сил. Теперь мы знали, что скоро у нас будет пополнение в семье. Я почему-то был уверен, что первенцем у нас родится сын и назову его, не иначе, как Андрюхой.

В боевой обстановке и на командно-штабных учениях на базе клуба армейского узла связи разворачивался справочно-информационный центр в составе офицеров политотдела армии, пропагандиста и личного состава клуба части. Через каждые три часа готовились, копировались и доставлялись на боевые посты армейского командного пункта информационно-новостные листки «Прочитай и передай товарищу!». Закупались в киосках «Союзпечать» и распространялись свежие номера центральных газет и журналов. Для формирований, вышедших в полевые районы, посредством кинопередвижки АКД-64, демонстрировались кинофильмы. Выпускались фотогазеты и листки-молнии о передовиках боевой учебы, отличившихся на учениях.

Мне запомнились общевойсковые учения «Запад-83», в которых приняли участие и Ракетные войска стратегического назначения.

Управление РВСН, по условиям учений, было организовано с командного пункта Смоленской ракетной армии. Поэтому среди высшего командного состава Ракетных войск все дни учений у нас находился начальник Политуправления РВСН генерал-полковник ГОРЧАКОВ Петр Андреевич. Учения совпали с 40-летием присвоения ему высокого звания Героя Советского Союза. К этой дате мы оформили в клубе информационные стенды и готовились к встрече П.А. ГОРЧАКОВА с личным составом. Но прежде, чем провести эту встречу, начальник Политуправления решил лично посмотреть место её проведения.

С большой свитой, в сопровождении начальника политотдела армии полковника БЕРЕЗОВА В.П., недавно сменившего на этой должности генерал-майора КУРИННОГО И.И., генерал-полковник ГОРЧАКОВ П.А. прибыл в клуб. Я, как начальник военного учреждения культуры, его встречал и сопровождал по расположению клуба. Осмотром выставки, методических кабинетов и других помещений клуба в целом он остался доволен. Потом поинтересовался у меня, есть ли в нашей библиотеке его авторская книга «Время тревог и побед» и, не дожидаясь ответа, сразу предложил пройти в библиотеку посмотреть. На книжной полке стояло около пятидесяти экземпляров его книги, выпущенной в коленкоровом переплете горчичного цвета. Взяв одну из книг и спросив мое имя, Петр Андреевич сделал дарственную авторскую запись с пожеланиями и вручил ее мне на память. Все шло хорошо, ему оставалось посмотреть зрительный зал и сцену, за состояние которых я был совершенно спокоен. На сцене загодя установили трибуну с микрофоном, стол и стулья президиума собрания, на авансцене поставили корзины с цветами. На заднике висели буквы «40 лет Великого подвига».

GORЧАКОВ П.А., я за ним поднялись на сцену, свита чуть поодаль, в ожидании приказаний. Генерал встал за трибуну и тут все увидели, что для двухметрового Петра Андреевича она по пояс. Он медленно повернул голову в мою сторону и с усмешкой спросил: «Эту трибуну начальник клуба под себя делал!?». До встречи оставалось полтора часа. И тут засуетилась вся свита, все стали мне ставить задачи и пугать несвоевременным их выполнением. Один полковник из свиты грозно предупредил, что если не будет работать микрофон или будет работать с помехами, чего очень не любит ГОРЧАКОВ П.А., служить мне придется в Тмутаракани, в самом дальнем дивизионе. Перспективы были не радужные. Начальник Политуправления с сопровождающими убыли на обед, после которого по плану должна была состояться намеченная встреча с личным составом.

В режиме ошпаренной кошки, за время обеденного перерыва, со своими клубными солдатами выпилили и сколотили из ДСП дополнительный каркас, поднявший трибуну на 30 сантиметров. Прямо на месте покрыли его морилкой под цвет трибуны. С задачей

справились и бегом в радиоузел, отстраивать звук микрофона. За радиопультом мне было предписано сидеть лично.

В зале собрался личный состав командного пункта и узла связи, не задействованные на боевом дежурстве. Вновь встречаю генерал-полковника ГОРЧАКОВА П.А., сопровождаю его до зрительного зала и бегом на второй этаж в радиорубку, пока состав президиума рассаживался за столом. Короткое вступление ведущего мероприятия о теме встречи и описании подвига ГОРЧАКОВА П.А. при форсировании Днепра в 1943 году. Под громкие аплодисменты виновник торжества встал за выросшую за час трибуну, осмотрел зал, взялся за стойку микрофона и отвернулся от себя, показывая, что его голос усиливать не надо. Я выключил микрофон и облегченно выдохнул.

Встреча прошла успешно. Добрая половина библиотечных книг «Время тревог и побед» были подписаны автором и разданы солдатам и офицерам — участникам учений. Позже пришлось докупать и восстанавливать недостающие библиотечные экземпляры. При убытии генерал-полковник ГОРЧАКОВ П.А. объявил мне благодарность и, удовлетворенный проведенным мероприятием, покинул клуб.

По пути на КП Петр Андреевич высказал мысль, что не плохо бы жареных карасиков отведать. Как известно, пожелание начальника является приказанием для подчиненного. И замполит узла связи подполковник ЦЫБУЛЬСКИЙ А.И. ставит задачу трем замполитам центров — к утру наловить карасей и отдать их повару столовой для дежурных смен на комплексном здании КП.

Одноэтажное комплексное здание со столовой и комнатами отдыха находилось на поверхности КП и соединялось с заглубленным и защищенным армейским командным пунктом потерной. Рядом с ним оборудован спортивный мини — городок с тренажерами и пруд с карасями. В центре пруда была построена деревянная беседка под крышей, заготовленными рыболовными удочками и вырезанной из дерева народными умельцами фигурой черта в человеческий рост. Черт в руках держал настоящую удочку со снастью, заброшенную в воду.

Рано утром генерал ГОРЧАКОВ П.А. вышел в спортивном костюме на зарядку. Размявшиесь на тренажерах, прошел по деревянным мосткам в беседку и тут увидел трех рыбаков в кителях с погонами майоров, сидевших в камышах с удочками и выполнявших задачу по отлову карасей, поставленную замполитом части. При виде начальника Политуправления, те дружно вытянулись в камышах по стойке смирно, приветствуя высокого воинского начальника. Понимая, что офицеры выполняют его вчерашнее пожелание, Петр Андреевич поинтересовался уловом рыбы. Караси клевали слабо, что и подтвердили все три рыбака. Он подошел к черту, вынул из его деревянных лап удочку, где на леске висели два живых карася, заботливо заранее прицепленных служивыми людьми с комплексного здания и, усмехнувшись, сказал: «Даже у черта клюет, а у вас нет!» И приказал: «Идите, занимайтесь личным составом!». Местная

операция «Карась» была провалена. Рыбу для жарки Герою Советского Союза доставили прапорщики части из другого водоема.

Командир части полковник МЕДВЕЦКИЙ Г. В. пошел на повышение в управление ракетной армии. На его должность пришел из н.п. Хохлово, что рядом со Смоленском, начальник ПДРЦ нашего армейского узла связи полковник ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Валерий Николаевич. Более молодой, энергичный и крутой нравом командир. Кадровые подвижки прошли и среди политработников.

Майор РАТМАНОВ А. Л. поступил в ВПА имени В. И. ЛЕНИНА. Алексей КОВАЛЕВ назначен замполитом телефонного центра, а на его место секретаря комитета ВЛКСМ части назначен лейтенант ПОЛЫНКИН Владимир Иванович, выпускник Рижского военно-политического училища 1982 года. С Володей, мастером художественного слова, мы быстро сдружились, играли в волейбол, ездили за грибами и ходили на рыбалку. На праздники собирались семьями то у них, то у нас дома. Теперь все концертные программы художественной самодеятельности вел он.

За месяц до родов я отправил Ирину к родителям во Львов. А 12 мая 1983 года у меня родился сын Андрей. В этот день со своими товарищами-сослуживцами мы хорошо отметили знаменательное событие с употреблением разбавленного спирта, выдаваемого инженерам центров для проведения регламента на аппаратуре связи. С водкой было тяжело. Закуски мало, а спиртного много. Это был первый случай в моей жизни, когда я на радостях перебрал лишнего и всю ночь болел, проведя ее в обнимку с унитазом.

Навестить семью отпустили меня не сразу, только на третий день после рождения сына и всего лишь на три дня. Билетов на поезд не достать. Пришлось ехать почтово-багажным. Пока я добрался этим железнодорожным доходягой до Львова, который по медленному ходу своего движения еще кланялся каждому столбу, сына и жену из роддома выписали, и родители забрали их домой без моего участия.

А через месяц после рождения сына, Ирину с Андрюшкой, в сопровождении тети Юрия Николаевича, я встречал на Смоленском железнодорожном вокзале. За это время мне дали двухкомнатную квартиру в соседнем доме на четвертом этаже, где с помощью Володи ПОЛЫНКИНА сделали косметический ремонт, перенесли мебель и прочие не богато нажитые домашние вещи. Ирина уезжала из однокомнатной квартиры, а возвратилась с сыном в новую, двухкомнатную.

Летний отпуск НАУМОВЫ проводили у нас в Гусино, помогали нянчить маленького Андрюху, ходили купаться и загорать на Днепр, протекающий в полутора километрах от жилых домов военного городка. Мы с Юрием Николаевичем по вечерам выходили на рыбалку на озеро, расположенное на месте довоенных торфяных разработок, сразу за городком, и успешно ловили карасей. Теща был настолько компанейский, выдержаный, юморной и легкий на подъем человек, что не чувствовалось разницы в возрасте, и общаться с ним было очень интересно.

Еще курсантом перед свадьбой я застал его дома одного, занимающегося своим огородиком в палисаднике перед окнами квартиры. Женщины ушли в театр. Я вызвался нажарить картошки на ужин и получил одобрение. Когда румяные брускочки жареного картофеля были почти готовы, я спросил у будущего тестя, где соль. Он мне ответил, что на столе в солонке в виде помидора. Я и посолил. Сели ужинать. Чувствую картошку сладкая. Он тоже говорит, что надо бы подсолить, и берет с разделочного стола у газовой плиты, такую же оранжевую, пластмассовую помидорину, только меньшего размера. Тут я понял, что «солил» картошку из сахарницы. Оба вида не подали. Зажаристую до румянной корочки и сладковатую картошку, сдабрив ее рюмочкой холодной водки, съели и глазом не моргнули.

Мне всегда нравилась его непосредственность. Мама Лера иногда приглашала на девичник своих подруг по работе к себе домой. За накрытым столом «девчонки», пригубив легкого вина, «трещали» и хохотали без умолку. Юрий Николаевич молчал, серьезно восседая во главе стола и терпеливо слушал их щебетание. Потом не выдерживал, наливал себе рюмку водки, поднимался, прерывая их оживленный разговор, и громко, торжественно и безапелляционно говорил: «Все, хватит! Предлагаю выпить за меня!».

Наступил 1984 год — год 25-летнего юбилея образования вида Вооруженных Сил СССР — Ракетных войск стратегического назначения. Шел третий год моей службы на армейском узле связи. Период становления прошел. Я уверенно работал, клуб был в передовиках.

В политотделе армии, куда я часто приезжал для решения служебных вопросов, меня хорошо знали и по-доброму относились, как к своему «местному». Подполковник СВЕЖЕНЦЕВ Владимир Иванович, отвечающий за снабжение частей и соединений Смоленского объединения техническими средствами пропаганды и агитации (ТСП), обеспечивал наш клуб всем новым имуществом и расходными материалами, поступающими на армейские склады ТСП.

Цветные телевизоры, стационарные и переносные магнитофоны, видеокамера и видеомагнитофон первого выпуска «Электроника ВМ-12», современный комплект радиоузла типа «Сигнал-2», микрофоны и самая новейшая эстрадная звукоусиливающая аппаратура, с музыкальными инструментами для вокально-инструментального ансамбля, в числе первых получал армейский узел связи. Рулоны красной бязи, бланки «Боевых листков», видео и магнитофонные бобины и кассеты, пачки ватмана, на складе клуба не переводились и регулярно, раз в месяц, по раздаточной ведомости выдавались в подразделения.

Не могу не упомянуть добрым словом военных врачей узла связи — капитана БАШТАНЕНКО Алексея Федоровича, начальника медицинской службы части и начальника медпункта старшего лейтенанта Станислава ДИДУШКО. Не считаясь

с личным временем и объемом служебных задач, они всегда приходили на помощь семьям военнослужащих. Спасибо Станиславу ДИДУШКО за оперативную помощь при сильном термическом ожоге моему годовалому сыну Андрюшке. Этот егоза схватил со стола большую кружку только что вскипяченного молока и обварил себе живот и ноги. По первому моему звонку, бросив служебные дела, врач примчался на машине скорой помощи и оперативно принял противоожоговые меры. Старшему сыну сегодня уже тридцать лет, и ни одного шрама или следа от ожога на теле не осталось.

Алексей БАШТАНЕНКО позже был начальником кабинета УЗИ в 7-й Центральной поликлинике во Власихе. Потом уволился и работает по специальности где-то в Москве. Проживает в Одинцове.

В начале 1984 года командованием армии было принято решение о постройке в жилом городке сборно-щитового здания Гарнизонного офицерского клуба. Мне предложили майорскую должность начальника ГОК. Снова предложение строить и начинать работу с нуля. Я отказался. На эту должность пришел выпускник Львовского ВВПУ, только 1982 года, старший лейтенант Анатолий ПУКЛИЧ. Впоследствии он возглавил Смоленский Дом офицеров.

Я же остался на старом месте, ожидая перевода на майорскую должность пропагандиста ракетного полка. В моих планах было поступление в ВПА имени В.И. Ленина. С армейской культуры практически туда никого не брали. Для меня это был бы тупик до седых волос. В ноябре этого же года меня вызвали в отдел кадров политотдела армии и предложили должность пропагандиста 25 ракетного полка в городе Советске Калининградской области. Я дал согласие и ждал приказа.

Отец, прослужив 31 год в Вооруженных Силах, из них 26 лет в РВСН, в сентябре уволился в запас. Проработав год в гражданской обороне Шяуляйского кожевенного завода, был назначен Председателем Шяуляйского городского комитета ДОСААФ, занимаясь военно-патриотической работой. Дивизия, как и его родной Добельский ракетный полк, находилась в стадии переформирования на новый ракетный комплекс, с последующей передислокацией в город Иркутск. За время офицерской службы он поменял три места службы и все в Прибалтике. Я же за четыре года уже менял третье место службы на четвертое.

17 декабря 1984 года состоялось сразу три события. Во-первых, я проводил свой последний концерт в должности начальника клуба армейского узла связи, посвященный 25-летию РВСН. Во-вторых, отмечал 26 лет со дня своего рождения. И, в-третьих, по офицерской традиции, проводил отходную, перед убытием к новому месту службы.

Концерт прошел на ура. Сфотографировался на память с участниками художественной самодеятельности части. Попрощавшись с ними, убыл с приглашенными офицерами-политработниками на торжественный ужин — проводы в «греческий зал» офицерской столовой. Туда же прибыли командир части полковник

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ В. Н., начальник штаба подполковник МАТЮХ Г. Г. и помощник по МТО подполковник МАРТЫНЕНКО В. П. Мероприятие, затянувшееся до позднего вечера, прошло очень душевно. Много было сказано добрых слов и пожеланий, вручено подарков и памятных сувениров о службе в части. Пьяненького, но не потерявшего голову, Алексей КОВАЛЕВ доставил меня с подарками домой. Официально моя служба на армейском узле связи закончилась. Технически осталось за десять дней передать дела и должность прибывшему на мое место лейтенанту Александру ИНЧАКОВУ, выпускнику Львовского ВВПУ 1984 года выпуска.

Рассчитавшись с частью и собрав дорожный чемодан, за три дня до Нового 1985 года, фирменным скорым поездом «Янтарь», следующим по маршруту Москва — Калининград, я убыл к новому месту службы, в город Советск Калининградской области.

Глава 9

25-Й РАКЕТНЫЙ ПОЛК. СОВЕТСК

Фирменный поезд «Янтарь» Москва — Калининград через город Советск не проходит. Советск находится в стороне от московской железной дороги на Калининград. Я вышел на вокзале в городе Черняховске. Пересел в рейсовый автобус и через час пути был в Советске. Мне нужна была войсковая часть 43190.

Как оказалось, в самом городе находились жилые дома ракетчиков и, так называемые, зимние квартиры — этаж казармы для водителей, автопарк и вещевой склад, расположенные на территории одной из воинских частей танковой дивизии. Сам ракетный полк двухдивизионного состава находился в лесу, в 25–35 километрах от города, в районе треугольника — Славск, Большаково и Гастеллово.

Советск, расположенный на берегу реки Неман, мне не понравился. Мрачным зимним днем старые немецкие серые здания стояли хмуро и неприветливо. Улицы были покрыты неровной от долговременного использования, давно неремонтируемой шлифованной временем брускаткой, уложенной еще при довоенной Восточной Пруссии. Вдоль улиц безжизненно торчали основательные стальные опоры старых трамвайных путей без электрических проводов. Когда-то цветущий немецкий город Тильзит считался вторым по размерам, численности населения, красоте и значимости, после столицы Восточной Пруссии — города Кенигсберга. По итогам завершения Второй мировой войны территория Восточной Пруссии отошла к СССР. Кенигсберг переименовали в Калининград, а Тильзит в город Советск.

У меня сложилось такое впечатление, что с победного 1945 года, кроме военных хрущевок ракетчиков, построенных в 60-е годы, в городе ничего не строилось. А все ранее добротно построенное немцами для себя, с годами разваливалось. Не придавал красоты городу и сохранению его экологии старый целлюлозо — бумажный комбинат (ЦБК), сливающий прямо в реку Неман оранжевые пенящиеся химические стоки, резко пахнущие кислотой даже в центре города.

Вместе с тем в Советске был свой драматический театр — тоже достояние Восточной Пруссии. Добротный каменный немецкий разводной мост с тяжелой готической

аркой о двух куполах, соединяющий два берега реки Неман — Калининградскую область и Литву, был и остается визитной карточкой современного города Советска. Кстати, река Неман, протекая по трем бывшим союзным республикам — России, Белоруссии и Литве, называется по-разному. Если посмотреть карту, то на территории России река называется Неман. В Белоруссии она уже Нёман. А по Литве протекает она же, но с названием Нямунас.

Двигаясь пешком от центра города в сторону жилого района, сплошь состоящего из военных городков воинских частей, я увидел длинную цепь старых немецких казарм за нескончаемым забором по обеим сторонам широкой улицы, часто прерываемым воротами КПП с красными звездами. Старые толстостенные кирпичные казармы бывшей танковой дивизии генерал-полковника танковых войск вермахта ГУДЕРИАНА, когда-то с отапливаемыми танковыми боксами, напоминали мощные укрепленные фортификационные сооружения.

Меня удивило, что в помещениях казарм не было ни одного острого угла. Выступы оконных и дверных проемов в целях безопасности были закругленные. Слуховые окна на крышах выполнены в форме бойниц. С точки зрения фортификационного оборудования и готовности приграничного к СССР города к ведению боевых действий, немцами все было продуманно до мелочей. Асфальт для танковых гусениц не годился. Вот, оказалось, причина тому, что широкие городские улицы, предусмотренные для свободного передвижения танковых колонн, повсеместно были уложены брусчаткой. Не зря эти строения в послевоенное время были отданы под танковые части советской 40-й общевойсковой армии.

Достигнув бесконечных казарменных строений городков воинских частей танкистов, наконец, я нашел ту, где на третьем этаже располагались зимние квартиры ракетчиков. Было видно, что наведением элементарного порядка здесь давно не занимались. Такое впечатление, что немцы оставили свою казарму, а наши их заняли в далеком 45-м году и больше никогда не красили, не ремонтировали, и даже не убирались в них. После чистоты и образцового порядка на армейском узле связи, мне показалось, что я попал в пещерный век к немытым туземцам.

Солдаты-водители транспортных машин, перевозящих ракетчиков на службу и со службы, поставив свои ЗИЛы с КУНГами в холодный парк, предварительно слив воду из радиаторов машин, бесцельно слонялись в замусоленном исподнем и разномастных свитерах — «вшивниках» по тускло освещенному коридору, из кубрика в кубрик. Некоторые лежали в обмундировании на неряшливо заправленных солдатских одноярусных кроватях. Кто-то бренчал на гитаре. Четверо резались в карты. Для полной картины им не хватало только бутылки водки со стаканами и закуской на грязном табурете. При виде офицера, ни один не шелохнулся. Здесь были свои законы и своя жизнь.

Дежурный по зимним квартирам в лице прaporщика сутки отбывал номер, не обращая особого внимания на вокруг происходящее. Читая газеты и журналы при свете тусклой настольной лампы, он мимоходом делал отметки в журнале о прибытии транспорта и собирая у водителей путевые листы. Его главная задача была вечером собрать, провести вечернюю поверку и уложить спать этот автомобильный хозсброд. А утром, любой ценой, залить радиаторы водой, завести и вытолкать из парка машины, забирающие в Немане и на Театральной площади Советска на службу офицеров, прaporщиков и гражданский персонал ракетного полка.

В прокуренной комнате дежурного на столе находились телефоны городской АТС и дальней связи. Я связался с заместителем командира полка по политической части подполковником АРХИПОВЫМ Виталием Борисовичем, доложил о своем прибытии и уточнил, что делать дальше. Он распорядился ожидать его приезда здесь же, у дежурного по зимним квартирам.

В беседе с прaporщиком-дежурным, рассказывающим мне о части, куда я прибыл служить, прошло около трех часов, как на пороге появился замполит полка. Я представился ему, согласно уставу, и мы прошли в отдельную комнату, где минут тридцать беседовали. Был вечер 30 декабря 1984 года. Виталий Борисович посетовал, зачем я прибыл под Новый год, провел бы праздник с семьей и приехал. Я доложил, что так и хотел поступить. Но в политотделе армии мне было предписано, как можно скорее прибыть к новому месту службы, так как меня здесь очень ждут. Вот я и прибыл.

Замполит предложил мне два варианта. Или, переночевав на зимних квартирах, 31 декабря утром первым транспортом убыть в полк и в одиночестве встречать Новый год в комнате офицерской гостиницы для дежурных смен. Или, не теряя времени, обратно на поезд и домой в Гусино, к семье, благо ночь езды. А утром 2 января, наступившего 1985 года, прибыть в Советск на зимние квартиры, сесть в УАЗ замполита, заехать за ним домой, а там уже на представление в полк.

Остановились на втором варианте. Поздравив друг друга с наступающим Новым 1985 годом, замполит завез меня на автовокзал и убыл домой, а я рванул обратно на железнодорожный вокзал в Черняховск.

Встретив с семьей и друзьями Новогодний праздник, 2 января утром, как было решено, я сел в УАЗ замполита АРХИПОВА В.Б. и поехал за ним к его дому на улицу Парковая. Садясь в машину, поздоровавшись, Виталий Борисович сказал, что только что ему на квартиру позвонил начальник политотдела дивизии полковник КЛИМЧУК Василий Трофимович и сказал, что ждет нас обоих в штабе нашего ракетного полка, в кабинете замполита. И добавил, что начпо явно не в духе, не зря он приехал за сто верст из Гвардейска в такую рань, видимо будет какой-то разнос. В конечном счете, так и получилось.

Прибыли в часть и сразу в штаб. Первым в свой кабинет зашел Виталий Борисович. Я остался в коридоре. За дверью слышался напряженный диалог, переходящий в крик,

исходящий от одного человека. Затем в кабинет был вызван командир полка подполковник ПОПОВ Михаил Евгеньевич, которому я даже не успел представиться. На мои попытки это сделать в коридоре штаба, он махнул рукой и зашел в кабинет замполита. Снова за дверью разговор на повышенных тонах. Предчувствую что-то недобро, но не понимаю, в чем причина ярости начальника политотдела по отношению к первым должностным лицам части.

Оказалось, что причиной всему был я, прибывший на должность пропагандиста. Прибывший, но назначенный без личного «добра» на это перемещение самого полковника КЛИМЧУКА В.Т.! В его планах была другая кандидатура на эту майорскую должность — инструктор политотдела дивизии по культурно-массовой работе капитан ГУГНИН Владимир Борисович, выпускник Львовского ВВПУ 1977 года. Старшескурсника Володю ГУГНИНА я знал еще по училищу. А тут политотдел армии назначил меня. Этих кадровых тонкостей я не знал и стал невольным заложником создавшейся ситуации.

Полковник КЛИМЧУК В.Т. «закусил удила». Обиженный и уязвленный, он не хотел сдаваться, прекрасно понимая, что приказ командующего армии генерал-полковника КОТЛОВЦЕВА Н.Н. ему не отменить. Он решил отыграться на мне, вылив всю накопившуюся злобу. Поэтому он требовал, чтобы я в канун Нового года срочно прибыл в часть. А когда ему донесли свои люди в полку, что я, с разрешения замполита части, уехал на Новый год обратно домой, он взбеленился и с нетерпением ждал утра первого рабочего дня 1985 года, чтобы, предварительно «проехаться на танке» по командиру и замполиту полка, а потом «порвать меня, как Тузик грелку».

Наконец дошла очередь до меня. Ничего не зная и не понимая, я открыл дверь в кабинет с табличкой «Подполковник АРХИПОВ В.Б». За рабочим столом хозяина кабинета сидел полковник, источающий всем своим существом ярость. Его глаза с синими кругами зла сверкали. Я его никогда не видел. И он видел меня впервые, но всем своим видом показывал, что он меня люто ненавидит. Рядом с ним сидел секретарь партийной комиссии дивизии подполковник ЖУРАВЛЕВ В.М, пытаясь сдерживать пыл разбушевавшегося начальника политотдела.

«Ты кто такой? Ты чего сюда приперся? Я тебя сюда назначал?» — были первые вопросы ко мне. «Почему уехал домой, а не убыл в часть встречать Новый год с личным составом?» — злобно прошипел он. Потом, с его слов, я «поступил не по — офицерски, так как перешел дорогу в службе хорошему офицеру». Далее выслушал свою роль на перспективу, что пока начальник КЛИМЧУК будет у власти, «жизни у меня в полку не будет» и с его стороны ко мне будет «всегда предвзятое отношение».

Разнеся все и вся в пух и прах, выпустив пар, перед уездом из части, полковник КЛИМЧУК В.Т. поставил мне лично заведомо трудновыполнимую по срокам задачу: «За полгода переоборудовать и привести к новым требованиям все пятнадцать

Ленинских комнат части, восстановить сгоревший и залитый при пожаре музей Боневой славы полка и переделать всю уличную наглядную агитацию на территории части. Готовность музея — к 40-летию Великой Победы. Ленкомнат — к началу летнего периода обучения, к 1 июня. Наглядную агитацию в обоих дивизионах — к началу нового учебного года, то есть к 1 декабря». И зло добавил: «Не выполнишь, сниму с должности!».

Начало моей службы в прославленном первом ракетном гвардейском, пятиорденоносном соединении страны, мягко говоря, было весьма грустным.

Командиром Гвардейской 24-й ракетной дивизии был генерал-майор ПОЛЕНКОВ Геннадий Михайлович, бывший заместитель командира Шяуляйской ракетной дивизии, где мой отец был секретарем партийной комиссии при политотделе соединения. Человек высокой офицерской чести, порядочности, мастер ракетного дела и трудоголик до мозга костей. Он был строг, как и полагается командиру, но справедлив и человекен. Когда я его впервые увидел, то за его внешний вид окрестил А.В. СУВОРОВЫМ. Такой же, как великий русский полководец, Геннадий Михайлович был сухощав, невысокого роста, седовласый, подтянутый и энергичный, с характером холерика. Для меня он был величиной недосягаемой. В дивизии его уважали и побаивались.

Его заместитель по политической части полковник КЛИМЧУК В.Т. оказался человеком иным, злопамятным и свое слово, о предвзятом отношении ко мне, сдержал сполна. За два года службы при нем и очередное воинское звание «капитан», хоть на две недели, но им было задержано из-за незавершенной одной из пятнадцати Ленинской комнаты Группы регламента полка. По его личной инициативе меня вызывали на заслушивание в партийную комиссию при политотделе дивизии, которая завершилась утверждением членами парткомиссии моего отчета и решением распространить мой опыт по алгоритму работы пропагандиста полка. Воздержался только один начальник политотдела. Даже, уходя в 1986 году в Харьковское военное ракетное училище на место увольняющегося в запас полковника МАЛАХОВА А.Г., он отклонил мой рапорт о поступлении в академию, подписанный всеми должностными лицами части.

Советский 25-й ракетный полк, пока его в течение десяти лет подряд возглавлял орденоносец иуважаемый в дивизии командир полка полковник КАРАВАЕВ Руфим Сергеевич, был в прямом смысле «отличным ракетным полком» и числился в передовиках не только в дивизии, но и в Смоленской ракетной армии. Последние годы его успехи по инерции завышались и держались только на личном авторитете всеми уважаемого командира полка.

В августе 1984 года, дослужившись до предельного возраста, полковник КАРАВАЕВ Р. С. с почетом уволился в запас на заслуженный отдых. На его место назначили бывшего двухгодичника, выпускника Казанского авиационного института подполковника ПОПОВА Михаила Евгеньевича. В одночасье, бывший лучший 25-й ракетный

полк рухнул до состояния самого отстающего и неблагополучного в дивизии. Это к слову о роли личности в истории.

Не успел в полк прибыть новый командир, как следом за ним, в конце августа 1984 года, на должность замполита части назначают выпускника ВПА имени В.И. Ленина подполковника АРХИПОВА Виталия Борисовича. Через четыре месяца после нового замполита полка присылают нового пропагандиста части старшего лейтенанта ЕРЕМЕЕВА А.А.

Бывший пропагандист, 44-летний майор БЕЛЯЕВ Адольф Константинович, назначенный на должность секретаря парткома части, не мог смириться, что его место занял «зеленый» и «присланный сверху» 26-летний «старлей». Не восприняв меня, он всячески старался вставить шпильки. Первым делом он бесцеремонно выселил меня из кабинета, где секретарь парткома и пропагандист традиционно всегда работали вместе. О помощи на первых порах со стороны старшего товарища, имеющего большой опыт работы на должности пропагандиста, и речи не велось. Наоборот. Любой мой незначительный промах на поприще начинающего пропагандиста, им сразу же докладывался по телефону лично начальнику политотдела дивизии полковнику КЛИМЧУКУ В.Т.

Через год, получив на вилочной должности воинское звание «подполковник», в 45 лет БЕЛЯЕВ А.К. уволился по возрасту. С его увольнением сразу прекратились и все мои беды. Стучать и нашептывать на меня КЛИМЧУКУ В.Т. в полку стало не кому. А там и КЛИМЧУК В.Т. перевелся на новое место службы.

Коллектив политработников Советского полка, возглавляемый достойным офицером, умным и грамотным человеком, которым являлся подполковник АРХИПОВОВ Виталий Борисович, был сплоченным, дружным и работоспособным.

Из соседнего Гусевского ракетного полка секретарем парткома пришел энергичный, хитрый, хваткий, вездесущий, великовозрастный старший лейтенант ПОРИЦКИЙ Анатолий Васильевич. Выходец из прaporщиков, комсомольских работников. Он долгое время служил под началом замполита полка майора БАТАНОВА Геннадия Николаевича, будущего Председателя Пенсионного Фонда РФ.

Секретарем комитета ВЛКСМ части из местного РТБ перешел старший лейтенант МАШИН Александр Сергеевич. Его родной старший брат в это время был начальником сборочной бригады в РТБ.

Начальником клуба полка был назначен выпускник 1984 года выпуска Львовского ВВПУ, добрейший человек и большой специалист по добыче лещей холодного копчения литовец лейтенант БУБЯЛИС Ромуальдас Игнович. Я его знал еще по училищу младшекурсником. Не было такого случая, чтобы Роман, в совершенстве знающий свой родной литовский язык, не смог достать и не привезти на своей кинопередвижке АКД из Литвы требуемые для политко-воспитательной работы материалы.

Замполитом 1-го дивизиона был майор ЕНГАЛЫЧЕВ Александр Константинович, позже убывший на повышение по службе в ракетную дивизию в Жангизтобе, что в Казахстане. Его заменил майор ГОНЮКОВ Юрий Леонидович.

Секретарем партбюро дивизиона с комитета комсомола полка назначен старший лейтенант ЛУКИНОВ Сергей Петрович, мой добрый товарищ по службе в полку. Мы дружили семьями, бывая друг у друга в гостях. В редкие выходные, с женами Ириной и Еленой и маленькими сыновьями-одногодками Андрюшкой и Олежкой, пешком переходили по мосту через широкий Неман из серого Советска, попадая сразу в ухоженный литовский поселок Панемуне. Здесь находилась чистенькая, недорогая и уютная, в литовском стиле, шашлычная. Там за 1 рубль 02 копейки за порцию подавали продолжавшую тарелку из нержавеющей стали, на которой лежал аппетитный шашлык на длинном шампуре, отварной рис, свежий репчатый лук кольцами, нарезанный маринованный огурчик и вкусный кетчуп-приправа. За шашлыком под рюмочку литовской крепкой настойки-медовухи и чашечкой кофе мы мирно общались и отдыхали. Завершил службу Сергей подполковником на полигоне в Капустином Яре. Сегодня проживает в Краснодаре.

Замполитом 2-го дивизиона был майор ВАСИЛЬКОВ Александр Васильевич. Секретарем партбюро дивизиона капитан БЕЛИКОВ Федор Михайлович. Потом Федор поступил в Академию Советской Армии, перейдя в структуру КГБ.

Вот та команда единомышленников и соратников, друзей и товарищней, офицеров-политработников, с кем я прослужил в полку с 1984 по 1988 годы.

Только добрые слова могу сказать и об офицерах-политработниках политического отдела дивизии. А именно, о подполковнике ЗАВОЛОДЬКО Александре Владимировиче — заместителе начальника политотдела, секретаре партийной комиссии дивизии подполковнике ЖУРАВЛЕВЕ В.М, старшем инструкторе по организационно-партийной работе капитане РУДЫШИНЕ Иване Андреевиче, майоре ЛОСИК Николае Николаевиче — начальнике университета марксизма-ленинизма и, особенно, о пропагандисте дивизии майоре АНДРЕЕВЕ Валерии Александровиче. Валерий Александрович для меня стал таким же добрым старшим товарищем и наставником пропагандистской работы, как ВЕКОВЕШНИКОВ А.В. в Валкской дивизии на армейской культуре.

Полгода до получения жилья я прожил в лесу, в расположении полка, в офицерском общежитии, изредка выезжая навестить семью в Гусино. В одной комнате со мной проживал начальник связи полка майор ПРОСКУРЯКОВ, сослуживец отца по Шяуляю, прибывший дослужить год до увольнения в запас из убывшего в Барнаул Добельского ракетного полка.

Чуть позже, в гостинице поселился и жил в командирском номере новый заместитель командира полка подполковник ЯКОВЕНКО Владимир Николаевич, прибывший из 7-й ракетной дивизии, из Бологое-4 Тверской области. С ним мы нашли общий язык

и вечера проводили вместе, оставаясь один ответственным по части, а другой ответственным политработником. К сожалению, Владимир Николаевич и года не пробыл на должности в Советском полку, как убыл назад в Бологое, на заместителя командира ракетного полка ОС по боевому управлению.

На его место, на должность заместителя командира полка, прибыл подполковник ГОРЕЛЬЧЕНКОВ Михаил Михайлович, с которым у меня сразу наладились добрые служебные взаимоотношения.

Без семьи, круглосуточно проживая в части, времени для работы и ознакомления с жизнью и боевой деятельностью полка было больше, чем достаточно. Сначала разобрался со штатом ракетного полка и организацией политической подготовки офицеров, прапорщиков и солдат. Организовал проведение обучающих семинаров с агитаторами, редакторами стенных газет и Боевых листков подразделений.

Познакомился со всеми командирами боевых и обеспечивающих подразделений. Совместно начали переоформление Ленинских комнат. Одновременно занялся уличной наглядной агитацией. Все в соответствии с новыми требованиями нового начальника Политуправления РВСН генерал-полковника РОДИНА Виктора Семеновича, прибывшего в РВСН из Сухопутных войск.

До его назначения, в ракетных частях на всю ширину строевого плаца, были красочно оформленные лозунги-призывы, исполненные аршинными буквами: «Сначала думай о Родине, а потом о себе!». В ходе ознакомительной поездки по войскам, посетив первую ракетную часть, Виктор Семенович принял этот лозунг, как лично касающийся своей фамилии РОДИН, устроил разнос и запретил его в Ракетных войсках. Пришлось и нам в полку переделывать наглядную агитацию на плацу. Теперь лозунг был другой: «Честь твоего полка — твоя честь!».

Музей Боевой славы части занимал половину сборно-щитовой казармы РЭЗМ 1-го дивизиона. Возгорание его, по причине замыкания электропроводки, было не очень существенным. Но экспозиционные залы сильно пострадали от их залива пожарными водой. Все стенды и экспонаты были покрыты зеленой плесенью. Требовались полный косметический ремонт залов и реставрация всех музейных экспонатов, с заменой фотографий.

В конечном счете, и с этой задачей справились. На День Победы по залам музея я уже проводил экскурсию для гостей — фронтовиков, ветеранов 92-го Гвардейского минометного полка легендарных «Катюш», на базе которого в 1946 году было сформировано первое ракетное соединение, а в 1959 году наша 24-я ракетная дивизия. По преемственности дивизии передано наименование «Гомельская гвардейская» и пять орденов — Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого.

Если в ракетных дивизионах, на узле связи, группе регламента были штатные замполиты, то в батарее боевого обеспечения (ББО) и роте тыла таковых не предусмотрено.

Внештатным замполитом ББО, где командирами батареи были капитан АГАПОВ А., а потом его сменил молодой и энергичный старший лейтенант ЛОБАЧ Владимир Павлович, назначался пропагандист части. Это обстоятельство накладывало дополнительные обязанности на мою голову и ответственность за политко-воспитательную работу с личным составом этого подразделения полкового подчинения.

Служить в управлении ракетного полка и не заступать на боевое дежурство, было не к лицу офицеру-ракетчику. И я начал готовиться к сдаче на допуск к самостоятельному несению боевого дежурства на КП полка. Мне, как выпускнику общевойскового училища, ракетная наука, которую мои сослуживцы изучали в ракетных военных училищах в течение пяти лет, давалась тяжело. Но, все же, я сдал на допуск и стал заступать на боевое дежурство. Троє — четверо суток в составе дежурной смены командного пункта ракетного полка.

Вскоре пришел приказ вышестоящего командования, что в суточный наряд дежурными по полку назначать офицеров управления полка только с должностной категорией не ниже «майорской». В состав таких дежурных по части включили и меня, отменив несение боевого дежурства на КП полка.

Дежурство по управлению давало возможность живому общению с личным составом, позволяло в вечернее время провести политко-воспитательные мероприятия в подопечной ББО и контролировать работу созданной команды художников — оформителей, восстановливающей под моим руководством музей Боевой славы полка.

За мое дежурство всякое было. Был случай, когда обходя казарменные помещения при проверке несения службы суточным нарядом в ночное время, спас личный состав ББО от беды. В нарушение Устава уснул дежурный по роте. Его негативному примеру последовали оба его дневальных, земляка — чеченца, оставивших в бытовке включенный электрочайник. Вода выкипела, чайник, стоящий на гладильном столике, обшитом солдатским одеялом, начал плавиться, а материал тлеть. Казарму заволокло дымом, дежурное освещение выключено, в расположении темно, все безмятежно спят...

Приди дежурный по полку на минут десять-пятнадцать позже, полыхала бы казарма вместе с людьми. Любой ракетчик знает, что сборно-щитовая казарма, хоть и обложена снаружи белым кирпичом, горит как спичка и за десять минут выгорает до основания.

Был и курьезный случай. Ночью позвонил дежурный по роте тыла и транспортировки полка и доложил, что спящего бойца за обе губы укусила крыса. Казарма располагалась рядом со штабом полка. Через пару минут я был в расположении роты, вызвав санинструктора из медпункта части.

Солдат из хозяйственного взвода поплатился из-за своей элементарной жадности. Он получил посылку, а салом не стал делиться с друзьями. После отбоя зашел за угол казармы, наелся до отвала, остаток сала завернул в носовой платок, положив

его в карман форменных штанов. И улегся спать, даже не вытерев свои сальные губы. В ночной тишине крыса прогрызла его брюки, уничтожила сало, прогрызла другую дыру для своего выхода и прымком на знакомый запах к сальным губам молодца, в которые и вонзила свои острые зубы.

Эти серые вредители, как с ними не боролись, изрядно досаждали ракетному населению части, особенно там, где съестное плохо лежало. Так однажды попал на личный материальный ущерб командир эксплуатационно-ремонтной роты 1-го дивизиона (ЭРР-1), капитан, с постоянно красным лицом некурящего и непьющего человека за сорок лет, за что имел прозвище в полку «Ванька-красный командир».

По вторникам и пятницам в «Солдатском магазине» продуктами отоваривались офицеры и прапорщики полка и дивизионов. Командир ЭРР-1 тоже прикупил колбаски двух видов и поставил свой знаменитый рыжий кожаный портфель в канцелярии на подоконник у приоткрытой форточки, чтобы продукты не пропали до вечернего отъезда домой. Сам пошел по делам служебным. Командиров ЭРР, отвечающих за жизнеобеспечение дивизионов, мы в шутку называли «Королями света, воды, говна и пара».

Вечером он схватил свой портфель и бегом в отъезжающий КУНГ, битком забитый служивым людом. И только в городе он обратил внимание, что портфель слегка полегчал. С одной стороны зияла входная дыра, прогрызенная крысой, с другой такая же выходная. Колбасу съели без капитана.

Говоря об офицерском составе части, надо отметить, что вся тяжесть боевой работы стартовых батарей ложилась на плечи начальников отделений и расчетов. На этих должностях стояли капитаны возрастом ближе к сорока годам, со знаками среднего военного училища на кителях. За многолетнюю службу боевую работу и ракетную технику они знали назубок. Это были настоящие мастера ракетного дела иуважаемые в части офицеры. Но для них эти должности были тупиковыми. В лучшем случае, по увольнению в запас, особо достойным присваивали воинское звание «майор» и провожали на пенсию в звании старшего офицера.

В 80-е годы в армии и на флоте, в том числе и в РВСН, проводилась политика омоложения кадров, и на должности командиров стартовых батарей назначали молодых и перспективных старших лейтенантов, а иногда и лейтенантов. Начальники отделений и расчетов по возрасту и опыту боевой работы им в отцы годились, но во всем помогали становлению «зеленых» комбатов.

Многие из командиров батарей Советского полка дослужились до полковников и проходили службу в Центральном аппарате РВСН, 4-м ЦНИИ МО. Примером тому комбат 2-й стартовой батареи старший лейтенант ЗУБОВИЧ Сергей Леонидович, завершивший службу полковником, начальником отдела в Управлении боевой подготовки Ракетных войск. Сегодня Сергей Леонидович проживает во Власихе и является членом Совета ветеранов 24-й ракетной дивизии.

В июне 1985 года мне выделили временную квартиру в старом жилом фонде, в немецком доме 1923 года постройки, в 9 километрах за городом Советск, в городе Неман. В Немане (до 1945 года город Рагнит) до 1980 года стоял Неманский 308-й ракетный полк, и с его уходом, весь жилой фонд был передан Советскому ракетному полку. Получив жилье, я, не задерживаясь, перевез семью из д. Гусино.

Дом был двухэтажный, в два подъезда, на четыре квартиры. Мы жили на втором этаже. Две небольших комнаты, кухня с водяным котелком на угле для местного отопления квартиры. В квартире был и туалет с сохранившимся немецким металлическим унитазом, покрытым когда-то белой глазурной эмалью, со сливным бачком. Крыша дома высокая, покатая. Под ней просторный сухой чердак для хранения вещей и сушки белья. В подвале окно и отсек для загрузки и хранения угля. Вдоль стен сухого подвального помещения располагались стеллажи для хранения продуктов и заготовок на зиму. Водопроводные трубы были оцинкованные, поэтому не ржавые и хорошо сохранившиеся. Все по-немецки четко и добротно. Построено с головой и руками.

За домом располагался большой старый сад с фруктовыми деревьями и огороженными грядками. Старики-старожилы, занявшие в 1945 году жилые дома в городе, рассказывали, что немцы, оставляя город, забрав документы и самое ценное, в спешке побросали все свое нажитое. Новые хозяева-победители въезжали в оставленные дома и квартиры, обставленные немецкой мебелью и сервизами, с запасами продуктов, копчениями и солениями.

В конце июля 1985 года, с двухнедельной задержкой, благодаря КЛИМЧУКУ В.Т., мне все же было присвоено очередное воинское звание «капитан». На другой день я убыл на трехмесячные курсы повышения квалификации в город Киев. Там, рядом с бульваром Леси УКРАИНКИ, возле Киевского суворовского военного училища, располагались 10-е Центральные курсы усовершенствования политсостава, находящиеся в непосредственном подчинении ГлавПУРа СА и ВМФ. За три месяца мне предстояло пройти курс, сдать экзамены и получить корочки свидетельства по специальности «пропагандист». Семью на время учебы отправил к родителям во Львов.

Киев, это не Советск и не Неман. Условия для учебы, быта и культурного отдыха были созданы исключительно благоприятные. Из окна номера современного жилого корпуса общежития гостиничного типа, на возвышенности, утопая в зелени деревьев, величаво стояла огромная скульптура Родины-Матери с мечом в руке. У ее подножия протекал широкий Днепр с мостом имени Е.О. ПАТОНА, автора и инженера проекта.

Если не выходить в город, то все три месяца можно было прожить на курсах, не одевая кителя. Все здания учебных корпусов, зрительного зала, столовой, магазина, кафе, административного здания и т.д., соединялись между собой широкими застекленными светлыми переходами.

Учебный материал на курсах преподавали интересно, много взял для себя нового, приобрел современную литературу, необходимую для успешной работы пропагандиста. Там же встретил несколько преподавателей нашего Львовского ВВПУ. Теперь они преподавали в Киеве.

После обеда два часа самоподготовки и свободное время, с выходом в город. За три месяца учебы с ребятами из нашей группы объездили весь город, посмотрели все основные музеи, городские достопримечательности и исторические памятники. Побывали в Печерской лавре и ее знаменитых пещерах с мощами святых.

Несколько раз навещал свою двоюродную сестру Лилю БОРЗЕНКОВУ, студентку первого курса химического факультета Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченко. Ездил навестить бабулью Дуню и родную тетю Лиду, живущих в 80-ти километрах от Киева, в военном городке Десна, где дислоцировалась учебная танковая дивизия Киевского военного округа.

Дважды был в гостях у Игоря Яковлевича БОРТНИКОВА, участника войны и ветерана Добельского ракетного полка, друга и наставника моего отца. Встречался с его дочерьми Леной и Галей, ставших замужними женщинами, имеющими своих детей. Я их не видел со времен Добельского детства.

Раз в месяц на три-четыре дня ездил во Львов, повидать жену с сыном. Конечно, сильно скучал, ежедневно ходил на переговорный пункт, чтобы позвонить Ирине по междугороднему телефону-автомату. Пятнадцатикопеечные монетки летели, как поется в песне: «тают в кошечке медные кружочки».

Один раз Ирина на неделю приезжала ко мне в Киев. Андрюшка был еще маленький, ему шел третий годик. Поэтому его оставили у деда Юры и бабули Леры в Львове. Программу экскурсий и посещения театров я составил заранее, и мы с женой ежедневно, после моих занятий, претворяли этот план в жизнь. И только поздним вечером возвращались на центральную улицу Киева Крещатик, в свой номер гостиницы «Звезда» Киевского военного округа.

Время учебы пролетело быстро и эффективно. Нужно было обратно возвращаться в полк. Забрав из Львова семью, в начале декабря мы вернулись в Неман.

Семья была устроена. Я пропадал сутками на службе. Уезжал в 6 утра. Возвращался к часам десяти-одиннадцати вечера, к ночному выпуску информационной программы «Время». Как мы шутили, «Выпуск новостей для стратегических ракетчиков».

Были случаи, что и просыпал на службу. Полковой или дивизионный транспорт уходил строго по времени. Приходилось ловить такси. И на свои кровные катить на службу 35 километров. Я был не первый. Таксисты маршрут в Славский лес знали хорошо. Меня всегда удивляло, что машины РТБ никогда запаздывавших «полковых» не подбирали, хотя шли полупустые. Доезжал по шоссе до поворота в лес, где начиналась подъездная, без асфальтового покрытия, дорога к расположению части. По ней

пешком еще три километра. К КПП гражданскому транспорту подъезжать категорически запрещалось.

В декабре 1986 года в Смоленске проходили очередные ежегодные сборы пропагандистов полков и дивизий 50-й ракетной армии. Во главе со старшим, пропагандистом дивизии майором АНДРЕЕВЫМ Валерием Александровичем, мы в составе Гвардейской делегации прибыли на сборы и поселились в гостинице «Смоленск».

Учебно-методические сборы всегда начинались с доклада ЧВС генерал-майора БЕРЕЗОВА В.П. об итогах работы за прошедший период. Его боялись, как удава. Все «бяки» в дивизиях и полках по воинской дисциплине, преступлениям и происшествиям, боевой готовности, состоянию ракетного вооружения, политической подготовки и прочее, упоминались в докладе, так, как — будто в них виноваты только пропагандисты.

При негативном упоминании части, пропагандист этого полка или дивизии обязательно вставал, представлялся и выслушивал в свой адрес тираду нелесных слов. И чем чаще ты вставал, тем сuroвее становились угрозы о не радостной личной кардовой перспективе. Этот процесс мы называли «выдергивание гвоздей из стула попой». В этот раз наша делегация, в том числе и я, «надергали гвоздей» с большой строительный ящик.

Настроение у всех было плохое, до поезда оставалось четыре часа, и мы решили по традиции поужинать в ресторане «Днепр», где нас всегда хорошо принимали, даже если на входных дверях висела табличка «Мест нет». Швейцар в ливрее и эполетах приветливо встречал нас и пропускал собратьев по форме одежды. Военных в Смоленске всегда уважали.

Но в этот раз наше настроение еще больше испортилось. В стране началась горбачевско — лигачевская кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Все можно было ожидать, но не до такой степени, как получилось.

Мы зашли в фойе ресторана, сняли шинели и фуражки, сдали в гардероб, получив жетоны-номерки. Рядом суетятся, поправляясь и причесываясь, наряженные гражданские лица. И тут сверху спускается администратор ресторана и прямо с середины лестницы, как оратор на митинговой трибуне, громко объявляет: «Товарищи офицеры! Военных в форме приказано в ресторан не пускать!». Это была пощечина и плевок в адрес служивых людей, которых в раз опустили, как каких-то изгоев.

Возмущаясь, несолено хлебавши, в конец с испорченным настроением, голодные и злые мы были вынуждены покинуть заведение. В вечернем кафе, недалеко от при вокзальной площади, повторилось то же самое. Только швейцар нас вообще во входную дверь не пустил, прикрываясь запретительным приказом начальника Смоленского гарнизона.

Транспортная проблема с перевозкой офицеров на службу, как и в других однотипных полках ракетного комплекса 8К63, в полку стояла очень остро. Автобус

Курганского автозавода, покрашенный в рыжий цвет, на всю часть был один. А так как он возил больше женщин на службу и работу, его прозвали «жензовозом». Этот видавший виды агрегат ровно в 18 часов убывал из части. Вечернее построение всего личного состава части проводилось в 18.30, но, как правило, работа продолжалась до 20 часов и позже. Для офицеров и прапорщиков управления полка и дивизионов основным транспортным средством были грузовые ЗИЛ-157, с установленными на их шасси неотапливаемыми КУНГами, прозванные ракетчиками «мормонами».

В КУНГ с тремя рядами лавок, рассчитанных на 21 посадочное место, набивалось почти в два раза больше пассажиров. В зимние морозные дни, прибывая на конечную остановку в Неман, с потолка КУНГа капал конденсат от надышавшей массы проехавших в нем людей. Простояв морозную ночь в парке на зимних квартирах, этот же КУНГ в 6 утра приезжал за нами. Его салон напоминал заиндевевшую морозильную камеру холодильника, обвшанную сосульками замерзшего конденсата.

Машины были старыми и часто ломались. Бывало, что 35 километров мы ехали по два, а то и три часа. То колесо отвалится, то масло в мосту замерзнет и его заклинит, и нас, как в ореховой скорлупе, мотает по зимнему узкому шоссе, шлепая по старым стволам придорожных лип, до хруста фанерной обшивки. Новенькие комфортабельные, теплые автобусы ПАЗ на армейском узле связи, возившие нас на службу, остались только в светлых воспоминаниях. Здесь была другая жизнь и другие, суровые условия на уровне 60-х годов. Отец так добирался на службу. Теперь, на двадцать пять лет позже, также добирался и я.

Немного стало легче, когда в часть прибыли четыре новеньких высокооборотистых ЗИЛ-131. Доставка людей стала быстрее и без поломок. Но комфорта не добавилось, так как на новые машины просто переставили старые КУНГи с ЗИЛ-157.

Начальником автомобильной службы полка был капитан ВЕНГЕРЕНКО Владимир Николаевич, человек шустрой и веселый. Позже он закончил службу полковником, начальником автослужбы северного полигона, в Плесецке. Владимир наладил связи с автобусным парком города Советска и по бартеру, за колеса от заправочных емкостей, выслужившие срок службы, заполучил списываемый автобус ЛАЗ-695. Автобус остался в парке гражданской автобазы для восстановления, замены деталей и узлов и покраски. Мы с нетерпением ждали, когда же по-человечески будем ездить на службу и возвращаться домой в салоне теплого автобуса.

Прошло месяца три, как по полку пошел слух, что сегодня после обеда прибудет долгожданный автобус. К вечеру его оформят, присвоив военные регистрационные номера, и домой поедем на нем. В приподнятом настроении офицеры обсуждали эту тему за обедом в офицерской столовой.

И вот час настал. Как при встрече первого космонавта Земли Ю.А. ГАГАРИНА, мы выстроились по обе стороны центральной аллеи полка, чтобы встретить железного

виновника торжества. Вдалеке, на прямой видимости, открылись ворота КПП части, и в них въехал блестящий от свежей белой краски ЛАЗ. За рулем автобуса гордо восседал командир автovзвода старший прапорщик ДЗИРВИТИС. Рядом с ним, на кресле старшего машины, сидел довольный такой встречей герой дня капитан Володя ВЕНГЕРЕНКО. Все захлопали от радости и провожали взглядом уходящий в автопарк автобус.

Центральная дорога части, проходящая между штабом, гостиницей, клубом, спортзалом, музеем и казармами, была заасфальтирована. А примыкающие, перпендикулярные пути, уложены бетонными плитами, с глубокими выбоинами. Свернув с асфальта, автобус тряхнуло на первой же колдобине так, что работающий двигатель, дымясь, на глазах у всех, вывалился на дорогу. Вентилятор воздушного охлаждения по инерции вращался. Это был облом. Праздничное настроение моментально пропало.

Через неделю автобус отремонтировали, укрепив раму под двигателем, и выпустили на маршрут. Всем хотелось проехать цивилизованно. Поэтому, кроме 65 посадочных мест, плотно занимались и стоячие места в проходе салона. В конечном итоге, не поездив и месяца, наш ЛАЗ переломился пополам на неровной лесной дороге, в километре от КПП. Его ржавый остов так и лежал на обочине поворота, когда в январе 1988 года я убывал из полка к новому месту службы.

Проявляя заботу о личном составе, в КУНГах решили поставить печки-буржуйки. Сварили и установили, вроде бы соблюдая меры безопасности. На таком КУНГе мы, как делегаты партийной конференции ракетного соединения от Советского полка, поехали в штаб дивизии, в город Гвардейск.

От Советска до Гвардейска около девяноста километров пути в сторону Калининграда. Затопили печурку, едем, играем в домино, тепло, сняли шинели. Проходит время, слышим прерывистые сигналы догнавшего нас междугороднего автобуса «Икарус», следившего по маршруту Рига — Калининград. Выглянули в окошко, а там водитель автобуса машет, требует остановиться. Дали сигнал водителю и старшему машины подполковнику АРХИПОВУ В.Б., чтобы остановились. Выходим и видим, что наш КУНГ горит ясным пламенем. В месте соединения вытяжной трубы печки с потолком деревянного кузова загорелись обшивка и утеплитель кузова. Пошли в ход наши наглаженные шинели. Общими усилиями затушили огонь и больше буржуйку не растапливали. После аналогичных случаев в других полках, командование дивизии запретило эксплуатацию нештатных отопительных агрегатов на транспортных машинах, перевозящих людей.

Боевая техника ракетного полка за тридцать лет эксплуатации устарела как морально, так и физически. Люди изнашиваются и стареют, что уж говорить о металле. Когда-то мощные грузовики КрАЗ-214, являющиеся тягачами для транспортировки ракет и многотонных цистерн с ракетным горючим, от старости чадили черно-сизым дымом, тяжело, на издыихании, волоча за собой штатный груз. Из выхлопных труб

вылетали искры несгоревшей солярки. Они еле-еле выполняли свое прямое предназначение. На итоговые проверки комиссией Главнокомандующего РВСН, из Белокоровичей Винницкой 43-й ракетной армии пригоняли более новые и мощные машины типа КРАЗ-255. Потом снова угоняли обратно.

Надо отдать должное личному составу полков РСД Р-12, умудряющихся выполнять поставленные учебно-боевые задачи на этой груде автомобильного хлама и лома.

Мне запомнился мой первый выход полка на учения в полевой район в феврале 1985 года. На время совершения марша замполит полка подполковник АРХИПОВ В.Б. лично распределял всех политработников на самые сложные места, в колонну передвигающейся в ЗПР автомобильной техники подразделений. Меня он определил старшим машины передвижного командного пункта полка (ПКП).

Огромный КУНГ — штаб для полевых условий, установленный на длинном шасси дизельного древнего трехосного грузовика Ярославского автомобильного завода, был в сносном состоянии. А вот сам автомобиль с деревянной кабиной, с трудом заведенным двигателем, без освещения и габаритных огней, а также без работающей печки обогрева кабины и стекол, представлял собой монстра-дракона, извергающего густой солярочный дым, которому предстояло начать нелегкий путь поочной зимней дороге.

Лобовые стекла, равно как и дверные, изнутри были покрыты морозными замысловатыми расписными узорами, и дороги через них совершенно видно не было. Боковые окна дверок мы опустили, чтобы видеть обочину. Я выполнял задачу обогревателя пятнышка лобового водительского стекла, чтобы боец хоть одним глазом видел, куда ведет эту машину. До Славска мы ехали при свете фар задней машины и моего батарейного фонарика, ориентируясь на габаритные огни впереди идущей машины.

В Славске к нам на помощь на ПКТ приехал начальник штаба полка подполковник ГЛЕБЧЕНКОВ Олег Александрович. Огромный инженерно-дорожный колесный трактор, имея фары с обеих сторон, освещал путь и себе и нам. Так и доползли до полевого района, причем без дорожно-транспортных происшествий. Штаб был развернут, подключен к электропитанию, боевой расчет занял свои посты и трое суток воевал, в соответствии с планом учений. Обратный путь был легче, так как возвращались днем, когда освещение фарами не требуется.

Нашего начальника штаба подполковника ГЛЕБЧЕНКОВА О.А. в полку любили и уважали. Грамотный, эрудированный, доброжелательный человек, не лишенный чувства юмора. Высококлассный офицер-ракетчик, радеющий за дело и за людей, выполняющих нелегкий ратный труд. Он никогда не нагнетал нервозности в воинских коллективах. Всегда спокойно извешенно принимал решения и требовал их исполнения в установленный срок. С ним было легко служить. Мне нравилось оставаться на выходные дежурным политработником, когда Олег Александрович был командиром дежурных сил или ответственным командиром по полку. Организовав утренние

спортивно-массовые мероприятия, после обеда он давал личному составу возможность отдохнуть, не обременяя служебными и хозяйственными задачами.

Мне запомнилось его предложение посмотреть чудо природы. В полутора километрах от позиционного района полка, в лесу, проходил рукотворный канал, построенный еще немцами. После общего построения и проверки личного состава, мы отправили подразделения с ответственными офицерами в клуб на просмотр кинофильма. Сами сели в УАЗ начальника штаба и выехали за КПП.

Через километр свернули направо, на лесную песчаную дорогу. Стоял очень теплый весенний день конца апреля. Мы подъехали к мосту через довольно широкий, не меньше десяти метров, канал. Железобетонный мост с массивными металлическими поручнями был уложен такой же брускаткой, как на улицах Советска. Опять же, даже в лесу, предусмотрительные немцы строили переправы через водные преграды, чтобы могли пройти танковые колонны.

Но несказанно удивило больше второе. Справа и слева от моста, на всю длину видимости канала, поверхность воды бурлила и кипела. Это нерестился лещ! Такого скопления крупной рыбы, собравшейся в одном месте, я никогда в жизни не видел. Трясь друг о друга, шумно выворачиваясь своими широкими серебристо-бронзовыми боками, шлепаясь о воду, они поднимали множество брызг и взбивали пену. Брызги воды переливались в лучах яркого весеннего солнца всеми цветами радуги, будто разноцветные алмазы. По берегам черемуха оделась в свежие изумрудные листочки. И все это бурление происходило в лесной тишине, вдали от человеческой суety и глаза. От такой красоты невозможно было оторвать глаз. Это была сказка наяву.

Правда, эту идиллию вскоре нарушили браконьеры-заготовители, приехавшие на мотоцикле с коляской, в которой стояла двухсотлитровая бочка. Они бесцеремонно взяли в руки большие сачки и начали без особого труда черпать крупную нерестящуюся рыбу, вываливая ее в привезенную бочку.

Летом 1986 года мне распределили служебную двухкомнатную благоустроенную квартиру на четвертом этаже, в микрорайоне жилых домов бывшего Неманского ракетного полка с названием «Новые дома», на окраине Немана. Планировка квартиры была точной копией квартиры в Гусино. За выходные сделали небольшой косметический ремонт и через пару дней переехали из старого немецкого дома на улице Первомайской в более новое жилье. Мебель расставили по образцу и подобию Гусинской квартиры. К большой нашей радости, проблема с заготовкой угля и топкой котелка для обогрева квартиры, сама собой отпала. Да и добираться до дома стало ближе. Рейсовый автобус, курсирующий между Советском и Неманом, останавливался напротив наших домов. Зато появилась новая проблема, в виде несметного количества мелких квартирных комаров, успешно плодящихся в теплом подвале многоэтажного дома, полностью залитого фекалиями. Круглый год эти вредные гнусы не давали нам покоя.

Мы ждали второго ребенка. Ирине тяжело было рано вставать и пешком отводить Андрюху в детский сад на другой конец города, где находилась конечная остановка нашего служебного транспорта. Поэтому в мои обязанности входила доставка сына в сад. В 6 утра мы с Андрюшкой выходили у домов на остановку, ждали полковой или дивизионный КУНГ, и доезжали до детского сада. До его открытия оставалось сорок минут. Поэтому приходилось оставлять сына гулять одного на игровой площадке детского сада, под присмотром женщины-сторожа. Сам возвращался обратно к машине и уезжал на службу. И так ежедневно, кроме выходных дней.

В октябре к нам в гости из Черновцов приехала бабушка Ирины МАКЕЕВА Нина Сергеевна, чтобы поддержать внучку и подменить на кухне. Ее домашние разносолы и неповторимые вкусные горячие блюда, да с пирожками, всегда очень нравились нам. Нина Сергеевна, как чувствовала, приехав повидаться с нами и побывать впервые у моих родителей в Шяуляе. У всех побывала, всех повидала, а в декабре, этого же 1986 года, перестало биться ее добре сердце. Остановилось прямо на пороге своего дома в Черновцах.

Прошло десять лет с 1976 года, как мы закончили учебу в Добельской средней школе № 2. На выпускном вечере в школе мы договорились встретиться классом через десять лет. Намеченный срок пролетел незаметно. И вот из Добельской средней школы в часть пришло приглашение мне на эту встречу. И жена, и командование полка пошли мне на встречу, дав возможность съездить в Латвию и повидать своих одноклассников.

Организаторами встречи стали ребята, оставшиеся жить в Добеле и в Риге. Во главе с ЛЮТОВОЙ Натальей, одноклассники — добельчане хорошо организовали встречу. Оповестили директора и учителей школы о проводимом мероприятии, пригласив их. Заказали банкетный зал и гостиницу для иногородних выпускников. Почти весь наш 10-й «В» класс собрался в школе, во главе с бывшей классной руководительницей СЕГЛИНЯ Эльзой Матисовной. На встречу с нами Эльза Матисовна пригласила свой нынешний подопечный 10-й «В» класс, чтобы они послушали, каких высот в жизни достигли ее старшие питомцы за десять после школьных лет.

Был вечер, но многие учителя тоже пришли на нашу встречу. Каждому из нас было предоставлено слово для короткого рассказа о себе. В завершении торжественной части встречи мы посмотрели узкопленочный документальный фильм, снятый и смонтированный Сергеем СОКОЛОВЫМ десять лет тому назад. Фильм о наших учебных буднях, коллективных культурных поездках на уборку урожая овощей в колхозы Добельского района. Посмеялись над собой от души.

Наши воспоминания и дружеское общение плавно перетекли в банкетный зал уютного латышского ресторана в лесопарке «Кастермеж». К сожалению, время меня поджимало. До конца банкета и на второй день встречи я оставаться не мог. Дома ждала беременная жена. А в Шяуляе, по дороге домой, надо было забрать сына Андрюшку, находившегося у моих родителей.

Тепло попрощался с учительницей и своими одноклассниками, а Иван ЛЯСКУТИН, уже главный агроном колхоза-миллионера «Накотне», любезно доставил меня на своей новенькой «Ладе» на станцию города Добеле. Микроавтобусом до Елгавы, поездом до Шяуляя, и снова автобусом до Советска. К вечеру мы с сыном вернулись домой в Неман.

Пока я учился в военном училище и служил офицером в войсках, незаметно выросла и повзросла моя сестренка Лена.

За это время она окончила детскую музыкальную школу по классу фортепиано. Не успел глазом моргнуть,— она уже выпускница средней школы. С первого раза поступила в Шяуляйский педагогический институт на филологический факультет, по специальности «русский язык и литература». Студенткой была избрана депутатом Шяуляйского городского Совета народных депутатов, входила в комиссию народного контроля.

И тут, совершенно неожиданно для нас, приходит приглашение на свадьбу, намеченную на 31 января 1987 года. Моя сестра выходит замуж за своего одноклассника по школе, а теперь курсанта Даугавпилсского высшего военно-авиационного училища, Эдуарда КОТОВСКОГО.

Взяв краткосрочный отпуск, мы с Ириной, которая была на четвертом месяце беременности, и трехлетним сыном Андрюшкой поехали в Шяуляй, на свадьбу.

Все хлопоты по организации свадебного торжества со стороны ЕРЕМЕЕВЫХ легли на плечи отца и самой невесты Лены. Мама Валя серьезно заболела и находилась в больнице. Ее отпустили только на день свадьбы.

Молодцы и сваты — КОТОВСКИЕ Владимир Петрович — офицер, военный авиатехник и Екатерина Григорьевна, работавшая в магазине «Военная книга». Родители жениха Эдика — оба энергичные и деловые люди, взяли на себя большую часть организационных вопросов. Да и сам Эдик человек самостоятельный, со светлой головой и золотыми руками. Свадьба, как говорится, удалась на славу.

При выкупе женихом невесты, маленький Андрюха, не задумываясь, «продал» жениху Эдику свою родную тетю Лену за яркую детскую разноцветную игрушку. Получив в руки большой пластмассовый паром, свадьба его больше не интересовала. А гости веселились от души.

Бабуля Нина Григорьевна ЕРЕМЕЕВА не только приехала сама к внучке на свадьбу из Узбекистана, но и призвала к этому мероприятию своих родных сестер — Ольгу Григорьевну ДЕНЩИКОВУ, приехавшую из Озерок и Анну Григорьевну ПЕСКАРЕВУ, прибывшую из Калининграда. Это трио родных сестер-бабушек зажигало так, что молодые гости не могли угнаться за их прытью, розыгрышами и частушками. Приз за лучшее исполнение танца в период беременности получила моя жена Ирина Юрьевна ЕРЕМЕЕВА.

Через год после свадьбы, 23 февраля 1988 года, в День СА и ВМФ, у молодых КОТОВСКИХ родилась дочь Светлана, моя племянница и крестница.

1987 год был годом нескольких знаменательных событий.

1 июня 1987 года, в День защиты детей, у нас родился второй сын — Сергей. Не знаю, чем это объяснить, но я был уверен, что у меня будет два сына. Имя первому — Андрюха, давал я. А второго — Сережкой, нарекла жена Ирина.

Народная мудрость гласит: «Один сын — это пол сына. А два сына — это сын». У моего тестя Юрия Николаевича две дочери. Вышли они замуж, взяли фамилии мужей и все. Прекрасная русская фамилия НАУМОВ с его уходом в роду прекратила своё развитие. Два сына ЕРЕМЕЕВЫХ, к моей радости и удовлетворению, являются продолжателями фамилии и рода ЕРЕМЕЕВЫХ.

1987 год стал началом конца 24-й ракетной дивизии.

Ему предшествовал Советско-американский договор о ликвидации сторонами своих ракет средней и меньшей дальности (РСМД), подписанный в декабре 1987 года.

Согласно этому документу, Советский Союз должен был ликвидировать все свои РСД-10 «Пионер» (методом подрыва на полигоне Капустин Яр и методом пуска 72 ракет с позиционных районов Читинской 53-й ракетной армии). Ракетовозы — МАЗы подлежали конверсии в народное хозяйство на базе ликвидации в Сарнах, на Украине.

Кроме того, предстояло ликвидировать все имеющиеся ракеты средней дальности типа Р-12 и Р-14. Уничтожение их методом резки предусматривалось на базе ликвидации «Лесная», в Белоруссии.

24-я Гвардейская ракетная дивизия, тридцать лет державшая своими Р-12 на прицеле и в страхе Великобританию, подпадала под действие этого договора. Все уже знали, что скоро прославленное первое ракетное соединение прекратит свое существование. В конечном итоге, весь боезапас ракет соединения и их установщики с пусковыми столами были отправлены на уничтожение на Базу ликвидации «Лесная». А 31 мая 1990 года дивизию расформировали. Боевое Знамя с пятью боевыми орденами передали в Центральный музей Вооруженных Сил СССР. К великому сожалению, почетные наименования и ордена, богатые боевые традиции так и не были переданы по преемственности вновь формируемому ракетному полку или соединению.

В марте 1987 года снят с должности командира полка и отправлен с понижением на должность начальника штаба РТБ в город Таураге, в соседнюю Кармелавскую ракетную дивизию, подполковник ПОПОВ Михаил Евгеньевич. За время своего командования он не стал «Слугой царю и отцом солдатам». Авторитетом ни у командования, ни у подчиненных он не пользовался. Офицеры полка его недолюбливали за высокомерное и пренебрежительное отношение к людям. Узнав о его переводе, шутили, что ПОПОВ М. Е. направлен на работу с меньшим объемом, но с большим окладом.

Дело в том, что военнослужащие, проходящие службу в ракетно-технической базе (РТБ), выполняли специфические задачи, работая с ядерными головными частями (ГЧ). Живя на территории ракетного полка, они ни за какие хозяйствственно-бытовые вопросы не отвечали. Зато получали они денежное довольствие с существенными надбавками, намного больше, чем боевые ракетчики полка и дивизионов. Их в ракетных полках называли «головастиками».

На территории ракетного полка РТБ было государством в государстве, а ее военнослужащие представляли особую белую касту. За их вечное недовольство и требование каких-то льгот, мы в полку их прозвали — девять «Ж»: Живу, Жирую, Жалуюсь, Жадно Жду Жалование, Желая Желтые Жигули.

В такое же, только соседнее государство — Таурагское РТБ, с понижением в должности и был отправлен подполковник ПОПОВ М. Е.

На его место прибыл подполковник МАТЮШЕНКО Владимир Викторович. После бывшего командира, это был настоящий офицер-ракетчик, большой и громогласный, специалист по острому словцу с использованием не всегда парламентской лексики. По характеру — Чапай с шашкой. Но беззлобный и незлопамятный человек.

Прослужив год под началом нового начальника политотдела дивизии подполковника ИВАНОВА В. С., мне подписали документы, дающие право на поступление в 1988 году в Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. Я прошел военно-врачебную комиссию и начал подготовку к вступительным экзаменам.

Командир дивизии генерал-майор ПОЛЕНКОВ Геннадий Михайлович ушел на повышение в Центральный аппарат РВСН, начальником службы РЭБ. На его место назначен полковник КОПЕЙКИН Александр Николаевич, бывший заместитель командира Шяуляйской ракетной дивизии. Звание генерал-майора он получал на двух оставшихся стартовых батареях Советского ракетного полка.

Перед закрытием дивизии главное командование РВСН приняло решение провести учения с выходом в реальный, до этого засекреченный, район боевой стартовой позиции полка, куда никогда в учебных целях не выходили за всю историю дивизии. Как оказалось, она находилась в лесу, прямо на выезде из города Советска.

Была поздняя осень 1987 года. В этот полевой выход замполит подполковник АРХИПОВ В. Б. направил меня в 4-е, то есть заправочное отделение, стартовой батареи комбата старшего лейтенанта Михаила ДИРИНА. Мне достался КрАЗ-214 с прицепленной к нему бочкой Т-112, заправленной горючим ракетного топлива.

Я прибыл на стартовую позицию. Вся техника уже ушла. В последнюю очередь строилась колонна заправщиков всех батарей 1-го дивизиона. Выходы в полевой район осуществлялся только в темное время суток.

На месте пускового стола ракеты горел тепловой имитатор, выставляющийся для запутывания космической разведки противника. Тут же, при свете луны, стоял

КрАЗ с огромной бочкой, урча работающим двигателем. Вокруг ни души. Я два раза обошел длинный автопоезд. Никого. Посветил фонариком на кабину, водителя не видно. И только когда поднялся на подножку грузовика и открыл дверь, за рулем увидел маленького роста солдата-водителя, с измазанными машинным маслом руками и таким же чумазым лицом. Ему бы в танкисты, а его посадили за руль огромного грузовика-тягача.

Первое короткое знакомство определило, что передо мной солдат первого года службы, рядовой Миша ЛУНГУ из Молдавии, и то, что он впервые поведет этот автопоезд. Мне такая информация оптимизма не прибавила, но боевую задачу нужно было выполнять. И мы медленно тронулись к формировавшейся колонне заправщиков.

Инженер дивизиона по заправочным отделениям старший лейтенант Владимир МАРЫШОВ построил на инструктаж водителей и старших машин. Доложив, что он едет в колонне первым, обратил наше внимание на установленную скорость движения и поддержание безопасной дистанции между автомобилями в колонне. А еще предупредил о правилах проезда мостов и уклонов при транспортировке тяжелых цистерн. Довели маршрут движения до ЗПР. И мы, тяжелогруженой колонной, двинулись в путь.

Это был тот полевой выход, когда полк занял свои учебно-боевые позиции на несколько часов позже, чем требовалось по боевому расписанию, и получил «неуд».

Было около трех часов ночи. Из выхлопной трубы впереди идущего КрАЗа от напряжения и старости на метров пять вылетали споны искр несгоревшего дизельного топлива. Вдруг он остановился, встали и мы. Я вышел в ночную тьму и обошел остановившийся транспорт. Никого впереди не было видно. В свете карманного фонарика передо мной появилась бочка с окислителем Т-131, без горящих габаритов и без тягача. Но слышно, как впереди, где-то слева на обочине урчит КрАЗ.

Оказалось, что первая машина старшего лейтенанта МАРЫШОВА, спускаясь с горбатого мостика, нарушив его же инструктаж и, КрАЗ, получив под зад напирающей тяжелой бочкой, слетел в кювет, к счастью, между придорожных деревьев.

Второй, идущий за ним тягач, отцепив и бросив посреди ночной дороги свою цистерну, на которую мы чуть не напоролись во тьме, поехал выручать из кювета первого. Процедура нелегкая и долгая. Ночь, вроде бы и движение по шоссе редкое, но колонну гражданских машин с обеих сторон насобирали солидную.

Кто и как выбирал этот район БСП, не знаю. Но на себе убедился, что свернуть с шоссе на лесную дорогу под углом в 35–40 градусов к нему, да еще и в песчаную горку, развернуться и въехать негабаритным тяжелым автопоездам с ракетами на транспортных тележках и бочками с ракетным топливом сходу практически невозможно.

Тягачи КрАЗы, буксая в каше из мокрого снега и песка, ревели двигателями и останавливались на пригорке перед лесом, не в силах самостоятельно продолжать движение с грузом. Приходилось цугом цеплять один-два других тягача и по одной бочке

затаскивать в лес, на ровное место. Единственный, кому не понадобилась помощь, чудом, самостоятельно взбравшийся с бочкой в полевой район был КрАЗ рядового Михаила ЛУНГУ, впервые севшего за руль этого автомобиля!

В начале января 1988 года в полк приехала армейская комиссия по решению кадровых вопросов и дальнейшей судьбы офицеров и прапорщиков при расформировании полка.

Несколько позже в часть прибыл начальник политотдела дивизии полковник ИВАНОВ Вячеслав Сергеевич. К нему на беседу пригласили секретаря парткома полка старшего лейтенанта ПОРИЦКОГО А. В., меня и командира ББО старшего лейтенанта ЛОБАЧ В. П. Нам поступило предложение убыть к новому месту службы, в Белоруссию, под город Барановичи, для выполнения задач по реализации Советско-американского договора о РСМД. Там формировалась База ликвидации ракет Р-12 и Р-14 «Лесная». Время на раздумье и на совет с семьями даны одни сутки.

На следующий день, прибыв на службу, мы дали согласие на свой перевод. Уже к обеду того же дня нам было предписано убыть в штаб армии в город Смоленск на инструктаж лично к начальнику политотдела 50-й ракетной армии Члену Военного Совета генерал-майору БЕРЕЗОВУ В. П.

События развивались скоротечно. Четырехлетняя служба в полку завершилась. Наскоро собрав свои вещи из служебных кабинетов, тепло попрощались с замполитом полка подполковником Виталием Борисовичем АРХИПОВЫМ и убыли из части. В километре от КПП, в кювете на повороте лесной дороги, уныло доживал свой железный век ржавый остов автобуса ЛАЗ-695, с которым питалось столько добрых надежд ракетных пассажиров.

Времени до поезда оставалось немного. Выручил начальник клуба старший лейтенант Роман БУБЯЛИС. Он на своей походной автокинопередвижке АКД-64 домчал нас до Советска и Немана, чтобы собрать дома необходимые вещи, попрощаться с семьями и убыть к поезду Калининград–Москва, на вокзал города Черняховска.

Глава 10

ЛИКВИДАТОРЫ. БАЗА «ЛЕСНАЯ»

Так уж получилось в нашей семейной династии офицеров — ракетчиков, что мой отецставил на боевое дежурство и служил с 1960 по 1984 годы на ракетном комплексе 8К63 с ракетой Р-12. Я, в свою очередь, с 1980 по 1988 годы служил на этом комплексе и, волею судьбы, стал невольным ликвидатором ракет Р-12, выполняя с 1988 по 1991 годы задачи в соответствии с Советско-американским договором о РСМД. Но все по порядку.

28 января 1988 года из города Черняховск Калининградской области три офицера Советского ракетного полка выехали скорым поездом «Янтарь» в город Смоленск, где располагался штаб 50-й ракетной армии.

За окном вагона появился хорошо мне знакомый вокзал города — героя Смоленска. Полчаса и в 9.00 мы с ПОРИЦКИМ А. В. и ЛОБАЧ В. П. были в политотделе армии. Нам приказали ждать вызова на собеседование к ЧВС генерал-майору БЕРЕЗОВУ В. П.

В приемной, как и мы, ждали старший лейтенант ОЛЕНЕВ Николай Юрьевич и старший прaporщик СЕРИКОВ Василий Васильевич, прибывшие также утренним поездом из Островской ракетной дивизии. Будущий состав партийно-политического аппарата, формируемой базы ликвидации, был в сборе. Секретарь парткома, пропагандист, секретарь комитета комсомола и начальник клуба. Не было только замполита части.

В кабинет к начальнику политотдела армии мы попали ближе к вечеру. Генерал-майор БЕРЕЗОВ В. П. усадил нас за большой массивный полированный стол и стал инструктировать, делая акцент на том, что задача для ракетчиков новая и, главное, тоже государственной важности. Выполнять ее придется в присутствии американских инспекторов. Это обстоятельство накладывает на нас — политработников особую задачу воспитательной работы с подчиненными, которым предстоит ликвидировать ракеты в непосредственном соприкосновении и под неусыпным оком «супостата». При этом проявлять высокую бдительность, быть готовыми к любым провокациям представителей вероятного противника, показывать высокую культуру и прочие положительные качества советских воинов. Дабы не ударить в грязь лицом.

Спросил каждого из нас о дальнейших планах на службу. Я обмолвился, что в этом году собираюсь поступать в академию. На что Владимир Прокопьевич ответил, что в этот год академия для меня отменяется. А на следующий 1989 год, при качественном выполнении государственной задачи, гарантированно могу планировать поступление в ВПА. Пожелал нам успехов в службе и проводил до порога своего огромного кабинета.

Голодные, так как обеденное время прошло в приемной, в ожидании аудиенции у высокого начальника, взбодренные и одухотворенные беседой и инструктажем члена Военного совета ракетной армии, мы отправились на железнодорожный вокзал города Смоленска. Без проблем и очередей спокойно приобрели в кассе купейные билеты до станции Лесная на проходящий поздно ночью пассажирский поезд Москва-Брест. Перекусили в станционном буфете и до глубокой ночи в ожидании прибытия поезда маялись от безделья, бесконечно перекуривая, читая прессу и решая кроссворды в продуваемом сквозняком зале ожидания Смоленского железнодорожного вокзала. Периодически согревались в вокзальном буфете горячим кофе с молоком.

Утром поезд прибыл в город Барановичи на Полесский вокзал. Как оказалось, в городе было два железнодорожных вокзала. Все скорые фирменные поезда, идущие из-за границы, с запада на Москву, проходили и делали короткую остановку на Центральном, маленьком одноэтажном вокзале на окраине города. Остальные, в том числе и электрички, заходили в сам город, на большой красивый монументальной постройки Полесский вокзал с огромной привокзальной площадью и памятником большому черному труженику — паровозу с красной звездой впереди. В течение тридцати минут менялся локомотив. Новый цеплялся с другой стороны состава, и поезд двигался в обратном направлении, полукругом объезжая город, и выходил на основную железнодорожную магистраль на Брест.

Через полчаса пути от Барановичей мы прибыли на станцию Лесная, равноудаленную на 150 километров, как от Минска, так и от Бреста. По обеим сторонам станции расположилась одноименная деревня и шоссейная дорога, уходящая от станции в лес. По правой стороне от вокзала длинный и глубокий ров. В годы Великой Отечественной войны в этом огромном овраге у железнодорожных путей фашисты расстреливали военнопленных и мирных обессиленных жителей, угоняемых в вагонах для перевозки скота в Германию.

На небольшой пристанционной площади с цветником и памятником, установленным погившим мирным жителям, и освобождавшим деревню советским воинам, нас ждал военный автобус Курганского автозавода (КАВЗ) со старшим машины прaporщиком БЛИНКОВЫМ Константином Константиновичем. Он и довез нас до военного городка, который, оказывается, был в пяти минутах езды от станции.

Мы приехали в то время, когда База ликвидации ракет Р-12 «Лесная», условное наименование — войсковая часть 57335, только начала свое формирование. До этого здесь располагался арсенал Смоленской 50-й ракетной армии с боезапасом ракет Р-12.

В начале 80-х годов, в лесном массиве, рядом с технической позицией базы, проводилось опытно — боевое дежурство дивизиона Слонимского ракетного полка при перевооружении его на новый ракетный комплекс РСД-10 «Пионер».

В целях легендирования на КПП части все еще висела уличная вывеска с названием «База хранения и ремонта тяжелой техники».

Минував КПП, автобус остановился у двухэтажного здания штаба части, окруженного густыми кустами сирени, покрытыми белыми шапками чистого снега. После холодного продуваемого старого купейного вагона нас приятно обволокло мягкое тепло помещения штаба. Газовая котельная работала исправно. Идеальный порядок в штабе сразу бросился в глаза.

Всей командой прибывших политработников и одного войскового инженера в лице старшего лейтенанта Володи ЛОБАЧА мы зашли к командиру части и по очереди представились ему.

Полковник АВДЕЕНКО Евгений Михайлович по-отечески и радушно нас принял, познакомив со своим заместителем по политической части подполковником КОМЗОЛОВЫМ Михаилом Ивановичем. Они оба, а также заместитель командира части по тылу подполковник ТОВСТОГАН Николай Иванович, остались на своих должностях, занимаемых в реформируемой бывшей части, и уже почти месяц занимались формированием части по новому штату.

На должность первого заместителя командира базы прибыл наш земляк по 24-й Гвардейской дивизии подполковник АНДРЮШКИН Владимир Степанович. Главным инженером, тоже из нашей дивизии, был назначен подполковник ШЕСТАКОВ Виталий Степанович. Начальником штаба назначен майор ШЛЯХТО Виктор Кузьмич, прибывший из Москвы, выпускник Военной академии РВСН им. Ф. Э. Дзержинского.

Из расформируемых полков Островской, Кармелавской, Гвардейской и Пружанской ракетных дивизий Смоленской армии в течение конца января и начала февраля 1988 года ежедневно в часть прибывали отобранные кадровиками офицеры и прaporщики, а также команды сержантов и солдат. Они сразу приступали к исполнению служебных обязанностей.

А выполнить предстояло очень большой перечень задач. Причем, как всегда у ракетчиков, в сжатые сроки. Первая американская инспекционная группа должна была посетить базу в августе 1988 года. За полгода база должна была быть в полной готовности к выполнению задач по штатному предназначению.

Предстояло к началу работ по ликвидации ракет сформировать подразделения, провести сплачивание новых воинских коллективов, обучить их новой работе, организовать боевую и политическую подготовку, наладить быт и условия жизни, как личного состава, так и членов семей офицеров и прaporщиков. Воинский коллектив части создавался заново.

Требовалось перестроить психологию и самосознание боевых ракетчиков, десятками лет лелеющих родную кормилицу Р-12, на психологию ее ликвидаторов. Для многих офицеров этот психологический перелом проходил весьма тяжело. Ведь за малейшую царапину на «карандаше» в боевых полках налагали строгие дисциплинарные взыскания и привлекали к партийной ответственности. А тут бери пилу по металлу и режь ее, родимую! Уму ракетчика непостижимо, руки не поднимаются на такой поступок.

Для организации и координации выполнения договорных обязательств в Министерстве обороны был создан национальный Центр СССР по уменьшению ядерной опасности (ЦУЯО), который возглавил полковник Н. ШАБАЛИН. При Главкомате РВСН создан Центр управления ликвидацией (ЦУЛ), возглавляемый полковником ГУТНИКОВЫМ Александром Александровичем.

Непосредственно за подготовку нашей базы ликвидации отвечал первый заместитель командующего Смоленского ракетного объединения генерал-майор ТОНКИХ Вячеслав Константинович.

Со всех названных уровней вышестоящего руководства, вплоть до приезда первой инспекционной группы США, еженедельно одна за другой наезжали комиссия за комиссией с целью «оказания помощи», и каждая по направлению своей ответственности, в большей мере мешая, отвлекая от дел, чем помогая.

Регулярный представитель ЦУЛ майор ЯКУНИН Виктор Иванович, отвечающий за готовность технической позиции и организацию технологического процесса ликвидации ракет, требовал от командования базы прекратить всю боевую и политическую подготовку, политико-воспитательные, спортивно-массовые и культурно-досуговые мероприятия с личным составом. Люди его не интересовали. Лично он отвечал за «железяки» и запуск в работу ракетной гильотины. Его, конечно, подправили авторитетные руководители от политорганов. Так и дослужился инженер, далекий от человеческих душ, выросший от майора до полковника в ЦУЛ РВСН, во Власихе.

Одновременно требовалось: переоборудовать под новые задачи огромную техническую территорию части, с отапливаемыми ракетными боксами и техническим пунктом управления (ТПУ). Кроме этого, было необходимо построить новую казарму для роты тыла и комендантского взвода, зону инспекторских групп с коттеджами для их проживания, со столовой и баром. Требовалось проложить новые подъездные пути в обход части к зоне проживания инспекции США, исключающие их проезд через территорию части. Кроме того, требовалось построить и оборудовать вертолетную площадку.

Остальные, уже имеющиеся здания и сооружения, привести к новым требованиям. Казарма, клуб, солдатская столовая, учебный корпус, узел связи, автопарк, пожарное и тепловозное депо и другие здания на территории части были и ранее. Их нужно было

довести до более современных требований. На территории части предстояло демонтировать обветшавшую и оформить новую уличную наглядную агитацию.

За КПП в сосновом лесу находилась открытая жилая зона для проживания семей военнослужащих. Она состояла из здания военторговского магазина у КПП, одноэтажной гостиницы для размещения приезжающих военных руководителей и двух жилых домов — современного пятиэтажного жилого дома с лоджиями и трехэтажной «хрущевки» в четыре подъезда. На выезде из городка находился простенький, но все же, стадион с футбольным полем.

Жилья для размещения членов семей не хватало. Нас временно разместили в свободных квартирах жилых домов, оборудовав в них офицерские общежития, по четыре-пять человек, в зависимости от размера комнаты. Но и этого не хватало. Пришлось командиру части полковнику АВДЕЕНКО Е.М. договариваться с руководством железнодорожной станции Барановичи о выделении во временное пользование, под гостиницу на колесах купейного железнодорожного вагона. Вагон пригнали, поставили его в тупик, подключили к временным источникам водоснабжения и тепла и заселили офицерами и прaporщиками.

До ввода в строй базы ликвидации, ни о каком перевозе семей к месту службы и разговора не велось. К семьям выезжали по очереди, на два-три дня один раз в месяц.

В короткие сроки рядом с жилыми домами военные строители оперативно возвели сборно-щитовые здания семейного общежития, общежития для холостяков и офицерскую столовую, где мы могли покушать горячую пищу, заботливо, по-домашнему, приготовляемую местными женщинами-поварами. До этого питались за плату вместе с личным составом из солдатского котла.

Только после ввода в строй объектов базы нам начали распределять квартиры. И офицеры стали перевозить свои семьи к месту службы. Технологические КамАЗы части делали по три, а то и по четыре рейса в день, доставляя контейнеры с домашними вещами офицеров с контейнерной станции из Барановичей в военный городок.

Я получил благоустроенную двухкомнатную квартиру на первом этаже с лоджией в пятиэтажном доме. В одном подъезде с нами жил командир части полковник АВДЕЕНКО Е.М. и мой сослуживец по Гусино, начальник связи части капитан САТВАЛОВ Георгий. Соседом по лестничной клетке был майор ВЫГОНСКИЙ Анатолий Николаевич, бывший командир РЭЗМ, сослуживец отца по Добельскому ракетному полку. Его супруга Валентина Васильевна работала заведующей библиотекой в солдатском клубе базы. У ракетчиков мир тесен, куда ни приедешь, везде свои люди, знакомые и сослуживцы.

Старший сын Андрей пошел в первый класс. Младшего Сергея устроили в детский сад. Жена Ирина устроилась на работу преподавателем фортепиано в филиал детской музыкальной школы, а вскоре стала директором вновь открывшейся в военном

городке Леснянской детской музыкальной школы. Быт налажен, семья устроена, что еще надо, только добросовестно служи Родине.

Для оказания помощи в оформлении уличной наглядной агитации и Ленинской комнаты роты тыла, из Кармелавской дивизии прибыл мой старый знакомый, дипломированный художник-оформитель майор СОКОЛОВ Евгений Васильевич. Его уже назначили на преподавательскую должность в Таллинское высшее военно-политическое строительное училище. Во главе с ним команда политработников и солдат — художников части трудились круглосуточно, посменно, отдыхая по три часа. Дело требовало завершения, а времени оставалось крайне мало.

Личный состав со своей задачей справился качественно и в установленный срок. Все, что требовалось по плану подготовки, было построено, оборудовано, обновлено, готово к прибытию американских инспекторских групп и началу ликвидации ракет.

Комиссию Министерства обороны СССР по приему объектов базы ликвидации возглавлял первый заместитель начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии ЛОБОВ Владимир Николаевич. Он дал высокую оценку труду, вложенному ракетчиками в подготовку базы ликвидации ракет.

В 10 часов утра 8 августа 1988 года на базе «Лесная» началась ликвидация первой партии ракет Р-12.

Сам процесс, ради чего была создана база ликвидации, представлял собой следующие этапы.

Ракеты в транспортных вагонах, по установленной очередности и графику, по железной дороге в сопровождении караула доставлялись из ракетных дивизий на станцию разгрузки «Лесная». Военный тепловоз загонял прибывший состав со станции «Лесная» на техническую территорию части. Каравал по документам передавал доставленную ракету ответственным лицам от базы ликвидации. Личным составом проводилась разгрузка из вагона и транспортировка ракет на открытую площадку хранения на технической территории, огороженную техническими средствами охраны и наблюдения.

Партия из 8–9 ракет, чья очередь подошла по графику ликвидации, закатывались в боксы для демонстрации и предоставления американским инспекторам. Далее весь процесс шел под постоянным наблюдением американцев, для которых на каждом технологическом посту было оборудовано рабочее место.

Внутренняя начинка ракеты полностью демонтировалась. Изделия, содержащие драгоценные металлы, цветные, из нержавеющей стали, болты и контровочные гайки — все по учету сдавалось на склад, для дальнейшей отправки на центральные заводы переработки. Черный металл сдавался отдельно. В итоге оставалась цельнометаллическая оболочка ракеты, одновременно являющаяся топливными баками.

Пустую ракету перегружали на технологическую тележку и по рельсам завозили в специальный цех. Там с использованием аппарата — плазмореза «Киев-4»,

разработанного Киевским институтом имени Е.О. ПАТОНА, ракету, как по маслу, распиливали на шесть частей. С тыльных ворот бокса на тележках выкатывались шесть колец, которые разрезали поперечно. В итоге получались большие листы легко-го высокопрочного металла из специального ракетного сплава.

После этого представители советской и американской сторон подписывали акт ликвидации ракеты по ее номеру, установленному заводом — изготовителем. А производил ракеты Р-12 завод «Южмаш», что в Днепропетровске, на Украине. В свое время этим заводом руководил будущий Президент Украины Леонид КУЧМА.

Из такого металла была отлита единственная партия из 700 штук памятных монет с названием «Рубль-Доллар разоружения», с соответствующим сертификатом качества. Его вручали депутатам первого съезда народных депутатов СССР, членам инспекционных групп и военнослужащим базы, непосредственно участвующим в ликвидации.

Свой экземпляр я позже, проходя службу в Центральном аппарате Ракетных войск, передал в Музей РВСН, вместе с фотоальбомом и именным бейджиком «Сопровождающий СССР». Они сегодня находятся под стеклом на экспозиции, посвященной периоду в истории РВСН — реализации Советско-американского договора о РСМД.

Оболочки головных частей, с заранее изъятым ядерным боезарядом, ликвидировали на другом технологическом посту. Их давили, используя мощный масляный пресс.

Пусковые столы разрезали на части вручную газосваркой и утилизировали, сдавая тяжелые металлические фрагменты в металлолом, как чермет.

С пусковых установщиков МАЗ срезали подъемную стрелу и отправляли их в народное хозяйство. Из них получались мощные и проходимые дорожные скреперы.

Для непосредственной работы с американскими инспекторами в штате базы ликвидации были созданы две группы специалистов.

Первая группа — переводчиков, состоящая из пяти офицеров лингвистов, во главе с майором ЛАПТЕЙКИНЫМ Владимиром Дмитриевичем.

И вторая группа — группа сопровождающих, тоже из пяти офицеров-ракетчиков, досконально знающих устройство ракеты Р-12, во главе с капитаном Игорем ПОДВОРЧАНОВЫМ.

Кроме этих штатных офицеров, приказом были назначены еще десять внештатных сопровождающих, получивших специальные бирки с личной фотографией и надписью «Сопровождающий СССР», с государственным Гербом. В их число был включен и я.

На этапе подготовки в часть приезжали специалисты из Москвы и проводили с нами ознакомительные занятия, как вести себя с американскими инспекторами. Особо интересным был приезд и четырехчасовое выступление перед нами полковника ПОГРЕБЕНКОВА В.И. — офицера спецслужб, знающего на своем практическом опыте предмет разговора.

Я держал в руках американский журнал 1988 года с названием «Советская военная мощь», привезенный для показа офицером-лектором. Оказывается, свои военные секреты мы держали сами от себя. Американцы о нас знали все. На карте СССР были показаны все ракетные армии, дивизии и полки РВСН, с указанием типа ракетного комплекса, количества ракет и боеголовок, ТТХ по каждому ракетному комплексу. Там же указывались воинские звания и фамилии командиров ракетных частей и соединений, находящихся при должности на то время. Такой журнал, с личным обращением Президента США к своим военным, Пентагон выпускал ежегодно и отправлял в войска, в какой бы части мира армия США не находилась.

Для американцев неразгаданной загадкой была и оставалась русская душа и психология советского солдата. Используя методику собирания разноцветных стеклышик, как в детском «Калейдоскопе», они задавали солдатам и офицерам множество различных, вроде бы, ничего не значащих вопросов. Когда все ответы суммировались и складывались в определенном порядке, получалась четкая психологическая картина воинского коллектива.

Задавались вопросы офицерскому составу и с подковыркой. Типа таких вопросов, как: «Зачем вам нужны политработники в армии, если за все в части, в том числе и за воспитательную работу, отвечает командир?», «Почему командир дивизиона стратегических ракет получает такое же денежное довольствие, как пехотный командир стрелкового батальона? Разве на ракетном командире не лежит больше ответственности за судьбу войны и мира?». Или вот их утверждение, что «Вторую мировую войну выиграли США,бросив атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Эта американская бомбардировка дала толчок прогрессу в развитии Японии и всего мира».

Каждая инспекторская американская группа, совместно с нашим командованием и сопровождающими, традиционно фотографировалась на памятное фото на крыльце столовой в инспекторской зоне. Фотопленка оперативно проявлялась в клубе и несколько снимков передавались в особый отдел, где наши контрразведчики определяли, кто конкретно из инспекторов кем является. Из 23 групп, приезжающих на базу ликвидации «Лесная», каждая на 70–80 процентов состояла из представителей разведок — РУМО и ЦРУ.

Были среди них и выходцы из Советского Союза. В одной группе была русская американка Татьяна БУБЛИК. Дважды возглавлял инспекционную группу американский ракетчик полковник МОСТОВОЙ Виталий Петрович, без акцента говорящий на русском языке. Он родился, и его корни остались в городе Слоним, в тридцати километрах от деревни Лесная. В 1939 году, при присоединении Западной Белоруссии к СССР, перед началом Второй мировой войны, его родители эмигрировали в США.

Встреча первой группы американцев началась с конфузом на элементарной бытовой почве, из-за обеденного меню. Наши поварихи, образно говоря, наварили щей, да

борщей, почки верченые, крылышки и бедра куриные копченые, языки вареные с хреном и много других вкусных блюд. А «гости» ничего этого не заказывают и к еде не притрагиваются. Что за блажь? В чем причина? Оказалось их две.

Во-первых, ни борща украинского, ни голубцов американцы никогда не пробовали. А сметана, как молочный продукт, у них не существует вовсе. В меню не было указано, сколько килокалорий содержится в том или ином блюде и какие продукты туда положены. Они же все спортивные, подтянутые, каждый день пробегали по пять километров утром и вечером, строго следя за своим весом и потребляемыми калориями.

А, во-вторых, приехавшие инспекторы себя причисляли к американцам, живущим выше среднего уровня жизни, а значит субпродукты, как языки, печень, сердце, почки и т.п. они не употребляют в пищу. В курице они едят только белое мясо куриных грудок. Как они сказали, что «из субпродуктов в США делают консервы для домашних животных — собак и кошек. А, если и едят, то только американцы с низким достатком, т.е. нищие». Вот вам и русское гостеприимство, обернувшееся нам американской пощечиной.

Нас убеждали, что у американцев своя высокая культура питания алкогольных напитков. Пьют, мол, тридцать граммов виски, запивая стаканом содовой воды. Как бы ни так! Не зря в народе говорят, что «на халяву и уксус сладкий».

На выходные, в так называемый «уик-энд», вывозили их на базу отдыха на берег живописного лесного озера Гать, что в нескольких километрах от базы ликвидации. Повара-прапорщики ловили и коптили лещей, жарили шашлыки, накрывали столы. После фразы нашего старшего сопровождающего американских инспекторов полковника БИЦКОГО Владимира Николаевича, что «за все заплачено, это наше русское гостеприимство», сметалось со столов и впихивалось в спортивные американские белые, смуглые и чернокожие тела и русское сало, и копченые лещи, и шашлыки. И все съедаемое сопровождалось учащенным опрокидыванием стопок с русской водкой. Даже содовой воды им не требовалось!

В завершении работы каждой инспекторской группы, вдоль дороги, ведущей с технической позиции к коттеджам, высаживалась березка и устанавливалась памятная табличка, выполненная на лючке ракеты, с датами ликвидационной работы и фамилией руководителя группы инспекторов от американской стороны. Так за три года работы была посажена березовая аллея из двадцати трех деревьев.

Типовой месяц части был составлен так, что двадцать дней шла плановая боевая и политическая подготовка, получение и разгрузка прибывающих ракет. Остальные десять дней, по прибытии очередной группы американских инспекторов, шла непосредственная технологическая ликвидационная работа, в соответствии со строгим времененным графиком.

В 1988 году мне было присвоено воинское звание «майор». Секретарь парткома капитан ПОРИЦКИЙ Анатолий Васильевич, завершил заочное обучение в университете

на юридическом факультете и перевелся на кафедру военного права в Харьковское ВВКИУ Ракетных войск. Там же, после раз渲ла СССР, в числе первых он принял Украинскую присягу.

На должность секретаря парткома части избрали меня. На мое место пропагандиста назначили майора СИВИЧЕВА Анатолия Николаевича.

Замполит части подполковник КОМЗОЛОВ М.И. перевелся в Лидскую ракетную дивизию. Поехал за квартирой по «дембелю». На его место из этой же дивизии прибыл энергичный и полный добрых инициатив подполковник ГУБИЙЧУК Борис Степанович.

На повышение, на полковничью должность командира ТРБ Лидской дивизии назначен подполковник АНДРЮШКИН В.С. На его место заместителем командира части с присвоением воинского звания «подполковник» назначили командира 4-й группы ДЕГТЬЯРЕВА Александра Павловича.

Завершив инженерно-строительные работы по прокладке подъездных путей и оборудованию вертолетной площадки, уже капитан ЛОБАЧ В.П. переведен начальником штаба отдельного инженерно-саперного батальона Лидской дивизии, в п. Гезгалы.

Начальник штаба подполковник ШЛЯХТО В.К. возвратился к себе в Москву. Начальником штаба части стал командир 3-й группы майор ВАСИН Михаил Николаевич, вскоре ставший подполковником.

Начальник политотдела ЧВС Смоленского ракетного объединения генерал-майор БЕРЕЗОВ В.П. сдержал свое слово и подписал мой рапорт на поступление в 1989 году в ВПА имени В.И. Ленина.

За год жизнь в части наладилась и вошла в нормальное размеренное русло. Наряду с плановым выполнением служебных задач, стали больше времени уделять организации активного отдыха семей. Регулярно проводили спортивные мероприятия на стадионе, массовые гуляния по праздникам, субботники по облагораживанию жилого городка, развитию самодеятельного художественного творчества. Создали свой вокально-инструментальный ансамбль из офицеров и солдат. Выступали с концертами. Провели местное кабельное телевидение. Оборудовали свой спортгородок и хоккейную коробку. Летними вечерами на дороге, названной «американкой», устраивали катание на роликовых досках — скейтах.

По предложению женсовета части распахали заброшенный фруктовый сад в нескольких шагах от дома и, не повреждая деревьев, разбили огородные участки по количеству семей, желающих заниматься выращиванием на грядках своих овощей и ягод.

Родители НАУМОВЫ ежегодно приезжали к нам летом из Львова в отпуск, на природу. Мы с Ириной всегда были рады их приезду. Дружной командой ходили в лес за ягодами и грибами. Вместе делали заготовки на зиму. Летом и осенью лес кормил своими дарами, произрастающими буквально сразу за домами. Плантации земляники,

малины, черники в шаговой доступности, позволяли каждый вечер, прогуливаясь с семьей, играючи набрать пятилитровое ведерко тех или иных ягод.

В зеленых мхах, в лесу за дорогой, росло несметное количество лисичек. Местное деревенское население их сбор превратило в доходный промысел, собирая мешками, и продавая по рублю за килограмм скопщикам — полякам. Те, в свою очередь, переворачивали свежие лисички в тридорога в Германию и Турцию. Там, на фармацевтических заводах, из лисичек изготавливали лекарство от онкологических заболеваний.

Вокруг стадиона и технической позиции среди осинок, на песчаных проплешинах среди травы, росли яркие красавцы красноголовые подосиновики. За технической территорией, на песчаных белых мхах, в августе-сентябре шел массовый сбор белых грибов. А ближе к октябрю и до первых морозов на этих же местах мешками собирали зеленки и подзеленки, растущие большими семействами. Грибы уникальные — соли, маринуй, жарь, вари, суши, делай грибную солянку. По вкусовым качествам опятам до них очень далеко. В деревне даже стояла централизованная грибоварня, куда стекались местные грибники и за плату сдавали свой грибной сбор. Мы же их перерабатывали и в разном виде приготовления закатывали в банки на зиму.

В основном лесу за стрельбищем было видимо-невидимо польских белых. Росли они большими семьями, от мала до велика, с яркими коричневыми шляпками. На самом стрельбище, за вертолетной площадкой, среди сосенок, собирали молоденькие маслята.

С тестем Юрием Николаевичем, как два заядлых рыбака-любителя, мы часто ездили на велосипедах, с привязанными к рамам удочками, на близлежащие водоемы в деревню Гута, в Березовку, на бывший карьер у Минского шоссе, как его называли «олимпийкой», в сторону Ивацевичей.

Но больше всего нам полюбилось лесное озеро Гать, образованное в 1937 году искусственным образом, путем установки дамбы на пути речки, богатой разнообразной рыбой, с названием Щара.

На берегу рукотворного озера располагалась база отдыха нашей части. Здесь в вагончиках можно было переночевать. Крепкие деревянные мостки уходили далеко в воду. Но мы надевали на себя резиновые штаны от защитного костюма Л-1 и забирались по пояс в воду, в камыши, где наливали крупную плотву и лещей.

По другую сторону озера располагались санаторий и дом отдыха. Отдыхающих, катящихся на лодках, кормящих лебедей, рыбачащих, каждое лето всегда приезжало много. Из-за ремонта дамбы и очистки дна озера в 1990 году его спустили до уровня русла протекающей речки. Тогда мне стало понятно, почему озеро называли Гать. До войны песчаная лесная дорога спускалась через место нашей будущей базы отдыха к топкому лесному берегу речки. Лес вырубили и выложили дорогу через непроходимую болотину бревнами до другого берега. По просту, проложили гать. Так мореные,

без доступа воздуха, пролежавшие столько лет в воде бревна гати и остались лежать целехонькие.

В первую весну, после спуска воды, мы с тестом и сыном Андреем бодро вылавливали множество плотвы на мотыля, которого копали тут же, в илистом дне бывшего озера, прямо под ногами. Я, как отец и заядлый рыболов-любитель, прививал любовь к рыбной ловле и старшему сыну Андрею. Но его рыбацкого терпения всегда хватало на минут пятнадцать ловли. После того, когда мое чадо съело на рыббалке всю прикормку и насадку — перловку, сваренную на подсолнечном душистом масле с добавлением меда, приготовленную для ужения лещей, я понял, что это не рыбак.

В июне 1989 года на меня пришел вызов для поступления в ВПА имени В.И. Ленина. В это время у нас отдыхали родители НАУМОВЫ. Следом за ними на своих голубеньких «Жигулях» из Шяуляя приехали и мои родители. Провожали меня в Москву всем нашим большим семейством.

Полевой лагерь академии, где проводились сбор поступающих абитуриентов и принимались вступительные экзамены, находился в Кубинке, через дорогу от НИИ Бронетанковых войск. Сегодня там, где я поступал, дислоцируется 45-й специальный парашютно-десантный полк ВДВ.

Приятно удивило, что при регистрации о прибытии, у административного корпуса собирались двадцать шесть моих однокурсников по Львовскому военно-политическому училищу 1980 года выпуска. Прошло девять лет после выпуска, все майоры разных видов и родов войск, а как были курсантами, так и остались такими же, со своими шутками-прибаутками, курсантскими кличками и искренней радостью от неожиданной встречи.

Мы прекрасно понимали, что не все из нас поступят в академию, и снова разъедемся по всему Советскому Союзу. Поэтому на этом спонтанном собрании училищного курса приняли решение держать связь друг с другом и собираться ежегодно, в следующие выходные после празднования Дня Победы. Место сбора в ЦДСА имени М. В. Фрунзе.

Из 26 приехавших однокурсников по конкурсу прошли Виктор КОЗЛОВ, Игорь ЖЕРДЕВ, я. На год-два раньше поступили и уже учились Валера БЕРЕСТОВ, Александр КАЛИНИЧЕНКО, Валера АРАКЕЛЯН, Володя ЛЕЛЕТ, Витя БРОНИРОВ, Володя СТРУТИНСКИЙ, Юрий САМКАЕВ, Ярослав ХАРИТОН. Всех их встретил в стенах академии и в общежитии на Большой Пироговской улице.

Я успешно сдал вступительные экзамены и поступил на факультет заочного обучения, на военно-педагогическое отделение по специальности «Военно-педагогическая, оперативно-тактическая Ракетных войск стратегического назначения».

На курсе ракетчиков было три отделения командно-политических (замполитов дивизионов и полков) и одно военно-педагогическое.

Наша педагогическая группа ракетчиков была небольшая и состояла из восьми офицеров-политработников, поступивших из РВСН. В их числе — майор РУСАНОВ Александр Васильевич из Хмельника, с ПДРЦ узла связи Винницкой ракетной армии; майор КОСТИН Владимир Иванович, пропагандист Пружанского ракетного полка из Белоруссии; майор ГОЛЕНЕВ Валерий, пропагандист части с полигона Плесецк; майор РЕВИН Владимир Васильевич и майор РУБАН Валерий из Винницкой ракетной армии; майор РЕЙТЕРОВИЧ Владимир и майор ТОПЧИЕВ Василий Иванович из Нижнего Тагила и я, майор ЕРЕМЕЕВ А.А. с базы ликвидации «Лесная».

Командиром учебного отделения назначили Александра РУСАНОВА, невысокого роста, болеющего за все душой, добродушного, высокой порядочности и ответственности, дотошливого по натуре человека. Еще при поступлении мы прозвали его «Саша-винтовка». Все из-за того, что в объемном списке рекомендованной литературы по предмету «Партийно-политическая работа в СА и ВМФ» требовалось знать работу Ф. Энгельса «История винтовки». Этот труд классика марксизма-ленинизма содержал более четырехсот страниц печатного текста и заканчивался одним предложением, в качестве главного вывода, что каждый солдат должен досконально знать и уметь пользоваться в бою вверенным ему оружием. Александр на слово нам не поверил и всю ночь перед экзаменом вместо отдыха штудировал в полном объеме труд Фридриха ЭНГЕЛЬСА, за что и получил к своему имени приставку «Винтовка».

Все, что касалось военных предметов, тактики и вооружения Ракетных войск стратегического назначения, мы изучали на 1-й кафедре академии, т.е. на «Кафедре оперативного искусства РВСН». Кафедру возглавлял ветеран первого ракетного соединения, бывший начальник штаба Шяуляйской ракетной дивизии, профессор, академик Российской академии ракетно-артиллерийских наук, полковник МОНАХОВ Николай Константинович.

Не понравилось то, что общественные дисциплины преподавали с элементарных азов, которые мы давно изучили в политических училищах и на курсах повышения квалификации. Снова повторяли формы, методы, законы и принципы. Хотелось услышать новые подходы высшей военной школы применительно к армейской действительности в современных условиях. Но этого не было.

Заочное обучение в академии состояло из четырех учебных сессий. Первая вступительная и последняя выпускная сессии длились по три месяца. Промежуточные, вторая и третья сессии, по два месяца. Получалось так, что мы поступили в 1989 году, а завершали обучение в июне 1993 года. Поступил и учился три года в ВПА имени В.И. Ленина, а ехал на выпускную сессию и получал диплом об окончании уже Гуманитарной академии Вооруженных Сил (ГАВС).

Первое лицо в КПСС и руководитель Советского государства ГОРБАЧЕВ М.С. сначала предал 19 миллионов коммунистов, отменив 6 и 7-ю статьи Конституции

СССР о руководящей роли партии в жизни советского общества, а затем упразднил партийно-политические органы в СА и ВМФ. В завершение, став первым и последним Президентом СССР, допустил развал Советского Союза на мелкие самостоятельные княжества.

Проведя очередной летний отпуск в Львове, 18 августа 1991 года в вагон поезда я с семьей садился еще действующим секретарем парткома части. Пока ехал, ГКЧП объявил в стране чрезвычайное положение. На большее их не хватило. Поэтому днем 19 августа 1991 года я возвратился в Барановичи под тревожные информационные выпуски из автомобильных радиоприемников о «государственном перевороте ГКЧП». Возвратился в часть, как оказалось, никем, просто майором. А академию, где я учился три года, из ВПА переименовали в ГАВС, убрав приставку «имени В.И. ЛЕНИНА».

Я остался не у дел, переживал за развал КПСС и за то, что в одночасье стал майором без должности. Жена Ирина поддерживала меня морально, как могла. На душе было скверно. Понимая мое состояние, она силком вытаскивала меня из квартиры по вечерам на прогулку, на свежий воздух.

Однажды, возвращаясь со стороны стадиона, а время было к полуночи, мы, подходя к дому, увидели на небе светящийся объект, в виде сигары, с яркими огнями. До этого об НЛО я читал, но его не видел и не верил в их существование. Он висел, переливаясь огнями, над лесом за стадионом. Легкая дрожь от увиденного объекта моментально пробежала по телу. Мы с Ириной зашли в подъезд, позвонили в несколько дверей сослуживцев и поднялись на пятый этаж, откуда наблюдали за НЛО. Кто вышел, видели это явление. Его мы наблюдали в течение минут двадцати-тридцати.

Я позвонил дежурному по части. Он тоже видел этот объект, который повисел над горизонтом и моментально, зигзагообразно, с немыслимой скоростью, удалился в ночном небе, оставив за собой яркое красное свечение, которое держалось на небе еще более получаса...

Нет худа без добра. Командир части полковник АВДЕЕНКО Евгений Михайлович, на семнадцать лет старше меня по возрасту, очень хорошо относился ко мне по службе и по-отечески к моей семье. Так как моя должность была упразднена и платили только за воинское звание, он отдал приказ о моем временном назначении на должность начальника расчета, чтобы не оставлять семью без средств существования.

Я собрал последнее собрание коммунистов части, выдал на руки каждому индивидуальные карточки партийного учета и вынес на голосование вопрос, что делать с нашей партийной кассой, состоящей из членских партийных взносов коммунистов части. Предложений было несколько. Самые рьяные «демократы» от партии предложили устроить банкет по поводу развода КПСС. Их было единицы. Фамилий не называю. Остановились на том, чтобы закупить и подарить все самое необходимое Зайцевскому дому детей-инвалидов, что под Барановичами.

Согласовав список с директором лечебного детского учреждения, втроем, как решило собрание, на микроавтобусе РАФ мы выехали в Барановичи, забили его до верха покупками — игрушками, одеялами, спортивным инвентарем и отвезли в детский дом. Сделали вроде бы благородное дело, а возвращались с майором Анатолием СИВИЧЕВЫМ и старшим лейтенантом Николаем ЕВТУШЕНКО с тяжелым чувством. Таких детей, уродливых от рождения, оставленных родителями, мы никогда не видели и не представляли, что такое в природе может быть. Многие из них, по своим физическим возможностям, не могли воспользоваться нашими подарками, так как пожизненно были прикованы к постели.

В октябре 1991 года по выслуге лет проводили на пенсию замполита части подполковника ГУБИЙЧУКА Бориса Степановича. Перед уходом он, при поддержке командира части полковника АВДЕЕНКО Е.М., рекомендовал меня вышестоящему командованию о назначении на его место. Теперь вместо должности «заместитель командира по политической части» ввели должность «помощника командира части по работе с личным составом», оставив штатную категорию «подполковник».

Без проволочек я был назначен на эту должность. В августе 1992 года мне было присвоено очередное воинское звание «подполковник». И исполнял я должностные обязанности «замполита» базы ликвидации вплоть до ее расформирования, до 31 декабря 1992 года.

Еще 23 мая 1991 года в торжественной обстановке была ликвидирована последняя ракета Р-12 и сторонами подписан заключительный акт. Мы дали концерт для гостей, личного состава части и семей военнослужащих, приглашенных по случаю завершения ликвидационных работ, в помещении огромного технологического ракетного бокса.

Всего за трехлетний период реализации Договора на базе «Лесная» ликвидировано 149 ракет Р-12 и 6 ракет Р-14. О ходе реализации Договора, в том числе и на базе ликвидации «Лесная», часто писали специальные корреспонденты газеты «Красная Звезда» стратегические ракетчики полковники А. БЕЛОУСОВ и В. ПОЛЕЖАЕВ.

Последнюю разрезанную ракету, как памятник и экспозицию, на специальном постаменте и технологической тележке, установили в городке, на площадке между частью и гостиницей командного состава. Одну ракету, в полный рост, установили в новом микрорайоне города Барановичи. Еще одну, отправили на Кубу. Кубинцы решили ее установить перед посольством США, как напоминание американцам о Карибском кризисе 1962 года.

Американцы уехали. А нам было предписано готовить базу под ликвидацию межконтинентальных баллистических ракет (МБР) на жидком топливе, подпадающих под Договор по ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-2).

Но, когда почти все было готово к выполнению новых задач и наложен технологический процесс, в Беловежской пуще три новоиспеченных президента–демократа,

представителя основополагающих братских славянских республик — России, Украины и Белоруссии, росчерком пера поставили жирный крест на государстве с названием Союз Советских Социалистических республик.

Первым, что сразу заявил белорусский президент Станислав ШУШКЕВИЧ, это объявил Беларусь безъядерным государством, где нет места стратегическим ракетам России. Поэтому Мозырская, Поставская, Лидская и Пружанская ракетные дивизии в течение 1992–1993 годов должны были быть выведены с территории Белоруссии. О присутствии в Лесной нашей базы и ликвидации российских тяжелых ракет на территории Белоруссии, даже и речи не велось. Срок расформирования части определен — 31 декабря 1992 года.

В начале октября по решению командира части в офицерской столовой мы провели прощальный вечер отдыха семей военнослужащих, после которого началась массовая отправка офицеров и прaporщиков к новым местам службы. К этому прощальному вечеру, в соавторстве с майором Анатолием БАРУТКИНЫМ и старшим лейтенантом Владимиром ГРАБЕЖОВЫМ, я написал шуточную песню «Лесная», исполняемую в стиле русских частушек и американского кантри. В ней вся история нашей базы ликвидации, со дня формирования до ее закрытия. Текст песни следующего содержания:

*В затертом перестроичном году
Приехали в Лесную на свою беду.
Воздух чистый, ягоды здесь есть,
А грибов в лесу, так тех не перечесть.
Ax, Лесная, ты Лесная, тараканов тьма!
Ax, Лесная, ты Лесная, Ракетные дела.*

*С честью Мишин выполнить наказ
Во Смоленске «люди долга» призывали нас.
Много было сказано там фраз...
В результате, получилось, обманули нас.
Ax, Лесная, ты Лесная, окраина села!
Ax, Лесная, ты Лесная, Ракетные дела.*

*Обещали дом построить нам.
В результате получили хижины «фиг вам»!
Расселили по квартирам нас.
Одна радость, что горел в них газ.
Ax, индейцы, вы индейцы, в прериях дома.
А у нас так повелось уж — Ракетные дела!*

*День и ночь, готовив техпроцесс,
Мы меняли дважды, чертов гидропресс.
Проявляли мужество и долг,
Каждый думал: «Был бы, с этого хоть толк».
Ах, Лесная, ты Лесная, семьи далеко!
Ах, Лесная, ты Лесная, было нелегко.*

*Супостаты, посмотрев за час,
По своей системе оценили нас,
Как ракеты переводим в лом,—
Это может только русский дуболом!
Ах, Лесная, ты Лесная, ликвидаторам «Ура!».
Ах, Лесная, ты Лесная, Ракетные дела.*

*«Мериканцев» не одобрав раж,
Из ракеты сделали разборной гараж.
И в Лесной, в Смоленске, Виннице, Москве,
Пользуются спросом гаражи везде.
Ах, Лесная, ты Лесная, Никиты вотчина.
Ах, Лесная, ты Лесная, Ракетные дела.*

*Уничтожив мощный арсенал,
Миллионы денег пущены в металл.
Говорят, копейка рубль бережет,
Наяву же вышло все наоборот.
Ах, Лесная, ты Лесная, электродугова пила.
Ах, Лесная, ты Лесная, Ракетные дела.*

*Точно в график выполнив наказ,
Распилив ракеты, наградили нас
Медалями, даже орденом,—
Так нас оценили за металлом.
Ах, Лесная, ты Лесная, ликвидатора судьба.
Ах, Лесная, ты Лесная, Ракетные дела.*

*Два с полтиной года «Ваньку поваляв»,
Ничего не делая, до одури устав.
Огороды, свиньи, куры, да кроли,—
Стали офицеры, словно фермеры.*

*Aх, Лесная, ты Лесная, кормит нас земля.
Ах, Лесная, ты Лесная, колхозником стал я.*

*Но не долог тихий был наш ратный путь,
Суверенитет республик охватил, аж жутъ!
То, что было цементом вчера,
В Пуще Беловежской назвали: «ерунда!».
Ах, Лесная, ты Лесная, вроде бы мала.
Ах, Лесная, ты Лесная, политиков дела.*

*Русский, украинец, белорус,—
Вот такие мерки и такой статус.
Разделили на три части нас,
А четвертых заставляют уволиться в запас.
Ах, Лесная, ты Лесная, болит уж голова.
Ах, Лесная, ты Лесная, приткнуться нам куда?*

*Тот, кто хочет дослужить свой срок,
На заметку вы возьмите горький наш урок.
Не меняйте Родину за гроши!..
Хватит, песню спели, все, хороши!
Ах, Лесная, ты Лесная, преподала нам урок!
Ах, Лесная, ты Лесная, помнить будем впрок.*

*Ах, Лесная, ты Лесная, сосны, да трава.
Ах, Лесная, ты Лесная, Ракетные дела.*

Ах, Лесная, ты Лесная, такие, брат, дела!

Из части по своим национальным квартирам разъехались солдаты и сержанты — срочники, уроженцы бывших союзных республик. Их отзовали новоявленные национальные президенты.

Я пожалел лишь об одном. Был замполитом части. По выходным отправлял команды бойцов на экскурсию в Брестскую крепость, а сам, надеясь, что всегда успею, за пять лет службы так там и не побывал.

Офицеры, кто выслужил срок, увольнялись в запас и получали квартиры в Барановичах. Других переводили служить в Россию, в том числе на арсеналы и базы ликвидации в Суроватиху под Нижний Новгород и в Пибаньшур в Удмуртию.

Несколько офицеров во главе с главным инженером части подполковником ШЕСТАКОВЫМ В.С. приняли белорусскую присягу, перейдя служить в Вооруженные

Силы Беларуси. Сын великого татарского народа ШЕСТАКОВ В.С. быстро сориентировался в обстановке, переприсягнул другому государству и стал командиром белорусской базы ликвидации обычных вооружений (самолетов), доставшихся от СССР белорусской армии. Ухватив единоличную власть, он запретил пускать на территорию части своих бывших сослуживцев и выделять транспорт для отправки контейнеров с личными вещами офицеров к новому месту службы в Россию.

Не так много времени прошло, как драгметаллы и страсть к наживе сгубили этого бывшего ракетчика-перевертыша. На него завели уголовное дело. Деньги на военном золоте и серебре зарабатывал в личных интересах. За что и поплатился.

Офицеры-сослуживцы один за другим покидали военный городок в Лесной, убывая к новым местам службы. А мой кадровый вопрос все никак не решался. Ко всему прочему, серьезно заболела жена Ирина. Около трех месяцев она пролежала в Минске, в центральной республиканской больнице. Моя жизнь превратилась в сплошной кошмар. Разрывался между маленьими детьми, службой, учебой в академии и поездками за 150 километров в Минск, в больницу к жене. Спасибо командиру части полковнику АВДЕЕНКО Евгению Михайловичу, друзьям и сослуживцам, семьям ВЫГОНСКИХ Анатолию Николаевичу и Валентине Васильевне, БАРУТКИНЫМ Анатолию Васильевичу и его жене Наталье, за оказанную неоценимую всестороннюю помощь и поддержку в то трудное для меня время.

30 декабря 1992 года, за день до Нового 1993 года и конечной даты существования войсковой части 57335, наконец, было принято решение по моему кадровому вопросу.

В ноябре 1990 года была расформирована 50-я Смоленская ракетная армия и нашу базу переподчинили 43-й Винницкой ракетной армии. На момент сокращения нашей базы помощником командующего армии по работе с личным составом был полковник СЕЛЮНИН Анатолий Семенович. Не зная меня, но зная о моей сложившейся трудной служебной и семейной ситуации, он добился моего перевода во Власиху, в распоряжение командира в/ч 41466 полковника МОРОЗ Николая Максимовича (бывшее Политуправление РВСН, а на тот период Направление по работе с личным составом РВСН).

31 декабря 1992 года мы вместе с командиром полковником АВДЕЕНКО Е.М. прошлись по осиротевшей части и зашли в его кабинет. Евгений Михайлович от руки выписал мне предписание к новому месту службы, открыл сейф, достал гербовую печать части и скрепил свою подпись фиолетовым оттиском с надписью «Министерство обороны СССР. Войсковая часть 57335». «Ты, Анатолий, последний, кому я ставлю на документах эту печать. Завтра я уже никто и такой части больше нет. Грустно», — сказал Евгений Михайлович и достал из сейфа бутылку коньяка. Хлопнули по православной традиции по три рюмки крепкого напитка, и пошли по домам к семьям, готовиться к встрече Нового года.

Евгений Михайлович, завершив расформирование части, уволился по выслуге лет и предельному возрасту из Вооруженных Сил. Вместе с ним уволились и его заместители подполковники ТОВСТОГАН Николай Иванович и ДЕГТЯРЕВ Александр Павлович.

В Барановичах турецкие строители построили новый микрорайон для военнослужащих частей, выводимых из Восточной Европы. Там они — АВДЕЕНКО Евгений Михайлович, ТОВСОГАН Николай Иванович и ГУБИЙЧУК Борис Степанович получили по увольнению квартиры, и все в одном подъезде. Не досталось «турецкой» квартиры только заму командира части подполковнику ДЕГТЯРЕВУ Александру Павловичу. За что он сильно осерчал, обиделся и остался жить в квартире военного городка, в Лесной.

А мне было предписано 5 января 1993 года прибыть в Подмосковную Власиху, по адресу: г. Москва, К-160, в/ч 41466.

Глава 11

В ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ РВСН. ВЛАСИХА

В столице стратегических ракетчиков — Власихе я был дважды, находясь в служебной командировке. В 1988 году на учебно-методических сборах пропагандистов РВСН. И в 1991 году, как делегат первой (и последней) партийной конференции РВСН, еще при начальнике Политического управления РВСН генерал-полковнике РОДИНЕ В.С.

Тогда Власиха мне запомнилась уютным, зеленым и тихим оазисом за охраняемым забором, под боком у Москвы. Каскад из трех прудов. Чистые ухоженные улицы, где от генеральских лампсов и полковничих звезд пестрило в глазах. Многообразие зеленых насаждений. Среди зелени деревьев — новая девятиэтажная гостиница на берегу среднего пруда с карпами. Большой современный торговый центр, с самообслуживанием и приличным ассортиментом продуктов на полках в нем. И помпезное здание Дома офицеров РВСН в центре военного городка, устланное повсюду коврами и кремлевскими дорожками, сияющего хрустальными люстрами и торжественностью внутреннего богатого убранства.

Со слов отца, здесь, во Власихе жили наши добельчане и друзья моих родителей — семья ДУБРОВИНЫХ. Геннадий Федорович, проходивший службу на ЦКП РВСН, по достижении предельного возраста, подполковником уволился в запас. А Галина Илларионовна работала в общем отделе Главного штаба РВСН. Но в эти командировочные приезды, их в городке я не встретил.

Теперь я ехал во Власиху в «распоряжение», т.е. временно и без должности, никем и ни к кому. Знал только, что здесь живут знакомые ДУБРОВИНЫ, которые знают меня с двухлетнего возраста. Да заместителем начальника Дома офицеров РВСН служит мой однокурсник по училищу Юрий СТРИЖКОВ. В Белоруссии остались, чуть оправившаяся от болезни, жена Ирина и сыновья Андрей 10-ти лет и Сергей 6-ти лет.

Исторически все мои переводы по службе проходили или в декабре, или в январе. Вот и в этот раз пасмурным морозным зимним днем я вышел с чемоданом в руках из вагона электрички на платформе Перхушково. По сей день не могу понять, почему

в населенном пункте Перхушково находится платформа Здравница, а в селе Юдино находится платформа Перхушково?

На окраине, у мебельной фабрики «ОДЭКС», находилось кольцо конечной остановки служебного маршрутного автобуса, регулярно курсирующего между железнодорожной платформой и КПП военного городка — Главного штаба РВСН.

Автобус ЛАЗ с солдатом-водителем заполнился битком пассажирами, сошедшими с электрички, желающими доехать до Власихи. Менее десяти минут езды и я на КПП. Выпив пропуск, мимо Дома офицеров РВСН, затем торгового центра я дошел до 3-го служебного здания и поднялся на третий этаж, где находилось «хозяйство» полковника МОРОЗА Н.М.

В приемной меня встретил его порученец старший прaporщик ЛЫЧ Владимир Яковлевич, высокий, бравый белорус, с мулявинскими усами, в камуфляже и, не по зимней форме одежды, в шитой фуражке-аэродроме.

Начальника в кабинете не было, убыл на совещание к Главнокомандующему. Заместитель начальника полковник ПЛЕСКАЧ Виктор Петрович находился на ВВК в 25 ЦВКГ, перед увольнением в запас. Порученец порекомендовал мне обратиться к двум полковникам, оживленно беседующим в длинном коридоре 3 этажа. Что я и сделал.

Как оказалось, это были два начальника отдела — полковник ЛЕБЕДЕВ Юрий Николаевич, готовившийся стать замом у МОРОЗА Н.М., и полковник КАЛАШНИК Евгений Владимирович, исполняющий обязанности начальника отдела воспитательной работы. Когда я представился и доложил, что прибыл для дальнейшего прохождения службы, оба недоуменно посмотрели друг на друга, и ЛЕБЕДЕВ спросил у КАЛАШНИКА: «Жень, ты его вызывал? Нет? И я не вызывал!». От такого поворота событий мне стало несколько не по себе. Тогда я достал и показал предписание о прибытии в войсковую часть 41466. Прочитав документ, полковник ЛЕБЕДЕВ Ю.Н. сказал: «Ну, раз прислали, сиди, жди начальника полковника МОРОЗА, тогда все и выяснится».

С возвращением от Главкома начальника Направления по работе с личным составом РВСН полковника МОРОЗА Николая Максимовича выяснилось, что таких политработников, оставшихся без должностей, как я, и прибывших к нему в распоряжение, оказалось почти в два раза больше, чем своих штатных офицеров. В то время в Направлении по РЛС РВСН проходили службу 14 офицеров. Перечислю поименно. Это полковник ПЛЕСКАЧ Виктор Петрович, полковник ГОРБОВСКИЙ Николай Иванович, полковник ГОРБАЧЕВ Александр Иванович, полковник ЧЕРНЯВСКИЙ Анатолий Иванович, полковник КАЛАШНИК Евгений Владимирович, подполковник ИВАНОВ Игорь Валерьевич, подполковник ПОЛЯКОВ Виталий Андрианович, подполковник ДОЛГАШОВ Василий Федорович, подполковник ТУРКОВСКИЙ Анатолий Николаевич, майор РЯБЦЕВ Владимир Дмитриевич, майор СТЕНИН Евгений Михайлович и майор КУЗОВКИН Валерий Николаевич.

Всех прикомандированных в течение полугода требовалось разместить на постоянные должности в Ракетных войсках, расположенных на всей территории необъятной России.

После собеседования я был прикомандирован в отдел воспитательной работы полковника КАЛАШНИКА Е. В. в группу культурно-досуговой работы, которую возглавлял Львовский выпускник 1977 года подполковник ДОЛГАШОВ Василий Федорович. В мои обязанности входили: учет военных учреждений культуры, библиотек и книжного фонда, Ленинских комнат, основных технических средств воспитательной работы, организация их инвентаризации и коллективная подписка на газеты и журналы за все Ракетные войска стратегического назначения — армии, дивизии, полигоны, арсеналы, ЦНИИ, учебные центры и ракетные ВВУЗы.

В плане внутренней жизни и деятельности Направления по РЛС РВСН, на меня возложили оформление и ведение «Рабочей карты командира» на учениях и в боевой обстановке, написания поздравительных адресов и приглашений, а также стихов к знаменательным датам сослуживцев.

Первое мое поздравление сослуживцев в стихотворной форме было написано 22 июля 1993 года ко дню рождения подполковника Игоря Валерьевича ИВАНОВА, исполняющего в Направлении в одном лице обязанности начальника штаба, кадровика, отвечающего за письма и жалобы, и заядлого туриста, ежегодно сплавляющегося на надувных плотах по рекам Карелии. И звучало это поздравление так:

*Есть в Направлении МОРОЗА
Четырнадцать проверенных штыков.
И в том строю, как в русской прозе,—
Стоит на страже Родины товарищ ИВАНОВ.*

*Начальник штаба он, зарылся в планах весь,
Компьютер «измочалил» в хвост и в гриву.
Командировки, отпуск, кто, где есть,
Как успевает все?- даешься диву.*

*Товарищ болен, но не брошен пост,
И кадры ведает профессионально, метко,
Все тот же Игорь, он же ИВАНОВ,
Рядами воспитателей заполоняет клетки.*

*И в письмах, жалобах он знает толк,
Ведь пишут матери, как сыновьям в войсках не сладко.
Утешил их, да и позовонит в полк,
Чтобы обидчиков к ногтям прижали гадких.*

*С утра до вечера в звонках, делах.
Освоил должность аппаратчика по всем критериям.
Владеет ситуацией в войсках
Товарищ Игорь — офицер от инfanтерии.*

*Устал немного, отдохнуть бы чуть,
А отпуск впереди, как лучик солнца ясный.
Готовит лодку, снасти — скоро в путь,
Турбаза ждет в Карелии, лишь не было б ненастяя.*

*Еще на год ты старше стал:
Увереннее, опытнее, в жизни тверже.
Желаем мы тебе всего того, что б каждый пожелал
Своим родителям, жене и детям тоже.*

*И, кроме этого, добавить мы хотим:
Чтоб служба в радость шла, в семье — добро основа.
Так выпьем за тебя, товарищ, наливай!
За именинника, за Игоря, за ИВАНОВА!*

Кроме того, мне вменялось регулярное суточное дежурство по Направлению и по 3-му служебному зданию.

Но и это был еще не весь объем выполняемых задач, поставленных мне начальником. В связи с тем, что командировок в войска было большое количество, а штатных офицеров-воспитателей не хватало, нас, находящихся в распоряжении, включали в состав инспекторских групп комиссий Главнокомандующего РВСН, выезжающих на итоговые проверки. Регулярность таких выездов в войска составляла два — три раза в месяц, от трех до десяти суток.

Ко всему сказанному, нужно было готовиться к выпускной сессии в академии, которая начиналась в апреле и завершалась вручением диплома об окончании в конце июня 1993 года. До этого времени мне нужно было определиться и с местом дальнейшей службы.

Почти месяц я прожил в той самой гостинице, у среднего пруда, где проживал, приезжая во Власиху в командировки. Израсходовав почти весь свой денежный запас на оплату жилья в гостинице, я понял, что так дальше быть не может, не протяну, о чем доложил начальнику Направления.

МОРОЗ Н. М. добился моего временного размещения в общежитии. В этот же день я перебрался рядом в пятиэтажное здание и поселился в двухместный номер на первом этаже, с многочисленными тараканами, сразу окрестив его «тараканником».

Моим соседом по номеру был веселый, неунывающий, заводной и закоренелый холостяк из Управления боевой подготовки РВСН капитан Валера ПОПОВ. Мы с ним нашли общий язык на поприще музыцирования на гитарах и исполнения бардовских песен.

Часто вечерами заходил в Дом офицеров к Юре СТРИЖКОВУ пообщаться и вспомнить курсантский репертуар песен. Иногда в выходные встречались у него дома в Одинцово, куда на проведение творческих музыкальных вечеров приходил с женой Людмилой еще один наш однокурсник по училищу и мой однокурсник по академии Виктор КОЗЛОВ. Все большие любители гитары, клавиш и советских добрых песен 70–80-х годов, исполняемых популярными ВИА «Песняры», «Самоцветы», «Цветы», «Веселые ребята», «Голубые гитары», «Добры молодцы», «Воскресенье» и многими другими ансамблями. Эти дружеские творческие встречи для меня в тот период были отдушиной в чужой Власихе.

По делам службы мне часто приходилось бывать с документами в 1-м служебном здании Главного штаба РВСН. Там я и встретил Галину Илларионовну ДУБРОВИНУ. Расспросив меня о родителях, о моей семье и службе, она предложила временно пожить у них, пока готовлюсь к выпускным экзаменам в академии. Их старшая дочь Татьяна была замужем за офицером, и они жили в своей служебной квартире на улице Солнечной. Младшая дочь Светлана только вышла замуж и жила у сватов рядом на Цветном бульваре, во Власихе.

Я с большой благодарностью принял приглашение и почти месяц, стараясь не на-доедать хозяевам, жил у ДУБРОВИНЫХ, разъезжая по командировкам и готовясь к последней академической сессии. В начале апреля я убыл в Москву на три месяца, сдавать выпускные экзамены и жил в академическом общежитии.

Я уже упоминал, что поступал и три года учился в Военно-политической орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменной академии имени В.И. Ленина. После распуска партийных органов в армии и на флоте и реформирования политорганов ее переименовали. Поэтому на последнюю выпускную сессию мы ехали и заканчивали уже Гуманитарную орденов Ленина и Октябрьской Революции Краснознаменную академию Вооруженных Сил (ГАВС). Без имени В.И. Ленина.

Ушли в историю должности заместителей командиров по политической части, пропагандистов, секретарей партийных комитетов и комитетов ВЛКСМ. Вместо них были введены должности помощников командиров по работе с личным составом, психологов, социологов, специалистов по правовой работе, офицеров по организации досуга и организации общественно-государственной подготовки.

Родное Львовское высшее военно-политическое ордена Красной Звезды училище было отдано Министерству обороны Украины вместе с Боевым Знаменем училища под Общевойсковую академию Вооруженных Сил Украины имени гетмана Сагайдачного.

Курсанты и преподаватели, не пожелавшие принимать Украинскую присягу, организованно поездом убыли из Львова в Москву и потребовали открыть факультет культуры и журналистики при Гуманитарной академии Вооруженных Сил, как правопреемника ЛВВПУ. И такой факультет при академии в 1992 году был открыт.

На сессии мы жили в 3-м корпусе академического общежития на Большой Пироговской улице. Здание, построенное по инициативе Максима ГОРЬКОГО, как дом — коммуна советских писателей, состояло из восьми корпусов, соединенных одним основанием, за что получило название «гребенка». Окна нашей комнаты выходили на исторический архитектурный ансамбль Новодевичьего монастыря. Его купола и башни, подсвеченные прожекторами, были сказочно красивы и привлекательны, особенно в ночное время.

Оторванные на длительное время от семей, взрослые дяди, они же и отцы, в звании подполковников и майоров, после возвращения с занятий в общежитие вели себя, как курсанты училища выпускного курса. Большинство слушателей продолжали культурную программу походов по театрам и концертным залам города Москвы. Меньшая часть, уставшая от экзаменов и культпоходов, вечера коротали в своих номерах общежития, устраивая застолья с карточными играми.

За углом здания общежития у кинотеатра «Спорт» стоял ларек с названием «Квас», где вопреки названию, с часа дня продавали свежее разливное пиво. Продавца пива Колю знали все в округе станции метро «Спортивная». От комнат, желающих попить пива, высыпались гонцы с банками и чайниками, занять очередь к открытию ларька. И мне пришла мысль описать в стихах наше общаговское житье заочников. Написал, а было это в апреле 1993 года. И вот что получилось:

*Солнце светит или дождь, мороз или ветер,
Коля пиво продает у кинотеатра «Спорт»
И толпа почтенно ждет порции на вечер.*

*В том строю увидишь ты с банками, канистрами,
Все сословия Москвы, жаждущих неистово.
Любят пенное врачи, бомжи и студенты,
Любят пиво от души и интеллигенты.*

*От звонка и до звонка вьются завсегдатаи-
Пьяные и рваные дядьки бородатые.
Разговор за жизнь ведут мужички у точки:
«Жаль ушли в историю все пивные бочки!»*

*Миша глупость напорол, свой закон издавши,
А теперь вот мерзни тут, пива не хлебавши.*

*Боря — ярый демократ,... с ним не лучше вышло-
За бесплатно водку жрет, эк, ему бы в дышило.*

*Раньше пили от души, аж в глазах мутнеет,
Кружка стоила гроши — двадцать шесть копеек!
Ну, а нынче посмотри, и скажи на милость,—
Пиво стоит семь рублей! Где же справедливость?»*

*Кто-то покрутил усы, кто-то почесал затылок,—
«Трудно стало. Эх, пивка б парочку бутылок!»
«Ну, уж этот-то товар,— молвил чуть поддатый,—
Судя по пятнадцать «рэ», забудешь навсегда ты!»*

*Слово за слово, народ продвигается к окошку.
Коля пиво продает, обсчитывая понемножку.
Круто стелется дымок сигарет дешевых,
Мужики сурово ждут, словно стая псов дворовых.*

*Балагурный зуд прошел, стрелки клонит к часу,
Притомились мужички у киоска с «Квас» — ом.
С Пироговки, от угла, вылетает масса
Слушателей ВПА (ныне кличут ГАВСом).*

*Рассступается толпа, Коля улыбается,
Пиво пенное рекой в банки разливается.
Разошлись по этажам в раз гонцы пивные—
Долго слышат москвичи песни удалые.*

*Пропоют «Интернационал», «Гимн Союза» вспомнят,
«Нэсе Галля..», «Ой, мороз!» дружный хор исполнит.
Мало пива, вот беда! Да закрыта точка!
«Что же делать, где же взять?» — думает заочник.*

*Практик, опытный боец, партией воспитанный,
Нарезает огурец, есть напой крепительный!
Ну, заочник, молодец, голова бедовая,—
Пироговка, это вам, не кольцо Садовое.*

*Кубков слышен дружный звон, крякнули, заели...
И опять по этажам мужики запели.*

*Правда, в хоре голосов, нет у них согласия.
Видно крепко мужички водочки наквасились.*

*Нет согласия в друзьях, разум затуманился,
Тот, кто вроде умным был, дураком представился.
И пошел гулять народ после песнопений,
Не хватает им еще на попу приключений.*

*«Я тебе, да ты мене. Уважаешь? Нет!?",
Бац!!! Въезжает с «фонарем» хлопец в туалет.
Все спортсмены, хоть куда, зачесались руки.
И слышны то здесь, то там разногласий звуки.*

*Кочевряжится народ, затуманив очи,
Только время их не ждет, уж прошло пол ночи.
Ближе к раннему утру страсти угасают.
Лишь в предбаннике друзья в «Преферанс» играют.*

*А на утро голова — будто чайник ротный.
Долго держит коридор запах винно-рвотный...*

*Нет, папаша, жить нельзя, так как свиньи в луже!
Уважение к себе, уровень культуры нужен.
Хоть и создана среда заочнику гадюшная,
Человеком быть всегда нам, ребята, нужно бы!*

Эти самиздатовские вирши быстро разошлись по этажам, где жили офицеры заочного факультета и возымели определенный успех. Призыв к уровню культуры был услышан. Вечерняя разгульность в общежитии несколько снизилась.

Экзамены за выпускной курс я сдал с оценками «хорошо и отлично». Единственный «трояк» получил по военному и международному праву. Государственные экзамены по дисциплинам: «Философия», «Социальная педагогика и военная психология», «Оперативное искусство и театры военных действий, тактика частей и соединений РВСН» сдал на «хорошо». Академию я закончил с «синим» дипломом. Еще с училища у нас ходила крылатая поговорка: «Лучше синий диплом и красное лицо, чем наоборот — синее лицо и красный диплом». К слову, за все время службы моими дипломами, что училищным, что академическим, никто из начальников так ни разу и не поинтересовался.

Мы готовились к выпуску. Офицерам — очникам выдали новую военную форму Вооруженных Сил России. Нам же было предписано пришить на повседневные кителя

золотые погоны от советской парадной формы цвета «морской волны» и надеть белые парадные рубашки, с черным форменным галстуком. Вот такой парадный форменный гибрид был у выпускников заочного факультета ГАВС 1993 года выпуска.

Вручение дипломов состоялось в торжественной обстановке в зале Музея академии. Каково было наше изумление, когда вместо синих и красных корочек дипломов, нам выдали, не поверите, черные! Расценить это можно было только, как издевательство и унижение офицеров-политработников со стороны руководителей государства, избравшего капиталистический путь его развития. Не зря ЕЛЬЦИН Б.Н. на первом Всеармейском офицерском собрании, прошедшем в Москве в 1991 году, обмолвился, что пока в России не будет уволен последний офицер, изучавший марксистско-ленинскую философию, новой армии ему не построить!?

И что же за армию построили за двадцать лет его последователи, особенно специалист по табуреткам А.Э. СЕРДЮКОВ, уволив, по-настоящему подготовленных боевых офицеров, служивших Родине «не за страх, а за совесть»?! К 2010 году армии и флота, как таковых, в Российском государстве не осталось. Сухопутная, морская и воздушная составляющие обороны страны открыты для всяк пожелавшего прийти в Россию «с мечом». Прикрывать границы стало не кем и не чем.

В сознании реформированных офицеров основополагающим мерилом стали денежные знаки и личное материальное благополучие. Социальные льготы за сложность и напряженность армейской службы, отличающие военных людей от гражданских, полностью отменены. Дошли до того, что предлагали внести поправку в закон, предусматривающий приобретение военнослужащими «юдашкинской» военной формы одежды, совершенно не адаптированной к суровым климатическим условиям необъятной России, у своего же государства и за свой счет, из средств получаемого ежемесячного денежного довольствия.

В верхних эшелонах Минобороны, возглавляемого А.Э. СЕРДЮКОВЫМ, процветает коррупция, воровство и дикий дилетантизм в военных вопросах. Их цель набить свои карманы за счет распродажи недвижимости, оставшейся от Советских Вооруженных Сил. Вооруженными Силами России сегодня управляют «пиджаки» с мебельным образованием, не служившие в армии, и сомнительные блондинки- девицы в коротеньких юбочонках, высокомерно и унижительно называющие людей в военной форме «зелеными человечками».

Единственным гарантом независимости России пока остаются, хотя изрядно пощипанные и сокращенные, но все же, Ракетные войска стратегического назначения. От сорока трех ракетных дивизий советского периода сегодня мы имеем лишь две-надцать. Хорошо, что не поддержали идею бывшего начальника Генерального штаба «пиджака» КВАШНИНА сократить РВСН до двух дивизий. Вроде бы, как у нас теперь нет врагов!? До поры, до времени, вероятные противники нас пока боятся. Но,

если и дальше руководством страны будет продолжаться уничтожение армии и флота, придется россиянам кормить на своей территории солдат армии чужого государства. Прошу прощения, отвлекся, наболело.

За месяц до выпуска из академии я решил написать прощальную выпускную песню, как при выпуске из Львовского училища была написана песня «Лейтенанты». Желание было, вдохновение в душе присутствовало, и я ее написал, назвав просто и коротко «Академия». Сокурсники ее одобрили. На выпускном застолье пришлось ее исполнять несколько раз. На бумаге мелодию не отобразить, а текст песни такой:

*Альма-матер позвала нас в путь-дорогу,
Поучиться вздумали еще немного.
Не хватило нам учебы в одной бурсе,
Принесло в Москву пройти ликбеза курсы.*

*Академия, академия!
И не Фрунзе ты, и не Ленина.
Лишь собачий ГАВС в имени твоем,
Наливайте, друзья, и о ней споем.*

*Вспомним Кубинку, где в «бой» шли с оптимизмом,
Вдохновленные марксизмом-ленинизмом.
Но не все достигли цели,— очень быстро
Сдав матрац, купив билет и вон со свистом.*

*Академия, академия.
Поступили сюда он, и ты, и я.
Пироговка, гирлянды огней в ночи,
Лужники, купола Новодевичьи.*

*Но, недолго продолжалась эйфория,
За неделю нам приелась теория:
Формы, методы, законы и обратно...
Ну, кому такую чушь слушать приятно.*

*Академия, академия.
Как-никак четыре года мучения.
И клянем тебя и ругаем мы...
О тебе будут нам еще сниться сны.*

*Академия, академия.
Где застолье друзей, где веселье.*

*Почему же тогда грусть сдавила грудь?
Уезжаем, друзья, всем вам в добрый путь!*

На этой грустной ноте мы и разъехались в разные концы необъятной России, к постоянным местам своей службы.

Пока я завершал обучение в академии, за три месяца в Направлении по работе с личным составом РВСН произошли некоторые положительные изменения. Во-первых, начальнику Направления Николаю Максимовичу МОРОЗУ было присвоено очередное воинское звание «генерал-майор». Во-вторых, Направление со штатом в 14 человек реформировалось в Управление по работе с личным составом РВСН, со штатом в 37 человек. В-третьих, в этом Управлении, после окончания академии, меня оставили для постоянного прохождения службы, назначив на должность старшего офицера в отдел воспитательной работы.

Я снова приступил к исполнению тех же обязанностей, какие исполнял в группе культурно-досуговой работы, но уже как штатный офицер Управления, за что получал денежное довольствие и был поставлен в очередь на получение служебного жилья.

За всю свою жизнь я ни разу по своей воле не летал на самолетах. Даже не знаю предполетной процедуры пассажира, летающего гражданской авиацией. Рожденный ползать летать не может. По сей день не понимаю, как эта груда металла летает и не машет крыльями. Зато на военных авиабортах налетался в командировке вдоволь. За два с половиной года службы в Центральном аппарате РВСН мне пришлось побывать во многих ракетных гарнизонах. Летал в Читу, в Дровянную, в Красноярск, в Омск, в Кострому. Трижды бывал в Капустином Яре и дважды на северном полигоне, в Мирном. Там, где жили и служили стратегические ракетчики. Везде, где бы ни был, встречал своих бывших сослуживцев или однокурсников по учебе.

Сразу же после назначения на должность меня включили в состав ГБУ (Группы боевого управления) Управления на ЦКП РВСН, в которую входили генерал-майор МОРОЗ Н.М., полковник КАЛАШНИК Е.В. и подполковник ИВАНОВ И.В. В боевой работе и боевых документах лучше КАЛАШНИКА Е.В. в Управлении никто не разбирался. Я был при нем и отвечал за «Рабочую карту начальника управления по работе с личным составом РВСН». На ее склейку и оформление уходило много времени. На командно-штабные учения или тренировки, которые длились от трех до пяти суток, мы брали в секретной части боевой чемодан, карту, средства химзащиты, получали оружие и убывали в «подземелье», как мы называли свой боевой пост на ЦКП РВСН.

В помещениях с лампами дневного освещения, которые светили искусственным, неживым люминесцентным светом днем и ночью, а также монотонно шумящим нагнетателем принудительной циркуляции воздуха, время на учениях тянулось медленно, в зависимости от развития событий по легенде учений. Каждое изменение обстановки

КАЛАШНИК Е.В. отражал в боевой документации, а я ее наносил на карту. На заслушивание Главнокомандующим РВСН генерал-полковником СЕРГЕЕВЫМ И.Д., генерал-майор МОРОЗ Н.М. забирал оформленную карту с собой в Главный зал ЦКП. Я оставался не загруженный боевой работой, отвечал на редкие телефонные звонки.

Скучая ночью, высиживая свою ночную смену на боевом посту, решил написать стихотворение на тему проводимых учений. И назвал его «Сон ракетчика на учениях».

*Сижу в подземелье и думку гадаю:
Кому это надо, зачем?- я не знаю.
Искречана карта значками кучнисто,
Враги наступают, сильны и плечисты.*

*Прорвали на Западе нам оборону,
Несем от ислаама на Юге урон мы,
На Дальнем Востоке полно желтолицых...
Сидим, ожидаем, что скажет столица?*

*Исстари известно Руси бездорожье,
Славна дураками Русь-матушка тоже.
Вот это забыли учесть супостаты,
Да душу большую России солдата!*

*Беснуйся противник в победном угаре,
Заплачешь ты скоро в ракетном ударе.
Отечество наше в беде не оставим,
И блоки ядрены все к цели доставим.*

*Добьемся победы, во что бы ни стало!..
Черт! Руку во сне голова отлежала.
Смотрю на часы,— к концу уж учения.
Зачем, для чего все эти мучения?*

*Стоят на посту ракетчики строгое,
Россия им верит, как будто бы в Бога.
А если пробьет час огня и лишений,
Запустим ракеты без этих учений!*

Генерал-майор МОРОЗ Н.М. человек оптимистичный, общительный, с прекрасным чувством юмора, кладезь нескончаемых анекдотов, с заслушивания из Главного зала ЦКП вернулся без настроения. Я ему прочитал только что написанное стихоплетство. Он от души посмеялся, забрал мой листок и снова ушел в Главный зал ЦКП.

Когда возвратился, сказал: «Ты всему руководящему составу Ракетных войск поднял настроение. И Главкому понравилось. Вложи листок со стихом в наш боевой чемодан».

Говоря о Николае Максимовиче МОРОЗЕ, его юморе и простоте в общении, вспоминаю случай, как я его встречал из отпуска на Курском вокзале в июле 1994 года.

Его заместитель полковник ЛЕБЕДЕВ Юрий Николаевич вызвал меня к себе в кабинет и поставил задачу: «Бери «Волгу» начальника и дуй на Курский вокзал, встреть нашего генерала и доставь его домой». И дал отправные данные по поезду, времени его прибытия и номеру вагона. Что я и сделал. Расписался, как старший машины, в автопарке в/части 75105 за черную «Волгу» ГАЗ-31029 и с водителем генерала — Виктором убыл в Москву.

Поезд с Украины прибыл по расписанию. Я отыскал окно купе, в котором знакомое мне лицо начальника крепкого телосложения что-то активно жестикулировало, размахивая руками. Ничего не разобрав в шуме вокзальной суэты, я подошел к дверям вагона. Из вагона спешно вышел весь красный от вагонной духоты и тяжелых чемоданов Николай Максимович, бросил поклажу мне под ноги и, толком не поздоровавшись, пулей побежал внутрь вокзала, на ходу крикнув: «Толя, жди!».

Минут через двадцать, когда перрон почти опустел, в дверном проеме вокзала, никуда не спеша, появился сияющий добротой генерал МОРОЗ. Он поздоровался со мной, как с самым родным человеком и неожиданно спросил: «Толя, ты когда-нибудь задницу десятитысячными купюрами подтирал?». Если помните, в то время мы зарплату получали в миллионах. Я такого факта не подтвердил. Тогда он продолжил: «А я только что вытер, так как в вокзальном туалете даже клочка газеты не нашлось». И поведал, как перед отъездом родные дали ему в дорогу домашнего молока и больших сочных южных груш из собственного сада. Поутру генерал все это кушанье и уничтожил. Не выбрасывать же. Пока ехал, молоко и груши, не совместимые для нормального пищеварения, вступили в закономерную реакцию. В животе генерала забурлило. А туалет за час до прибытия в Москву закрыли. Санитарная зона. Ты хоть генерал, хоть министр, проводница не откроет. Вот стоячески и терпел Николай Максимович, пока не прибыл в Москву на Курский вокзал. А тут с бумагой нестыковка получилась. Пришлось подрывать свое денежное благосостояние и направлять его на цели, на которые оно не предусмотрено. И такое в жизни бывает.

По приезду домой Николай Максимович заставил меня подняться с ним в квартиру и усадил за обеденный стол, заботливо сервированный руками его супруги Марины Николаевны, доброй и хлебосольной хозяйки дома. И пока я не попробовал всех украинских домашних разносолов, да под украинский борщ и горилку, во Власиху он меня не отпустил. Еще и в дорогу дали гостинцы для моих домочадцев.

События осени 1993 года, когда по распоряжению Президента ЕЛЬЦИНА Б.Н. прямой наводкой из танков расстреливали Дом Правительства Российской Федерации,

я встретил у телевизора, находясь в суточном дежурстве по Управлению. Эти кадры, когда в одночасье белоснежное и величественное здание с Государственными Гербом и Флагом превратилось в горящий дом с черными от копоти оконными проемами и стеклами. Мирное время, центр Москвы и такое! Увиденные телевизионные кадры меня потрясли. Уже прошли телевизионные кадры освещаемых событий, а на душе кошки скребли. За ночь дежурного бдения на бумагу самой легли следующие строки:

*Много песен о тебе, Россия, спето,
О душе, о человеке, кто в труде.
Я бы тоже спел, да только не про это,
Слишком много дураков у нас везде.*

*Знать, сильна Россия дураками,
Коль избрали путь себе во вред,
Развалив страну, причем все сами,
Ту, что процветала столько лет!*

*Дали волю, так крепи во благо
Родину, чтоб мирно жить во век.
Да, не тут-то было, Боже правый,
Затуманил разум русский человек!*

*И воюет, брат идет на брата,
Власть все делают, не на жизнь, на смерть!
Ухмыляются за океаном супостаты,
Радостно на бойню русских им смотреть.*

*Не живется без Царя народу,
Кнут и пряник сердцу большие мил.
Вновь хомут надел, видать природа!
А где горе, там мужик запил.*

*Ничего святого не осталось,
Деньги, шмотки полонили Русь,
Развратили душу с потрохами,
Где же ты есенинская грусть!*

*Стыдно, братья, мне смотреть на это.
Вырождаемся, ну разве не понять!
Обворованы, унижены, раздеты...
Зато сыта вся Царева рать.*

*Где же гордость, честь России сына?
Неужели продались чужим?
Нет, не верю в силу сатанины,
Будет наше время, мы Россию отстоим!*

*Чтобы без Царей и прихлебателей в палатах,
Жил народ свободно, мирно и легко,
Чтобы не стреляли по своим солдаты
По указке новоявленных Царьков.*

*Не глупец народ, да сбылся в стадо,
Разделился и давай лоб в лоб!
Неспроста, — кому-то это надо,
Чтоб Россия слыла кучей дураков.*

*Не пора ль за ум, славяне, взяться!
Сила духа, недра наши — все Россия-мать!
Выход здесь один — объединяться,
Чтобы кнут и жезл от дураков забрать.*

*Вся история народа — Ванька-встанька,—
Сколько гнули и ломали — не сломить!
Я за Русский дух, где Русью пахнет!
Вот за это, но без дураков, нам нужно жить!*

По известным причинам эти строки так и остались лежать в моей домашней творческой папке государева служащего. Прошло двадцать лет с того дня, как они были написаны. А мне все кажется, что они актуальны и сегодня, применительно к России начала 2000-х, неуклонно катящейся в пропасть деградации и полного развала, в угоду Старого и Нового Света.

Мне повезло в том, что не пришлось долго ждать жилья. Начальник отдела полковник КАЛАШНИК Евгений Владимирович получил дембельскую квартиру, а служебную, на улице Заозерной, в хрущевке старого жилого фонда, за его выездом, передавалась для моей семьи. Чему я был нескованно рад.

Нашим соседом по лестничной клетке оказался полковник ГОЛУБ Виктор Иванович, бывший заместитель командира 24-й Гвардейской ракетной дивизии, с которым мы были знакомы по службе. Он тоже получил по увольнению квартиру в Одинцове и, когда выезжал, оставил нам свой номер городского телефона, который я сразу переоформил на себя. Теперь у нас был свой домашний телефон. О плюсах его наличия в доме говорить не приходится.

С получением служебной квартиры генерал МОРОЗ Н.М. отпустил меня за семьи и домашними вещами в Белоруссию, ставшую ближним зарубежьем.

Статус Белоруссии, как ближайшего зарубежья, принес немало хлопот и проблем с заказом контейнера, его отправкой и получения в Москве. На помочь пришел бывший командир части полковник АВДЕЕНКО Евгений Михайлович. После увольнения в запас, он устроился на работу начальником отдела Гражданской обороны в администрации города Барановичи.

Благодаря своим бывшим сослуживцам, уволившимся в запас и оставшимся жить в военном городке в Лесной Анатолию Васильевичу БАРУТКИНУ, Анатолию Николаевичу ВЫГОНСКОМУ, Александру Павловичу ДЕГТЬЯРЕВУ, я загрузил и отправил контейнеры на станцию в Барановичи. Для их доставки пришлось заказывать в автопредприятии гражданский грузовик. Бывший главный инженер базы ликвидации, а теперь новоиспеченный командир белорусской части, подполковник ШЕСТАКОВ В.С. отказал мне, бывшему замполиту этой же части, в выделении личного состава для загрузки упакованных вещей и в помощи перевозки контейнеров военным транспортом.

В пустой квартире, по офицерской традиции, собирались на «отходную». На подоконнике Ирина накрыла импровизированный стол. От беготни, нервотрепки и физической усталости, накопившихся за дни упаковки вещей и добывания контейнеров, несколько выпитых рюмок коньяка меня разморили, и я уснул прямо на полу пустой квартиры.

Переночевав последнюю ночь в городке в квартире у ВЫГОНСКИХ, тепло прощались с соседями и направились на железнодорожный вокзал. До прихода поезда было достаточно времени, и мы решили потратить оставшиеся белорусские рубли, так называемые «зайчики». Стояла мягкая теплая золотая белорусская октябрьская осень, ласково светило солнце. На последние наши «заграничные» деньги Ирина убедила меня купить черный длинный плащ из кожзаменителя и черную кепку-бейсболку, с надписью «Белоруссия», только на английском языке. И она была права.

Из Белоруссии мы выезжали золотой осенью, а к Москве подъезжали в снежную зиму. За окном мела метель, кругом лежал снег. В Москве на перроне Белорусского вокзала пришлось одеть и новый плащ, и новую кепку, так как непрерывно шел крупный мокрый снег, и было достаточно холодно. В связи с неустроенностью и предстоящим переездом, старшего сына Андрюху мы отправили во Львов к бабуле Лере и деду Юре. Там он отучился в местной львовской украинской школе № 72 первую и вторую четверти. Поэтому на платформу «Перхушково» с сумками и чемоданами мы приехали втроем — я, жена Ирина и сын-дошкольник Сережка.

На автобусной остановке было много пассажиров, с нашим багажом было не втиснуться, и мы решили идти до Власихи пешком. Маленькие колеса дорожной коляски, загруженной чемоданами и сумками, взяли в свежих сугробах, снег налипал на очки.

Сережка, как колобок, еле плелся, держась за мамины руки. Не доходя до церкви в Бerezках, на шоссе остановился военный УАЗ. Ирина с сыном, захватив пару сумок, уехала. Спасибо тому офицеру за помощь. А я продолжил зимний путь со своей тяжелой поклажей. Семья ждала меня на КПП.

Переезд КАЛАШНИКА Е.В. с семьей с квартиры на квартиру затянулся на месяц. Нас снова выручили и приютили у себя в доме добрые люди, друзья и сослуживцы отца, ДУБРОВИНЫ.

В первый же день приезда Сережка, выпущенный погулять у дома, не зная городка, нашел приятеля и подался знакомиться с новым местом жительства — Власихой. Для нас, взрослых, он попросту потерялся. Около четырех часов по городку бегали в поисках сына и мы с Ириной, и хозяева ДУБРОВИНЫ, да так и не нашли. Потерявшийся пришел к дому сам, как и ушел.

В служебную квартиру в доме № 10 по улице Заозерной мы переселились в десятых числах декабря. Контейнеры «из-за границы», отправленные еще 21 октября, все шли. Вместо товарно-контейнерной станции Кунцево-2, наши вещи, проехав мимо Власихи, были направлены в Москву, в район Таганской площади, на контейнерную станцию, принимающую заграничные грузы. Сколько нервов потратили на этой станции!

Я в военной форме, с погонами подполковника, прибыл на военном грузовике забирать свой домашний скарб, изрядно потрепанный частыми переездами. Контейнеры на свой транспорт грузить не дают! Бери и оплачивай только их транспорт, приписанный к контейнерной станции. Оплатил, но их машину не брал.

Теперь контейнеры не отдают! Разгружай вещи под открытым небом, заполняй декларацию, чего везешь, показывай таможенникам, только потом увози. Прошел таможенников, снова заплатил, сам не знаю за что.

Заплатил дяде Васе, работающему на грузовом кране, чтобы все же загрузили контейнер на мою военную машину. Контейнер потребовали вернуть сегодня же до 22 часов. На часах восемь вечера, а мне еще нужно доехать до Власихи, разгрузить вещи и вернуться в Москву. Снова заплатил за то, что верну контейнер на следующий день, взяв ответственность на свой страх и риск. А бортовой ЗИЛ-130 уже был спланирован командованием автобазы на другие задачи следующего дня. Полная нескладушка!

Но и это еще не все мытарства. Находясь на МКАДе, еще задолго до поворота на Можайское шоссе, в нашем грузовике закончился бензин. В радиаторе залита вода, а на улице крепкий мороз. Больше часаостояли, голосуя, пока не остановился гражданский ЗИЛ. Водитель молодой парень, видимо сам только уволился из армии и понимал трудность нашей ситуации. Из бензобака своего грузовика он слил нам ведро бензина и даже денег не взял. После крохоборов и рвачей на московской контейнерной станции, из-за которых я чуть не потерял веру в человечество, это был подарок судьбы, напоминающий, что есть все же хорошие люди в нашем Отечестве.

Свой 35-й день рождения, 17 декабря 1993 года, я встречал вместе с семьей, в обустроенной служебной квартире. С воссоединением семьи служить стало легче и интереснее.

Завершив службу, уволился в запас полковник ГОРБОВСКИЙ Николай Иванович. Его место начальника отдела занял полковник КАЛАШНИК Евгений Владимирович. Следом за ГОРБОВСКИМ, в запас увольняется полковник ПЛЕСКАЧ Виктор Петрович — слиток мудрости, эрудиции, высокой человечности, выдержки и спокойствия. На его место заместителя начальника Управления назначили бывшего адъюнкта по академии МОРОЗА Н.М., полковника ЛЕБЕДЕВА Юрия Николаевича. К товарищескому ужину, посвященному увольнению Виктора Петровича, по просьбе сослуживцев, я написал следующие строки:

*Время-птица, летит так стремительно,
Что порою хоть плач.
Вот сегодня уходит на пенсию
Уважаемый Виктор Петрович ПЛЕСКАЧ.*

*Знаменательный день в жизни ратника,
Пробил час для ухода в запас,
И собрались на вечер соратники,
Чтоб поздравить с событием Вас.*

*Календарь отсчитал тридцать с лишним годов,
Службы путь был не легок, порою тернист:
Зам. ком. роты... начпо, зам. нач. ПУРа — таков,
Где бы ни был — порядочен, совестью чист.*

*С виду строг, недоступен, но душой — доброта,
Поднял на ноги многих политбойцов.
Продолжает науку в Ракетных войсках
Плеяда добрая его учеников.*

*«Дедом» в армии стал он давно, это факт,
Но подал бодрый голос Ванюшка — внук.
Дважды «Дед» — вам не просто так!
Продолжатель рода — не просто звук!*

*Время идет, продолжая отсчитывать век,
В строй вступает замена достойная.*

*Мы желаем Вам, дорогой Человек,
Счастья, здоровья, жизнь на гражданке спокойную.*

*Чтоб к цивильной жизни перейти порог,
Да чтоб начать с нуля ее, как надо,
Без задержки и финансовых морок
Заполучить обещанные Ельциным оклады.*

*Нам много доброго Вам хочется сказать,
Но речь пока свою мы прерываем.
За Офицера, уходящего в запас,
Всем Управленьем кубки поднимаем!*

Сегодня уважаемые ветераны ГОРБОВСКИЙ Н.И. и ПЛЕСКАЧ В.П. трудятся во благо РВСН, в Совете Межрегиональной общественной организации «Союз ветеранов — ракетчиков». Николай Иванович ГОРБОВСКИЙ является заместителем Председателя Совета МОО «СВР» генерал-полковника МУРАВЬЕВА Владимира Александровича. А Виктор Петрович ПЛЕСКАЧ стал бессменным редактором общественно-социальной газеты «Ветеран-ракетчик».

Накануне Нового года бабуля Лера привезла нашего сына Андрея из Львова. Семья была в полном составе. Настроение предновогоднее, приподнятое. Не было в доме только елки. Вечером стемнело и мы со старшим сыном, взяв ножовку, перешли по льду на другую сторону верхнего пруда и в лес, искать подходящую елку. Ходим, прислушиваемся, нет ли работников местного Пионерского лесничества. Штраф в наши планы не входил, хотя знали, что идем на вынужденное нарушение. Нашли занесенную снегом елочку, в темноте вроде быстрой и красивая. Только начали пилить, как в десятке метров от нас стукнул топор. Мы замолчали, и он замолчал. Мы пилим, и он рубит. На выходе из леса встретились с мужчиной, таким же охотником за новогодней елкой. Постояли, покурили, посмеялись, как друг друга напугались, приняв за обходчика-лесника.

В комнате елка оказалась однобокая и неказистая. Зато источала свежий хвойный аромат с морозца. Нарядили ее игрушками и блестящей мишурой, и она стала просто красавицей.

Новый 1994 год встречали весело, в тепле домашнего уюта, за праздничным столом у наряженной елки, не подозревая, что этот год для нашей семьи будет горьким и перевернет всю мою оставшуюся жизнь.

С открытием нового штата коллектив Управления по работе с личным составом РВСН прирос разными специалистами в области воспитательной работы, был дружен, умел активно трудиться и коллективом культурно отдыхать, отмечая государственные

праздники, юбилеи, присвоения очередных воинских званий. Вот и в этот раз инициативная группа готовились к проведению новогоднего вечера, как сейчас модно говорить, корпоративной вечеринки. Правда, настроение накануне Нового 1994 года нам изрядно подпортили.

Сверху пришло указание об очередном реформировании Управления снова в Направление, а значит и сокращении штатной численности. Только наладили работу, сформировали коллектив профессионалов своего дела, а тут сокращение. Кто останется, кого уберут, куда назначат? Снова за штатом! Вопросов было больше, чем ответов на них. В преддверии новогодних праздников генерал МОРОЗ Н.М. не стал раскрывать наших личных перспектив, оставив эти вопросы на начало нового 1994 года. И предложил проводить 1993 год в полном составе, пока еще Управления.

Отвечая за культурно-массовую часть праздника, я написал «Новогоднее поздравление Управлению» в стихах, которое огласил за товарищеским застольем у новогодней елки:

*Не успев воскреснуть вновь в роли Управления,
Старый год грозится нам снова Направлением.
Что ни год, то все реформы не обходят нас.
Не успеем укрепиться, «Реформировать!» — приказ...*

*Но не будем унывать в завершенье года,
Первый раз ли нам вкушать привкус горький плода!
Всем собрались Управлением, знать семьей единой,
Пожелать, чтоб были мы всегда непобедимы.*

*Так давайте же, друзья, в сторону заботы.
Яства стынут на столе, есть душевые работы!
На пороге Новый год-праздник самый лучший:
Смех и песни, хоровод возле елки кучей.*

*Дорогие сослуживцы! Мои братья — ратники!
Поздравляю с Новым годом вас, друзья — соратники!
Чтоб и в новом-то году, видеть те же лица,
Коллективом, без потерь, продолжать трудиться.*

*Чтобы счастье каждый дом не прошло сторонкой.
Чтоб здоровыми росли мальчишки и девчонки.
Чтобы женщины цвели, словно сад весенний,
Чтоб мужья их соблюли в ласке и веселье.*

*Бодрость духа, оптимизм каждому из вас.
Жизни доброй на гражданке, кто уйдет в запас.
За стабильность в государстве. По делам – оклады.
Не продуманных реформ больше нам не надо!*

Очень хотелось напоследок упомянуть каждого, кто проходил службу в нашем Управлении. А так как готовились к праздничному вечеру, и как-то нужно было поднять сослуживцам настроение, пришлось, дополнительно к стихотворному поздравлению подготовить сатирическую стенную фотогазету, размером 220 на 180 см. В ней упоминались все офицеры Управления, распределенные по знакам Зодиака, в соответствии с месяцем рождения. Предисловие газеты было следующим:

*Сквозь призму Гороскопа, под линзой микроскопа,
По щучьему велению, о лицах Управления.*

Дальше были нарисованы знаки Зодиака и размещены фотографии с подписями, характеризующими каждую личность, следующего содержания:

РЫБЫ: полковник ДОЛГАШОВ В.Ф., подполковник КРАСНОПОЛЬСКИЙ И.А., полковник СТРУКОВ С.М., старший прапорщик ЛЫЧ В.Я.

*Краснопольский, Струков, Лыч, да Василий Федорыч
Из семейства Рыбной стаи. И о них мы прочитаем.*

*Утром генерал Мороз задает всегда вопрос:
Где Василий ДОЛГАШОВ?- За газетами «уйшов».*

*КРАСНОПОЛЬСКИЙ – мастер слова, пишет вместе с Поляковым.
ОГП вплетает ловко в боевую подготовку.*

*Вова ЛЫЧ – матерый волк, в карате он знает толк.
Как поднялся свистопляс, получил он прямо в глаз.*

*Посидел у Долгашова, покурил у Полякова,
И к Морозову опять, – СТРУКОВ сел, продолжил спать.*

ТЕЛЕЦ: подполковник ВОРОНИН В.В.

*Телец спокойствием душевным
Снимает стрессы людям нервным.
С наукой Слава крепко дружен,
Психолог в части очень нужен.*

БЛИЗНЕЦЫ: полковник ГОРБАЧЕВ А.И. и подполковник КУЗОВКИН В.Н.

*А вот эти — Близнецы, знать ребята молодцы.
Хоть они и не похожи, мы о них напишем тоже.*

*Года три, как ГОРБАЧЕВ дым пускать бросает.
Как идет на перекур, так и обещает.
Все привыкли, как к родным, обещаньям этим.
Еще год, и юбилей мы достойно встретим.*

*А КУЗОВКИН, тот не так. Наш Валерий — весельчак.
Аnekдот загнет, да с матом. Очень нравится ребятам.*

РАКИ: полковник ЧЕРНЯВСКИЙ А.И., подполковник ПУТИВЦЕВ А.В., подполковник ИВАНОВ И.В.

*С детства знает и дурак, как клешней кусает рак.
Наши Раки — исключение. Прочитай стихотворения!*

*Чистый воздух в кабинете Саше мил на белом свете.
Лишь ПУТИВЦЕВ за порог, ИВАНОВ пустил дымок.*

*В полвосьмого начал дело, сразу ЭВМ запела...
К ночи, выкурив всю «Яву», к Леле он шагает браво.*

ДЕВЫ: полковник ГОРБОВСКИЙ Н.И., подполковник ОМЕЛЬНИК В.И.

*Маг, народный исцелитель. Только памятью страдает.
Деньги в долг берут у Вити, он об этом забывает.*

*Ветеран Ракетных войск Николай ГОРБОВСКИЙ!
Поздравление для Вас передаст Турковский.*

ЛЬВЫ: полковник МОРОЗОВ В.В. и подполковник РЯБЦЕВ В.Д.

*Круглолицы, плотны станом, в темноте, как два титана.
Наших Львов заметишь сразу. И о них напишем фразу.*

*Референдум под угрозой! Виноват во всем МОРОЗОВ.
Жириновский рвется к власти, — Управлению напасти.*

*Средь табачного тумана Вова РЯБЦЕВ пишет планы.
И зачем все это пане? Есть квартира же в Анапе!*

ВЕСЫ: генерал-майор МОРОЗ Н.М., полковник КАЛАШНИК Е.В., майор МИНГАЛЕВ А.В.

*А Весы – народ серьезный. Что ни чин, все дюже грозный:
Есть начальник управления, и отдела тоже есть,
Есть юрист. Его решением можно за решетку сесть.*

*Попадись, начешет нос генерал-майор МОРОЗ.
На весах он взвесит чаши и изменит судьбы наши.*

*Зря скрывает свой талант дядя Женя – музыкант.
Если в песне развернется, всяк цыган в друзья набьется.*

*Спорт – здоровье, это сила и не зря введен спортчас.
Лишь один от Управления отдувается за нас.
Есть вопрос: да, кто ж таков?
Это Саша МИНГАЛЕВ!*

СКОРПИОНЫ: полковник ЛЕБЕДЕВ Ю.Н., подполковник ПОЛЯКОВ В.А., подполковник СТЕНИН Е.М.

*Скорпионов в одну банку не сажай, не нужно!
В Управлении их трое, а живут ведь дружно!*

*Раз прошел по коридору, всем задач наставил гору.
Как проверит кельи наши, – Управление дружно «пашет».*

*Сам себе и продавец, сам себе дирекция, –
Не мешает лекциям мелкая коммерция.
И не стоит по ларькам вам, друзья, скитаться,
К ПОЛЯКОВУ заходи в триста восемнадцать.*

*Под началом СТЕНИНА есть финотделение.
Жаль, что у Евгения в кассе не фигения.*

СТРЕЛЬЦЫ: подполковник ТУРКОВСКИЙ А.Н. и подполковник ЕРЕМЕЕВ А.А.

*Вот Стрельцы. В четыре глаза, гладь очков затемнена.
И сидят они таз к тазу, разделяет лишь стена.*

*Бес попутал в темноте, своим глазам не верю я,
К кабинету от угла идет товарищ Берия!
В коридоре увидал, напугался лихо!
Ба! Да это же ТУРКОВСКИЙ! Ретируюсь тихо.*

*День над картою склонялся, и второй пером писал.
ЦКП обхочомался: для себя нарисовал!*

После зимних каникул в январе 1994 года старший сын Андрей пошел в 5-й класс средней школы им. А.С. Попова. Ирина устроилась на работу педагогом по классу фортепиано в филиал Лесногородской детской музыкальной школы, расположенный во Власихе. Сережка был при ней. Жена готовила его к школе. 1 сентября 1994 года младший сын готовился пойти в первый класс.

После десятидневной командировки в Костромскую 10-ю ракетную дивизию, где проводилась итоговая проверка комиссией Главнокомандующего РВСН, моя должность была сокращена. С 1 апреля 1994 года Управление переформировали в Направление, выведя нас в распоряжение. А с 5 мая этого же года и за штат. Задачи с нас никто не снимал, поэтому мы выполняли должностные обязанности, как было в штате Управления, чередуя с постоянными командировками. Уже будучи «никем», за период с апреля по июль 1994 года, я продолжал работать в комиссии Главнокомандующего РВСН по проведению итоговых проверок Красноярской 36-й ракетной дивизии, Серпуховского высшего военного командно-инженерного училища Ракетных войск и 161-й школы техников в Капустином Яре.

К дежурствам по 3-му служебному зданию и по Направлению по РЛС добавилось суточное дежурство в «Оперативной группе по Чечне». В воздухе уже витал дух начала первой военной кампании (читай Чеченской войны) на Северном Кавказе.

В конце июля 1994 года я вернулся из очередной командировки с полигона Капустин Яр, где под руководством начальника Управления боевой подготовки РВСН генерал-полковника МУРАВЬЕВА В.А. в течение недели мы проводили итоговую проверку 161-й школы техников.

3 августа у нас с Ириной была четырнадцатая годовщина совместной жизни. В выходной я поехал в Одинцово на вещевой рынок купить жене подарок. Купил и стоял на платформе в ожидании прибытия электрички. На платформу со стороны рынка высыпала разноцветная гурьба цыганок с детьми, и начали приставать к ожидающим электрички пассажирам. Две цыганки подошли ко мне и пристали, как назойливые мухи,— то позолоти ручку, то давай погадаю, то дай закурить. Я стоял столбом, не обращая на них никакого внимания. Тогда одна из них зло выпалила: «Ждет тебя беда. Умрет твоя жена. И очень скоро!», развернулась, тряхнув своими многочисленными цветастыми юбками, и скрылась в толпе.

Ее слова неприятно резанули слух. Но я старался не придавать значения сказанному цыганкой. Мало ли чего эти вороны в человеческом обличье накаркают, не получив выпрашиваемого вознаграждения.

В день свадьбы я вручил жене подарок и цветы. Ирина испекла торт, накрыла праздничный стол, откупорили бутылку шампанского и отметили семейный праздник.

Подарком к нашему семейному событию было решение Центральной жилищной комиссии РВСН о распределении трехкомнатной квартиры в новом строящемся доме на улице Заозерной. Сдавали одновременно два дома — № 18 и № 19. Полковник ДОЛГАШОВ В.Ф., стоящий первым на очереди, отказался от Власихи, желая получить квартиру только в Москве. Нас же устраивала Власиха. А я был следующим за ним на очереди.

После службы, прогуливаясь по улице Заозерной, заходили с Ириной в новостройки, посмотреть размещение трехкомнатных квартир. Там строители завершали внутреннюю отделку жилых домов. Еще не зная, в каком доме, и на каком этаже получим квартиру, мы строили планы, как обустроить свое новое жилье. Но этого не сбылось.

С 3 августа меня включили в группу по подготовке к встрече в Главкомате РВСН военной делегации американских ракетчиков. Встреча должна была состояться 29 августа 1994 года. На меня возложили организацию культурной программы, предусматривающей экскурсии по Кремлю — в Алмазный фонд и Оружейную палату, а также посещение балета в Большом Театре. Все это требовало согласований в высоких инстанциях, написания писем и заявок, приобретения необходимого количества билетов. Ко всему прочему, в традициях русского гостеприимства, было принято решение подарить американцам сувениры из Хохломы. С этой целью меня отправили на три дня в командировку в Нижний Новгород.

В Нижнем на железнодорожном вокзале меня встречал замполит ракетного арсенала «Суроватиха» подполковник КОТЕЛЬНИКОВ Сергей Александрович. На его служебном УАЗе мы вместе продолжили путь на север Нижегородской области, в город Семенов. Там находилась фабрика народных промыслов по производству предметов хохломской росписи.

11 августа с шестью большими картонными ящиками дорогих сувениров я прибыл обратно во Власиху. Все было организовано и готово к встрече американцев, но сопровождать приехавшую военную делегацию по культурной программе, мне было не суждено.

С каждым днем августа Ирине становилось все хуже и хуже. Внезапно нападала слабость, руки и ноги становились ледяными, проявлялась нервозность, и она начинала немного заговариваться. Пришло обращаться в нашу 7-ю Центральную поликлинику МО. Врачи внешне осмотрели ее, не делая никаких исследований, и по внешним

признакам направили в не ту больницу и не с тем диагнозом. А там врачи, принявшие Ирину, дали лекарства, несовместимые с настоящей, не выявленной ими болезнью.

25 августа Ирину положили на обследование в Центральную областную больницу на улице 8 Марта. 26 августа я приезжал к ней. Долго разговаривали в комнате для посетителей. Я обещал на следующий день, в субботу 27 августа, приехать к Ирине в больницу вместе с детьми, сразу после смены с дежурства по Направлению. Пока дети спали, я сменился с дежурства, зашел в магазин, купил фруктов, которые заказывала Ирина, и направился домой будить, кормить и одевать сыновей. В дверях квартиры торчал свернутый клочок бумаги. Это была телеграмма из больницы, где лежала Ирина. Прочитав ее, я сразу понял, что в наш дом пришла большая и непоправимая беда.

Ирина, которая разговаривала вечером с соседками по палате о нашем с детьми ее посещении, получив от медсестры лекарство (а врач убеждала, что пока идет трехдневное обследование, никаких лекарств ей давать не будут), утром не проснулась. В возрасте Христа, ей было 33 года, моя жена Ирина умерла. А дети остались без родной матери.

ДУБРОВИНЫ первые пришли на помощь. Ничего не говоря о случившемся детям, они забрали Андрея и Сергея к себе домой. О случившемся несчастье я сразу доложил своему начальнику генерал-майору МОРОЗУ Н.М. На помощь в организации похорон пришли и офицеры Направления. Все первые дни рядом со мной был, помогал и поддерживал КАЛАШНИК Евгений Владимирович, уволившийся в апреле этого года из Вооруженных Сил в запас.

Убитые горем первыми приехали, находящиеся в Киеве, мои отец и мама. Следом за ними родители Ирины с сестрой Юлианой из Львова. Из Печоры на помощь прилетел муж сестры Эдуард КОТОВСКИЙ, ставший для меня настоящим братом.

Вскрытие показало, что Ирина умерла от набухания и отека головного мозга. Из морга МОНИКИ мы с КАЛАШНИКОМ Е.В. поехали в прокуратуру города Москвы, где я написал заявление о расследовании дела. Обещали разобраться и сообщить. Но на свое заявление в прокуратуру о расследовании и наказании врачей, виновных в смерти жены, ответа я не получил по сей день, хотя прошло уже больше 20 лет. Прокурор дело замял. Оно, по всей видимости, задевало честь мундира, а вернее, врачебного халата, Центральной областной больницы. Принцип «рука руку моет» никто не отменял.

31 августа 1994 года Ирину похоронили на Лайковском кладбище, рядом с Власицкой. А 1 сентября младший сын Сережка пошел первый раз в 1-й «Е» класс.

Меня поразила черствость и жестокость чиновников в погонах, занимающихся вопросами распределения квартир. Буквально на другой день после похорон жены, меня вызвали в Административно-хозяйственное управление РВСН, где начальник АХУ полковник ПАНКРАТОВ Юрий Григорьевич сказал, как отрезал, что теперь у нас осталось трое членов семьи и трехкомнатная квартира нам не положена. Такому

подходу возмутился и мой отец, прослуживший 31 год в армии, из них 26 лет в РВСН. Он ходил в АХУ вместе со мной и присутствовал при этом разговоре.

Спасибо генерал-майору МОРОЗУ Николаю Максимовичу. Он нашел время на решение моей проблемы, лично обратившись к Главнокомандующему РВСН генерал-полковнику СЕРГЕЕВУ Игорю Дмитриевичу. После этого вмешательства, в порядке исключения и по причине переезда из Литвы на постоянное место жительства моих родителей, квартирный вопрос разрешился в мою пользу.

Я жил, как в тумане. По переменке на помошь приезжали отец Анатолий Степанович, мама Валерия Владимировна и Юлиана. Кроме общеобразовательной школы ребят нужно было возить в Лесной городок в музыкальную школу, где работала Ирина. Один бы я просто не справился. Из головы не выходила потеря Ирины, детей нужно было учить, кормить, одевать, обстирывать. Да и службу мою никто не отменял. Жизнь-то продолжалась.

Заместитель начальника Направления полковник ЛЕБЕДЕВ Юрий Николаевич перевелся на Лубянку, сменив ракетные эмблемы на зеленую пограничную фуражку. На его место из Читинской ракетной армии прибыл заместитель командующего объединения по воспитательной работе полковник ПОЛЕТАЕВ Александр Борисович. Мы уже были с ним знакомы по двум итоговым проверкам Читинской 53-й ракетной армии, где я был в составе комиссий по проверке ракетных дивизий в Чите-46 (п. Дровянная) и Красноярске-66 (п. 13-ти борцов). Еще тогда, в 1993 году, при встрече и знакомстве оказалось, что мы, каждый в свое время, были замполитами одного и того же командира — полковника АВДЕНКО Евгения Михайловича. ПОЛЕТАЕВ А. Б. с ним служил в трб Красноярской ракетной дивизии, а я на базе ликвидации ракет «Лесная».

КАЛАШНИКА Е. В. на должности начальника отдела воспитательной работы сменил полковник СЕЛЮНИН Анатолий Семенович, сыгравший большую роль в моем назначении во Власиху. Винницкая 43-я ракетная армия была расформирована и Анатолий Семенович с должности помощника командующего ракетной армии был переведен во Власиху начальником отдела воспитательной работы в Направление по работе с личным составом РВСН.

Оба мои новые непосредственные начальники по-человечески прониклись в мою сложную семейную жизненную ситуацию и первым делом перестали посыпать меня в командировки по войскам. Они нашли мне применение на месте. Направили в автомобильную базу для подготовки к учебно-методическим сборам Главнокомандующего РВСН и организации работ по оформлению уличной наглядной агитации части и автомобильного парка. Замом командира автобазы по воспитательной работе прибыл из 7-й ракетной дивизии из Бологое-4 мой однокурсник по академии подполковник КОРОЛЕВ Николай Викторович. Разговаривая на одном языке политработников,

совместно с бригадой художников и плотников, мы качественно и к сроку выполнили поставленную задачу.

В феврале 1995 года мне вручили ордер и ключи от трехкомнатной квартиры в доме № 18 по улице Заозерной, на последнем, десятом этаже. Я и сегодня там живу и никуда уезжать не собираюсь. Выше меня живет только «Карлсон, который живет на крыше». По горькой иронии судьбы, номер квартиры совпал с номером свидетельства о смерти жены — № 37.

Получив ключи от квартиры, в первый же вечер, после службы пошли с сыновьями смотреть свое новое жилье. После шести мест службы и четырнадцати жилых помещений, где мы жили, эта была настоящая светлая, новая квартира, с коридором на всю ее длину и балконом.

Рядом строился еще один новый жилой дом. Стрела подъемного крана с прожектором на ее конце проплыала в метре от нашего балкона, перемещая тяжелые панельные плиты. Полы из паркетной доски требовали шлифовки и покрытия паркетным лаком. Поэтому неделю по вечерам мы с ребятами провели на четвереньках, шлифуя полы в трех комнатах и коридоре наждачной бумагой, лакируя затем их паркетным лаком. Прошло еще три дня полного высыхания лака, и мы пошли проверить, что получилось в результате нашего труда. Полы блестели и радовали глаз. Андрей открыл балконную дверь и сразу вернулся, задав мне вопрос: «Пап, а где наш балкон?». Я вышел на балкон. Он, конечно, был на месте, но половина поручней ограждения были срезаны и искорежены, листы ЦСП расколоты. Оказалось, не совсем трезвый крановщик снес их стрелой своего подъемного крана. Хорошо, что балконная плита не сдвинулась. Строители восстановили балкон, но загубили наш труд в большой комнате и коридоре, исполосовав лакированное покрытие тяжелым электросварочным аппаратом.

Для помощи в переноске вещей в новую квартиру приехал мой отец. Упаковав на житое, на санках и в руках, вместе с сыновьями мы переносили пешком все вещи на десятый этаж, за исключением пианино и холодильника. Лифт еще долго не работал. Отец в свои 60 лет таскал тяжести на десятый этаж без перекуров. Я же сегодня, в свои «за пятьдесят», если лифт не работает, без ноши добираюсь до своей квартиры с остановкой для отдыха на середине пути. Привыкли мы к тепличным условиям и чуду техники — лифту. Все же родители наши были духом сильнее и физически выносливее.

На семейном совете, исходя из создавшейся жизненной ситуации, было принято решение, что отец с мамой оставляют навсегда Литву и переезжают из Шяуляя ко мне во Власиху, помогать поднимать внуков и одновременно ждать получения квартиры в городе Арзамасе. После увольнения в 1984 году из армии отец встал в военкомате на очередь, желая переехать на свою малую родину, откуда призывался.

Поработав в системе гражданской обороны, отца назначили председателем ГК ДОСААФ города Шяуляя, где он успешно трудился на поприще военно-

патриотического воспитания молодежи и подготовки ее к службе в Вооруженных силах, вплоть до выхода из ее состава Литвы и раз渲ла СССР. За высокие достигнутые результаты в системе ДОСААФ через республиканский военный комиссариат Литвы ему было присвоено очередное воинское звание «полковник». На размер пенсии и льготы это не повлияло, но моральный стимул придало и общественный статус повысило.

С расколом компартии Литвы отца избрали вторым секретарем Шяуляйского городского комитета партии (на платформе КПСС). С приходом к власти литовских националистов «Саюдиса» компартия в Литве была запрещена и поставлена вне закона. Первых лиц ЦК и ГК посадили в тюрьмы, как врагов свободной и независимой Литвы. На остальных активистов пошли гонения и унижения. Сполня досталось и отцу. Он остался без работы. Пришлось полковнику запаса пойти в охранники ВОХР на военный продовольственный склад Прибалтийского военного округа, подлежащий расформированию и выводу с территории Литвы. И тут случилось несчастье с Ириной.

За 18 лет службы и гражданской жизни, проведенные в Шяуляе, родителями был достигнут определенный уклад жизни, широкий круг старых добрых дружеских связей сослуживцев. Они имели трехкомнатную квартиру со всеми удобствами в центре города, полученную от Министерства обороны СССР. В десяти минутах ходьбы личный гараж в гаражном кооперативе. В четырех километрах от дома на окраине города дачка — свой участок с грядками, плодоносящими фруктовыми деревьями и маленьким домиком для летнего отдыха.

Все строилось и создавалось своими руками годами, в том числе и с нашей помощью. Теперь все нажитое отцу с мамой предстояло за бесценок продать или бросить, и переехать ко мне вместе с мебелью и домашним скарбом. Почти двадцать лет создавали, а распродали за бесценок и выписались за три месяца.

Все эти три месяца я оставался один со своими «сорванцами». Что Андрей, что Сергей были ребятами веселыми. Отличие лишь одно: старший Андрюха всегда проявлял себя открыто и попадался на своих проделках, а младший Сережка был тихий хулиганишка, натворит, и не поймешь, кто это сделал. Партизан, да и только. Натерпелся я с ними, даже о службе в тот период нечего сейчас вспомнить. Они все заполонили. Один в пятом, другой в первом классе. Только успевай за ними присматривать!

Утром пока разбужу одного, второй, уже разбуженный, снова заснул. Пока умоются, оденутся, позавтракают, можно до канадской границы доскакать. Инструктирую старшего, чтобы брал за руку младшего и вел с собой в школу. Броде все понял. Выглядываю с балкона, провожая в школу, из подъезда выходят вместе, а дальше каждый своей дорогой. Сам бегу на службу. Генерал-майор МОРОЗ Н.М. пошел на встречу, разрешив мне до приезда родителей после обеда заниматься детьми,

Встретив из школы, покормив обедом, на перекладных добирались до музыкальной школы в Лесной городок. Там у каждого по два-три урока и обратно автобусами и электричкой домой. Готовлю ужин, проверяю, а вернее делаем уроки с обоими. И так каждый день, до приезда родителей. Хорошо в квартире был свой домашний телефон. Хоть как-то контролировал сыновей, если они оставались одни дома. А если они одни дома, то я на службе сидел, как на иголках.

В очередной раз, возвращаясь со службы, у подъезда дома на меня накинулась группа возмущенных собственников личного автотранспорта. Когда разобрался в чем дело, оказалось, что Сережка, взяв магнитофонную кассету, привязывал к ленте пустые бутылки из-под лимонада и пива, медленно спускал их, спрятавшись на балконе, а потом, на уровне 7-го этажа резко дергал. Магнитофонная лента, растягиваясь, рвалась, и бутылка падала под балконами на асфальт или на газон. В данном случае под балконами стояла видавшая виды, но свежеокрашенная, для продажи, светло-серая «Волга». На крыше этого авто красовались четыре заметныхмятины. Это было дело Серегиных рук. Скандал был большой. Пришлось оплачивать выравнивание крыши и покраску машины.

15 мая 1995 года на своем голубеньком «Жигуленке», в сопровождении грузового длинномера КамАЗа с домашними вещами, ворота КПП Власихи пересекли мои родители — ЕРЕМЕЕВЫ Анатолий Степанович и Валентина Николаевна.

Обставив квартиру мебелью двух семей, начали налаживать новый уклад жизни. Родители прописались в моей квартире. Мама занималась домашним хозяйством, готовила, стирала, убирала. Отец занимался мелким ремонтом и возил на своей машине детей в музыкальную школу, бурча по возвращении за их частые двойки и тройки. Я выполнял свои служебные обязанности, находясь в очередном распоряжении командаира в/части 41466, т.е. генерал-майора МОРОЗА Н.М.

Отец не мог сидеть без дела, это было не в его характере. Вскоре он устроился на работу охранником в МЭСИ. Сутки дежурит. Трое суток дома. Трудоустроиться ему помог Евгений Владимирович КАЛАШНИК, после увольнения ставший начальником службы безопасности института. В одну смену с отцом заступал тоже политработник, бывший офицер Политуправления РВСН, полковник в отставке СУХИНА Григорий Алексеевич. Они быстро нашли общий язык.

17 декабря 1994 года исполнялось 35 лет со дня образования вида Вооруженных Сил — Ракетных войск стратегического назначения. К празднованию этой даты стратегические ракетчики серьезно готовились. Используя хорошие связи с руководством Балабановской спичечной фабрики, генерал МОРОЗ Н.М. договорился о выпуске пяти тысяч сувенирных спичечных наборов с ракетной символикой и видами Власихи. К этому времени из типографии подоспела книга писателя Карема РАША, живущего во Власихе, с громким названием «Стратеги». Все это добро было занесено

в пустующий кабинет Направления по воспитательной работе. Меня назначили старшим за их распространение по управлению и службам Центрального аппарата РВСН, частям центрального подчинения и отправке по войскам, к празднику. Так я дослужился до нештатного заведующего складом готовой продукции, одновременно являясь и продавцом.

Последними моими заштатными мероприятиями в Направлении воспитательной работы, в которых я принимал непосредственное участие, были — презентация книги Героя Советского Союза генерала армии МАКСИМОВА Ю.П. «Записки бывшего Главкома стратегических», которая состоялась 4 мая 1995 года в лекционном зале Дома офицеров РВСН. А так же подготовка и проведение торжественных мероприятий, посвященных 50-летию Великой Победы, проводимых по плану Главнокомандующего РВСН.

А далее произошло следующее.

Майор СТЕПКИН Владимир Петрович, девять месяцев назад прибывший из ракетной дивизии в Казахстанском Жангизтобе на должность начальника Дома офицеров РВСН, не оправдал доверие Командования РВСН. Его сняли с должности после заслушивания на Военном Совете РВСН. В июне 1995 года он увольнялся досрочно в запас.

Меня на беседу вызвал генерал-майор МОРОЗ Н.М. и предложил занять эту должность. Я с радостью согласился. Пусть штатно-должностная категория «подполковник» и разряд невысокий, зато без выездов в командировки, работа творческая и рядом с домом. Для выпускника Львовского ВВПУ стать начальником Дома офицеров РВСН — головного военного учреждения культуры в Ракетных войсках стратегического назначения, было верхом мечтаний. Никогда в жизни и не думал, что дослужусь до такого назначения. Выше по статусу военного учреждения культуры в Вооруженных Силах России был только ЦДРА имени М.В. Фрунзе.

Дом офицеров РВСН, он же войсковая часть 33203, стал последним местом моей армейской службы. Возглавлял я его в течение семи лет и четырех месяцев, до октября 2002 года.

Глава 12

ПОСЛЕДНЕЕ МЕСТО СЛУЖБЫ. ДОМ ОФИЦЕРОВ РВСН

Большую роль в моем назначении на должность начальника Дома офицеров РВСН сыграл бывший его начальник подполковник запаса МЕДВЕДЧУК Петр Минович. Его я знал еще по училищу, как старшего товарища, на три года старше курсом. На львовские парады ходили вместе. Я с барабаном, а он в роте почетного караула с карабином. В 1977 году я был участником выпуска, в составе которого был и новоиспеченный лейтенант МЕДВЕДЧУК П.М.

Встретились мы с Петром Миновичем через шестнадцать лет после училища во Власихе. Уволившись в запас с должности начальника Дома офицеров РВСН, Петр Минович занялся предпринимательством, создал «Центр поддержки военнослужащих РВСН». Он был в дружеских отношениях с Главнокомандующим РВСН генерал-полковником СЕРЕГЕЕВЫМ И.Д. и его заместителем по работе с личным составом генерал-майором МОРОЗ Н.М. После снятия с должности и увольнения майора СТЕПКИНА В.П. Петр Минович предложил МОРОЗУ Н.М. мою кандидатуру на эту должность. Главком РВСН поддержал его предложение и сначала утвердил меня «временно исполняющим должность» начальника Дома офицеров РВСН — командира войсковой части 33203.

1 июля 1995 года в лекционном зале Дома офицеров РВСН, где были собраны все военнослужащие и гражданский персонал части, заместитель начальника Направления по работе с личным составом РВСН полковник ПОЛЕТАЕВ Александр Борисович зачитал приказ Главнокомандующего РВСН о моем назначении на должность начальника Дома офицеров и представил коллективу.

За два с половиной года службы в 3-м служебном здании в Управлении по работе с личным составом РВСН коллектив Дома офицеров знал меня уже достаточно хорошо и воспринял назначение в должности начальника в целом положительно.

Никаких кадровых перестановок я делать не стал, чтобы не будоражить переме-нами женскую часть коллектива, составляющую подавляющее большинство Дома офицеров. Надо было присмотреться к каждому сотруднику, кто и на что способен,

чего стоит. Одно дело, когда я часто приходил в этот коллектив в должности старшего офицера Управления по работе с личным составом РВСН, решая служебные задачи, или же, во внеслужебное время, гостем своего однокурсника и товарища — заместителя начальника ДО РВСН Юрия Валентиновича СТРИЖКОВА. Другое дело — быть начальником и организовывать работу всего этого коллектива по культурно-досуговому обслуживанию главного ракетного гарнизона. А по методической работе культурно-досуговой работы, то и всех военных учреждений культуры Ракетных войск.

Для активного начала своей работы в Доме офицеров необходимо было дать толчок-встряску в виде проведения масштабного мероприятия, в подготовке и проведении которого были бы задействованы все работники — и творческие и хозяйственные. И на это мероприятие пригласить первых лиц Ракетных войск. Поэтому, одновременно с приемом дел и должности, мы начали подготовку вечера-встречи «Честь имею», посвященного молодым офицерам, прибывшим, после окончания военных училищ, служить в воинские части центрального подчинения Главного штаба РВСН.

27 июля 1995 года в торжественной обстановке в уютном зале офицерского собрания, с сервированными чайными столиками и мягкими креслами, такое мероприятие было успешно проведено. Участвовало пятьдесят человек. Можно было пригласить и большее количество людей, но размеры зала не позволяли сделать этого.

На вечер, проводимый по типу телепередачи «От всей души», были приглашены десять семейный пар молодых офицеров и несколько лейтенантов-холостяков. В мероприятии также приняли участие Главнокомандующий РВСН генерал-полковник СЕРЕГЕЕВ Игорь Дмитриевич, начальник Управления кадров РВСН генерал-лейтенант ПАНИН Илья Григорьевич, заместитель Главнокомандующего — начальник Направления по работе с личным составом РВСН генерал-майор МОРОЗ Николай Максимович, начальник Управления культуры ГУВР Вооруженных Сил РФ полковник МАЛЕВ Леонид Иванович.

Активное участие в вечере приняли командиры местных частей центрального подчинения с женами, прибывшие на встречу с молодыми лейтенантами. Это — начальник ЦУС РВСН генерал-майор ЧЕРНУХА Николай Иванович, начальник автомобильной базы полковник ПРИХОДЬКО Александр Иванович, командир отдельного батальона противодиверсионной борьбы, воин-интернационалист подполковник МЕЛЬНИКОВ Леонид Анатольевич, заместитель начальника 25-го ЦВКГ РВСН полковник МИРЕЦКИЙ Олег Константинович и еще три семейные офицерские династии.

В ходе вечера перед собравшимися участниками выступили Народная артистка России Лариса ГОЛУБКИНА, Заслуженный артист России Леонид СЕРЕБРЯННИКОВ, артист, поэт-песенник Симон ОСИАШВИЛИ, Народный поэт Дагестана Расул ГАМЗАТОВ и ведущий телепередачи «Аты-баты» Игорь СЕРЕБРЯКОВ. Вели вечер Заслуженный артист России Николай Владимирович СУЧКОВ и завуч школы имени

А.С. ПОПОВА Галина Викторовна СИНИЦИНА. Неоценимую помощь и материальную поддержку в подготовке и проведении вечера оказал Петр Минович МЕДВЕДЧУК. Вечер-встреча прошел, как говорят, «на ура». Мероприятие было показано по Центральному телевидению. Командование РВСН проделанную работу оценило положительно. И 2 августа 1995 года приказом ГК РВСН № 0214 я был назначен начальником Дома офицеров РВСН, уже без приставки «врио».

Для меня же самым главным было на деле убедиться, что коллектив Дома офицеров работоспособный, энергичный, творческий, деловой, готовый к качественному выполнению задач, стоящих перед ведущим учреждением культуры Ракетных войск. Цель была достигнута.

Командовать частью или учреждением, не зная его истории и традиций, было бы неправильно. К сожалению, исторического формуляра до меня не велось и разобраться, что же было раньше, чем жил до этого времени Дом офицеров РВСН, не было возможности. Поэтому после рабочего дня, засиживаясь до позднего вечера в служебном кабинете, с ручкой в руках и бумагой на столе, я постепенно изучил весь архив из 37 томов книг приказов по части, делая необходимые выписки для себя.

Оказалось, что в апреле 1960 года в составе Главного штаба РВСН был сформирован Гарнизонный Дом офицеров, который до октября 1964 года выполнял задачи культурного обслуживания военнослужащих и членов их семей, живущих во Владикавказе. Возглавлял ГДО фронтовик подполковник ЛЕЙЧЕНКО Александр Евдокимович. Само здание ГДО находилось в переоборудованном помещении бывшей конюшни, расположенной рядом с комплексом зданий бывшего помещичьего имения. Там позже разместились службы АХУ РВСН и детская музыкальная студия Дома офицеров РВСН. Ныне — за сгоревшим торговым центром. Сегодня этого здания, т.е. бывшего ГДО, уже нет.

15 марта 1963 года состоялось закрытое заседание Президиума ЦК КПСС, на котором было принято постановление «Об устранении недостатков в материально-бытовом обеспечении, культурном обслуживании и состоянии политico-воспитательной работы с личным составом РВСН». Во всех формированиях Ракетных войск, наряду с органами управления, боевыми и специальными подразделениями, создавались и военные учреждения культуры. В связи с этим возникла необходимость в информационно-методическом центре культурно-просветительной работы Ракетных войск стратегического назначения. Поэтому в соответствии с требованиями директивы Генерального штаба Вооруженных Сил СССР от 3 июля 1964 года и директивы Главного штаба РВСН от 24 августа 1964 года на базе Гарнизонного Дома офицеров был сформирован Дом офицеров Ракетных войск стратегического назначения — войсковая часть 33203, со штатом почти в двести человек! Одновременно, в течение 1962–1964 годов строилось новое, современное здание Дома офицеров РВСН.

Формирование Дома офицеров РВСН завершилось 30 октября 1964 года с выходом приказа № 1 первого начальника Дома офицеров подполковника ЛЕЙЧЕНКО Александра Евдокимовича об его открытии. Поэтому дата 30 октября стала Днем годового праздника части и закреплена в соответствующей директиве ГШ ВС.

В марте 1965 года прежнее помещение ГДО было передано под клуб воинской части, а коллектив Дома офицеров РВСН, переехал в новое здание. Подполковник ЛЕЙЧЕНКО А.Е. руководил ДО РВСН в течение 9 лет — с 1964 по 1973 год. 26 октября 1973 года он убыл к новому месту службы. Однако и в дальнейшем продолжал активно трудиться в области культуры, за что был отмечен правительственный наградой — орденом «Знак Почета», а в 1978 году ему присвоено воинское звание «полковник». Скончался Александр Евдокимович 30 октября 2000 года — в день празднования 36-й годовщины образования Дома офицеров РВСН.

В дальнейшем начальниками Дома офицеров Ракетных войск были следующие офицеры:

С октября 1973 по декабрь 1987 года, в течение 14 лет, Домом офицеров руководил полковник ЦЫБОВ Петр Георгиевич. Тоже участник Великой Отечественной войны. При нем Дом офицеров расцвел в полную силу. На площади Дома офицеров был установлен памятник В.И. ЛЕНИНУ. По периметру площади были высажены красные розы. Справа, где сейчас стоят ракеты, был установлен самолет, в котором для детей показывали мультфильмы. 2 декабря 1987 года Петр Георгиевич уволился по возрасту. 28 октября 2012 года Петр Георгиевич отметил свой 85-летний юбилей. Сильно болел. Можно ли подумать, более двадцати лет он был прикован к постели! Но всегда звонил по телефону и интересовался новостями жизни творческого коллектива. 5 декабря 2012 года, в день 70-й годовщины начала контрнаступления советских войск под Москвой, перестало биться сердце Петра Георгиевича ЦЫБОВА. Коллектив ветеранов-сослуживцев и мы, коллектив Дома офицеров РВСН, проводили его в последний путь.

27 декабря 1987 года Дом офицеров возглавил молодой и энергичный подполковник МЕДВЕДЧУК Петр Минович, прибывший с должности начальника Дома офицеров северного ракетного полигона «Плесецк». Он сразу провел ревизию и коренную перестройку Дома офицеров, и работу всего творческого коллектива поставил на новый, более современный лад. Не все привнесенное им понравилось новому начальнику Политуправления Ракетных войск генерал-полковнику РОДИНУ Виктору Семёновичу. Как говорят, «нашла коса на камень». В апреле 1992 года Петр Минович был переведен в распоряжение Главнокомандующего РВСН, а затем досрочно, без пенсии, уволился в запас. Сегодня МЕДВЕДЧУК П.М. руководитель-предприниматель, работает в Москве. Мы с ним живем во Власихе на улице Заозерной в одном доме, только в разных подъездах.

2 апреля 1992 года начальником Дома офицеров РВСН был назначен подполковник БАРАБАШ Олег Владиленович. Он был однокурсником Петра Миновича. До этого, в течение десяти лет он уже проходил службу в Доме офицеров на должностях: начальника отдела культурно-художественной работы, начальника отдела пропаганды и военно-массовой работы — заместителя начальника Дома офицеров РВСН. Но возглавляя учреждение культуры он сравнительно недолго. Коммерческая жилка взяла верх над культурной и, по его личному желанию, 15 июня 1994 года подполковник БАРАБАШ О.В. был уволен из Вооруженных Сил в запас. Он открыл собственное дело во Власихе и занялся предпринимательской деятельностью. Он успешно развил собственный бизнес, но время для этого направления работы было жестокое. Нужно было делиться с бандитами-рекетерами. Он работал честно и с криминалом не хотел иметь дела. 13 марта 2000 года Олег Владиленович трагически погиб у подъезда своего дома № 13 на улице Заозерной, средь бела дня, припарковав машину, на глазах у маленькой дочери, от рук заказного убийцы одной из подмосковных ОПГ.

1 августа 1994 года начальником Дома офицеров РВСН был назначен майор СТЕПКИН Владимир Петрович, прибывший с должности начальника ДКРА Жангизтобинской ракетной дивизии. Не прослужив и года в этой должности, в июле 1995 года решением Военного Совета РВСН он был снят с должности и уволен из Вооруженных Сил в запас.

Его-то я и сменил, переступив 1 июля 1995 года порог центрального военного учреждения культуры Ракетных войск стратегического назначения.

Должность начальника Дома офицеров РВСН оказалась не только командно-административная, художественно-творческая и одновременно хозяйственная, но и, я бы сказал, в какой-то мере, дипломатическая. Дело в том, что по руководящим документам начальник Дома офицеров РВСН напрямую подчинялся Главнокомандующему Ракетными войсками, а его непосредственным начальником являлся заместитель Главнокомандующего — начальник Управления по работе с личным составом РВСН. Вместе с тем, «ЦУ» (ценные указания) и задачи в адрес начальника ДО РВСН поступали от весьма многочисленного генералитета из числа заместителей Главнокомандующего, начальников управлений и служб, в том числе и начальника гарнизона. Проигнорировать их, сославшись на подчиненность двум указанным первым должностным лицам, было бы губительным для себя и неправильным вообще.

За семилетнюю службу на этой должности мне довелось общаться со многими воинскими начальниками Центрального аппарата РВСН. И со всеми с ними сложились добрые и порядочные служебные отношения. Достаточно сказать, что руководил я Домом офицеров РВСН при двух Главнокомандующих РВСН — генерале армии СЕРГЕЕВЕ Игоре Дмитриевиче (1995–1997 г.г.), генерале армии ЯКОВЛЕВЕ Владимире Николаевиче (1997–2001 г.г.) и, после перевода РВСН из вида в род Вооруженных Сил

РФ, при командующем РВСН генерал-полковнике СОЛОВЦОВЕ Николае Евгеньевиче (2001–2002 г.г.).

Непосредственными моими начальниками были четыре заместителя Главкома РВСН — начальники Управления воспитательной работы РВСН. Это генерал-лейтенант МОРОЗ Николай Максимович (1995–1997 г.г.), генерал-лейтенант ХОМЕНКО Иван Егорович (1997–2001 г.г.), генерал-майор КАЛИНИЧЕНКО Николай Иванович (2001–2002 г.г.) и полковник СЕЛЮНИН Анатолий Семенович (с марта по октябрь 2002 года).

Только добрые слова могу сказать о службе при начальниках Главного штаба РВСН — генерал-полковнике КОЧЕМАСОВЕ Станиславе Григорьевиче, генерал-полковнике ЕСИНЕ Викторе Ивановиче, генерал-полковнике ПЕРМИНОВЕ Анатолии Николаевиче и генерал-лейтенанте ХУТОРЦЕВЕ Сергее Владимировиче.

Без постоянного взаимодействия и поддержки со стороны начальника гарнизона успешно организовывать работу Дома офицеров РВСН было бы весьма сложно. За период с 1995 по 2002 годы мне довелось послужить с тремя заместителями начальника Главного штаба РВСН — начальниками Власихинского гарнизона — генерал-лейтенантами ГЕРАСИМОВЫМ Валентином Петровичем, КОЗЛОВЫМ Александром Васильевичем, СУББОТИНЫМ Алексеем Гавrilovichem и бессменным их заместителем полковником БАЛАГАНСКИМ Виктором Алексеевичем. Это были настоящие старшие товарищи и помощники в работе Дома офицеров. За что им огромное спасибо!

Самые добрые слова хочется сказать командирам частей центрального подчинения и их заместителям по воспитательной работе. Сегодня во Власихинском гарнизоне осталась одна, объединенная с расформированными частями, войсковая часть 95501, под командованием полковника ВДОВИНА Виктора Викторовича, и Центральный узел связи РВСН. А в мое время находилось тринадцать отдельных воинских частей центрального подчинения, выполняющих специфические задачи по обеспечению жизни и деятельности Главкомата и штаба РВСН. Только в тесном взаимодействии и товарищеской взаимопомощи с ними Дом офицеров мог успешно выполнять поставленные задачи. И, в то же время, все мероприятия частей гарнизона проводились в стенах Дома офицеров, где военнослужащие ЧЦП и их семьи чувствовали себя, как в родном доме. А так и должно было быть.

Не могу не упомянуть командиров и офицеров-воспитателей, с кем посчастливились служить в главном гарнизоне стратегических ракетчиков — Власихе в период с 1995 по 2002 годы. Среди них, генерал-майор ЧЕРНУХА Николай Иванович, полковник СОЛНЦЕВ Михаил Викторович, полковник ФИСУНОВ Алексей Иванович и подполковник МОЗЫРКО Федор Михайлович (ЦУС РВСН, в/ч 33790). Полковник ГРЫЗУНОВ Георгий Захарович, майор ВДОВИН Виктор Викторович, майор ГОРЯЧЕВ Александр Геннадьевич и майор ДОРОНИН Андрей Александрович (ОБО ГШ РВ, в/ч 95501). Полковники ПРИХОДЬКО Александр Иванович, ЯКОВЕНКО Николай

Анатольевич, ЯРАХТИН Евгений Викторович, подполковник КОРОЛЕВ Николай Викторович и майор ГОЛУБЕНКО Сергей Николаевич (ОАБ МО, в/ч 75105). Полковник МЕЛЬНИКОВ Леонид Анатольевич и подполковник КОМОЛОВ Олег Георгиевич (ОБПДБ, в/ч 59947). Подполковник СИЗЯКОВ Николай Васильевич и подполковник ЧУБ Владимир Федорович (ОРВБ, в/ч 71360). Полковники САЛАЩЕНКО, МОЛОКАНОВ Николай Евгеньевич, подполковник ДЕРКАЧ Александр Юрьевич и майор ЗАЯЦ Юрий Михайлович (ОЭК, в/ч 34143). Полковники МОХОВ Алексей Васильевич и РУСАНОВ Павел Григорьевич, подполковник ВИДЕНЕЕВ Сергей Анатольевич (КЭЧ, в/ч 12470). Подполковники СЛАВСКИЙ Илья Владимирович, ШИШКИН Евгений Михайлович и ШОЛОМИЦКИЙ Александр Александрович (ОРБ, в/ч 54028). Подполковник ЩЕПКИН Федор Федорович, майор КИРИЛЛОВ Александр Евгеньевич, капитан КОЧАН Олег Игоревич (Комендатура охраны, в/ч 95502). Подполковник РУНЕЦ Владимир Владимирович и майор БОНДАРЬ Иван Афанасьевич (Военная комендатура гарнизона), и многие другие боевые товарищи.

Каким никаким, но я тоже стал командиром специфической части — в/ч 33203 (Дом офицеров РВСН), со всеми вытекающими юридическими правами и обязанностями, с гербовыми печатями и своими службами. Поэтому, дыбы не нарушать добрые офицерские традиции, после выхода приказа Главкома РВСН о моем назначении, я пригласил всех командиров и их заместителей по работе с личным составом в «Греческий зал» офицерской столовой №3 у заведующей столовой военторга РОМАШОВОЙ Натальи Николаевны. Там состоялся товарищеский ужин, где я представился по поводу назначения на должность всему коллективу командования частей центрального подчинения. После ряда выступлений товарищей, я был единогласно принят в коллектив командного состава частей Власихи, о чем торжественно известил «старшина» командиров частей гарнизона, а таковым в то время был, еще полковник, генералом он стал позже, СОЛНЦЕВ Михаил Викторович.

В Доме офицеров был свой небольшой коллектив офицеров и прaporщиков. Мне повезло, что заместителем начальника Дома офицеров был мой однокашник по училищу, с которым за четыре курсантских года мы съели пуд соли, опытный офицер-практик и организатор культурно — просветительной работы майор СТРИЖКОВ Юрий Валентинович. Мне было неловко перед другом, что я пришел начальником, а он остался заместителем. Тем не менее, понимая друг друга с полуслова, мы с ним прослужили до конца марта 1998 года. В воинском звании «подполковник» Юрий уволился в запас и занялся коммерческой деятельностью, не связанной с культурой и искусством.

Начальником культурно-художественного отдела был энергичный культпропсветработник майор АХМЕДЬЯНОВ Валерий Юрьевич — мастер игры на балалайке и организации массовых культурных мероприятий. К сожалению, под давлением «сверху» в декабре 1995 года он уволился из Вооруженных Сил в запас. Но сразу

призвался в Пограничные войска, где дослужился до полковника. Сегодня Валерий Юрьевич трудится начальником отдела на ниве культурно-художественного обслуживания ветеранов войны и труда в «Центре социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов «Власиха».

На его место из ДКРА расформированной ракетной дивизии в Жангизтобе прибыл майор САС Валерий Леонидович. Энергичный человек, творческая личность, но с большими амбициями и личными требованиями. Со временем работа и выполнение служебных обязанностей стали его тяготить, на первое место у него вышли денежные отношения, причем за счет Дома офицеров, и мы расстались с ним. Получив трехкомнатную квартиру в новом доме на улице Заозерной, Валерий уволился в запас, зарабатывая на жизнь проведением свадеб и банкетов.

В методическом отделе проходил службу выпускник военно-дирижерского факультета при консерватории имени П.И. ЧАЙКОВСКОГО старший лейтенант ЕРМОЛАЕВ Дмитрий Юрьевич. Он жил и служил в ожидании освобождения должности дирижера военного оркестра ЦУС РВСН. Вскоре он был назначен на эту должность и достойно прослужил в этой должности до подполковника, получив высокое почетное звание «Заслуженный работник культуры РФ». Уволился Дмитрий в 2012 году и возглавил профессиональный муниципальный эстрадно-духовой оркестр Дворца культуры городского округа Власиха.

На должности техника Дома офицеров находился прaporщик БАКАЕВ Сергей Рашидович, племянник писателя Карема РАША. В августе 1995 года он убыл для дальнейшего прохождения службы в в/ч 95501. На его место прибыл прaporщик ТЕРЕЩЕНКО Александр Васильевич, с которым мы прослужили до октября 2002 года, до моего увольнения в запас.

Старшим кинорадиомехаником была ефрейтор КРЕТ, впоследствии ПОЛЕТАЕВА Светлана Витальевна. В 1998 году по новому штатному расписанию военная должность была упразднена, кинофильмы перестали демонстрировать, и она уволилась. Имея высшее педагогическое образование, Светлана Витальевна ведет платный кругок, более десяти лет обучая детей английскому языку.

В Доме офицеров проходили службу военнослужащие по призыву на должностях водителя и художника — оформителя. За семь с половиной лет при мне сменилось пять водителей служебного УАЗа — рядовые ПОЛИКАРПОВ Юрий, ВАСИН Виталий, МАРТИНОВ Павел, ВАСИЛЬЕВ Дмитрий и МИНИХАНОВ Алексей, и пять художников-оформителей — сержант ПРИНЦЕВ Владимир, младшие сержанты КИРИЛЛОВ Александр и ИСМАИЛОВ Гусейн, ефрейторы ФИЛИППОВ Александр и КОПНИН Александр. Все они, как один, добросовестно прослужили срочную «от звонка до звонка» и всем коллективом Дома офицеров, в торжественной обстановке, с вручением ценных подарков, достойно отправлены на гражданку.

Для военнослужащих день начинался со служебного совещания по уточнению задач на день в кабинете начальника Дома офицеров. Заканчивался подведением итогов выполнения поставленных задач. По пятницам проводилась читка приказов. Ежедневно, до окончания мероприятий, в Доме офицеров дежурил ответственный офицер. Строевой смотр, состояние формы одежды, диспансеризация в установленные сроки, планирование и боевое расписание, индивидуальные средства защиты и табельное оружие — все, как положено в военной организации.

Чтобы гражданский персонал не дремал и не расслаблялся, было проведено общее собрание трудового коллектива по вопросу трудовой дисциплины. Всем прямо было объявлено, что каждый работник Дома офицеров может находиться только в трех состояниях: или добросовестно выполняет свои функциональные обязанности, или находится на больничном листке, выданном врачом, или, если не хочет добросовестно трудиться, пишет заявление на увольнение, не дожидаясь взысканий. Четвертого не дано. Коллектив такое предложение принял.

Проблем в организации культурно-художественного обслуживания военнослужащих и членов их семей не было. Концерты проводились, танцы танцевались, песни пелись, кружки по интересам работали, читатели посещали библиотеку, демонстрировались кинофильмы, работали бильярдная и фотография. По вечерам на улицу транслировались новости радио «Маяк», выполняющего не только информационные функции, но и помогающего грибникам ориентироваться в лесу по отношению расположения военного городка.

Проблемы были с техническим состоянием здания и арендаторами, занявшими до моего прихода около 800 кв. метров площади помещений Дома офицеров, причем без заключения договоров аренды, а значит без оплаты.

Протекающая в дождливые дни сложная пятиуровневая крыша здания требовала не латания дыр, а срочного капитального ремонта. Пожарные насосы не работали. Стальная алюминиевая электропроводка требовала замены. Металлические конструкции бывшей летней эстрады с тыльной стороны здания уродливо торчали своими ржавыми балками и уголками. По ним смелые сорванцы, под угрозой жизни, залезали на крышу и через чердачные слуховые окна проникали в здание, где по мелочам хулиганили.

Устранение этих проблем отнимало много времени и сил. Материальных и денежных средств на их решение не было. Денежное довольствие военнослужащим и зарплату гражданскому персоналу задерживали. Как хочешь, так и крутись. Кстати, чтобы срезать старую летнюю эстраду, мне понадобилось обивать пороги должностных лиц с августа 1995 по август 1998 года — целых три года!

Первым делом занялись установлением правоотношений с арендаторами, заключением договоров аренды и выставлением счетов арендной платы. Для меня этот вопрос был совершенно новым и неизведанным. Весомую помошь и поддержку нам

оказал старший офицер УКО и А РВСН полковник РЕМНЕВ Анатолий Иванович. Все документы были оформлены в соответствии с требованиями Министерства имущественных отношений РФ, Приказа МО РФ и Директивы ГК РВСН. Арендаторы сразу поубавили пыл в размерах занимаемых площадей, оставив для себя минимум квадратных метров. Внебюджетные денежные средства ежемесячно стали поступать в кассу Дома офицеров на его развитие и ремонт.

Пришел черед браться за ремонт крыши. Подобрали подмосковную строительную организацию с работниками славянской внешности. Обсчитали материал и работу, составили смету, провели экономическую экспертизу. Цена вопроса по тому времени составила 80 миллионов рублей. Было решено, и это решение заключено договором с подписями и печатями, что 50 процентов суммы оплачивается арендаторами, а вторые 50 процентов оплачивает балансодержатель, т.е. КЭЧ (в/ч 12470). На том и поладили. Арендаторы сразу перечислили предоплату, и работа на крыше закипела.

Надо отдать должное строителям, ремонтные работы на кровле они выполнили качественно и в установленный срок, укатав пять уровней крыши гидростеклоизолом. Комиссия приняла работу, а вторую часть суммы КЭЧ не может перечислить, нет денег. И у меня начались проблемы.

Сначала шли звонки с одним вопросом — когда же перечислят деньги? Командир в/ч 12470 полковник МОХОВ А.В. на этот вопрос тоже ответить не мог. И в мой адрес посыпались грозные предупреждения, вплоть до физической расправы надо мной и моими детьми. Вычислили наш адрес жительства, и в какое время сыновья ездят в Лесногородскую детскую музыкальную школу. Начался ежедневный психологический прессинг. Дважды блокировали машину, на которой я вез сыновей в музыкальную школу, для разборок и угроз.

О сложившейся проблемной ситуации я проинформировал своего непосредственного начальника генерала МОРОЗ Н.М. О возникшей проблеме Николай Максимович доложил Главкому РВСН генерал-полковнику СЕРГЕЕВУ И.Д. И только после приказания первого должностного лица Ракетных войск, выданного начальнику ФЭУ РВСН, оставшаяся денежная сумма была срочно перечислена строителям. Вот как бывает. Чуть было не пострадал за крышу Дома офицеров.

Из культурных мероприятий самыми проблематичными были молодежные дискотеки, проводимые в зеркальном зале. Никакие увещевания работниц Дома офицеров — кассиров, контролеров билетов и ответственных за мероприятие не могли остановить пронос в зал и распитие спиртных напитков, курение в танцевальном зале, постоянные стычки между молодежью. Пришлось идти знакомиться и обращаться за помощью к начальнику ОВД Власихи полковнику милиции ЖУКОВУ Владимиру Семеновичу. Он проникся проблемой и стал выделять наряд милиции и подвижный патруль в дни проведения дискотек. Несколько милиционеров переодевались в гражданку

и моментально вычисляли хулиганов, выводя их из зала для разбирательства в опорном пункте милиции. Попадались и продавцы легкого наркотического зелья. За полгода совместной деятельности сотрудников Дома офицеров, милиции, военной комендатуры и представителей педагогического коллектива средней школы по наведению правопорядка, дискотеки в Доме офицеров стали проводиться более-менее мирно и культурно.

В начале октября 1995 года я взял десять суток отпуска, и мы с отцом на его «Ласточек» отправились в Арзамас и Озерки. Последний раз я там был еще школьником. Мне было интересно посмотреть, что изменилось за двадцать лет в родном краю моих предков. Отца интересовал несколько другой вопрос. Еще в 1984 году, по увольнению из армии, он встал в очередь на получение квартиры в Арзамасе. Прошло десять лет, а он все был 84-й по списку на жилье в военкомате. В городе для военных жилья не строилось и квартир практически не выделялось.

Стояла сухая золотая теплая осень. Я за рулем, дорога в шестьсот километров для меня неизведанная, все интересно, настроение приподнятое. Оба поехали в повседневной форме одежды. Отец в форме советского полковника, я в форме российского подполковника. Отец и сын.

Остановку для отдыха и ночлега сделали на ракетном арсенале в военном городке близ деревни Суроватиха, в пятидесяти километрах не доезжая Арзамаса. Там замполитом части был подполковник КОТЕЛЬНИКОВ Сергей Александрович, с которым мы познакомились в командировке, при моей поездке за хохломскими сувенирами для американской делегации. Сергей познакомил нас с расположением арсенала, базы ликвидации тяжелых ракет и достопримечательностями жилого городка, сам находясь за рулем служебного УАЗа.

Сергей разместил нас в уютном стареньком генеральском домике деревянной постройки середины 50-х годов, с банькой. Узнав от КОТЕЛЬНИКОВА С. А. о моем приезде, после рабочего дня пришли мои бывшие сослуживцы по Белоруссии, по базе ликвидации «Лесная» — полковник АНДРЮШКИН Владимир Степанович, подполковники ПРУСОВ Сергей Николаевич, Евгений Борисович ГАМАНИН и майор ЖЕЛТОВ Сергей Анатольевич. За рюмкой чая и товарищеским ужином, воспоминаниями о пяти годах совместной службы и песнями под гитару, время незаметно перевалило за полночь.

Отдохнув после дороги и общения с друзьями, на другой день мы продолжили свой путь. Через час пути мы въехали в Арзамас и первым делом направились в военный комиссариат, чтобы узнать, каким теперь в очереди на квартиру стоит отец. Оказалось, что очереди никакой нет, ее ликвидировали. Нижегородская область, где в то время губернатором был молодой ельцинский реформатор НЕМЦОВ Б. Е., проводила эксперимент по обеспечению жильем уволенных военнослужащих путем выдачи ГЖС (Государственных жилищных сертификатов). В сейфе начальника 3-го отделения военкомата лежали два бланка ГЖС, остальные были выданы по списку очереди. Один

на однокомнатную квартиру предназначался отцу. Срок действия ГЖС приближался к концу. Чтобы его получить, отцу необходимо было в кратчайшие сроки собрать и представить объемный пакет необходимых документов.

В Арзамасе проживали двоюродные братья отца Александр Борисович и Владимир Борисович ЕЛИСЕЕВЫ. Саша работал в КБ оборонного завода. А Володя, мой одногодка, после развода КПСС и СССР, занимавший тогда должность первого секретаря Арзамасского горкома комсомола, ушел в коммерцию. Но связи в управлении и муниципальных службах города у него остались. Он помог отцу оперативно решить многие вопросы в администрации города. За остальными документами необходимо было возвращаться во Власиху. Но мы не могли не навестить Озерки, до которых осталось двадцать километров ходу.

Село, которое в детстве мне казалось большим, цветущим, населенным шумным разновозрастным людом, бурлящим на ниве сельскохозяйственных работ, предстало тихим, опустошенным, безлюдным и запущенным. В редких домах горел свет. Остальные стояли безжизненными кирпичными коробками, с заколоченными щитами и досками окнами, в том числе и наш дом ЕРЕМЕЕВЫХ — бревенчатый восьмистенник, обшитый тесом, густо заросший бурьяном, репейником и крапивой. От моих добрых детских воспоминаний об Озерках не осталось и следа.

Нам было, где остановиться. В Озерках жили наши родственники — родная тетка отца ДЕНЩИКОВА Ольга Григорьевна, орденоносец, бывший бригадир колхоза. Сюда же из Душанбе на постоянное место жительства приехали ее дочь с мужем ПИСАНОВЫ Любовь и Анатолий с дочерьми Леной и Натальей. Из узбекского города Термез возвратился в родные места и родной брат отца, строитель по профессии, в молодости получивший за свой высокий рост прозвище «Дядя Сарай», ЕРЕМЕЕВ Николай Степанович. Он купил дом ДЕРЯБИНЫХ, т.е. моей бабушки Евдокии, где прошло мамино детство, и рядом стоящее кирпичное здание бывшего магазина. Дядя Коля активно взялся за перестройку здания магазина под жилой дом для родной дочери Светланы и ее семьи. Развалить развалил, а на серьезную работу времени и денег не хватило, по причине ежедневного употребления алкогольных напитков с местными дружками.

За один день и вечер мы посетили всех родственников. В светлое время я еще успел сбегать с дядей Колей на Глуховское озеро, где за пару часов мы вдвоем наловили с половины ведра ротанов и небольших карасей. На рыбалку мы с ним всегда ходили вместе с моего детства, еще с Добеле-2. И не было случая, чтобы с ним что-нибудь не случилось. То лошадь на хоздворе воинской части за ним гналась и укусила, чем-то он ей не понравился. Хорошо не лягнула. То деревенский бык его на ветлу загнал так, что перепуганный рыбак моментально влез на дерево вместе с удочкой и уловом, спасаясь от колхозного хулигана о четырех ногах и двух рогах.

Вместе с отцом и дядей Колей наметили план на следующий год по возрождению и восстановлению отцовского дома и разбивки сада с огородом на приусадебном участке. Решили расчистить земельный участок от сорняков и засадить его картошкой. На этом свой визит в Нижегородскую землю завершили. Переночевав в доме ДЕНЩИКОВЫХ, мы отправились в обратный путь. К вечеру вернулись в городок, во Власиху, где нас ждали мама Валя и два веселых гуся — сыновья Андрей и Сергей.

Андрюха, поменяв за один год третью по счету школу, имея очень коммуникательный характер, с ребятами нового класса почему-то сходился тяжело. Единственным его дружком стал Сашка ЕРЕНКОВ. Не проявляя великого усердия в учебе, оба товарища стали заниматься мелкой коммерческой деятельностью, за что меня как отца регулярно вызывали «на ковер» к директору школы Наталье Ивановне ШКИНДЕР.

Сбегая с нескольких уроков, друзья перелезали через школьный забор, за которым рос непролазный, болотистый, густой еловый лес, где сейчас вырос микрорайон «Школьный», и собирали грибы. Опять там росло видимо-невидимо. Наполнив по паре пакетов, грибники шли на рынок к КПП-1 городка, рядом со школой и продавали грибы за 2 рубля за пакет. Продав, возвращались в лес за очередной партией опять, и снова на рынок. И ведь покупатели находились, вместо того, чтобы в школу прогульщиков отправить. Так и собирали и продавали грибы, пока на учительницу не нарвались.

Не успела стихнуть грибная история, как меня снова к директору вызывают. Опять отличился Андрей ЕРЕМЕЕВ. Вместо уроков катается на рейсовом автобусе между городком и платформой «Перхушково», собирая с пассажиров деньги за проезд и обиличивая их, вместо кондуктора. За эту работу солдат-водитель автобуса покупал своему юному помощнику, прогуливающему уроки, шоколад, чипсы и «Пепси-Колу». А пассажиры — жители военного городка, многие из них знающие, что это сын начальника Дома офицеров. Информация дошла и до меня, и до директора школы, которая в очередной раз «любезно» пригласила меня на «разбор полетов» моего старшего сына, как всегда в директорский кабинет. Мне категорически не нравилось, что из-за сына — лоботряса, самому являясь директором серьезного учреждения, приходилось, как мальчишке, идти на ковер к директору школы. Воспитательные разговоры с сыном на него действовали недолго.

Дальше была продажа петард, которые незамедлительно распространялись и взрывались в классах и коридорах школы, и множество других проделок, явно дискредитирующих доброе имя отца и офицера-политработника, то есть меня. И в кого он пошел, такой коммерсант? Нет у нас предпринимателей в семье, все служивые — военные, педагоги и музыканты. Так, до конца 9-го класса и чудил старший сын в школе. Пока не отправил я его, на радость директора школы им. А. С. Попова Натальи Ивановны ШКИНДЕР, к своей родной сестре Елене Анатольевне КОТОВСКОЙ — учителю

высшей категории, завучу, классному руководителю и филологу Суроватихинской средней школы, для подготовки племянника к поступлению в военное училище.

Служба шла своим чередом. С Главнокомандующим РВСН генералом армии СЕРГЕЕВЫМ И.Д. служить было легко и интересно. Игорь Дмитриевич был человеком очень грамотным и эрудированным. Много читал, интересовался историей и философией. В бытность начальником Управления боевой подготовки РВСН он был самый активный генерал — читатель библиотеки Дома офицеров и регулярно ее посещал. С назначением на должность Главнокомандующего служебных забот значительно добавилось и времени на посещение библиотеки у генерала не хватало. Игорь Дмитриевич лично звонил мне и заказывал список литературы, интересующей его. Заведующая библиотекой Наталья Григорьевна ЛОМАЧЕВА, умная, добрая и грамотная женщина, делала подборку требуемой литературы, и я приносил книги, журналы, статьи лично Главнокомандующему в кабинет. Проходила неделя-вторая, снова звонок-заказ от первого должностного лица РВСН. Приношу новый заказ, он возвращает обратно ранее заказанный и прочитанный. И так продолжалось до назначения в 1997 году Игоря Дмитриевича на высшую военную должность Министром обороны Российской Федерации.

Генерал СЕРГЕЕВ был большим любителем игры на бильярде. Три, а то и четыре раза в неделю после окончания служебного дня он приезжал в Дом офицеров вместе с начальником Управления кадров РВСН генерал-лейтенантом ПАНИНЫМ Ильей Григорьевичем в бильярдную. Я их встречал на главкомовском входе. К ним присоединялся МЕДВЕДЧУК Петр Михович. Как и положено командиру части, я убывал домой только после убытия Главнокомандующего. И мало кто знает, что став Министром обороны, Игорь Дмитриевич несколько раз приезжал в бильярдную Дома офицеров РВСН, не тревожа местное военное руководство, как говорят, инкогнито.

Игорь Дмитриевич потерял в автокатастрофе свою дочь с зятем и ребенком. Зная, что у меня умерла жена, и я один воспитываю двух сыновей, он по-отечески относился ко мне и всячески поддерживал, постоянно интересовался делами и проблемами Дома офицеров и оказывал реальную помощь. Благодаря И.Д. СЕРГЕЕВУ в Доме офицеров появился новенький служебный УАЗ. До этого своего автотранспорта не было, что затрудняло оперативное решение административно-хозяйственных задач и доставки артистов для проведения концертных программ. Причем, в пятницу 16 марта была озвучена проблема, а уже в понедельник мне позвонил начальник автомобильной службы РВСН генерал-майор ДУДУКАЛО Павел Петрович, чтобы я прибыл за нарядом на получение служебного легкового автомобиля. 21 марта новый УАЗ был получен из хранилища в/ч 54028. А 29 марта водитель рядовой Юрий ПОЛИКАРПОВ прикрутил первый регистрационный номер автомобиля — А 006 МЕ 50/рус. Отец этот номер расшифровал по-своему: Анатолий, **006** — шестой по счету начальник Дома офицеров РВСН и мальчишки ЕРЕМЕЕВЫ.

Указом Президента РФ ЕЛЬЦИНА Б.Н. №1239 от 10 декабря 1995 года был установлен День РВСН — 17 декабря. По решению Главкома СЕРГЕЕВА И.Д. во Власихе началось строительство Храма Преподобного Илии МУРОМЦА с приделом Святой Великомученицы Варвары — небесной покровительницы Ракетных войск стратегического назначения.

Не без участия Игоря Дмитриевича СЕРГЕЕВА в 1998 году мне было присвоено воинское звание «полковник». Благодаря Главному СЕРГЕЕВУ И.Д., в 1998 году восстановлен в Вооруженных Силах и направлен для прохождения службы в Ракетные войска военный летчик майор КОТОВСКИЙ Эдуард Владимирович, муж моей сестры, который дослужился до пенсии, и в 2010 году уволился из РВСН в запас в воинском звании «подполковник». Всего доброго, сделанного этим Человеком, перечислять можно долго. Низкий поклон Вам, Игорь Дмитриевич, первый и пока единственный Маршал Российской Федерации, и светлая память.

Завершился 1995 год, год становления на новой должности. Позади новогодние праздники и детские Елки. Уволился в запас начальник культурно-художественного отдела майор АХМЕДЬЯНОВ Валерий Юрьевич. Всем коллективом поздравили его с событием, провели «дембельскую отходную» с песнями и сценками, согласно утвержденному сценарию и состоянию души. На его место назначили майора САС Валерия Леонидовича, прибывшего из расформированной ракетной дивизии в Казахстане, из Жангизтобе.

30 января 1996 года в Доме офицеров РВСН состоялась официальная встреча Главнокомандующего РВСН генерала армии СЕРГЕЕВА И.Д. и Патриарха Московского и Всея Руси Алексия второго. В Зале офицерского собрания силами пресс-центра Ракетных войск, возглавляемого подполковником БАЙЧУРИНЫМ Ильшатом Усмановичем, состоялась пресс-конференция для 25 журналистов центральных телеканалов и печатных изданий. В завершение конференции, в честь высокого гостя был проведен прием Военным Советом РВСН, в котором приняли участие девять представителей высшего духовного сана Русской православной церкви.

На этой встрече одним из вопросов обсуждалось строительство Православного Храма в столице стратегических ракетчиков, на месте ранее заложенного камня. А камень заложили в сквере Великого Октября, на месте памятной стелы с огромным Орденом Великой Октябрьской социалистической революции. Нравственные ценности в государстве Российском поменялись.

Начало 1996 года стало тяжелым для Эдуарда КОТОВСКОГО, которого я считаю и называю, не иначе, как братом. Проблема возникла на ровном месте, а выросла до возбуждения уголовного дела, и завершилась увольнением Эдика из армии. Не могу об этом не упомянуть, ибо этот случай является тоже историей семьи ЕРЕМЕЕВЫХ,

и для последующих поколений ЕРЕМЕЕВЫХ и КОТОВСКИХ будет поучительной. А дело было так.

В начале 90-х годов Литва вышла из состава СССР, с советской властью и ее структурами было покончено. Одним из советских учреждений, на которых литовцы поставили крест, стал Шяуляйский городской комитет ДОСААФ, возглавляемый полковником запаса ЕРЕМЕЕВЫМ Анатолием Степановичем. Арсенал стрелкового оружия и патронов к ним в ДОСААФ был большой. России этот арсенал был не нужен. И, чтобы не отдать его литовским саюдистам, отец с бывшими сослуживцами на своих машинах вывозили оружие и боеприпасы из города и топили в болотах. Один цинковый ящик мелкокалиберных патронов для спортивной стрельбы отец оставил и спрятал в подвале, где хранились домашние заготовки на зиму.

Полк самолетов А-50 «АВАКС», расположенный на военном аэродроме в городе Шяуляй, где старшим бортинженером проходил службу Эдуард КОТОВСКИЙ, вывели из Литвы на Север в Коми, под город Печору. Туда же этими самолетами перевозяли и семьи летчиков. Отец вспомнил про ящик с патронами для «мелкашки» и предложил Эдику забрать его с собой, мало ли, в тундре на охоте постреляете. Брат и забрал. Новое место, новый аэродром, круглогодично на службе, не до охоты. Особен но, пока жили в Березовке, где было два жилых дома для летного состава, куда медведи по-хозяйски выходили из тундры покормиться к мусорным ящикам. Мужики без охотничих ружей выносить мусорные ведра не выходили. Какая там пукалка — мелкашка! Ящик с мелкокалиберными патронами так и пролежал у него не востребованный.

Вскоре майор КОТОВСКИЙ Э.В. получил хорошую квартиру в Печоре, забрал семью и переехал из леса в город. Сестра Лена устроилась на работу учителем русского языка и литературы в городскую школу, а моя племянница Светлана пошла в первый класс этой же школы. Авиаторы ранним утром на мотовозе по железной дороге добирались до своего аэродрома. Вечером на нем же обратно. Опоздал, значит начнёт в гостинице в номере для дежурного экипажа.

По графику офицеры-авиаторы заступали в суточный наряд по Печорскому гарнизону. В один из таких нарядов, будучи дежурным, брат Эдик в разговоре с помощником, тоже охотником, имеющим мелкокалиберную винтовку, обмолвился, что у него есть мелкокалиберные спортивные патроны, и он может поделиться с коллегой по охотничьему промыслу. А тот поделился полученной информацией с кем надо. До мой нагрянули «кто надо» с обыском. Забрали и зарегистрированное охотничье ружье, и охотничий нож, а главное изъяли с балкона неучтенный и не распакованный ящик с мелкокалиберными патронами. В итоге завели уголовное дело за незаконное хранение оружия и боеприпасов.

До решения суда брат оставался в боевом строю. Я взял десять суток отпуска и поехал к ним в Печору. Начало февраля, на московском перроне слякоть, оттепель, идет

дождь. Отец на «Ласточек» проводил меня до Ярославского вокзала и посадил на поезд. Попрощались, поезд тронулся, впереди двое суток пути. Купейный вагон был уютный, чистый и теплый. За дорогу отоспался и начитался вдоволь прессы. За окном заметно поменялся пейзаж, присущий территории с северным климатом.

В 3 часа ночи я прибыл на станцию города Печоры. Московская плюсовая погода сменилась суровой зимой. Станционное информационное табло показывало минус 47 градусов. Таких климатических перепадов и мороза мой организм доселе не испытывал. В плюс 47 бывал. А в минус 47 нет. На машине товарища по службе меня встретил Эдик. Накануне моего приезда он попал в аварию, разбил крыло машины и сдал свой «Опель-рекорд» в автосервис. Лена встречала нас праздничным ужином и северной чаркой, для согрева с мороза.

Пока шло следствие, Эдик продолжал служить. Он решил сделать для меня экскурсию на свой аэродром. Впечатления от этой экскурсии у меня остались неизгладимые. Моя цивильная одежда для этой поездки явно не подходила, в течение часа вымерз бы, как мамонт, да и появляться в гражданке на стратегическом аэродроме,— военные не поймут. Все меховое имущество, которое полагается военному летчику по северному варианту, было навьючено на меня, как на капусту, с головы до ног и рук.

Рано утром мы вышли из подъезда многоэтажного дома. На улице минус сорок семь градусов. Легковушка «Нива» вишневого цвета, на которой нас вез Олег СУЧКОВ — командир экипажа, друг семьи и сослуживец Эдика, больше часа прогревалась с заведенным двигателем в гараже, но так и не оттаяла. Вентилятор печки еле-елеправлялся с заиндевевшим лобовым стеклом, не говоря уже об обогреве салона. Олег, как говорят авиаторы, «шел по приборам», напряженно всматриваясь в амбразуру оттаявшего овала на лобовом стекле. До аэродрома было около 80 километров пути.

Миновали город, на окраине выехали к широкой реке Печоре, скованной толстым льдом. В зимнее время по льду реки прокладывалась зимняя дорога-переправа с дорожными знаками и регулируемым двухсторонним движением. На машине по льду реки я еще не ездил. Обратный берег Печоры встретил нас густой тайгой и дорогой, уходящей вглубь нее, туда, где располагался военный аэродром.

Меня, как офицера-ракетчика, привыкшего к строжайшему пропускному режиму и многоуровневой системе технических средств охраны и обороны объектов РВСН, очень удивила беспечность в этом вопросе военных авиаторов. Шлагбаумы по пути к аэродрому были, но они были открыты, и часовых при них не было. Заезжай, кто хочешь. Замерзшие самолеты сиротливо стояли на своих открытых стоянках. И только у борта ИЛ-76 находящимся на боевом дежурстве с огромным грибом-локатором, кипела жизнь, стоял часовой, в салон нагнетался горячий воздух, каждый член экипажа занимался своим боевым делом.

Проехав мимо стоянки, мы въехали на территорию части. Здания штаба, учебного корпуса, столовой и прочие расположились по периметру плаца, где собирались прибывающие летчики. По прибытии до утреннего развода они направлялись в летную столовую, на завтрак. Туда же Эдик с Олегом повели и меня, как я не сопротивлялся. Друзья Эдика знали, что с ним брат приехал, а остальным он сказал, что сопровождает проверяющего из Москвы.

В столовой первым делом у меня с мороза запотели очки. Когда я их отогрел и прогрел, то увидел, что среди многочисленного завтракающего офицерского состава авиа-полка, я один оказался очкариком, и многие летчики смотрели на меня, как на что-то противоестественное в их стройных авиационных рядах. У каждого члена экипажа было свое персональное место. Кормили качественно и сытно, был выбор из трех подаваемых блюд. Весомая летная порция пельменей по-домашнему, творог со сметаной, кофе с молоком и шоколадом, и прочие фруктовые десерты, приятно насытили и согрели организм представителя славных Ракетных войск.

Натянув с помощью Эдика зимнюю летнюю куртку, мы вышли на плац, где летчики строились по своим экипажам. К экипажу Эдика пристроился и я. Летная форма без погон и звездочек не позволяла определить, кто есть кто. Только по обращению «товарищ командир» можно было узнать, кто здесь начальник. В строю стояли и северные морские летчики. Меховые воротники у всех были подняты, шапки-ушанки завязаны. О единообразии военной формы одежды и ее ношения в строю разговора не велось.

После короткого развода личный состав разошелся по учебным классам. Мы пошли в класс подготовки бортинженеров. Самый старший и опытный старший бортинженер майор СПИРИН Сергей Валентинович каждому поставил задачу. Молодые офицеры сели за изучение инструкций, готовясь к сдаче зачетов. Другие группами обсуждали неисправности и тонкости обслуживания боевого самолета. А бывалые бортинженеры занялись своими делами,— кто вязал рыбачью сеть-телевизор на лето, кто приклонил голову на меховую шапку и дремал за столом, переваривая сытный завтрак. Эдика он отпустил, чтобы тот показал мне жизнь и быт военных летчиков и провел экскурсию по боевому самолету.

В Шяуляе, где располагался стратегический военный аэродром, мы привыкли видеть ежедневные полеты советского АВАКС, с антенной-локатором на фюзеляже самолета ИЛ-76. Но вблизи мне его видеть не приходилось. И вот я рядом с этой громадной серебристой машиной. Мощные тепловые нагреватели-насосы по широким шлангам нагнетали внутрь салона горячий воздух. Самолет, находящийся на боевом дежурстве в любое время, при получении приказа, должен незамедлительно подняться в воздух для выполнения боевой задачи. Весь экипаж рядом с самолетом и в самолете занимается его обслуживанием.

Огромное нутро салона самолета настолько напичкано специальной аппаратурой, что для четырнадцати специалистов — локаторщиков остается лишь узкий проход между рабочими креслами. Мне было не понятно, что в воздух поднимается на многочасовое боевое дежурство экипаж в 21 человек, а в самолете даже не предусмотрен туалет. В конце салона выставляют ведро. Кто первый не выдержал и сходил в него, тот, по возвращению это ведро выливает за всех. Такой был заведен порядок в экипаже. О выполнении боевой задачи, состоянии техники и вооружения печемся, а о людях нет.

Не менее поразила масштабами и количеством приборов кабина пилотов. Сидя в кресле командира корабля, переводя взгляд со штурвала и многочисленных приборов, датчиков и лампочек в густую сеть лобовых окошек, я так и не понял, как эту громадину можно поднять в воздух, а еще сложнее ее посадить. Я в полной мере проникся глубоким уважением к нелегкому ратному труду военных летчиков и причастности к BBC-PBO моего брата — военного летчика майора КОТОВСКОГО Эдуарда Владимировича.

Военная прокуратура и военный суд не оставили майора КОТОВСКОГО Э.В. в покое и довели свое дело в «великой борьбе с преступностью» до конца, поставив в своих отчетах очередную галочку раскрытия «преступления». За незаконное хранение и распространение боеприпасов присудили моему брату три года условно с поправкой, что если в течение года нарушений законности с его стороны не будет, судимость снимается и не учитывается в дальнейшем, что он был судим.

Условно-то условно, но судимость влечет за собой увольнение военнослужащего из рядов Вооруженных Сил. Эдикту пришлось попрощаться со своим родным коллективом, воинской частью, в которой служил с лейтенанта, авиацией и армией вообще. Это, конечно, был удар и для него, и для семьи, и для всех нас, родных. Так военный летчик, принимавший личное участие в боевой операции по ликвидации лидера Чеченских боевиков бывшего советского генерала Джохара ДУДАЕВА, переквалифицировался в гражданского специалиста — главного инженера Печорской КЭЧ.

1996 год был насыщен рядом других событий, юбилеев и мероприятий, которые проводились в Доме офицеров РВСН.

По возвращению из Печоры, с материальной помощью Петра Миновича МЕДВЕДЧУКА, провели капитальный ремонт и реконструкцию бильярдного зала. Решили к 23 февраля Главнокомандующему РВСН сделать приятный подарок. Десять дней напряженной работы по всем правилам современного оборудования бильярдной и 22 февраля мы пригласили генерала армии СЕРГЕЕВА И.Д. для торжественного разрезания красной ленточки. Игорь Дмитриевич был приятно удивлен оформлением бильярдной, дал высокую оценку проделанной работе и поблагодарил нас.

23 февраля, чествуя ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил, проживающих в гарнизоне, ветераны посетовали, что негде им собираться для коллективного

общения. Я им довел, что двери Дома офицеров РВСН всегда открыты для наших ветеранов, а дополнительно вводим практику, что среда недели в Доме офицеров — полный ветеранский день. Для этого был выделен большой уютный кабинет со столами, самоварами, чашками и блюдцами, музыкальными инструментами. В этот день для ветеранов работали парикмахер и фотограф, проводились юридические консультации. На встречу с ветеранами приходил начальник гарнизона. А в завершение в кинозале проводился ретро-показ добрых советских кинофильмов. «Ветеранский день» прижился и долго проводился, пока состояние здоровья и преклонный возраст не стали естественным препятствием для регулярных ветеранских встреч.

1 июня 1996 года проводился комплекс мероприятий, посвященных 50-летию образования первого ракетного соединения в истории страны — БОН РВГК (Бригады особого назначения резерва Верховного главнокомандования). РВСН ведет свое летоисчисление с 17 декабря 1959 года, когда вышло Постановление Правительства СССР о создании нового вида Вооруженных Сил СССР — Ракетных войск стратегического назначения. Я бы отправной точкой в создании РВСН считал бы дату 13 мая 1946 года, со дня формирования первого ракетного соединения. Правопреемницей БОН РВГК в 1959 году стала 24-я Гвардейская пятиорденоносная ракетная дивизия, — та дивизия, где с 1984 по 1988 год мне довелось проходить службу в 25-м ракетном полку в городе Советске Калининградской области.

Начальником штаба этой дивизии в свое время был МУРАВЬЕВ Владимир Александрович, ныне генерал-полковник в отставке, Председатель Совета МОО «Ветераны РВСН», проживает в Москве. Этой дивизией позже командовал генерал-майор ПОЛЕНКОВ Геннадий Михайлович, ныне Председатель Совета ветеранов 24-й ракетной дивизии, проживает во Власихе. Последним командиром соединения был генерал-майор КОПЕЙКИН Александр Николаевич, ныне работает на руководящей должности в одном из предприятий ВПК и проживает в городе Коломне Московской области.

Прошло пятнадцать лет с 50-летнего юбилея, как 2 июля 2012 года мы торжественно отметили 65-ю годовщину образования БОН РВГК — 24-й ракетной дивизии. Многих ракетчиков-первоходцев уже нет в живых. Но ветеранский Совет дивизии работает, проводит рабочие заседания и встречи, пишет военно-исторические очерки и сборники стихов, организовывает и проводит ветеранские мероприятия и встречи, открывает памятники и памятные доски. С 2006 года членом Совета ветеранов 24-й ракетной дивизии избран и я. К сожалению, такие встречи, на которые съезжаются представители всех поколений дивизии из Москвы, городов Подмосковья, Гвардейска, Советска, Знаменска, Гусева Калининградской области и других регионов страны, стали лишь в юбилейные для ракетного соединения годы.

Пока я занимался служебными вопросами, отец с мамой, получив от Министерства обороны жилищный сертификат на однокомнатную квартиру, и добавив к нему

сумму денег, вырученную от продажи в Шяуляе дачного участка и благоустроенного кооперативного гаража, приобрели на вторичном рынке жилья двухкомнатную квартиру в Арзамасе. Теперь ждали моего летнего отпуска, чтобы поехать отремонтировать городскую купленную «новую» квартиру и навести элементарный порядок в деревенском доме, обработав приусадебный участок.

Лето выдалось жаркое и душное. Квартира на последнем пятом этаже, прямо под крышей, без технического этажа. Через каждые три часа малярно-покрасочных и поклеочно-обойных работ в этой духоте делали перерывы и спешили охладиться на речку Тёшу, протекающую внизу, под окнами дома, где мы ремонтировали квартиру. Да, ту Тёшу, которая двадцатью километрами ранее несет свои воды через село Озерки. Наша маленькая помощница племянница Светланка КОТОВСКАЯ работала посыльным за холодным пивом, квасом и мороженым. Двадцать шесть суток отпуска пролетели в ремонте и духоте. Но с задачей справились, квартиру привели в порядок.

Оставалось восемь дней отпуска, и мы уехали в Озерки. До нашего приезда дядя Коля вырубил вокруг дома заросли лопухов и крапивы, вспахал огородный участок, загородил его и посадил картошку. Честь и хвала родному дядьке! Мы разобрали старую русскую печь, расширили жилую зону, выбросили старый хлам, покрасили полы и поклеили обои. Мама повесила занавески на окнах, застелила кровати, поставила и накрыла скатертью старый добротный стол. Покрасили свежим лаком старинные деревянные оклады домашних дореволюционных зеркал. Дом, стоявший сиротой с 1989 года, ожила и посветлела. До окончания трудового отпуска оставалось еще три дня, которые я с огромным удовольствием провел с удочкой в руках на Тёше и Глуховском озере, спрятавшимся за сосновыми лесопосадками, за рекой. Да один раз съездили по просьбе дяди Коли в Арзамас, на рынок.

О дяде Коле и его чудацах можно рассказывать бесконечно. Козы и козлы, которых он заводил в своем нехитром хозяйстве, все курили козью ножку. Не успевал он сесть на завалинку у своего дома, как тут как тут, козлина живность. Стоит рогатая скотинка, преданно смотрит на своего хозяина, скручивающего заскорузлыми прокуренными пальцами домашний табак в козью ножку, и начинает его легонько пырять рогами, мол, дай покурить. Любитель домашней живности, по народному прозвищу «дядя Сарай», подносил цигарку к козлиной морде, и тут начиналось действие. Козел, схватив губами самокрутку, начинал смачно втягивать в себя табачный дым, пришлепывая от удовольствия губами. Наглотавшись дыма, глаза достойного представителя мелкого рогатого скота собирались в кучу и наливались кровью, губы вытягивались прямо-таки в человечьей улыбке нескрываемого блаженства. В течение нескольких секунд в козлином мозгу что-то происходило, потом он отворачивался от своего курящего хозяина, осматривал деревенскую улицу и, увидев мирно щипающих зеленую травку коз, стремительно уносился навстречу к противоположному полу, добиваться от них взаимности в козлиной любви.

В этот раз дяде Коле захотелось купить поросеночка. И цель-то он ставил хорошую — откормить его, забить по осени и жить зиму безбедно при мясе и сале. Правда, денег на поросенка у него не было. Сомнения в конечном положительном результате дядькиных добрых намерений нас с отцом не оставляли. И все же мы сдались. Поехали. Ведь столько добрых дел Николай Степанович сделал на огородном участке за нас. Ранним утром втроем — отец, я и отцов родной брат Николай на «Жигулях» выдвинулись в Арзамас на колхозный рынок. Солнце быстро поднималось, а с ним начинался и летний зной.

Ничего не соображая в поросятах и свиноводстве, два офицера — ракетчика выдали далеко не лучшему представителю трудового крестьянства достаточную сумму денег для приобретения поросенка, наметили ему место встречи через час торгов, а сами пошли по своим делам. И зря мы это сделали. Ни через час, ни через два, дяди Коли не было. Жара разогнала и продавцов и покупателей. А его все нет. Пошли искать и нашли. У магазина «Вино-Водка» на асфальте лежит холщовый мешок, в котором от жары визжит, задыхаясь, купленный поросенок. Рядом «дядя Сарай» допивает крепленое дешевое вино, купленное, по его словам, на сэкономленные деньги. Короче, он обмывает покупку. Отец, как старший брат, высказал младшему на два года брату все, что он по этому поводу думает и погнал его, вместе с мешком к машине.

В накалившемся салоне машины поросенку в мешке совсем стало худо, он обессилено хрюпел. В салон из мешка его не выпустишь. Я гнал машину обратно. Мы быстро долетели до деревни и в тени двора освободили свиного пленника из мешочного заточения. Тот чуть дышит, глаза закатывает. Жалко животинку до слез, не дай Бог, померет. Давай его поливать и отпаивать водой, ругая дядьку, что столько времени продержал поросенка в мешке на пекле, сам наливаясь вином. К вечеру свиное приобретение немного отошло, встало на ноги и смачно почавкало выданную порцию корма.

Поросенок выжил. Но на этом история о нем не закончилась. На другой день мы уезжали домой во Власиху, и дядя Коля, провожая нас, размечтался, как он осенью забьет поросенка и приедет к нам в Москву в гости с мясом и салом. Сомнения взяли нас с отцом и в этот раз. И мы не ошиблись. Ни счастливого обладателя свиньи, ни мяса, ни сала мы так и не дождались.

Дядя Коля получил свою пенсию и успешно ее пропивал. Поросенок понял, что кормить его никто не собирается, сломал в сарае загородку загона и пошел кормиться на вольные хлеба, на огород под хозяйственным окном. Подъев все, что там росло, и, вспахав своим пятаком опустошенную от вершков и корешков овощных культур землю, он подался дальше хозяйствничать во дворе дома. И чего его понесло в летний туалет-скворечник, не закрытый хозяином, чего он там съестного хотел найти, не знаю. Только обнаружил протрезевевший «дядя Сарай» своего поросенка, трагически погибшим в выгребной яме. Один хвост торчал и то место, которым дядька, как ворон на помойке, усаживался в деревенском туалете.

За отпуск, занимаясь ремонтом и хозяйственными делами, я не брился. Было некогда, да и не за надобностью. Я оброс окладистой бородкой. По возвращении во Власиху зашел в Дом офицеров узнать, как обстановка. А там генерал МАРОЗ Н.М. С бородой я напоминал ему царя Николая-второго, и он посоветовал бороду не сбивать. На мои сомнения, что Главком не поймет такого внешнего вида, Николай Максимович заверил, что этот вопрос с Главнокомандующим он решит положительно. И решил. Генерал армии СЕРГЕЕВ И.Д. лично разрешил мне носить аккуратную бородку. Через год эта бородка станет предметом большого раздора. Об этом остановлюсь чуть ниже.

Я уже упоминал самобытность, простоту в общении и веселый характер своего непосредственного начальника Николая Максимовича МОРОЗА. Прошла служебная неделя после отпуска, суббота, время около двенадцати часов дня, я в своем кабинете, на столе зазвенел служебный телефон-тройчатка. На другом конце провода генерал МОРОЗ Н.М. и грозно спрашивает, чем я сейчас занимаюсь. От такого тона и заданного вопроса я понял, что что-то не так сделал, в голове прокручиваю выполнение поставленных им задач, не упустил ли чего. Начал докладывать мероприятия на выходные дни, какие проблемы сейчас решаем и т.п. А он меня прервал и спокойно сказал: «Хватит дурака валять. Поехали на рыбалку. Полчаса тебе на сборы. С тебя прикормка и на что ловить. Едем на моей «Волге», на Нарские пруды, за карасем». У меня на душе отлегло.

Николай Максимович слыл заядлым рыбаком. Его служебная черная «Волга» была всегда экипирована рыбакскими снастями и «джентльменским набором» рыбака, в который обязательно входили: шмат сала, луковица, тушенка и спиртное. Разложив снасти, по рыбакному обычанию сказали «здравствуй, озеро», закусили, закурили и приступили к рыбалке. Стояли друг от друга в пяти метрах, у меня клюет и ловится, а у него нет. Снасти не так были настроены. Каждому водоему нужен свой подход. Когда удочку перенастроили, генерал надергал около трех десятков хороших карасей. Довольные рыбалкой мы возвратились во Власиху. На следующее утро, как ни в чем не бывало, генерал строгоставил мне задачи в своем служебном кабинете, не вспоминая о проведенной рыбалке.

30 октября 1996 года в торжественной обстановке мы провели первый День части, а вернее 32-ю годовщину со Дня образования ДО РВСН, с приглашением Командования РВСН, гарнизона и ветеранов части. В торжестве принимал участие заместитель главнокомандующего — начальник Управления по работе с личным составом РВСН генерал-майор МОРОЗ Николай Максимович.

1 декабря 1996 года отмечалось 100-летие со дня рождения Георгия Константиновича ЖУКОВА. Власиха тесно связана с именем Маршала Победы ЖУКОВА Г.К. Осенью 1941 года здесь располагался Штаб Западного фронта под командованием Г.К. ЖУКОВА, созданный для защиты столицы нашей Родины — города Москвы. Именно

отсюда, 5 декабря 1941 года, началась контрнаступательная стратегическая операция под Москвой, завершившаяся первой решающей победой советских войск в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Сегодня об этих событиях и видном военачальнике нам напоминают комната-музей, сквер Победы с бюстом Г.К. ЖУКОВА, мемориальная плита на здании Полевого учреждения банка и главная улица городка, названная именем Маршала ЖУКОВА, бывшая улица Центральная.

21 декабря 1996 года состоялись юбилейные мероприятия, посвященные 45-летию формирования 3-й БОН РВГК, впоследствии ставшей 29-й Шяуляйской ракетной дивизией, в которой всю свою ракетную службу прослужил мой отец ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович. В то время родители жили вместе со мной во Власихе. Торжественные мероприятия проводились в Доме офицеров РВСН. Будучи начальником Дома офицеров, подполковником, я вновь встретился со всеми теми офицерами -дobelльчанами, которых я знал с детства, знал по имени, только с приставкой «дядя» — ДУБРОВИН Г.Ф., ВОЛКОВ Л., МИЛЯЕВ, РЫЛОВ В.А., БЕЛОВ и многие другие ветераны полка и дивизии. В семейном фотоальбоме родителей остались коллективные фотографии с этого торжества.

1997 год ознаменовался сменой в руководстве Командования РВСН. 23 мая генерал армии СЕРГЕЕВ Игорь Дмитриевич назначен Министром обороны РФ. Главнокомандующим РВСН стал генерал-полковник ЯКОВЛЕВ Владимир Николаевич, до этого начальник Главного штаба РВСН — первый заместитель Главкома. Начальником Главного штаба РВСН назначен генерал-полковник ПЕРМИНОВ Анатолий Николаевич.

Как известно, новое руководство под себя подбирает и свою команду исполнителей. Так получилось, что рапорт на отпуск в августе я подписывал у начальника Управления генерал-лейтенанта МОРОЗА Николая Максимовича, а через месяц отдыха докладывал о выходе из отпуска уже новому начальнику Управления — полковнику ХОМЕНКО Ивану Егоровичу.

Генерал-лейтенанта МОРОЗ Н.М. отправили из главного вида Вооруженных Сил — РВСН на должность заместителя начальника 12-го ГУ МО РФ по воспитательной работе. На его место новый Главком РВСН ЯКОВЛЕВ В.Н. притянул своего бывшего зама по воспитательной работе из 27-й Владимирской ракетной армии, выходца из прaporщиков, дослужившегося до царского офицерского звания «полковник», ХОМЕНКО Ивана Егоровича. О таких начальниках в служебных характеристиках пишут: «Бывает груб, но только с подчиненными». Офицеры Управления в первые же дни службы под его началом дали ему два прозвища, точно характеризующие новоиспеченного начальника — «Лис Иванович» (его поведение со старшими начальниками) и «Иван Ягуарович» (его поведение с подчиненными).

С приходом этого человека моя служба превратилась в четырехгодичное мучение, череды неприятностей, постоянную нервотрепку и оскорблений, выполнение претящих

мне, шкурных, т.е. личных задач, с «выкручиванием рук», подводных интриг и прочих неприятностей, из-за которых, в конечном итоге, в 44 года я принял решение досрочно уволиться из Вооруженных Сил в запас. Служить бы рад, да прислуживаться тошно. Тем более перед людьми, не чистыми на руку.

Но все по порядку. Еще есть, о чем написать.

О назначении и крутом нраве нового начальника Управления воспитательной работы РВСН я узнал от своего заместителя подполковника Юрия Валентиновича СТРИЖКОВА, по возвращению во Власиху из отпуска. Новый начальник потребовал от Дома офицеров приобрести ему новый ковер, шторы и цветы в личный кабинет, двадцать пять аудиокассет с музыкой по списку и ковровые дорожки в служебную «Волгу», билеты в театры ему и семье Главкома по отдельному списку, букеты живых цветов и прочие подарки. На вопрос СТРИЖКОВА Ю.В., по какой статье все заказанное приобретать, новоиспеченный начальник выгнал заместителя начальника ДО РВСН, сказав, что за деньги и дурак купит, и приказал отозвать меня из отпуска.

15 сентября, наглаженный и постриженный, форму я очень любил и содержал ее с иголочки, я направился для представления новому начальнику Управления. В бывшем кабинете генерал-лейтенанта МОРОЗА Н.М. силами офицеров Управления отчистили стеклами паркетный пол и покрыли его несколькими слоями лака. Полковник ХОМЕНКО И.Е. временно разместился в кабинете своего заместителя. После моего представления согласно уставу, полковник выгнал меня из кабинета, «для приведения внешнего вида в порядок». Я понял намек на мою бороду, ношение которой разрешил Главком СЕРГЕЕВ И.Д. Тут я закусил удила, не меняя ничего в своей внешности, зашел еще через час, доложил. Выслушал в свой адрес поток хамства и грубости, еле сдержался, чтоб не ответить, развернулся и не появлялся у него три дня. Так состоялось наше первое знакомство, как начальника и подчиненного. Хотя до этого я его уже знал.

В марте 1994 года я был на итоговой проверке 10-й ракетной дивизии, в Костроме, в составе комиссии Главнокомандующего РВСН. Проверял общественно-государственную подготовку, состояние воспитательной работы, комнат досуга, военных учреждений культуры дивизии. От меня зависел раздел «Состояние воспитательной работы» итогового доклада председателя комиссии генерал-полковника НИКИТИНА Геннадия Павловича — заместителя главкома РВСН по тылу.

Для поддержки командования дивизии в успешной сдаче итоговой проверки из Владимира приехал заместитель командующего 27-й ракетной армией подполковник ХОМЕНКО И.Е. Я дал хорошую оценку работе офицеров воспитательных структур дивизии, по-доброму, без приукрашиваний, написал свой раздел доклада. Вечером ХОМЕНКО И.Е. пригласил меня на «подведение итогов работы» в кабинет к начальнику ДКРА, где был накрыт товарищеский ужин. Состоялась добрая беседа двух

подполковников — проверяющего и проверяемого, где на его предложение возглавить культуру Владимирской ракетной армии, я отказался. Оба разошлись, удовлетворенные общением и выводами по итоговой проверке.

Не мог не запомнить такого общения, где пришлось заискивать перед проверяющим, злопамятный по характеру Иван Егорович ХОМЕНКО. Теперь он выступал в роли начальника, значит, можно ломать подчиненного под себя. А я не сдавался, хотя такие взаимоотношения сильно переживал. Чтобы не продолжать противостояние и не нагнетать дальше негативно сложившуюся вокруг меня обстановку, бороду через неделю я все же сбрил. Не было в ней великой необходимости. Но тот факт, что уставом Внутренней службы ВС РФ ношение аккуратной бороды разрешалось, тем более она была одобрена Главкомом, а ныне Министром обороны генералом армии СЕРГЕЕВЫМ И.Д., а меня силой заставляют ее сбрить, меня сильно возмутило.

Этот факт, не без усилий моих сторонников, дошел лично до Министра обороны СЕРГЕЕВА И.Д. В ноябре 1997 года в состав РВСН были включены Военно-космические силы и войска Ракетно-космической обороны Войск ПВО. А 17 декабря 1997 года на торжественные мероприятия, посвященные 38-й годовщине образования Ракетных войск стратегического назначения, прибыл лично Министр обороны Маршал РФ СЕРГЕЕВ И.Д. При всем генералитете объединенных РВСН и приглашенных высоких гостях Маршал во всеуслышание обратился к ХОМЕНКО И.Е.: «Ну что, брадобрей? Что-то ты не с того воспитательную работу в РВСН начал! Больше, чем борода начальника Дома офицеров, у тебя проблем в РВСН нет?» Это был удар по самолюбию Ивана Егоровича. Он возненавидел меня всеми фибрами своей души, затаил злость, кусал по поводу и без повода, но побаивался, как бы еще чего не вышло. Достал так, что я несколько раз рапорт на увольнение писал, решил перейти на Лубянку в ФПС, к бывшему заместителю начальника УВР РВСН полковнику ЛЕБЕДЕВУ Юрию Николаевичу. Там меня брали, и я уже прошел собеседование. Но все мои рапорты комкались без подписи и бросались ХОМЕНКО И.Е. на ковер кабинета мне под ноги.

Следом за собой в ноябре 1997 года полковник ХОМЕНКО И.Е. назначил ко мне в Дом офицеров своего ставленника и доверенное лицо — капитана ГОЛУБА Анатолия Николаевича, тоже выходца из прaporщиков-комсомольцев, из Козельской ракетной дивизии. При первом инструктаже ГОЛУБА А.Н. начальник УВР РВСН определил ему место: «В Доме офицеров ты, Толя, мои глаза и уши». Эти глаза и уши в течение четырех лет делали по-тихому за моей спиной и против меня свое неблаговидное дело исправно. Дослужился он до подполковника, до заместителя начальника Дома офицеров и решил «подсидеть меня», чтобы занять должность начальника ДО РВСН. Но у него этого не получилось, хотя прилагалось много усилий.

В марте 1998 года, не желая дальнейшей службы под началом полковника ХОМЕНКО И.Е., к великому моему сожалению, уволился мой добрый однокурсник

и сослуживец, человек творческий, подполковник СТРИЖКОВ Юрий Валентинович. На его должность был назначен ГОЛУБ А.Н.

После объединения РВСН, в Управление пришло много новых офицеров их войск РВСН, ВКС и РКО. Во Власиху прибыли прекрасные специалисты и порядочные люди, офицеры-ракетчики полковники РУЦКИН Юрий Львович, ЧЕРКАСОВ Сергей Григорьевич, РУБАНЧЕНКО Петр Васильевич, СОДЕЛЬ Валерий Владимирович. Из РКО прибыли полковник ИВАНОВ Виктор Васильевич и подполковник ФИЛАТОВ Андрей Михайлович. Со всеми с ними у меня сложились добрые служебные отношения, основанные на уважении и товарищеской поддержке.

В то же время в рядах управленцев появились офицеры, которые, занимая должности старших офицеров и даже начальника отдела, служебными вопросами толком не занимались, за них другие выполняли задачи. Они работали по личному указанию начальника УВР полковника ХОМЕНКО И.Е. Как говорят, «подносчиками патронов» и специалистами по решению «шкурных» вопросов начальника. В их числе полковник ВАСИЛЕВСКИЙ Анатолий Вячеславович и подполковник ПОЗНЯК Филарет Дольматович, которые действовали от имени и по поручению начальника УВР РВСН. Второй сыграл особую негативную роль в моей службе. Обо всем по порядку.

Как бы там ни было, но Дом офицеров выполнял свои задачи по предназначению. 30 октября 1997 года коллектив в торжественной обстановке отпраздновал свою 33-ю годовщину — Годовой день части. В ноябре обеспечили работу учебно-методических сборов руководящего состава Ракетных войск и расширенного заседания Военного Совета РВСН.

Мне запомнилась подготовка Дома офицеров к мероприятиям, посвященным 38-й годовщине образования РВСН. Это был первый День РВСН Ивана Егоровича ХОМЕНКО в Центральном аппарате, за который он отвечал головой. Видимо, не доверяя мне и сотрудникам Дома офицеров в способности качественно подготовить учреждение культуры к большому празднику, а то мы до него их не проводили, полковник ХОМЕНКО И.Е. пошел по своему пути. Для «оказания помощи» он направил в Дом офицеров весь штатный состав своего Управления, предварительно закрепив за каждым офицером участок ответственности — кому туалеты, кому кресла зрительного зала, кому сцена, кабинеты для артистов и командования, и т.п. Два десятка уважаемых офицеров вместо выполнения своего функционала описывали в своей зоне ответственности недостатки по Дому офицеров и шли ко мне, чтобы я их устранил. Кроме суматохи, первотрепки и искусственного ажиотажа, такая помощь ничего хорошего не принесла. Помощники к вечеру расходились, а мы рабочей командой сотрудников Дома офицеров до глубокой ночи работали. Все и так прекрасно знали свои задачи и без указаний «оказывающих помощь». Торжественные мероприятия, как и всегда до этого, провели организованно и качественно.

Уж сколько лет прошло с того времени. Мы часто встречаемся с Валерием Влади-мировичем СОДЕЛЬ, полковником, тогда бывшим начальником отдела воспитатель-ной работы Управления, и смеемся, вспоминая, как он «лично головой» перед ХОМЕН-КО И.Е. отвечал за состояние администраторского туалета, и что он помнит каждый гвоздик, вбитый в оконные штапики, и все трещинки на настенной плитке в туалетных кабинках. Вот до чего доходило!

Наступил 1998 год. Этот год был насыщенный событиями, как в служебной, так и в семейной жизни.

Что касается службы, этот год для Дома офицеров РВСН Главнокомандующий РВСН генерал-полковник ЯКОВЛЕВ В.Н. определил, как «генеральная репетиция по проведению торжественных мероприятий к 40-летию образования РВСН». Поэтому требовалось провести капитальный ремонт здания, подготовить хорошую концертную программу, с участием известных артистов театра, кино и эстрады.

Сколько сил, времени и энергии ушло на подготовку и согласование документов, на включение Дома офицеров в титульный план капитального строительства на 1998 год! Сколько было обхожено порогов военачальников для сбора подписей! Сколько было планов по реконструкции! В итоге, как всегда, в режиме ошпаренной кошки, круглосуточно работая, за месяц до проводимого мероприятия, провели ремонт на видных местах — фасад здания, центральный вход, фойе, зрительный зал, туалеты. Но, ни пожарные насосы, ни электропроводка, ни другие важнейшие объекты жизнеобеспечения Дома офицеров заменены не были.

27 марта 1998 года состоялось торжественное освящение Патриархом Московским и Всея Руси АЛЕКСИЕМ ВТОРЫМ Храма Преподобного Илии МУРОМЦА с приде-лом Святой Великомученицы Варвары, построенного на пожертвования ракетчиков во Власихе. В мероприятии принимали участие Министр обороны РФ Маршал СЕРГЕ-ЕВ И.Д., Командование РВСН и личный состав Власихинского гарнизона, жители во-енного городка. Озвучивание и фотографирование праздничного молебна возложило на Доме офицеров РВСН, с чем мы успешно справились.

20 апреля 1998 года Игорю Дмитриевичу СЕРГЕЕВУ, Министру обороны Россий-ской Федерации, первому Маршалу РФ, Герою России исполнилось 60 лет.

26 апреля 1998 года на базе Дома офицеров РВСН прошли сборы председателей женсоветов Ракетных войск. Для этого мероприятия был капитально отремонтиро-ван и оборудован в современном стиле зал «Офицерского кафе». Главнокомандующий РВСН генерал-полковник ЯКОВЛЕВ В.Н. остался доволен проведенной работой. Вы-сокую оценку дали и женские активистки, приехавшие из ракетных гарнизонов со всех уголков необъятной России.

14 сентября 1998 года приказом Министра обороны РФ № 012216 мне было при-своено очередное воинское звание «полковник». Это был праздник и мой личный,

и коллектива Дома офицеров, и моей семьи. Отец этому повышению был рад, не меньше, чем я сам. За сорока восьмилетнюю историю Дома офицеров РВСН было восемь его начальников. Шестерых я уже называл. После меня Дом офицеров возглавил подполковник РУБЕЛЬ Евгений Евгеньевич. И последним начальником ДО РВСН стал подполковник САВАЛЮК Юрий Богданович. Кроме майора СТЕПКИНА В.П., все выпускники Львовского ВВПУ разных лет. И только двое — ЦЫБОВ П.Г. и ЕРЕМЕЕВ А.А. были в воинском звании «полковник».

30 октября 1998 года отметили 34-ю годовщину Дома офицеров РВСН и продолжили подготовку к 39-й годовщине образования РВСН, к так называемой «генеральной репетиции 40-летия РВСН».

Пришла дата 17 декабря 1998 года, 39 лет РВСН. В один день в Доме офицеров проводилось сразу три серьезных мероприятия. Работники Дома офицеров разрывались от наплыва задач и вводных. Я, как положено по уставу командиру части встречал в центральном фoyе высоких гостей и сопровождал их по расположению Дома офицеров.

В 13 часов с праздничного молебна из Храма на трапезу прибыл Патриарх АЛЕКСИЙ ВТОРОЙ со свитой, с последующим участием в торжественном собрании.

Пока первые трапезничали, в 14 часов я встречал вторую делегацию во главе с Министром Внутренних Дел РФ СТЕПАШНЫМ Сергеем Вадимовичем. Он прибыл вместе с министрами МВД республик и областей, приехавших на двух больших комфортабельных автобусах с целью отобедать в «Офицерском кафе» по завершению проводимых министерских сборов.

В 15 часов я встречал Главнокомандующего РВСН генерал-полковника ЯКОВЛЕВА В.Н., прибывшего на торжественное собрание в честь 39-й годовщины РВСН. Пока ждал его приезда, на центральном входе Дома офицеров появился начальник Военной академии РВСН имени Петра ВЕЛИКОГО генерал-полковник СОЛОВЦОВ Николай Евгеньевич, который по старой традиции, когда еще был первым замом Главкома РВСН, проходя мимоходом, сунул мне свою фуражку со словами «передай моему водителю в машину». Нести мне было некогда, с минуту на минуту должен прибыть Главком, и я отдал фуражку своему заместителю — майору ГОЛУБУ А.Н. Тот передал заместителю по тылу ЛЫЧ Наталье Васильевне. Та передала солдату комендантского взвода. Солдат унес по указанному номеру машины. Встретили Главкома, началось мероприятие.

Когда генералитет и приглашенные гости после праздничного концерта собрались переезжать в столовую № 1 на прием Главнокомандующим и Военным Советом Ракетных войск, фуражки генерала СОЛОВЦОВА Н.Е. не оказалось. Откуда мог знать боец комендантской службы, что цифры номеров служебных машин начальника военной академии и депутата Государственной Думы совпадали. Он и отдал водителю

ЖИРИНОВСКОГО В.В., сказав, что просили положить в машину. Сказали, так клади. Так фуражка и уехала. Долго мне припоминал свою фуражку Николай Евгеньевич СОЛОВЦОВ, но беззлобно.

Что касается семьи, то 1998 год начался с госпитализации отца в 25 ЦВКГ, его сильно душил кашель. Пролежал он там около двух месяцев и по выходу из госпиталя сразу засобирался в Арзамас. Основные вещи уже были перевезены и установлены в отремонтированной квартире. Теперь он купил гараж-пенал для своей «Ласточки» и добился места его установки рядом с жилым арзамасским домом. Родители выписались из Власихи и уезжали в Арзамас на постоянное место жительства. Требовалось перевезти последние вещи и приобретенный гараж.

На счет транспорта вопрос был решен положительно с командиром ОРБ подполковником СЛАВСКИМ Ильей Владимировичем. Его военный КамАЗ шел пустым в Нижний Новгород на центральную автомобильную базу РВСН для получения запчастей. Загрузили крытый грузовик вещами. Сами с отцом на «Жигулях» впереди, за нами КамАЗ с водителем и старшим машины майором ГРЯЗНОВЫМ Александром Владимировичем, с ними в кабине мой младший сын Сережка. 28 марта в Арзамасе нас уже ждал Эдик, приехавший на своем «Опеле» из Печоры.

Встретились, поужинали, заночевали в квартире. А утром принялись за разгрузку и установку гаража-пенала. К обеду рядом с трансформаторной будкой красовался новенький оцинкованный металла гараж. Соседи по дому так и не поняли, когда этот гараж появился. На работу уходили, еще ничего не было. А шли на обед, гараж стоит. Самым непонятливым и недовольным жильцам-соседям отцу приходилось показывать разрешительные документы городских властей на его установку.

В мартовскую распутицу по Озеркам на легковой машине проехать весьма проблематично. Нам же нужно было набрать картошки, которую по осени собрали и заложили в бетонный бункер во дворе у дяди Коли. Поехали в сопровождении КамАЗа и правильно сделали. «Жигули» оставили у магазина. Дальше распутица, не проехать. Отец нашел своего родного брата быстро и совершенно не удивился его пьяненькому состоянию. Но когда в бункере не обнаружил картошки, проданной и пропитой дядькой, то не на шутку рассвирепел. Не мог он простить брату загубленный труд свой, сына и школьников-внуков. Сколько мы той осенью мешков картошки собрали, отвезли на тачке и спустили в глубокий бункер! Ничего не осталось, даже семенной картошки. Получил «дядя Сарай» от отца в прямом смысле по уху. Развернулись и уехали с тяжелым сердцем.

К 1998 году условный срок Эдика прошел, судимость была снята, он восстановлен в воинском звании «майор». Брат решил вновь призваться и продолжить службу в Вооруженных Силах. К этому времени его авиационный полк ПВО попал под сокращение и более мелким воинским формированием переводился из Печоры на авиабазу

в Иваново. Путь туда был закрыт, так как своих действующих служивых размещать некуда. Тогда и возникла мысль призвать брата в РВСН. И призвали. Конечно, процесс этот был не таким быстрым. Но призвали. Благодаря Петру Миновичу МЕДВЕДЧУКУ, Главкому РВСН генералу армии ЯКОВЛЕВУ Владимиру Николаевичу и начальнику Управления кадров РВСН генерал-лейтенанту ФЕДОРОВУ Виталию Владимировичу, майор КОТОВСКИЙ Эдуард Владимирович был вновь призван в Вооруженные Силы, в Ракетные войска, заместителем начальника автомобильной службы арсенала РВСН «Суроватиха», а вскоре он стал начальником транспортного отдела.

В 1998 году мои родители окончательно переехали в Арзамас. В Доме офицеров старшим инструктором по работе среди семей военнослужащих работала ПАШНИНА Марина Николаевна, энергичная и творческая женщина. Она была разведена и одна воспитывала двух сыновей. Совместная работа, нормальные человеческие чувства и симпатии, необходимость вырастить, поставить на ноги и вывести в самостоятельную жизнь своих детей, сподвигли нас объединить эти усилия без штампов в паспортах. Две семьи объединились и переехали жить в мою квартиру. Так пять лет мы с Мариной Николаевной жили гражданским браком, вместе работали и растили четырех мальчишек — погодков: Андрея ЕРЕМЕЕВА 1983 года рождения, Диму ПАШНИНА 1984 г.р., Андрея ПАШНИНА 1985 г.р. и Сергея ЕРЕМЕЕВА 1987 г.р.

Всякое было во взаимоотношениях между ребятами. Самым добрым, покладистым и настоящим помощником в доме был Андрей ПАШНИН. Самым эгоистичным, вечно всем недовольным и непредсказуемым Дима ПАШНИН, из-за которого возникали трения и разногласия не только среди проживающих вместе мальчишек, но и, как ком, нарастили между нами с Мариной Николаевной.

Все ребята успешно закончили школу. Лучше всех учился Дима. Середнячками в учебе были Андрей ПАШНИН и Серега ЕРЕМЕЕВ. Андрей ЕРЕМЕЕВ, обладая хорошим чувством юмора и начальными навыками коммерсанта, проявлял леность в освоении учебной программы и частенько пропускал неинтересные ему предметы. За что был отправлен оканчивать 11-й класс средней школы и готовиться к поступлению в военное училище к родной тете КОТОВСКОЙ Елене Анатольевне, в Суроватиху. Тетя Лена и дядя Эдик с детства пользовались, и по сей день пользуются большим авторитетом и любовью у моих сыновей, что у Андрея, что у Сергея.

Андрей ЕРЕМЕЕВ в 2000 году поступил в Военный Университет на факультет культуры и журналистики. Смело пошел по стопам отца, но не дошел. К величайшему моему огорчению, обучаясь уже на предвыпускном, четвертом курсе, старший сын в 2004 году был отчислен из Военного Университета по неуспеваемости. Проще сказать, решил найти правду и пошел против своего начальника курса. Как говорят в армейской среде «пошел в атаку с шашкой наголо против танка». Тот ему и «сделал неуспеваемость» и отчисление из ВВУЗа. Обращался за правдой в военную прокуратуру

и я, но справедливость не восторжествовала. Честь мундира и принятого решения перевесили приведенные веские аргументы и факты злоупотреблений курсовыми офицерами в Военном Университете.

Андрей, конечно, завершил учебу, по своей специальности, восстановившись на третий курс заочного факультета гражданского вуза — в Московском Государственном университете культуры и искусства. Но по его окончании по специальности работать не пошел. Вечные коммерческие идеи и предложения заставляют его менять виды деятельности, места работы, разовые денежные вливания, а толку от этого мало. Скоро мужику тридцать лет, есть прекрасная семья, друзья давно служебную карьеру сделали и идут дальше, а он все в своих поисках золотого руна.

Дима ПАШНИН так же, как и Андрей, поступил в 2001 году в Военный Университет, только на факультет военной психологии. Хорошо учился, успешно закончил его, но службы в армии у него не получилось, хотя прошел контртеррористическую кампанию в Чечне и является участником боевых действий. С помощью друзей и знакомых родителей он поменял несколько мест службы и видов Вооруженных Сил, от Карелии до Камчатки, от пехоты до ракетчика, но так и не прижился, ни в одном воинском коллективе. В 2010 году Дмитрий в звании старшего лейтенанта уволился в запас из Тейковского ракетного соединения, что в Ивановской области. Ни квартиры, ни работы. Куда ни устроится, не уживается и через пару месяцев его увольняют. Живет, в прямом смысле, на шее у матери, в ее квартире, вместе с женой и маленькой дочкой.

Андрей ПАШНИН дважды поступал в Военный Университет. Надо ему отдать должное в целеустремленности в достижении своей цели. В 2002 году поступал по стопам старшего брата на факультет психологии, а в 2003 году — на социологию. Но оба раза, к большому сожалению, не добрал необходимого проходного балла, потеряв веру в честную борьбу при поступлении в одно из элитных военных училищ. Армия только потеряла от того, что такой парень не стал военным психологом или социологом. Трудолюбивый, с добрыми человеческими качествами, организованный и исполнительный человек. Андрей добросовестно отслужил срочную службу рядовым и вернулся домой к матери. Сейчас семейный человек, самостоятельно живет и работает в Москве.

Сергей ЕРЕМЕЕВ был четвертым из наших ребят, поступающих в Военный Университет МО РФ. В 2004 году он поступил, а в 2009 году закончил обучение на факультете культуры и журналистики. Его выпуск совпал с сердюковским развалом Вооруженных Сил в целом, и армейской культуры, в частности. Дома офицеров и солдатские клубы сократили, с военных культпросветработников сняли погоны. Поэтому дипломированному начальнику клуба воинской части, со штатной категорией «капитан», лейтенанту ЕРЕМЕЕВУ Сергею Анатольевичу, как желающему продолжать армейскую службу, предложили должность заместителя командира стрелковой роты по

воспитательной работе, то есть с понижением в штатной должности. Став старшим лейтенантом, четвертый год Сергей продолжает службу в этой должности. Женился, живет в офицерском семейном общежитии во Власихе.

В конечном итоге, в конце 2003 года наш временный союз ЕРЕМЕЕВЫХ и ПАШНИНЬИХ распался и мы мирно, по-доброму расстались, больше ничем и никому не обязаные. Не сложилось, не получилось. Время показало, что два представителя одного знака Зодиака — «Стрельца», два руководителя-лидера, с замашками покомандовать не только на работе, но и дома, два трудоголика, работающих до позднего вечера, в ущерб семье и домашнего хозяйства, в одной семье не ужились. Просто осталисьуважаемыми, обоюдно хорошими знакомыми и бывшими друзьями.

Это было позже, а пока во Власихе шел 1999 год — год 40-летия образования РВСН. Большая часть служебной деятельности Управления воспитательной работы и Дома офицеров РВСН была направлена на решение организационных вопросов по качественной подготовке юбилейных мероприятий. В канун празднования, ряд мероприятий и встреч планировалось провести в Доме офицеров, а торжественное собрание и праздничный концерт, непосредственно 17 декабря в Москве, в Государственном Кремлевском Дворце.

К 40-летию РВСН на площади Дома офицеров установили ракетную экспозицию, символизирующую их единство в составе трех родов — ВКС, РКО и РВСН. Эта идея принадлежала энергичному и хозяйственному начальнику гарнизона генерал-лейтенанту СУББОТИНУ Алексею Гавриловичу. Идея была поддержана Главкомом РВСН генералом ЯКОВЛЕВЫМ В.Н.

Раньше на этой зеленой лужайке, в бытность начальником ДО РВСН Петре Георгиевиче ЦЫБОВЕ, выращивались кусты алых роз. При Петре Миновиче МЕДВЕДЧУКЕ на ней стоял фюзеляж настоящего пассажирского самолета, который использовали как кинотеатр, где детям показывали мультфильмы. Пока не сожгли. Теперь установили экспонаты боевой стратегической ракеты 15А16, космической ракеты «Циклон» и спускаемого аппарата космической аэрофотосъемки, отслужившего свой срок и реально побывавшего в космосе. Его привезли на место установки с обгоревшей обшивкой при спуске в плотных слоях атмосферы. Потом покрасили для эстетики серебрянкой. Площадку облагородили тротуарной плиткой, декоративной парковой зеленью и удобными скамейками для отдыха, разбили цветочные клумбы, а рядом детскую площадку.

Вновь назначенный начальник гарнизона генерал-майор СВИДЕРСКИЙ Константин Владичевич удачно добавил в эту ракетную экспозицию летний фонтанарий. В теплые летние дни брызги бьющих фонтанов, играющие всеми цветами радуги в солнечных лучах, приятно увлажняют и освежают разогретый зноем воздух. Это место стало излюбленным местом для прогулок молодых мам с колясками и играющими

малышами, отдыха представителей старшего поколения и вечерних встреч неугомонной молодежи. Гости, посещающие Власиху, считают обязательным сфотографироваться у этих ракет. Так ракетная экспозиция у Дома офицеров РВСН стала визитной карточкой столицы стратегических ракетчиков.

Для написания сценария проведения торжественного собрания в ГКД, Командование РВСН приняло решение привлечь известного режиссера современности Романа ВИКТЮКА, определив в Смете подготовки оплату его творческого труда. Для первой встречи с Р. ВИКТЮКОМ, ставший уже генерал-майором ХОМЕНКО И.Е., вечером после рабочего дня поставил задачу заместителю начальника отдела воспитательной работы Управления полковнику СОДЕЛЬ Валерию Владимировичу и мне — к утру следующего дня написать свой вариант сценария, чтобы предложить в виде «рыбы» известному театральному режиссеру.

Наскоро перекусив дома, купив по паре баклажек пива, набив портфели необходимой литературой по тематике РВСН, два полковника-сценариста в восемь часов вечера сели за работу в 3-м служебном здании, в служебном кабинете В.В. СОДЕЛЯ. На этаже тишина, все разошлись по домам. Как ИЛЬФ и ПЕТРОВ, в две головы, мы принялись за дело. За стеной трудился припозднившийся полковник ЧЕРКАСОВ Сергей Григорьевич — начальник отдела военно-социальной работы, корпящий над очередным докладом начальнику и дымящий сигаретой за своим компьютером. Он усиленно боролся за укрепление воинской дисциплины в Ракетных войсках, иногда навещая нас. Он нам не мешал, но нашего пива отхлебнул достойно, да не один раз.

В творческих муках, под пиво и сигареты, к семи часам утра наш труд был завершен и передан лично в руки прибывшему на службу начальнику УВР генералу ХОМЕНКО И.Е. До обеда нам дали отдохнуть после бессонной ночи. Придя на службу после отдыха, мы узнали следующее: режиссер Роман ВИКТЮК у ХОМЕНКО был. Внимательно прочитав наше ночное творение, режиссер сказал, что сценарий полностью готов к воплощению в жизнь, причем, без изменений. Цена вопроса этому сценарию 33 тысячи долларов. Поблагодарил Ивана Егоровича за проделанную за него работу и убыл восвояси с нашим вариантом сценария. Начальник объявил устную благодарность нам — авторам сценария проведения юбилейного вечера в Большом Кремлевском Дворце в честь 40-летия РВСН.

17 декабря 1999 года с родителями и детьми, в составе организованной большой колонны из восемнадцати заказанных комфорtabельных автобусов, нас доставили к Кремлю. Впервые за долгие годы службы свой 41-й день рождения я праздновал свободным от выполнения служебных задач. Был просто зрителем в зале Кремлевского Дворца! Все происходящее действие на сцене Дворца слово в слово и кадровые киносюжеты соответствовало нашему с Валерой СОДЕЛЕМ сценарию. Единственным новшеством, которое было внесено в финал нашего сценария, несколько шокировало

зрителей. И заключалось оно в следующем: начальник ансамбля песни и пляски Ракетных войск «Красная Звезда», Народный артист России, полковник БАЖАЛКИН Анатолий Nikolaевич, в завершении концерта, как и положено, дирижировал. Но дирижировал не своим родным армейским творческим коллективом — хором, музыкантами оркестра и танцорами балета, а огромной пустой сценой и взлетающим из черной глубины сценического задника, неудачного по исполнению, макета ракеты. И все это на фоне звучащей в аудиозаписи хора ансамбля песни, для ракетчиков гимновой значимости, с названием «Ракетные войска». Никак творческой изюминкой не назовешь. Скорее глупостью.

На другой день свое торжество смотрели в записи, транслируемое по программе Центрального телевидения. В конце передачи в бегущей строке титров было написано, что под руководством генерал-майора ХОМЕНКО И.Е. над сценарием работали: полковник ВАСИЛЕВСКИЙ Анатолий Вячеславович (которого и минуты рядом не стояло), полковник СОДЕЛЬ Валерий Владимирович и полковник ЕРЕМЕЕВ Анатолий Анатольевич. Спасибо, что не забыли последних.

2000 год, завершающий XX век, был високосным и многособытийным. Причем события чередовались, как цвета на зебре: то черные, то белые. Приведу только несколько событий этого года.

Встретив новый 2000 год, я со 2 января по 2 февраля убыл догуливать отпуск за 1999 год. Подготовка к 40-летию РВСН не позволила мне из-за занятости догулять положенные дни отдыха. Жизнь меня научила, что если в первом квартале наступившего года не догулял свой прошлогодний отпуск, то ты безвозвратно даришь его государству. Такой у нас закон. На себе прошел эту истину. Этот месяц посвятил подготовке к поступлению сына Андрея в Военный Университет МО РФ.

23 февраля 2000 года состоялось торжественное вручение Штандарта Главнокомандующего РВСН генералу армии ЯКОВЛЕВУ В.Н. Это целый торжественный процесс, прописанный как воинский ритуал. Проводился он в левом фойе Дома офицеров РВСН. За мероприятие отвечал и его проводил начальник Главного штаба РВСН генерал-лейтенант ХУТОРЦЕВ Сергей Владимирович.

13 марта 2000 года от рук бандита у своего дома во Власихе погибает бывший начальник ДО РВСН подполковник запаса БАРАБАШ Олег Владиленович. С трудом получил разрешение у своего руководства о проведении прощания с телом БАРАБАША О.В. в здании Дома офицеров. Провели похороны. Приехали много его однокашников по Львовскому училищу. Собрались в кабинете у МЕДВЕЧУКА П.М., тоже его однокашника по Львову. Поминали добрым словом Олега, вспоминали львовские курсантские годы, листая старые курсантские фотоальбомы.

24 июня 2000 года выехал в Суроватиху, на выпускной вечер старшего сына Андрея. Спасибо огромное родной сестре Лене. Она здорово за год подтянула в успеваемости

Андрея, что позволило ему, став абитуриентом, успешно сдать вступительные экзамены в Военный Университет МО РФ и быть зачисленным курсантом факультета культуры и журналистики.

С 5 июля по 20 августа 2000 года отдохну в отпуске в Озерках. Андрей поступил в Военный Университет и проходил курс молодого бойца. Отец с мамой, сестра Лена и наша младшая детвора Сережка, Светланка и Лешка тоже в деревне, помогают по хозяйству и гуляют на свежем воздухе, не вылезают, как лягушата, из прохладной и чистой речной воды. Все идет хорошо. Ежедневно хожу на Тёшу ловить речную рыбу. Часто выезжаем с Сашей ЕЛИСЕЕВЫМ и Николаем Степановичем ЕРЕМЕЕВЫМ, моим родным дядей, за карасем на пруды в деревню Гаврилово и село Новоспасское, расположенное за районным центром Шатки. С отцом выходим в лес на тихую охоту за белыми грибами и валуями. На выходные дни из Суроватихи приезжает Эдик. Вместе работаем на строительстве дачи КОТОВСКИХ, по вечерам у прудка отдыхаем, варили уху, жарим шашлыки.

В один из дней отпуска, поработав на славу, решили съездить на рыбалку с ночевкой в село Спасское — отец, я и Эдик. Приготовили все необходимое для костра и ухи, взяли надувную лодку, продукты для мужской компании, загрузили «Опель» Эдика и собирались отъезжать. В последний момент, прибыв с речки, за нами увязались Сережка и Светланка. Отказать детям мы не могли и взяли их собой, как были — в одних сандалиях, шортах и майках. Одним словом, детвора, совсем не подготовлена по одеянию к рыбалке, тем более на вечерней и утренней зорьке. Зато они успели взять с собой ракетки и волан для игры в бадминтон.

Приехали, пока светло разложились на поляне у пруда, оборудовали место под костер, выложили продукты в тенек у припаркованной рядом машины, надули резиновую лодку. Дети пошли играть в бадминтон, а мы махнули по рюмке-другой за удачу на рыбалке. Отец расположился ловить с берега, в прогалине среди высокого камыша, метрах в пятидесяти, левее нашего бивака. Места игры детей и нашего ночлега из-за камыша ему видно не было. Нам, выплывшим на резиновой лодке, прекрасно было видно всех на берегу. Вечер был теплый и безветренный. Чтобы Солнце не светило нам в глаза, мы с Эдиком сели ловить рыбу спиной к биваку.

Примерно через час нашей рыбалки местный пастух погнал в село деревенское стадо. Коровушки, привыкшие испить вечером водицы из родного пруда, прежде чем продолжать путь домой, мирно свернули к водоему. Мы ловим, дети, заливаясь от смеха, как звоночки, носятся друг за другом по берегу, мы их слышим. Я уже не помню, кто из нас первый обернулся на бивак, но когда обернулись, было поздно. Рядом с нашей машиной стояли две буренки и невозмутимо хозяйничали в пакетах с провиантом. Пока мы подняли шум и детвора, прибыв, отогнали непрошенных хвостато-рогатых гостей, из наших пакетов в коровье нутро перекочевали и черный хлеб, и батон, с ними

зелень, картошка, морковка и прочие продукты, предназначенные для ухи. Деревенские магазины закрываются рано. Поэтому восполнить утраченный провиант мы не смогли. Так и ели пустую карасиную уху, запивая чаем. Дед весь вечер ворчал на своих зазевавшихся внуков. Ведь им было строго настрого наказано охранять продукты и наш рыбацкий бивак.

Августовская ночь туманная и прохладная. Шорты и майки детей не спасали. Пришлось отдать им свои куртки, укрыть одеялами и уложить спать. Сами поддерживали огонь в костре и наблюдали, как ловко ночью ловят карасей местные аборигены на резинку, при свете керосиновой лампы «Летучая мышь». Мы втроем за вечер поймали два десятка карасей. А местные рыбаки набили крупным карасем по конному ведру. Когда начало светать, утренняя зорька отблагодарила и нас. Клев был отменный. К обеду, довольные рыбалкой, купив в Шатках свежего хлеба, а детям мороженого, мы возвратились домой в родные Озерки чистить и жарить наловленную утром рыбу.

12 августа тревожное сообщение по радио и телевидению — в Баренцевом море затонула АПРК «Курск». Все внимание было приковано к этому горькому событию. Моряков спасти так и не удалось. Причина гибели атомного подводного ракетоносца до конца не доказана, хотя имеет официальное заключение. В 2005 году в свет вышла книга Бориса КУЗНЕЦОВА с названием «Она утонула...» (Правда о «Курске», которую скрыл генпрокурор Устинов). Почитайте, интересные факты и доказательства. В музее РВСН во Власихе, в экспозиционном зале, посвященном Прокуратуре Ракетных войск, размещены одни из бортовых часов АПРК «Курск», остановившиеся на времени произошедшего взрыва — 11 часов 28 минут.

27 августа 2000 года. В учебном центре Военного Университета в поселке Свердловский Щелковского района праздничный день — принятие Военной присяги молодыми курсантами, в числе которых Андрей ЕРЕМЕЕВ. На торжество кнуку из Арзамаса, при парадной форме, приехали отец и дед ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович. На моем служебном Уазике с отцом и ПАШНИНОЙ М. Н. выехали в учебный центр, на присягу. День был безоблачный и солнечный. Мероприятие прошло красиво, торжественно и организованно. Андрея, как и многих других ребят из Москвы и ближнего Подмосковья, отпустили в увольнение на три дня домой.

Сфотографировавшись на память о трех поколениях офицеров ЕРЕМЕЕВЫХ, дед, сын и внук, в сопровождении Марины Николаевны, двинулись в обратный путь, домой во Власиху, где ждал праздничный стол. Двигаясь по МКАД, на фоне ясного неба мы увидели клубы черного дыма, исходящие от шпиля Останкинской телевизионной башни. Приехав домой, включили телевизор, большинство телепрограмм не работало. Диктор сообщил, что на Останкинской башне серьезный пожар и есть человеческие жертвы.

2 сентября 2000 года на меня подготовлено представление к присвоению почетного звания «Заслуженный работник культуры РФ», которое подписано соответствующими

начальниками — генералами ХОМЕНКО И.И. и Главкомом ЯКОВЛЕВЫМ В.Н. и направлено на рассмотрение в Главное управление кадров Министерства обороны, в Москву.

30 октября 2000 года, в 36-ю годовщину образования Дома офицеров РВСН, умер первый его начальник, полковник в отставке ЛЕЙЧЕНКО Александр Евдокимович. Праздник перенесли на более поздний срок. Занимались похоронами.

22 ноября 2000 года. В Доме офицеров собран весь руководящий состав РВСН и гарнизона. Приехал начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал армии КВАШНИН А. со своей командой генералов по вопросу реформирования и сокращения Ракетных войск стратегического назначения. Сопровождая из зрительного зала по левому фойе двух генералов армии КВАШНИНА А.В. и ЯКОВЛЕВА В.Н., становлюсь невольным свидетелем очень резкого их диалога, на повышенных тонах, без выбора выражений. Казалось, что еще бы чуть продолжения этого спора и они схватились бы за грудки. Из эмоционального заявления Главкома РВСН ЯКОВЛЕВА В.Н. о том, что он не будет могильщиком РВСН, я понял, что над Ракетными войсками серьезно сгостились черные тучи и хорошего в ближайшее время нам ждать нечего.

Конец ноября 2000 года. Я вызван на собеседование к начальнику Главного управления воспитательной работы ВС РФ генерал-полковнику АЗАРОВУ Виталию Михайловичу, на предмет рассмотрения моей кандидатуры на должность начальника Культурного Центра Вооруженных Сил имени М.И. ФРУНЗЕ. Как выяснилось, мою кандидатуру предложил лично Министр обороны РФ маршал РФ СЕРГЕЕВ И.Д. Собеседование я прошел, подготовлено и ушло по инстанциям на согласование и утверждение мое представление.

В канун Нового 2001 года Президент России ЕЛЬЦЫН Борис Николаевич уходит в отставку и предлагает народам России на этот высокий государственный пост доселе невиданную и неслыханную в стране кандидатуру Владимира Владимировича ПУТИНА. Запойная эпоха ЕЛЬЦЫНА Б.Н. ушла. Началась эпоха новых перемен и преобразований в России.

Наступил 2001 год. В марте последний в новой России военный Министр обороны маршал России СЕРГЕЕВ И.Д. отправлен в отставку. 28 марта его место занял свой человек нового Президента РФ ПУТИНА В.В. и теперь у нас гражданский министр военного ведомства ИВАНОВ Сергей Борисович. Началась перетряска Ракетных войск и всего ракетного в Министерстве обороны. Чтобы убрать неудобного официальной Москве Главкома РВСН генерала армии ЯКОВЛЕВА В.Н. с занимаемой должности, Генштаб во главе с пехотинцем генералом армии КВАШНИНЫМ А.В., выходцем «из пиджаков», предлагают провести коренные изменения в организационно-штатной структуре и сокращении РВСН.

Указом Президента РФ от 24 марта 2001 года с 1 июня 2001 года РВСН, как вид Вооруженных Сил, преобразуется в два самостоятельных рода: РВСН и Космические войска.

26 апреля 2001 года на должность командующего РВСН назначается начальник Военной академии Ракетных войск имени Петра ВЕЛИКОГО генерал-полковник СОЛОВЦОВ Николай Евгеньевич — хорошо известная иуважаемая среди стратегических ракетчиков личность, профессиональный командир — ракетчик.

Космические войска возглавил начальник Главного штаба РВСН генерал-полковник ПЕРМИНОВ Анатолий Николаевич. С ним, предав и облив грязью своего команда генерала армии ЯКОВЛЕВА В.Н., на должность начальника Управления воспитательной работы КВ перешел и генерал ХОМЕНКО Иван Егорович. Причем, накануне раздела РВСН Главком ЯКОВЛЕВ В.Н. присвоил своему неблагодарному «протеже» очередное воинское звание «генерал-лейтенант». С уходом ХОМЕНКО офицеры воспитательных структур Ракетных войск облегченно вздохнули, а в Космических войсках взвыли. Но я рано порадовался его уходу, не зная, какую мину мне подложил Иван Егорович вместе со своим приближенным «подарконосцем» полковником ПОЗНЯКОМ Филаретом Дальматовичем.

Прощаясь с Ракетными войсками, Главком ЯКОВЛЕВ В.Н. объехал все воинские части и учреждения с целью поблагодарить за совместную службу. 24 мая 2001 года он прибыл к нам в Дом офицеров, где в читальном зале вручил памятные сувениры и подарки, сказал добрые слова за работу всему коллективу учреждения культуры.

28 мая 2001 года приходят указания командирам частей и учреждений от начальника Штаба РВСН генерал-лейтенанта ХУТОРЦЕВА С.В.— «к 18 часам сего дня представить лично рапорта о готовности к выполнению задач по предназначению в составе РВСН, как рода Вооруженных Сил РФ».

30 мая 2001 года в Доме офицеров РВСН собраны все генералы и офицеры Центрального аппарата и Власихинского гарнизона. Генерал армии ЯКОВЛЕВ В.Н. прощался, оставляя должность Главкома, а генерал-полковник СОЛОВЦОВ Н.Е.ставил всем задачи, как вновь назначенный командующий РВСН. Начинался новый этап в развитии Ракетных войск стратегического назначения.

Сопровождая генерал-полковника СОЛОВЦОВА Н.Е., становлюсь свидетелем разговора между командующим РВСН и прокурором Ракетных войск генерал-лейтенантом юстиции ВЕРТУХИНЫМ А.Н. Суть его заключалась в том, что командующий просил прокурора «вывернуть наизнанку» все воинские части и учреждения на предмет законности в расходовании материальных и денежных средств. Я этому не придал никакого значения, считая, что у меня в Доме офицеров все в порядке. Ревизоры у нас работали часто и регулярно. Серьезных нарушений выявлено не было.

5 июня 2001 года в Доме офицеров состоялась встреча командующего РВСН с жителями Власихи по изучению и разрешению проблем военного городка. СОЛОВЦОВ Н.Е довел перспективы развития РВСН, в том числе и жилищное строительство во Власихе, выслушал пожелания военнослужащих и членов их семей. Такие встречи он проводил регулярно раз в квартал.

С приходом к руководству РВСН Николая Евгеньевича СОЛОВЦОВА сразу наметился прогресс в строительстве жилых домов для ракетчиков. За девять лет его командования войсками сданы новые дома № 23 и № 24 на улице Заозерной. Построен микрорайон «Спортивный» из пяти многоэтажных домов по улице Маршала ЖУКОВА. За ним сдан микрорайон «Тополек» в четыре семнадцатиэтажных дома. Сдан жилой дом и семейное общежитие квартирного типа у госпиталя в Одинцово. Началось строительство нового микрорайона «Школьный» на три тысячи жителей, со школой и детским садом. Завершилось строительство семнадцатиэтажного дома № 25 на улице Заозерной. Ракетчики и их семьи, годами маявшиеся в казармах и общежитиях, начали получать свое благоустроенное жилье.

10 июля 2001 года иду представляться очередному новому начальнику Управления воспитательной работы РВСН. На эту должность прибыл первый заместитель командующего Омской ракетной армии генерал-майор КАЛИНИЧЕНКО Николай Иванович. Внимательно выслушав мой доклад, Николай Иванович спокойно предложил на следующий день лично ознакомиться с Домом офицеров и его коллективом. Что и сделал. Прибыл, все осмотрел, пообщался с работниками, сделал свой вывод. Главное — не вмешивался в налаженный ход работы Дома офицеров.

Из первых дней общения с ним я вынес то, что это не горлохват ХОМЕНКО И.Е., а мудрый командир, с уважением относящийся к своим подчиненным. Он не был профессиональным политработником. Дипломированный командир с огромным служебным опытом работы. Николай Иванович возражал этому назначению, но спорить с командующим РВСН СОЛОВЦОВЫМ Н.Е. не стал и прибыл во Власиху один, без семьи, видимо зная, что скоро возвратится обратно в Омск.

За год службы под его началом мы ни разу не слышали грубого слова или повышения тона в голосе, только мудрый совет старшего товарища. Настолько приятный человек, наделенный народной мудростью. Оказалось, что Николай Иванович тоже большой любитель бильярдной игры и рыбалки. В свободное от службы время мы вместе играли на бильярде, выезжали на рыбалку. Служба с генералом КАЛИНИЧЕНКО Н.И. была отдушиной после ухода ХОМЕНКО И.И.

18 июля 2001 года на Казанском вокзале из Озерок встречаю ЕРЕМЕЕВА Михаила Николаевича, дядьку моего отца, 1925 года рождения, пенсионера, заслуженного учителя. Дядя Миша всегда уезжал из Озерок домой в Узбекистан с ведром соленых грибов-валуев. Пообедали дома во Власихе, пообщались, провел для него экскурсию

по Власихе и вечером проводил обратно на Казанский вокзал, посадив на ташкентский поезд. С этого дня дядю Мишу ЕРЕМЕЕВА я больше не видел. Наша встреча была последней.

С 25 июля ухожу в очередной отпуск за 2001 год. Как всегда еду в родные Озерки, ибо только там отдаю душой и телом, занимаясь любимой рыбалкой и сбором грибов. В этот период, с 31 июля по 11 августа, из Власихи в гости к родителям приезжают их старые и добрые друзья-сослуживцы ДУБРОВИНЫ Геннадий Федорович и Галина Илларионовна, с внучкой. Лето очень жаркое. 1 августа празднуем очередной день рождения брата Эдуарда КОТОВСКОГО, сколотив из досок стол прямо в огороде, под старыми ветлами. Сруб его дачи стоит под крышей, но еще без окон и дверей. Своей бани пока не построено. Все живем в старом родительском доме и в палатках. Труднее всего в тесноте и духоте приходится Галине Илларионовне, с ее повышенным давлением. Но она героически терпит неудобства, ожидая вечерней прохлады. Приобщил к рыбалке Геннадия Федоровича. Ездим в Гаврилово за карасями, ходим на речку за плотвой, окунями и пескарями, заодно купаемся в чистой, прохладной речной воде. После обеда и выпитой рюмочки ветераны РВСН ДУБРОВИН Г.Ф. и ЕРЕМЕЕВ А.С., сидя на завалинке, вспоминают свою добельскую и шяуляйскую службу, листая многочисленные, с любовью оформленные, отцовские фотоальбомы.

На всю деревню один телефон в доме у наших родственников ПИСАНОВЫХ, оставшийся еще от колхозного бригадира орденоносца тети Ольги ДЕНЩИКОВОЙ. Мобильные телефоны только входили в обиход, и такового у меня в то время еще не было. Поэтому номер этого телефона, убывая в отпуск, я оставил, на всякий случай, своему заместителю подполковнику ГОЛУБУ Анатолию Николаевичу. Этот случай появился.

16 августа ГОЛУБ А.Н. вызывает меня на связь, сообщая, что началась очень серьезная финансово-хозяйственная ревизия. Пять ревизоров по различным направлениям деятельности будут работать три недели. Такого за семь лет моего руководства Домом офицеров еще не было.

Через два дня Анатолий Николаевич снова позвонил, сообщив, что проверяют с пристрастием, и попросил досрочно выйти из отпуска. После таких новостей мне расхотелось отдыхать и ждать пока проверяющие ревизоры наломают дров. Вернулся во Власиху и вышел на службу. Из общения со старшим ревизором и агрессивному настрою членов комиссии, я сразу понял, что проверка не простая, она является логическим продолжением диалога между командующим РВСН и прокурором РВСН на крыльце Дома офицеров 30 мая этого года.

10 сентября ревизорская комиссия закончила свою трехнедельную работу и составила довольно жесткий акт. По каждому пункту этого акта я написал свои возражения и приложил к документу, написанному ревизорами. На другой день и акт ревизии,

и мои возражения по акту были переданы начальникам Финансовой инспекции и Финансово-экономического управления РВСН.

Конечно же, мои возражения этими начальниками восприняты не были. Не для этого проверяли. Главный финансист Ракетных войск генерал-майор ГУСЕВ С.Ю. составил такую короткую докладную на имя командующего РВСН с цифрами и фактами упущеной выгоды и недостачи, что на меня хоть сейчас «наручники надевай».

Командующий генерал-полковник СОЛОВЦОВ Н.Е., прочитав документ генерала ГУСЕВА С.Ю., наложил резолюцию прокурору РВСН: «Прошу проверить изложенные факты». Главным в акте ревизии была забита недостача имущества почти на 30 тысяч рублей. Это уже серьезное обвинение. Главный бухгалтер Дома офицеров СМИРНОВА Александра Егоровна, добросовестная и порядочная женщина пенсионного возраста, не выдержав такой проверки, слегла, а следом и уволилась с работы. За ней уволилась мой боевой помощник по МТО и АХВ ЛЫЧ Наталья Васильевна. Наступало мое время одному ждать прихода прокурорских работников и оправдываться, доказывая обратное.

11 сентября 2001 года, находясь по делам в 1-м служебном здании, зашел к начальнику гарнизона генерал-лейтенанту СУББОТИНУ А.Г., поделиться последними событиями, связанными с проведенной ревизией. Алексей Гаврилович, как исполин, сидел за своим столом без галстука, с расстегнутым воротом рубашки. У стены работал телевизор. Налили чай, разговариваем. Тут по экстренным новостям показывают горящее высотное здание в Нью-Йорке и сообщают о врезавшемся в него самолете. Через несколько минут на экране в рядом стоящее здание врезается и взрывается еще один самолет. Горят и рушатся два брата здания-небоскребы Всемирного торгового центра. Это были события террористического акта в США.

17 сентября 2001 года приходит сообщение, что погиб соучредитель и товарищ по предпринимательской деятельности в ООО «БК» БАРАБАША О.В. Геннадий Анатольевич КОСОВСКИЙ. Их фирма одно время арендовала помещение в Доме офицеров РВСН. Название ООО «БК» пошло от первых букв их фамилий. Знал их обоих только с хорошей стороны. Так же, как и Олег, Геннадий был убит бандитом средь бела дня у своего гаража, рядом с домом. Что-то было не так в коммерческой деятельности, видимо с кем-то не поделились. Жестокое время рыночной экономики и бандитизма.

23 сентября 2001 года с заместителем начальника УВР РВСН полковником РУЦКИНЫМ Юрием Львовичем вывозим на рыбалку, на пруд в деревне Хаустово, за Звенигородом, начальника управления генерала КАЛИНИЧЕНКО Н.И. Там, где летом хорошо налавливали плотву и крупного карася, в этот день, как на зло, ничего не клевало. Николай Иванович поймал пару окуньков, мы вообще ничего не поймали. Рыбалка не удалась. Отдохнули на свежем воздухе, перекусили у костра и вернулись во Власиху.

Начало октября 2001 года. Наконец ФЭУ РВСН подобрало в Дом офицеров начальника финансовой части — главного бухгалтера. Одинцовец, выпускник Ярославского высшего военного финансового училища, капитан запаса, бывший начфин мотострелковой бригады на Дальнем Востоке, МАТЯШ Евгений Владимирович. Работать стало намного легче. Тем более, началась компьютеризация всей финансово-хозяйственной деятельности, а Евгений Владимирович в этом вопросе был хорошо подкован.

30 октября 2001 года отмечали 37-ю годовщину образования Дома офицеров РВСН. На торжественном собрании и праздничном вечере присутствовал начальник УВР РВСН генерал-майор КАЛИНИЧЕНКО Н.И.

3 ноября 2001 года в Доме офицеров проводим большой концерт учащихся и преподавателей Лесногородской детской музыкальной школы. В этой школе работала моя покойная жена Ирина, в ней учились и закончили по классу фортепиано оба моих сына — Андрей и Сергей. С директором школы КОЧЕТКОВЫМ Владимиром Ильичем и педагогами по классу фортепиано ШВЕЦОМ Валерианом Григорьевичем и НОВОЖИЛОВЫМ Михаилом Михайловичем, у меня были очень теплые и дружеские отношения. К нам в гости со своими выступлениями приехали сорок учеников и восемнадцать педагогов. Перед концертом для гостей провели экскурсию в музей РВСН, сфотографировались, пока на улице было светло, у экспозиции ракет. После выступления накрыли сладкий стол для детей и организовали для них дискотеку. Все были довольны.

13 ноября 2001 года. В Доме офицеров проводится очередное расширенное заседание Военного Совета РВСН по подведению итогов учебного года и постановке задач на новый период боевой учебы. Все руководство РВСН в зрительном зале. Во время перерыва на обед в кабинет вбегает дежурный администратор и тревожно сообщает, что зрительный зал заполнился дымом, где-то пожар, но где не видно. Только этого не хватало! Мероприятие секретное, поэтому его озвучивание осуществлялось через аппаратную специальной связи, расположенную в отдельном помещении за металлическими дверями, в кармане сцены. Дверь закрыта и опечатана, гражданский инженер тоже ушел на обед, оставив включенной аппаратурой. Один блок замкнул и загорелся. Работникам Дома офицеров вход в это помещение строго запрещен. Что делать?

Могло бы плачевно все закончиться, если бы не счастливый случай. Дежурным связистом в кабинете командующего РВСН в Доме офицеров был майор КАРАТЕЕВ Вячеслав Валерьевич, отвечающий в ЦУС РВСН за спецсвязь. Он вскрыл помещение, сломав замок, обесточил аппаратуру и потушил возгорание. О произошедшей неприятности я доложил лично командующему РВСН генерал-полковнику СОЛОВЦОВУ. Обошлось без грома и молний! Послеобеденное заседание Военного Совета продолжалось без микрофонов и в холодном, только что проветренном осенним сквозняком зрительном зале, с опозданием на сорок минут.

21 ноября 2001 года. Командующий и Военный Совет РВСН проводят совещание с главами Закрытых административно-территориальных образований РВСН. Таких на территории России было четырнадцать. Рассматривались социальные вопросы и проблемы ракетчиков и членов их семей. Именно тогда была высказана мысль о преобразовании Власихи из закрытого военного городка 22/1 в ЗАТО, со своей гражданской администрацией. Путь решения этого вопроса составил почти восемь лет. Только 19 января 2009 года Президент РФ подписал Указ о создании ЗАТО «Власиха».

22 ноября 2001 года. В Дом офицеров прибыли первые представители военной прокуратуры по итогам прошедшей ревизии. Началось! Прокуроры, как достойные представители и продолжатели фискального дела Малюты СКУРАТОВА, знают свое дело тую. Сразу завели уголовное дело и начали ежедневно по три-четыре раза в день вызывать меня к себе в прокуратуру для письменнойдачи объяснений.

Начиная с ноября 2001 по май 2002 года пришлось доказывать прокурорам, что я, образно говоря, не верблюд. Нервы были на пределе. Трепать их прокуроры мастера великие. Акт ревизии хоть и медленно, но постепенно рассыпался под моими доказательствами. Но что для меня это значило! Ведь не день, а восемь месяцев быть в психологическом напряжении! Коллектив Дома офицеров раскололся на группировки, лучшие работники стали уходить один за другим. Заместитель, со своей группкой «украинцев в России», открыто занял позицию «утопить» начальника и занять его место. Читал я его «героические» объяснительные прокурорам.

Оставалось доказать, что нет в Доме офицеров «недостачи в 30 тысяч рублей». Для себя решил, докажу и уволюсь из армии, хватит издеваться. Это уже не служба. И доказал.

На поверку получилось следующее.

Выходец из Космических войск, прilасканный в РВСН Иваном Егоровичем ХОМЕНКО, полковник ПОЗНЯК Филарет Дольматович имел старые дружеские связи с начальником базы технических средств воспитания МВО полковником ШТРЫКОВЫМ. Выслуживаясь перед ХОМЕНКО И.И., Филарет решил сделать начальнику подарок за счет государства. Он знал, что Управление воспитательной работы РВСН, как в/ч 41466, не имеет своего лицевого счета, а значит, не имеет права на себя получать ТСВ с окружных складов. ПОЗНЯК Ф.Д. по подложной доверенности с печатью в/ч 41466 и липовой подписью заместителя начальника Управления воспитательной работы РВСН, получает со складов округа следующее имущество: двести томов «Всемирной литературы», три цветных телевизора, два видеомагнитофона и два радиоприемника «Интеграл». Все это, незаконно полученное имущество, он уговорил начальника базы записать в книги учета на лицевой счет в/ч 33203, то есть Дома офицеров РВСН. Попросту совершил подлый поступок.

Мы спокойно работаем, и не знаем, что стали «обладателями» новеньких телевизоров, видеомагнитофонов и радиоприемников. Работники библиотеки не знают, что на них повесили двести томов ценнейших книг. Полученное ПОЗНЯКОМ имущество частично раздаривается ХОМЕНКО И.Е. нужным людям, а частично размещается у него в Москве на квартире, вместе с 200-ми томами «Всемирной литературы».

Начальник отдела культурно-досуговой работы Дома офицеров майор САС Валерий Леонидович, в чьи обязанности входила ежегодная сверка числящегося имущества ТСВ с базой округа, к делу отнесся формально. По возвращении докладывал, что в учете все в порядке. А в мае 2001 года уволился из армии по нежеланию продолжать военную службу. Ревизор же, посетив базу ТСВ в Люберцах, и сделав сверку как положено, на фактах доказал, что не все нормально. Не хватает в Доме офицеров вышеуказанного имущества на сумму в 30 тысяч рублей.

Неоценимую помощь в раскручивании этого грязного дела мне оказал майор СУШКОВ Николай Михайлович, заменивший майора САС В.Л. на должности начальника культурно-досугового отдела. С большим трудом ему удалось снять ксерокопии всех документов, доверенностей и накладных с подписями выдающих и получающих имущество на складах ТСВ округа. Козыри ревизоров и прокуроров были выбиты из рук. Теперь в военной прокуратуре частыми гостями стали генерал-лейтенант ХОМЕНКО И.И. и полковник ПОЗНЯК Ф.Д. Их заставили выплатить сумму утраты в кассу Дома офицеров и переписать незаконно полученное имущество на лицевые счета частей и учреждений Космических войск, списав их с лицевого счета Дома офицеров РВСН. Уголовное дело по фактам недостачи в Доме офицеров РВСН в мае 2002 года военной прокуратурой РВСН было закрыто, и обвинения в мой адрес полностью сняты.

Жизнь не ограничивалась одной прокурорской проверкой. Дом офицеров выполнял свои задачи по прямому предназначению.

5 декабря 2001 года проводим киновечер, посвященный 60-летию контраступления советских войск под Москвой с участием Народных артистов России — КУЗНЕЦОВА Анатолия Борисовича и КИРИЕНКО Зинаиды Михайловны.

7 декабря 2001 года в Доме офицеров проводится комплекс мероприятий, посвященных 40-летию общеобразовательной средней школы имени А.С. ПОПОВА — единственного учебного заведения военного городка. В этой школе учились и были ее выпускниками два Героя — дети ракетчиков, сами ставшие офицерами. Это гвардии капитан ШМАРОВ Евгений Валентинович, погиб 29 ноября 1987 года при выполнении интернационального долга в Республике Афганистан. И гвардии старший лейтенант ПОПОВ Валерий Витальевич. За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга в Северно-Кавказском регионе, Указом Президента РФ от 18 июня 2001 года ему присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

17 декабря 2001 года — 42-я годовщина РВСН. К нам на торжество впервые приезжает новый министр обороны Сергей Борисович ИВАНОВ. За подготовку Дома офицеров отвечает первый заместитель командующего РВСН генерал-лейтенант ДРЕМОВ Виктор Васильевич. В течение двух недель подготовки он ежедневно по два раза, утром и вечером, проверяет ход подготовки, накручивая себя и всех окружающих. Его так и называли — начальник паники.

Празднование Дня РВСН совпадает с проведением выборов депутатов в Московскую областную Думу, которые состоялись накануне 16 декабря 2001 года. В Доме офицеров всегда разворачивались три избирательных участка. Что это означает? Это говорит о том, что 16 декабря с 8 утра до 22 вечера добрая половина жителей городка прошла через Дом офицеров, голосуя, кушая в развернутых буфетах и т.д. До 2 часов ночи участковые комиссии считали бюллетени. И только с трех часов ночи работники Дома офицеров смогли приступить, по новой, к уборке, наведению порядка в помещениях и подготовке Дома офицеров к празднику стратегических ракетчиков, чтобы в 12 часов дня хлебом и солью встретить нового Министра обороны РФ.

К семи часам утра все было готово к празднику. Свой очередной 43-й день рождения провел вочных трудах. Я собрал самых стойких своих помощников, откупорил бутылку коньяка, открыл коробку конфет и мы выпили, символически, по рюмке за мой день рождения и Ракетные войска. После чего разошлись по домам, чтобы пару часов отдохнуть и переодеться в парадную форму.

За два часа до мероприятия я прибыл в Дом офицеров. Там, с проверкой о готовности, по-хозяйски прохаживался генерал-лейтенант ДРЕМОВ В.В., в сопровождении заместителя начальника УВР РВСН полковника РУЦКИНА Ю.Л.

Подготовкой Дома офицеров генерал был доволен. Уточнив в очередной раз местоположение каждого должностного лица при встрече Министра обороны, он вдруг учудял, что от меня исходит легкий выхлоп алкоголя. Как бы чего не вышло, генерал ДРЕМОВ В.В. отстранил меня от доклада при встрече министру ИВАНОВУ С.Б., получив доложить за меня полковнику РУЦКИНУ Юрию Львовичу.

Торжественная часть и праздничный концерт прошли, как всегда, организованно. Ветераны, приглашенные почетные гости, ракетчики и члены их семей остались довольны праздником. Довольным остался и я. В свой день рождения, в своем служебном кабинете я встречался и принимал поздравления от известных артистов эстрады: Льва ЛЕЩЕНКО, Михаила ЕВДОКИМОВА, Надежды ЧЕПРАГИ и братьев ПОНОМАРЕНКО Валерия и Александра, от друзей — сослуживцев и работников родного Дома офицеров РВСН. Это был последний мой день рождения, связанный со службой в армии.

Наступил 2002 год. Совсем худо стала чувствовать себя мама, сердечко стало давать сбои. Отец обратился за помощью, так как лечебные учреждения в Арзамасе не имели возможности ей помочь. Требовалось положить ее в кардиологическое

отделение 25 ЦВКГ РВСН, как жену отставного полковника-ракетчика. Начальник госпиталя полковник медицинской службы КАРПАЛОВ Василий Тимофеевич пошел нам навстречу. 22 января я встретил маму на Казанском вокзале, а на следующий день ее положили в наш ракетный госпиталь.

Врачи, проведя углубленное обследование, 5 февраля маму перевезли в Центральный военный клинический госпиталь МО РФ имени ВИШНЕВСКОГО, где ей сделали хирургическую операцию по установке на сердце электрокардиостимулятора (ЭКС). 15 февраля маму выписывают из госпиталя. Артериальное давление нормализуется, сердцебиение нормальное. Чувствует она себя хорошо. Через пару дней после выписки отправляю ее к отцу в Арзамас. Матушка торопится сажать рассаду на подоконниках. Не за горами и посевная на огороде в Озерках.

20 февраля 2002 года. Иду в 3-е служебное здание, чтобы поздравить с 55-летием начальника Управления кадров РВСН генерал-лейтенанта ФЕДОРОВА В.В. Виталий Владимирович готовится к увольнению в запас. Я его прошу помочь мне с увольнением по организационно-штатным мероприятиям (ОШМ). Он обещал помочь.

22 февраля 2002 года. В 1-м служебном здании собрано командование Центрального аппарата РВСН и командиры частей гарнизона. Накануне празднования Дня защитника Отечества ряду генералов и офицеров начальник Штаба РВСН генерал-лейтенант ХУТОРЦЕВ С.В. вручает государственные награды. Указом Президента РФ от 31 января 2002 года мне присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации». В Доме офицеров праздник, накрыты столы, коллектив поздравляет с вручением государственной награды.

Пока я бодался с фискальными органами, доказывая свою невиновность, генерал-майор КАЛИНИЧЕНКО Н.И. убыл обратно к себе в родную 33-ю ракетную армию, в город Омск.

1 марта 2002 года с должности заместителя начальника Военной академии РВСН имени Петра ВЕЛИКОГО по воспитательной работе на должность начальника Управления воспитательной работы РВСН назначен профессиональный политработник, полковник СЕЛЮНИН Анатолий Семенович. Я хорошо знал по добрым делам Анатолия Семеновича, был очень благодарен ему за мой перевод из Белоруссии во Власиху, за его товарищескую поддержку в службе после смерти моей жены, и искренне рад был его назначению. Но маховик моего разочарования в службе и желания уволиться из Вооруженных Сил был раскручен на полные обороты. Никакие беседы в кабинете начальника не меняли моего решения уволиться на гражданку. Но и мои рапорты об увольнении Анатолий Семенович не подписывал, предлагая хорошо подумать, прежде чем увольняться.

24 марта 2002 года в Доме офицеров с сольным концертом выступает композитор, музыкант и певец Юрий ЛОЗА. Кто не знает его мелодичных и добрых песен, типа

«На маленьком плоту» и пр.?! Я думал, какие душевные песни, такой и человек, их написавший. Но, когда известный артист, посчитав, что ему не хватает, дополнитель но к набранной за проданные билеты выручке, еще 400 долларов и решил отменить свое выступление, закатив скандал перед зрителями, сидящими в зале, мое отношение к нему резко изменилось. Люди сидят в зале, ждут начала выступления, а он позорно торгуется, стоя вальяжно перед сценой. Если бы не Петр Минович МЕДВЕДЧУК, отдавший ему эти 400 долларов из своего кармана, Юрий ЛОЗА концерт бы отменил.

21 апреля 2002 года на сцене Дома офицеров вечер-встреча «Есть такая профессия — Родину защищать», посвященная 30-летию выхода в свет кинофильма «Офицеры», с участием всенародно любимых артистов, главных героев кинофильма — Василия Семеновича ЛАНОВОГО и Алины Станиславовны ПОКРОВСКОЙ. Какие же прекрасные душой и мыслями люди! Какие легкие в общении! Сколько интересного я узнал за вечер общения с ними! На память осталась фотография вместе с Василием ЛАНОВЫМ.

6 мая 2002 года, мой последний День Победы в должности начальника Дома офицеров РВСН. Как всегда, торжественная часть, праздничный концерт, театрализованное представление и дефиле частей гарнизона, чествование ветеранов Великой Отечественной войны. Погода была теплая, но ветреная. Ветер частично сорвал с козырька праздничный баннер-поздравление ветеранов. Концерт ансамбля песни и пляски РВСН «Красная Звезда» для ветеранов проводили на площади Дома офицеров.

11 мая 2002 года состоялась очередная ежегодная встреча выпускников ЛВВПУ-80. Собираемся у нашего однокурсника майора Игоря БУГАЯ, возглавляющего с лейтенанта Офицерский клуб базы ПВО на пл. Трудовая Дмитровского района Подмосковья. Радость встречи, дружеское общение, застолье, песни курсантской молодости. На встречу ездил в военной форме, доложил однокурсникам, что твердо решил увольняться. Мало наших выпускников осталось в армейском строю. Из сорока собравшихся, человек восемь служат, остальные уволились и трудятся на гражданке.

12–16 мая 2002 года очередная, плановая финансовая ревизия комиссией Главного управления воспитательной работы МО РФ. Уже не воспринимается, но от работы отрывают. Достали!

21 мая 2002 года в траурном зале Дома офицеров проводится прощание с Героем Советского Союза, бывшим начальником Политического управления Ракетных войск генерал-полковником ГОРЧАКОВЫМ Петром Андреевичем. На траурных подушечках размещен 21 боевой орден покойного генерала. Медалей без счета. Один за другим уходят участники Великой Отечественной войны. При ГОРЧАКОВЕ П.А. я пришел лейтенантом в РВСН. С его уходом в мир иной, я увольняюсь из РВСН полковником.

30 мая 2002 года иду к начальнику УВР РВСН полковнику СЕЛЮНИНУ А.С. с окончательным решением и рапортом на увольнение. Поддержки в очередной раз

не получаю. От него прямиком с третьего этажа иду на первый к генерал-лейтенанту ФЕДОРОВУ В.В. с просьбой помочь в положительном решении вопроса. Виталий Владимирович дослуживал последние дни перед увольнением и пребывал в хорошем расположении духа. Я его убедил, что если он сейчас мне не поможет, то меня потом по ОШМ не уволят. Около часа я сидел в кабинете главного ракетного кадровика, пока ФЕДОРОВ В.В. ходил с моим рапортом к СЕЛЮНИНУ А.С. Наконец рапорт был подписан и запущен в производство.

12 июня 2002 года состоялся приказ Министра обороны РФ о моем увольнении в запас. Оставалось ждать прихода выписки из этого приказа, подбора кандидатуры и назначение другого офицера на мое место, отпуска за 2002 год и, в завершение, сдачи дел и должности новому начальнику.

Уходя 5 августа в последний свой армейский отпуск, я уже знал, что на замену мне из ДКРА Новосибирской ракетной дивизии в начале сентября приедет подполковник РУБЕЛЬ Евгений Евгеньевич. Тоже выпускник Львовского ВВПУ 1985 года.

К его приезду, 5 сентября, прервав отпуск, я вернулся из Озерок во Власиху и приступил к передаче дел и должности. Этот процесс занял десять дней.

16 сентября 2002 года мы с подполковником РУБЕЛЬ Е.Е. доложили начальнику УВР РВСН полковнику СЕЛЮНИНУ А.С. о передаче дел и должности.

17 сентября 2002 года состоялся приказ по части о моем убытии в отпуск за 2002 год, с последующим исключением из списков части и прибытием в военный комиссариат для постановки на воинский учет, уже как офицера запаса.

18 сентября 2002 года в левом фойе Дома офицеров состоялся товарищеский ужин по поводу моего увольнения в запас. На это мероприятие приехал мой отец полковник в отставке ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович и старший сын, курсант второго курса Военного Университета МО РФ ЕРЕМЕЕВ Андрей Анатольевич. В банкетный зал были приглашены все офицеры Управления воспитательной работы РВСН, командиры и замполиты частей центрального подчинения, ветераны и офицеры Дома офицеров Ракетных войск, и Одинцовского ГДО. Среди приглашенных гостей были: заместитель командующего РВСН по воспитательной работе — начальник управления полковник СЕЛЮНИН Анатолий Семенович; начальник ЦУС РВСН генерал-майор СОЛНЦЕВ Михаил Викторович; начальник ансамбля песни и пляски Ракетных войск «Красная Звезда», народный артист России полковник БАЖАЛКИН Анатолий Николаевич; участник Великой Отечественной войны, Заслуженный работник культуры РСФСР, полковник в отставке ШАГУН Геннадий Емельянович; начальник Одинцовского ГДО, заслуженный работник культуры РФ полковник ГУГНИН Владимир Борисович; ветеран РВСН, успешный предприниматель МЕДВЕДЧУК Петр Минович, и многие другие уважаемые товарищи. Мероприятие прошло в лучших традициях советского и российского офицерского

корпуса. С добрыми напутственными словами и подарками сослуживцы проводили меня на гражданку.

Так закончилась моя семилетняя служба в Доме офицеров РВСН. На этом, в 44 года от роду, завершились 27 лет моей службы в Советских Вооруженных Силах, а с 1992 года в Вооруженных Силах Российской Федерации. Родине присягал только один раз — 28 августа 1976 года курсантом 1-го курса Львовского ВВПУ, у Монумента Воинской Славы города Львова.

Фотоприложение к 1 главе
СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ. ОЗЁРКИ

*Родительский дом ЕРЕМЕЕВЫХ в селе Озёрки.
На фото наши предки: прапрадед Степан Васильевич,
прадед – Николай Степанович и прабабушка Александра. Фото 1895 года.*

*Семья моего прадеда ЕРЕМЕЕВА Николая Степановича. Слева направо:
прапрабабушка Елизавета, младший сын Александр, сам Николай Степанович
с женой Александрой, средний сын Константин и старший сын Степан (мой дед).*

Прапрадед ЕРЕМЕЕВ Степан Васильевич (1837-1900 г.г.),
построивший в 1893 году родовой дом ЕРЕМЕЕВЫХ в селе Озёрки.

Прадед ЕРЕМЕЕВ Николай Степанович (1883-1937 г.г.)

Дед ЕРЕМЕЕВ Степан Николаевич, 1906 года рождения.
Фото январь 1929 года, г.Шлиссельбург.

В 1929 году дед ЕРЕМЕЕВ Степан Николаевич проходил действительную военную службу в городе Шлиссельбурге. Стоит в центре. Отмечен на фото шариковой ручкой моим отцом.

На обратной стороне фото рукой деда ЕРЕМЕЕВА Степана Николаевича написано: «Снимались в г. Шлиссербурге 1929 года февраля дня 20-го. Слева направо: ЕРЕМЕЕВ С., ДУРОНДИН А., АНДРИЯНОВ С. и ЗАХАРОВ И.»

Дед ЕРЕМЕЕВ Степан Николаевич (1906-1941 г.г.). Погиб под городом Ржевом 31 декабря 1941 года. Считается без вести пропавшим. Фото 1932 года.

Дед ЕРЕМЕЕВ Степан Николаевич в родном селе Озёрки среди мужской части села во время краткосрочного отпуска. Слева стоит в пальто дед по матери ДЕРЯБИН Николай Михайлович. Фото примерно начала 30-х годов XX века. Подписи сделаны моим отцом ЕРЕМЕЕВЫМ Анатолием Степановичем.

Родные братья Толя и Коля ЕРЕМЕЕВЫ (мои отец и родной дядя в детстве).
Дед Степан называл своих мальчишек цыбачками. Фото примерно 1938 года.

Единственное фото – братья Толя и Коля с отцом Степаном Николаевичем на гражданской панихиде сестры Ляли. За ними стоит младшая родная сестра бабушки Нины – ДЕНЩИКОВА Анна Григорьевна. Фото август 1940 года.

Братья – Николай и Анатолий ЕРЕМЕЕВЫ. Фото 1946 года.

Родной дед отца по линии его мамы – ДЕНЩИКОВ Григорий Михайлович и не родная бабушка Татьяна Ивановна.

Папина мама, моя бабушка ЕРЕМЕЕВА Нина Григорьевна, 1913 года рождения.
Фото 1955 года.

Моя бабушка по линии отца – ЕРЕМЕЕВА (ДЕНЩИКОВА) Нина Григорьевна
в молодости на курсах кройки и шитья в городе Арзамасе.
Верхний ряд, пятая слева.

ДЕРЯБИНЫ Николай Михайлович и Евдокия Николаевна – отец и мать моей мамы ЕРЕМЕЕВОЙ (ДЕРЯБИНОЙ) Валентины Николаевны. Фото 1932 года.

Валя ДЕРЯБИНА
в 2 года и 7 месяцев.

ДЕРЯБИНА Евдокия Николаевна
с дочерью Валентиной.

4-й класс Озёрской начальной школы с классным руководителем Екатериной Михайловной ИВАНОВОЙ-ОСИПОВОЙ. Сестры Валя и Лида ДЕРЯБИНЫ во втором ряду справа вторая и третья. Октябрь 1947 года.

Кадет Новосибирского
военного училища
ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович.

Заштитник Отечества кадет
ЕРЕМЕЕВ А.С. на втором курсе
военного училища. 1954 год.

МИЛЬКОВ

Курсант ЕРЕМЕЕВ А.С. на автомобильной подготовке
с однокурсником МИЛЬКОВЫМ.

Первокурсник Новосибирского военного училища курсант ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович с односельчанином и старшим другом БУБНОВЫМ Александром Михайловичем. Первое любительское курсантское фото 1953 года.

Встреча с настоящим ишаком в городе Мары, по пути на войсковую стажировку в Кушку. Поезд Мары – Кушка ходил один раз за двое суток. Голодные курсанты двое суток вынужденно знакомились с достопримечательностями узбекского города Мары. 1955 год.

В мечтах о Вале ДЕРЯБИНОЙ. Курсант ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович в выходной день.

ДЕРЯБИНА Валя в 15 лет.
Фото 14 ноября 1950 года.

Пионервожатая ДЕРЯБИНА Валя
в 19 лет. Фото 1954 года.

Односельчане и друзья курсант Новосибирского ВУ ЕРЕМЕЕВ Анатолий
и студентка Челябинского КПУ ДЕРЯБИНА Валентина. 1955 год.

Студентка Челябинского культурно-просветительного училища
ДЕРЯБИНА Валентина Николаевна с тетей Марией Михайловной
и двоюродной сестрой Анной Федоровной.

Студентка ДЕРЯБИНА Валентина Николаевна с однокурсницами на крыльце
Челябинского КПУ, где она училась с 1955 по 1957 годы.

Родные сестры ДЕРЯБИНЫ: Валентина Николаевна – студентка Челябинского КПУ и Лидия Николаевна – студентка Арзамасского педагогического института.

*ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович за несколько дней до выпуска из училища.
Фото 1956 года.*

34 выпуск офицеров Н.В.У. 1956 г.

34-й выпуск офицеров Новосибирского военного училища 1956 года. Лейтенант ЕРЕМЕЕВ А.С. получил предписание убыть в город Рига, в Прибалтийский Военный округ. Отец себя отметил точкой шариковой ручкой в середине левее коллективного фото.

Выпуск Челябинского КПУ 1957 года. ДЕРЯБИНА Валентина Николаевна получила распределение заведующей клубом в поселок Заря Свердловской области.

Такими мои будущие родители – лейтенант ЕРЕМЕЕВ А.С. и ДЕРЯБИНА В.Н.
в 1956/1957 году вступили в самостоятельную жизнь.
Отец в городе Вентспилс Латвийской ССР. Мама – на Урале.
В октябре 1957 года их пути сойдутся навсегда.

Заведующая клубом поселка Заря Свердловской области ДЕРЯБИНА Валентина
Николаевна со своими сотрудниками за полгода до замужества. Май 1957 года.

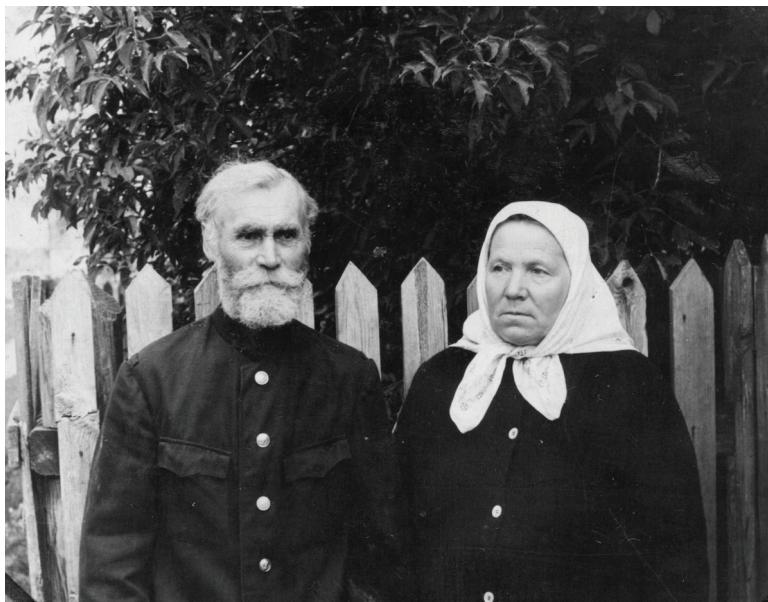
Рукой отца подписано: «Вот такими мы и вверили свои судьбы друг другу».
Фото 1957 года.

Дом ЕРЕМЕЕВЫХ, где 1 сентября 1935 года родился мой отец ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович. Село Озёрки Шатковского района Горьковской области.
Фото 60-х годов.

Дом ДЕРЯБИНЫХ, где 12 апреля 1935 года родилась моя мама
ЕРЕМЕЕВА (ДЕРЯБИНА) Валентина Николаевна.
Село Озёрки Шатковского района Горьковской области. Фото 60-х годов.

Супруги Николай Иванович МАЛЫШЕВ (дидинька)
и Надежда Михайловна ЕРЕМЕЕВА в палисаднике родового дома ЕРЕМЕЕВЫХ.
Фото начала 70-х годов XX века.

ЕРЕМЕЕВЫ (ДЕНЩИКОВЫ) Надежда Михайловна – тетя
и ее племянница Нина Григорьевна.

Обелиск односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны,
установленный в селе Озёрки.

На плите высечено 96 фамилий уроженцев села Озёрки и деревни Уланки.
В их числе мой дед ЕРЕМЕЕВ Степан Николаевич, 1906 года рождения.

Погиб под городом Ржевом 31 декабря 1941 года.

С февраля 1943 года считается без вести пропавшим. Останки не найдены.

Сельская церковь, в которой венчались мои дед и бабушка ДЕРЯБИНЫ Николай Михайлович и Евдокия Николаевна. С 1937 года использовалась под колхозный амбар. В настоящий момент семьи КОТОВСКИХ, ЕРЕМЕЕВЫХ и КРАШЕНИННИКОВЫХ решают вопрос о ее восстановлении Август 2015 года.

Так наша церковь внутри выглядит сейчас. Август 2015 года.
На фото ЕРЕМЕЕВ А.А., КОТОВСКИЙ Э.В. и племянник Алексей КОТОВСКИЙ.

Орудия труда и домашняя утварь, которыми трудились и пользовались наши предки ЕРЕМЕЕВЫ. Экспонаты найдены при обработке земли приусадебного участка дома ЕРЕМЕЕВЫХ. ЕЛИСЕЕВ Александр Борисович (по матери ЕРЕМЕЕВ) у своей коллекции. Август 2012 года. Село Озёрки.

Дорога к селу Озёрки от реки Тёши через заливные луга.

Родная речка Тёша.

Так выглядит родовой дом ЕРЕМЕЕВЫХ в 2015 году.

Озерский большак, по которому великий русский поэт А.С. ПУШКИН проезжал из Москвы в свое имение Большое Болдино. В то время на месте дома ЕРЕМЕЕВЫХ стояла почтовая станция, в которой он ночевал.

Руками правнуков родовое гнездо ЕРЕМЕЕВЫХ с любовью и заботой поддерживается и с каждым годом становится все краше.

**Фотоприложение к 2 главе
ВЕНТСПИЛС. ГОРОД МОЕГО РОЖДЕНИЯ**

Мои молодые родители ЕРЕМЕЕВЫ Анатолий Степанович и Валентина Николаевна. г. Вентспилс Латвийской ССР, 1957 год.

*ЕРЕМЕЕВА В.Н. с женами офицеров на переправе в ожидании пассажирского катера. На заднем плане Вентспилсский морской порт в устье реки Вента.
Латвийская ССР, 1957 год.*

Командир части полковник АЛЕКСАНДРОВ и замполит подполковник КАПЫРИН, узнав о прибытии в гарнизон молодого организатора культурной работы, предложили ЕРЕМЕЕВОЙ Валентине Николаевне возглавить художественную самодеятельность стрелкового полка.

Организатор художественной самодеятельности части ЕРЕМЕЕВА В.Н.
у клуба полка. 1957 год.

Молодая семья ЕРЕМЕЕВЫХ. Фото 1958 года. Г. Вентспилс Латвийской ССР.

Первый семейный отпуск у мамы ЕРЕМЕЕВОЙ Нины Григорьевны и брата Николая Степановича в городе Термез Узбекской ССР перед рождением сына. Фото 1958 года.

17 декабря 1958 года у молодых ЕРЕМЕЕВЫХ родился сын – продолжатель рода ЕРЕМЕЕВЫХ. Мама хотела назвать Валерой, а папа назвал Анатолием.
Так я стал Анатолием Анатольевичем.

Довольные ЕРЕМЕЕВЫ – отец и сын, оба Анатолия. Лето 1959 года. г. Вентспилс.

ЕРЕМЕЕВ Толик на личном транспорте. Май 1959 года, г. Вентспилс.

Анатолий Анатольевич ЕРЕМЕЕВ в младенчестве. г. Вентспилс, 1959 год.

ЕРЕМЕЕВЫ – бабуля Нина, Толик, Валентина Николаевна
и Анатолий Степанович.

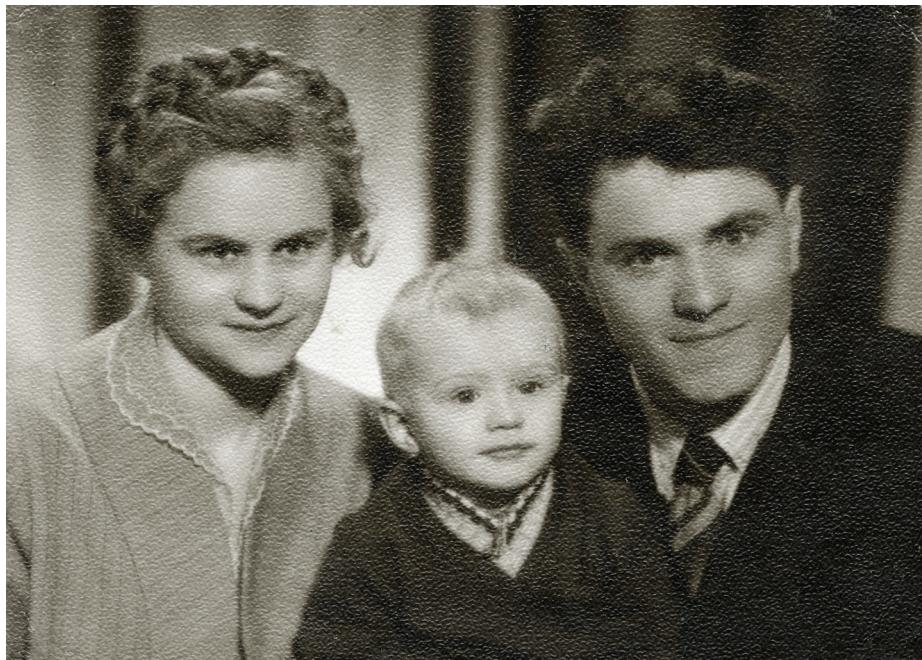
Анатолий Анатольевич ЕРЕМЕЕВ в один год.

Толик ЕРЕМЕЕВ и Лена БОЛЬШАКОВА.
1959 год, г. Вентспилс.

Мама Валя нарядила. Жизнью в целом
доволен. 1959 год, г. Вентспилс.

Семейное фото перед переездом к новому месту службы отца
в военный городок Добеле-2. Г. Вентспилс, 1960 год.

**Фотоприложение к 4 главе
РАКЕТНОЕ ДЕТСТВО**

В гостях у бабули Нины и дяди Коли ЕРЕМЕЕВЫХ. Г. Термез Узбекской ССР.

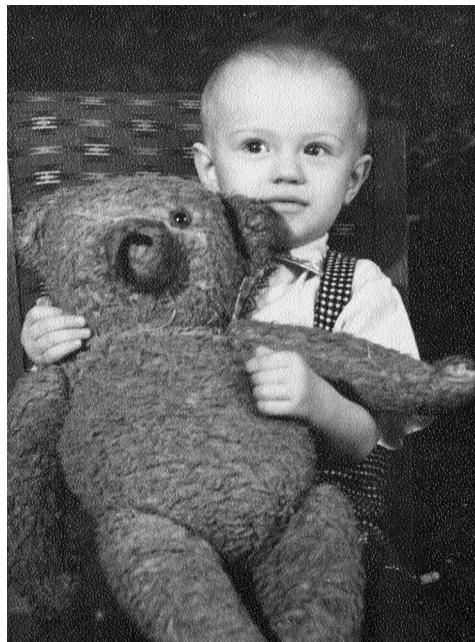
*Толик на руках у бабушки ДЕРЯБИНОЙ Евдокии Николаевны (бабули Дуни)
у здания начальной школы военного городка Добеле-2.*

*Наши первые соседи по квартире в военном городке Добеле-2: ЕРЕМЕЕВЫ
Валентина Николаевна и Толик, Галина Геннадьевна АННЕНКОВА с сыновьями
Мишой и Алёшой.*

На руках у мамы Вали.

С одноглазым Мишкой у соседей по коммунальной квартире – АННЕНКОВЫХ.

Друзья-товарищи детства – Толик ЕРЕМЕЕВ и Алёша АННЕНКОВ.

Отец ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович с лучшими друзьями семьи ПУСТОВАЛОВЫМИ Евгением Михайловичем и Антониной Васильевной. Тетя Тоня – моя нянька. Начало 60-х годов. Военный городок Добеле-2.

Техник по наводке 1-й стартовой батареи старший лейтенант ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович с военнослужащими отделения у казармы на зимних квартирах в военном городке Добеле-2. Начало 1960-х годов.

Организация партийно-политической работы на учениях.
Секретарь партбюро дивизиона Добельского ракетного полка
капитан ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович.

Военный городок Добеле-2. ЕРЕМЕЕВЫ: мама Валя, я, папа Толя, родной дядя Коля с женой Марией и двоюродной сестрой Ларисой.

Отец ЕРЕМЕЕВ А.С. в первой отдельной квартире новой «хрущевки» по адресу:
улица Советская дом 12 кв.1. 1963 год.

Друзья-товарищи из детства. Слева направо: 1-й ряд – ЕРЕМЕЕВ Толик,
ЧЕРНОВ Саша, 2-й ряд – сестры ЖАВОРОНКОВЫ, двоюродная сестра
БОРЗЕНКОВА Лариса, ЩЕРБАКОВА Наташа и Оля РЫЛОВА.

С другом Сашей ЕДАЛИНЫМ. За нами шоссе Рига-Лиепая и солдатский городок учебной танковой дивизии, где мы проводили значительную часть своего детского досуга.

В Добельском детском саду на Новогодних утренниках Толик ЕРЕМЕЕВ всегда был в роли Буратино. Декабрь 1964 года.

По Гороскопу я Собака. Даже в спектакле «Репка» мне досталась собачья роль Жучки. Справа актер детсадовского театра Толик ЕРЕМЕЕВ.

Выпускник Добельского детского сада Толик ЕРЕМЕЕВ. Май 1966 года.

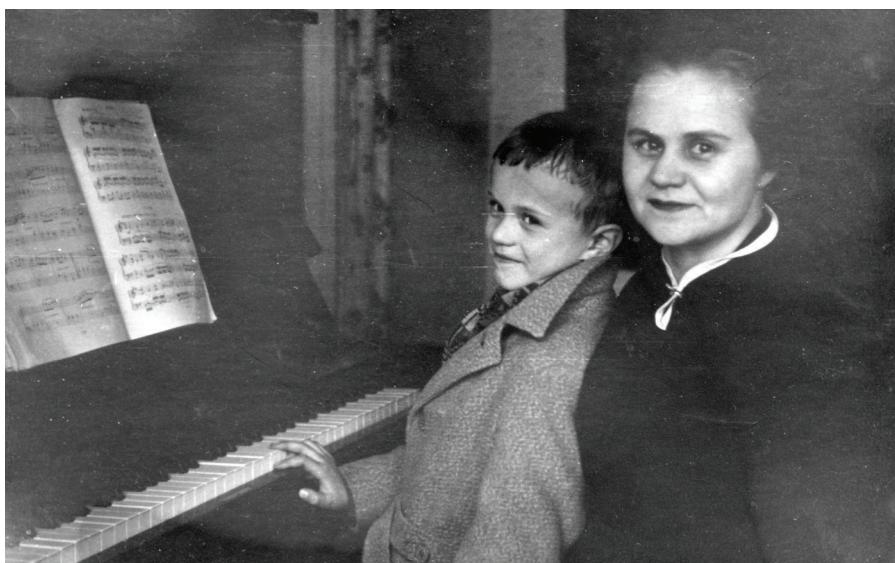
До свидания, детский сад. Здравствуй, школа! 1 сентября 1966 года.
Первый раз в первый класс. Начальная школа военного городка Добеле-2.
ЕРЕМЕЕВ Толик в центре рядом с первой учительницей ФИЛИМОНОВОЙ...

Первоклассник Толик ЕРЕМЕЕВ. Фото на школьную доску отличников учебы.

На лавочке под окнами квартиры на улице Советской д.12 с двоюродной сестрой Ларисой БОРЗЕНКОВОЙ и родной сестричкой Алёнкой.

Юный пианист Толик – учащийся Добельской детской музыкальной школы с мамой Валей у пианино «Беларусь», спасенного от топора разгневанного папы.

Русская Добельская средняя школа №2, где с 1965 года работала мама Валя, а я в 1974–1976 годах учился в 9 и 10 классах.

Первый набор педагогического коллектива Добельской средней школы №2. На переднем плане мама – ЕРЕМЕЕВА Валентина Николаевна. 1965 год, г. Добеле.

Отец – старший лейтенант ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович. Фото в личное дело после вручения первой медали. В целях легендирования военнослужащие Добельского ракетного полка носили авиационную военную форму одежды.

И мама – ЕРЕМЕЕВА Валентина Николаевна в начале 60-х годов.

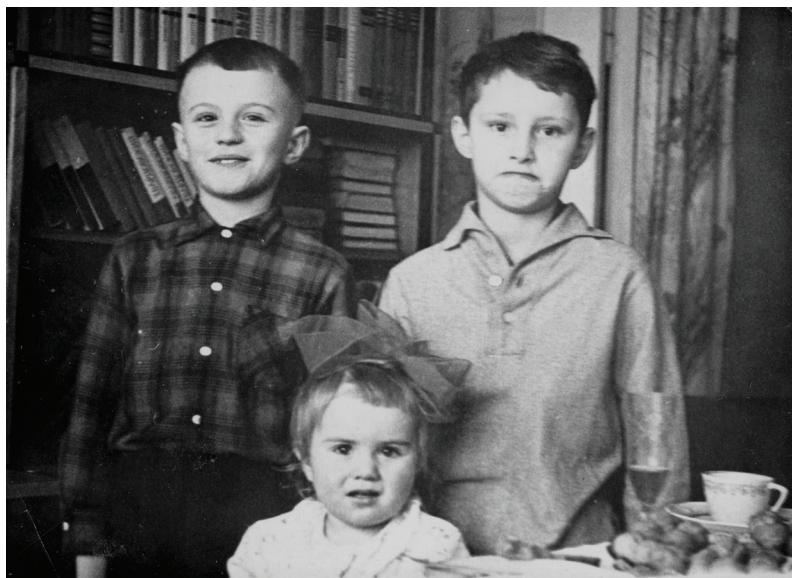

Знакомьтесь. Моя сестра – ЕРЕМЕЕВА Елена Анатольевна 20 января 1966 г.р.,
ей один год. Г.Добеле-2, 1967 год.

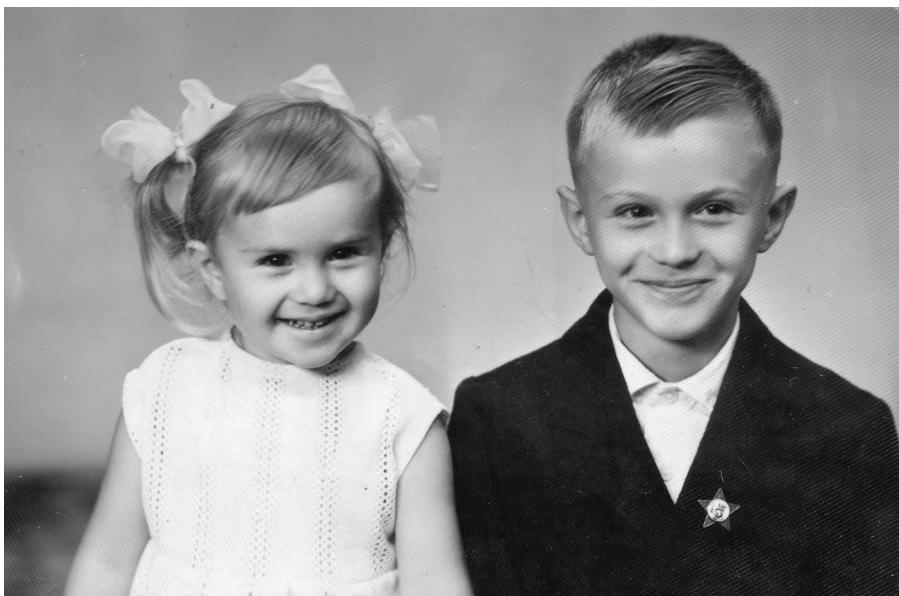

Мой день рождения 17 декабря 1966 года.

Слева направо: именинник Толик ЕРЕМЕЕВ, друзья одноклассники Юра АНУФРИЕНКО и Лёша АННЕНОВ, Сережа ЯКОВЕНКО, Оля ЯЩЕНКО, мама Валя с сестричкой Алёнкой и Света ПУСТОВАЛОВА.

С сестрой Алёнкой и лучшим другом детства Юрий АНУФРИЕНКО.
Декабрь 1966 года.

*Родные брат с сестрой. Лене 2 года 7 месяцев, мне 9 лет 8 месяцев.
Фото 2 сентября 1968 года.*

*2-й класс с классным руководителем ЧЕБОТАРЬ Марией Филипповной.
Во втором ряду справа ЕРЕМЕЕВ Толик.*

Прогулка с сестричкой Алёнкой.
Вот такой я сестру отвозил на себе верхом в детский сад.

Лесные тропинки на окраине военного городка. Слева направо:
ПУСТОВАЛОВЫ Света и Володя, ЕРЕМЕЕВЫ сестра Лена с братом Толиком.

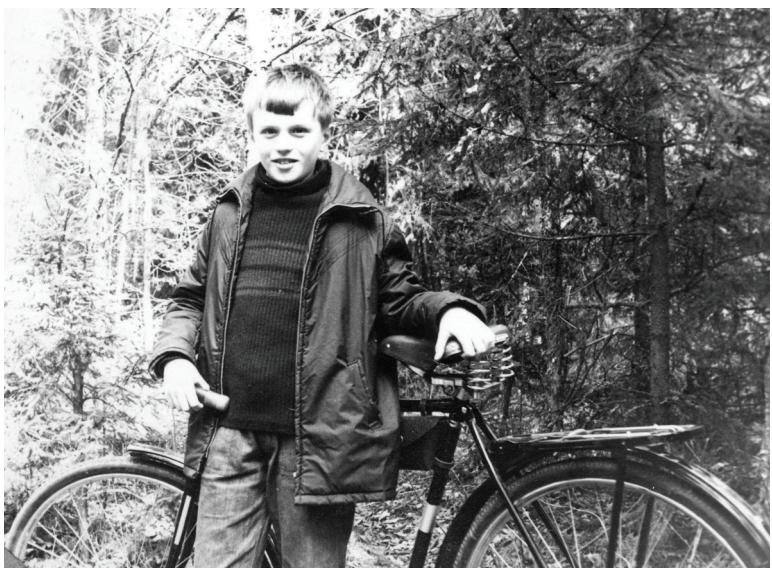
5-й класс уже Добельской восьмилетней школы. Классный руководитель ПЕТРИВСКАЯ Мария Антоновна. Во втором ряду третий слева ЕРЕМЕЕВ Толик.

Футбольная команда нашего класса. Стоят слева направо: Юра АНУФРИЕНКО, Витя ЛЮТОВ, Толик СЛАСТУНОВ, Юра ЧУРАШЕВ, Володя КОНЮХОВ, Олег ЖУРАВЛЕВ, Саша РАЗБОРОВ, Толик ЕРЕМЕЕВ, Валик БАРАНЧУК.

Друзья детства Толик ЕРЕМЕЕВ и Алёша АННЕНКОВ.

Папа купил новенький велосипед «Ласточка» Минского велозавода.
Радости нет предела.

Первый наставник отца в партийной работе фронтовик, секретарь парткома ракетного полка подполковник БОРТНИКОВ Игорь Яковлевич. Справа отец – капитан ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович.

Офицеры дивизиона на торжествах по случаю 10-летия образования РВСН.
Слева направо: КЕВЛОВ И., КУЗНЕЦОВ Ф., ЕРЕМЕЕВ А., СИВОПЛЯС Ф.,
МАРТЫНЕНКО Ф., ОРЛОВ В., ЛУКЬЯНЧИКОВ Ю., КУКАРИН В., ВАНЕЕВ Ю.

Идет политическая учеба. На переднем плане: замполит дивизиона
майор ВАНЕЕВ Ю.А. и секретарь партбюро дивизиона капитан ЕРЕМЕЕВ А.С.

Семья АННЕНКОВЫХ перед убытием к новому месту службы в город Таллинн:
Галина Геннадьевна, Михаил, Алексей и Иван Романович.

6-й класс. Классный руководитель БУХ Ида Григорьевна.
Второй ряд справа ЕРЕМЕЕВ Толик.

За трибуной замполит ракетного дивизиона
майор ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович.

Команда Добельской восьмилетней школы на районной игре «Зарница». 1972 год.

Фотоприложение к 5 главе ДОБЕЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ

Встреча ветеранов Добельского ракетного полка – участников Великой Отечественной войны на праздновании 55-летия образования полка. 1973 год. Секретарь парткома полка майор ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович в первом ряду третий слева.

Фото в Термезе. ЕРЕМЕЕВЫ: первый ряд - дядя Николай Степанович, бабуля Нина Григорьевна, отец Анатолий Степанович, родная сестра Елена, второй ряд – мама Валентина Николаевна, я - Анатолий, тетя Мария и двоюродные сестры Лариса и Света. Лето 1973 года.

Первый состав школьного ансамбля: Иван ЛИМАНЦ, Анатолий ЕРЕМЕЕВ и барабанищик Олег КАНЫКИН. Солдатский клуб ракетчиков в Добеле-2.

Выпускники Добельской детской музыкальной школы 1974 года выпуск после вручения Свидетельства об окончании школы.

*Первая победа. Выпускник фортепианного отделения Анатолий ЕРЕМЕЕВ
с директрисой Добельской ДМШ Марой Яновной ГИРНЕ
и мамой Валентиной Николаевной.*

Неразлучная четверка друзей у школы. Слева направо – Сергей ДАНЧЕНКОВ, Сергея ЯКОВЛЕВ, Анатолий ЕРЕМЕЕВ и Анатолий СЛАСТУНОВ. 8-й класс, 1973 год.

Друзья-одноклассники. Слева направо – Александр РАЗБОРОВ,
Леонид ГАВЕРДОВСКИЙ, Анатолий ЕРЕМЕЕВ и Иван ЛИМАНЕЦ. Зима 1974 года.

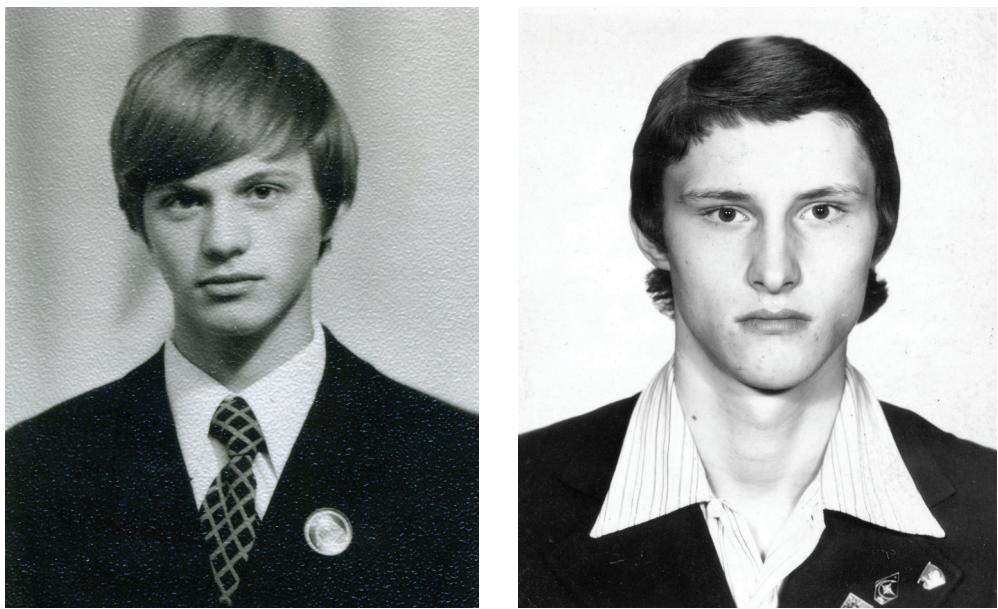
Выпускной 8-й класс с учителями (первый ряд слева направо) – КОСТЮЧЕНКО Г.Ф., СОЛОВЬЕВА Т.Д., классный руководитель БУХ И.Г., СВЕТЛИЧНАЯ, ГУСЬКОВА А.М., ГАНИНА М.А. и ЖЕЛДАК Л.Д.

Выпускники Добельской восьмилетней школы Анатолий ЕРЕМЕЕВ
и Давид КАУФМАН. Июнь 1974 года.

С Юрий АНУФРИЕНКО в военном городке Добеле-2 у торгового центра.
Осень 1975 года.

Друзья детства, выпускники школы Анатолий ЕРЕМЕЕВ и Юрий АНУФРИЕНКО.
1976 год.

В Михайловском в гостях у А.С.ПУШКИНА. Июнь 1975 года.

С Сергеем ДАНЧЕНКОВЫМ в Пушкинских горах. Июнь 1975 года.

1 сентября 1974 года девятиклассники Добельской СШ №2 на фоне родной восьмилетней школы в Добеле-2. Слева направо – Анатолий ЕРЕМЕЕВ, Сергей ДАНЧЕНКОВ, Владимир ЛЕНЬКОВ, Игорь СЛЕПНЕВ, Владимир СУЗАНСКИЙ и Виктор ЛЮТОВ.

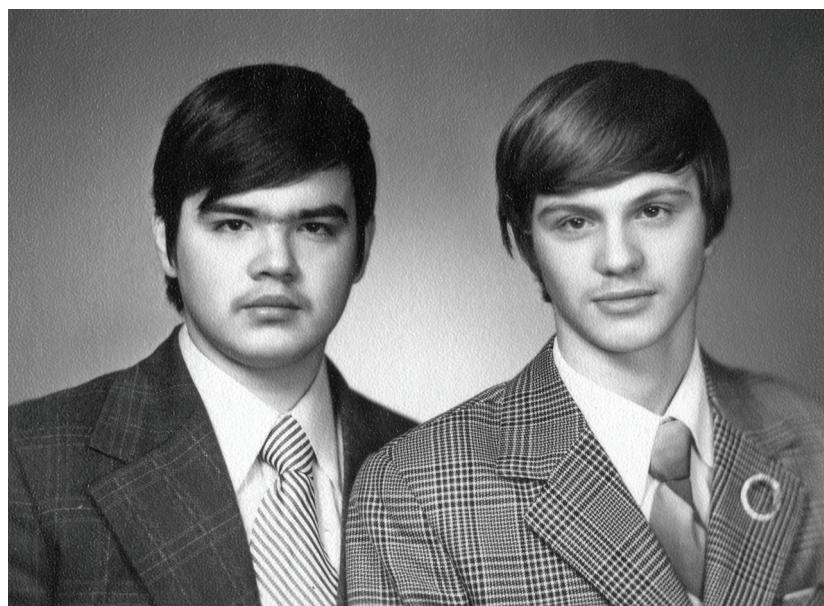
ВИА Добельской СШ №2 – Анатолий ЕРЕМЕЕВ, Зоя ГАРБОВСКАЯ,
Алексей ШУБИН и Олег КАНЫКИН. 9-й класс, май 1975 года.

Девятиклассник Анатолий ЕРЕМЕЕВ на «Зарнице» для младших классов.
Май 1975 года.

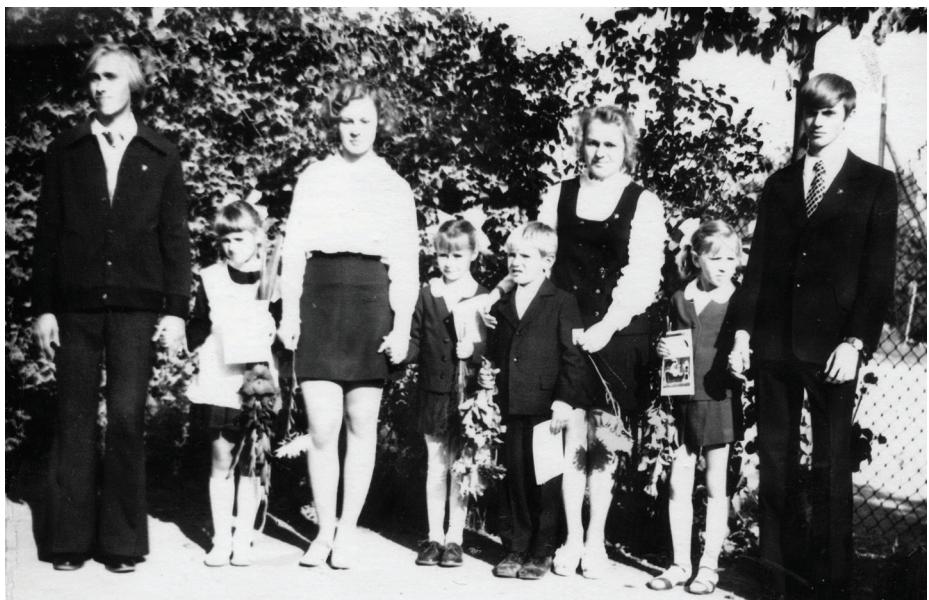
23 февраля 1976 года. В школе проходит смотр-конкурс строя и строевой песни.
Правофланговый 10 «В» класса Анатолий ЕРЕМЕЕВ.

С другом детства Алексеем АННЕНКОВЫМ. Таллинн, зима 1975 года.

ВИА «Флюгер» перед концертом в школе на 7 ноября 1975 года.
Анатолий ЕРЕМЕЕВ, Иван ЛИМАНЦ и Олег КАНЫКИН.

1 сентября 1975 года. Старшеклассники выпускного 10 «В» класса
Сергей ДАНЧЕНКОВ, Наталья ЛЮТОВА, Наталья САДОВСКАЯ
и Анатолий ЕРЕМЕЕВ с первоклашками.

Мой школьный товарищ Сергей ЯКОВЛЕВ со своим неразлучным
железным конем – рижским мопедом. Лето 1975 года.

Последняя школьная перемена. Впереди восемь выпускных госэкзаменов.
г.Добеле, Май 1976 года.

Выпускной вечер в Добельской СШ №2. 10 «В» класс с классным руководителем
СЕГЛИНЯ Эльзой Матисовной. Июнь 1976 года.

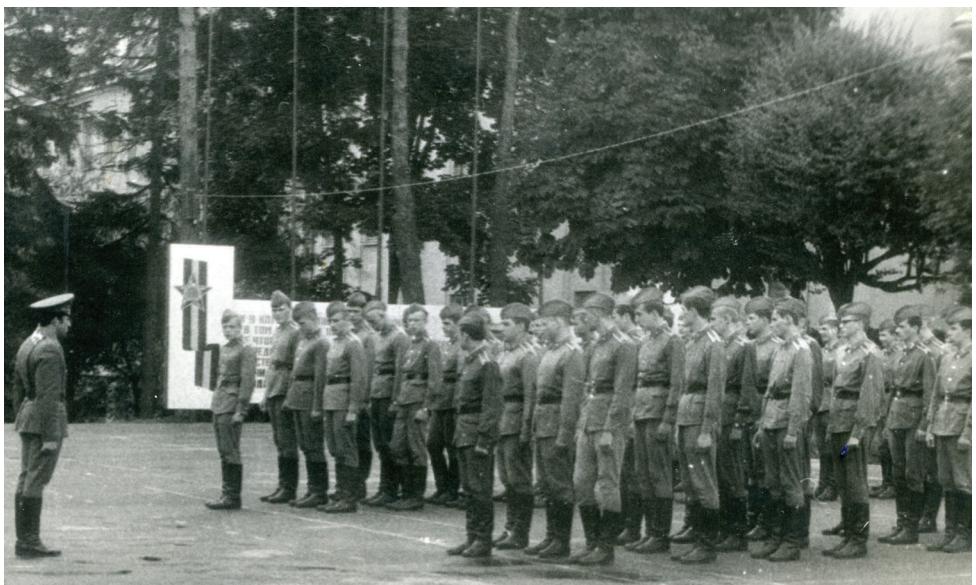

Последнее фото на гражданке в военном городке Добеле-2. Слева направо –
Дмитрий ШИКОВ, Виктор ЛЮТОВ и Анатолий ЕРЕМЕЕВ.
2 июля 1976 года. Завтра уезжаю поступать в Львовское ВВПУ.

**Фотоприложение к 6 главе
ГОДЫ КУРСАНТСКИЕ. ЛЬВОВ**

*Курсант 1-го курса факультета «КПР» Львовского ВВПУ ЕРЕМЕЕВ А.А.
проходит «курс молодого бойца» на Яворовском полигоне под Львовом.
Август 1976 года.*

«Курс молодого бойца». На строевом плацу училища. г. Львов. Август 1976 года.

Участники военного парада во Львове 7 ноября 1976 года первокурсники
Анатолий ЕРЕМЕЕВ, Валерий АРАКЕЛЯН и Олег НАРОЛЬСКИЙ.

Первый училищный караул, в составе отдыхающей смены. Октябрь 1976 года.

Первокурсники на плацу после выпуска офицеров-политработников из ЛВВПУ.
Июль 1977 года.

Стриженая I-я учебная группа с командиром отделения младшим сержантом
МОРГУНОВЫМ В.И. после зимнего отпуска. Февраль 1977 год.

1-я группа второго курса «КПР» на полевых занятиях по инженерной подготовке.
Сентябрь 1977 года.

1-я группа второго курса в полном составе на перерыве в ходе полевых занятий по общевойсковой тактике. В центре прaporщик Михаил ЛОПАТИН, справа от него курсант Анатолий ЕРЕМЕЕВ. На переднем плане – старший преподаватель кафедры тактики полковник ИВАНОВ.

Зимний полевой выход в учебный центр училища. Командир группы старший сержант Андрей РЫБНИКОВ. ЕРЕМЕЕВ А.А. стоит первый справа. Декабрь 1977 года.

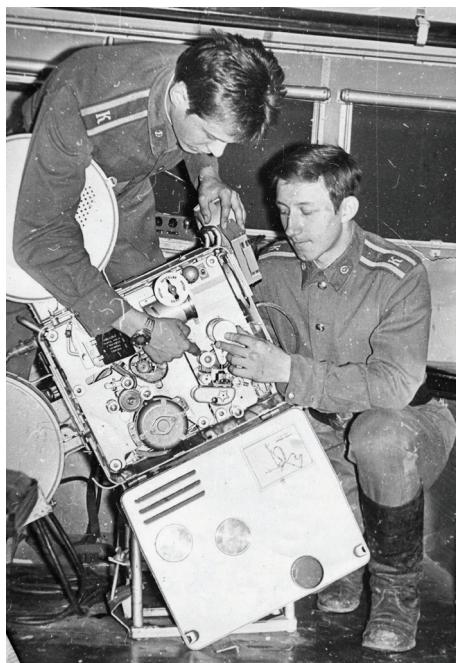
Утренняя физическая зарядка в ЛВВПУ. Второй слева курсант ЕРЕМЕЕВ А.А. Фото для газеты ПрикВО «Слава Родины». Лето 1978 года.

На зачете по физической подготовке. 2-й курс. 1977 год.

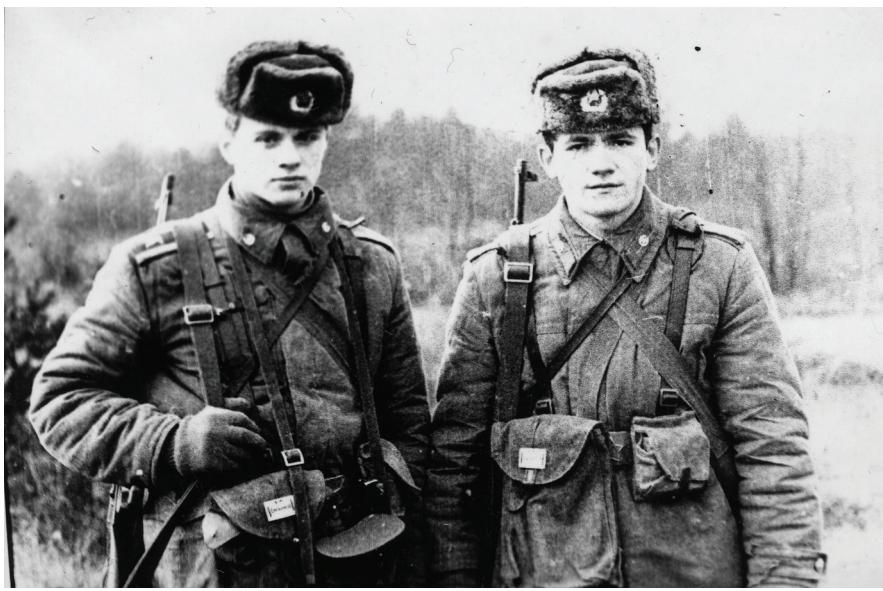
Почетный караул на Монументе Славы с командиром 1-го курсантского взвода старшим лейтенантом Штырлиным А.К.

Работа на киноаппаратуре походного клуба в полевых условиях.
С товарищем по учебной группе Виктором ГОБОЙ. 1978 год.

На занятиях по тактике. Ориентирование на местности докладывает курсант 3-го курса ЕРЕМЕЕВ А.А.

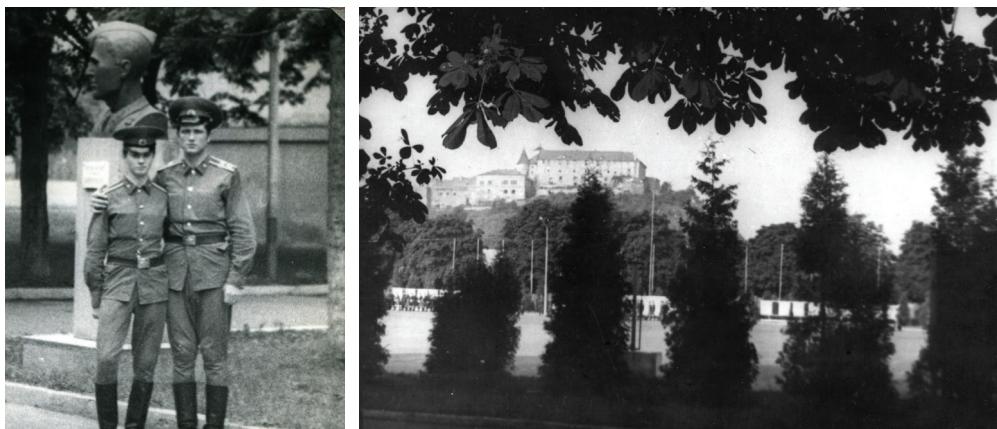
С лучшим другом по ЛВВПУ Виктором ГУСАКОМ на полевых занятиях.
Старичи, Яворовский полигон. Декабрь 1978 года.

Мотострелковое отделение курсантов 3-го курса ЛВВПУ. Слева на право –
Виктор ГОБА, Анатолий ЕРЕМЕЕВ, Олег НАРОЛЬСКИЙ,
сержант Анатолий ПОРОТИКОВ, Валерий БЕРЕСТОВ и Аркадий Иващенко.

Парадная рота барабанщиков и ее командир – начальник курса старший лейтенант МИЛОШИЧ Н.А. Один из ста барабанщиков курсант Анатолий ЕРЕМЕЕВ. Ноябрь 1977 года.

*На первой войсковой стажировке замполитами рот в мотострелковом полку в г. Мукачево с сержантом Владимиром МОРГУНОВЫМ.
Закарпатье, июль 1978 года. Строевой плац мотострелкового полка с видом на средневековый Закарпатский замок. Июль 1978 года, г. Мукачево.*

Руководитель стажировки с курсантами-стажерами факультетов «КПР» и
«Военных журналистов», г. Мукачево, июль 1978 года.

Будущие офицеры-политработники в учебном центре «Старичи». Занятие проводит командир группы старшина РЫБНИКОВ А.А. Декабрь 1978 года.

В центре с картой курсант ЕРЕМЕЕВ А.А.

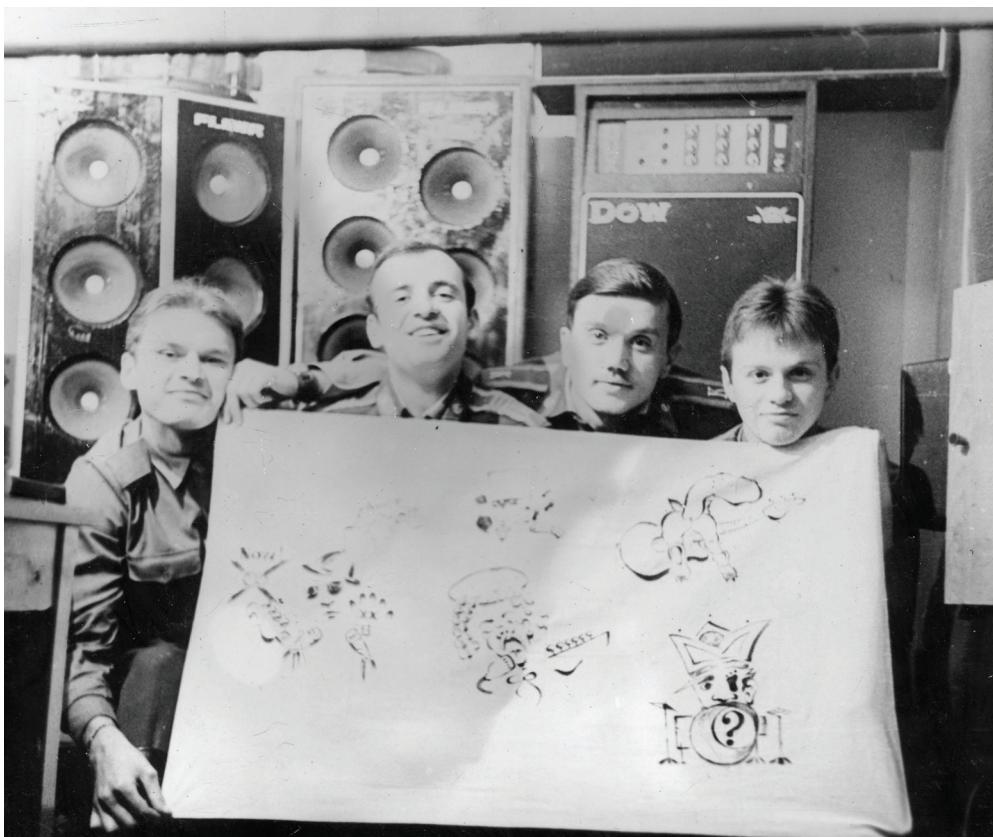
В роте все в порядке. Дневальный курсант 3-го курса Анатолий ЕРЕМЕЕВ в суточном наряде по учебной роте.

Семейное фото – курсант 3-го курса Анатолий, сестра Елена и отец подполковник Анатолий Степанович ЕРЕМЕЕВЫ, г. Шяуляй Литовской ССР.

Училищный ансамбль «Поиск» в курсантском клубе на репетиции. Слева направо – курсанты 4-го курса ЛВВПУ Игорь ГАВРИЛОВ, Владимир ПЛЕШКОВ, Владимир ЧЕРНЫЙ и Анатолий ЕРЕМЕЕВ.

Группа «Поиск» в музыкальной комнате. Слева направо: Игорь ГАВРИЛОВ,
Владимир ЧЕРНЫЙ, Владимир ПЛЕШКОВ и Анатолий ЕРЕМЕЕВ.

На репетиции к отчетному концерту в училище. Апрель 1980 года.

Последний концертный выезд училищного ансамбля «Поиск» в составе выпускников училища (слева направо) – Игорь ГАВРИЛОВ, Андрей РЫБНИКОВ, Анатолий ЕРЕМЕЕВ, Владимир ЧЕРНЫЙ и Владимир ПЛЕШКОВ. Май 1980 года.

На туристическом слете МО СССР. Апрель 1980 года, г. Яремче, Карпаты.

Стрыйский парк города Львова. В увольнении.

Лето 1978 года. В отпуске с друзьями по шяуляйскому дому офицеров-ракетчиков на улице Жемайтес, дом 33.

Русский «прибалтиец» на улицах Львова. В увольнении на 3-м курсе.

Львов. Август 1978 года. С курсантами Курганского военно-политического авиационного училища. Слева мой однокашник по учебной группе Михаил КУЗНЕЦОВ.

Летний отпуск в г. Шяуляй. У дома родителей с бабулей ЕРЕМЕЕВОЙ
Ниной Григорьевной и родной сестренкой Леной. Август 1978 года.

В летнем отпуске во Львове. У пивного бара «Пид вежею». Август 1979 года.

Кому свадьба, а кому-то подготовка к параду Победы за забором училища.
Командир моего отделения старший сержант Анатолий ПОРОТИКОВ с женой
Маргаритой в день своей свадьбы у стен родного Львовского ВВПУ. Май 1978 года.

На стажировке в должности начальника солдатского клуба части
в 13-м мотострелковом полку 24-й учебной танковой дивизии.
п.Адажи-2 Латвийской ССР. Январь 1980 года.

Директор народного симфонического оркестра Львовского политехнического института Юрий Николаевич НАУМОВ, мой будущий тестя. Львов, 1978 год.

Сорок пять дней до выпуска. Львов, май 1980 года.

Моя будущая жена, студентка Львовского государственного музыкального училища НАУМОВА Ирина Юрьевна. Львов, 1979 год.

*Курсанты выпускного 4-го курса в учебном центре на стрельбище.
Март 1980 года.*

Выпускная 41-я учебная группа. Слева направо: 1-й ряд – Михаил КУЗНЕЦОВ,
Анатолий ПОРОТИКОВ, Андрей РЫБНИКОВ, Михаил ЛОПАТИН,
Владимир ЛОБАХ, Александр ПАЛАМАРЧУК, Валерий АРАКЕЛЯН.
2-й ряд – Владимир ЧЕРНЫЙ, Виктор ГУСАК, Александр БОЛТЫШЕВ,
Валерий БЕРЕСТОВ, Виктор ГОБА, Александр КАЛИНИЧЕНКО,
Виктор БРОНИРОВ, Александр БАРАНОВ.
3-й ряд – Аркадий ИВАЩЕНКО, Игорь БАБЧУК, Олег НАРОЛЬСКИЙ,
Николай ЗАБРОДИН, Виталий АВРАМЕНКО, Виктор КОЗЛОВ,
Анатолий ЕРЕМЕЕВ и Игорь ГАВРИЛОВ.

На Монументе Славы. Завтра выпуск. Львов, 9 июля 1980 года.

Выпускная 41-я учебная группа: 1-й ряд – ГАВРИЛОВ Игорь Владимирович (ВВС),
ЗАБРОДИН Николай Николаевич (Ж/д войска), ИВАЩЕНКО Аркадий
Иванович (СВ), ПОРОТИКОВ Анатолий Иванович (РВСН). 2-й ряд – БОЛТЫШЕВ
Александр Владиленович (СВ), БАРАНОВ Александр Анатольевич (СВ),
КОЗЛОВ Виктор Викторович (СВ), майор МИРОШНИЧЕНКО И.А., капитан
ФИРСЕНКОВ В.А. (преподаватели кафедры искусств), ЛОПАТИН Михаил
Михайлович (СВ), РЫБНИКОВ Андрей Александрович (ВВС), БРОНИРОВ Виктор
Леонидович (РВСН), ГОБА Виктор Гунарович (РВСН). 3-й ряд – АВРАМЕНКО
Виталий Валентинович (СВ), ПАЛАМАРЧУК Александр Васильевич (ВДВ),
АРАКЕЛЯН Валерий Альбертович (СВ), ЕРЕМЕЕВ Анатолий Анатольевич (РВСН),
КАЛИНИЧЕНКО Александр Владимирович (СВ), ГРИГОРЬЕВ
Валерий Иванович (СВ), НАРОЛЬСКИЙ Олег Александрович (ПВО),
МОРГУНОВ Владимир Иванович (ПВ).

Перед выпуском на сцене клуба Львовского ВВПУ. Слева направо: курсант ПАЛАМАРЧУК А.В., курсант ЕРЕМЕЕВ А.А., сержант МОРГУНОВ В.И. и курсант АРАКЕЛЯН В.А. Июнь 1980 года.

Первая офицерская фотография в личное дело перед выпуском из ЛВВПУ. Апрель 1980 года.

Политотделцы Шяуляйской ракетной дивизии – секретарь партийной комиссии подполковник ЕРЕМЕЕВ А.С. и начальник школы партийного актива майор МИРОШНИЧЕНКО Г.Г.

Секретарь парткомиссии подполковник ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович с инструкторами комсомольской работы прапорщиками КОЗАК Михаилом Ильичем и ДОЛИНИНЫМ Александром Ивановичем.

Политотдельцы 29-й ракетной дивизии. 1-й ряд – старший лейтенант ГРИБ В.Н., подполковник ЕРЕМЕЕВ А.С., подполковник ЕВСТРАТОВ В.А., майор ВАСИЛЬЕВ А.А.

2-й ряд – капитан РОЩУПКИН Ю.М., старший прaporщик КОБА В.И., старший прaporщик КОЗАК М.И., майор МИРОШНИЧЕНКО Г.Г. Май 1981 г.

Митинг по случаю отправки личного состава на уборку урожая 1981 года.

Справа – Врио командира дивизии полковник ТОНКИХ В.К.,
слева – секретарь парткомиссии дивизии подполковник ЕРЕМЕЕВ А.С.

На трибуне в день 60-летия родного Добельского ракетного полка в составе его ветеранов. Второй слева подполковник ЕРЕМЕЕВ А.С.

Выступает ЧВС – начальник политотдела 50-й ракетной армии генерал-майор КУРИННЫЙ Игорь Иванович. Справа сидят за столом президиума секретарь парткомиссии подполковник ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович и начальник политического отдела Шяуляйской ракетной дивизии подполковник ЕВСТРАТОВ Вячеслав Александрович. Февраль 1981 года.

**Фотоприложение к 7 главе
ПРИБАЛТИЙСКОЕ ЛЕЙТЕНАНТСТВО**

*Львовский Дворец торжественных событий, бывший Дворец графа ПОТОЦКОГО.
3 августа 1980 года.*

*В зале ЗАГС.
Мой свидетель и однокашник Александр Васильевич ПАЛАМАРЧУК.*

Родные и близкие – ЕРЕМЕЕВЫ и НАУМОВЫ при регистрации брака молодых.

Обмен обручальными кольцами. Ирина Юрьевна НАУМОВА стала ЕРЕМЕЕВОЙ.

После регистрации брака. Муж и жена ЕРЕМЕЕВЫ. 3 августа 1980 года. г.Львов.

Фото на память. Анатолий и Ирина ЕРЕМЕЕВЫ в день бракосочетания
3 августа 1980 года. г. Львов.

На сцене начальник клуба вицмс Валкской ракетной дивизии
лейтенант ЕРЕМЕЕВ А.А. г.Выру, ноябрь 1980 года.

Одногодки – начальник клуба вицмс Валкской ракетной дивизии лейтенант
ЕРЕМЕЕВ А.А. и старший кинорадиомеханик мл. сержант КАЗАКОВ В.Н.

Первый семейный отпуск. г Черновцы. Июнь 1981 года.

С отцом Анатолием Степановичем и тестем Юрием Николаевичем на озере Риекива в городе Шяуляй, Литва. Июнь 1981 года.

*Родные сестры Ирина и Юлиана рядом с новой «Ласточкой» ВАЗ-21011
ЕРЕМЕЕВА Анатолия Степановича. Июнь 1981 год. г. Шяуляй.*

*Начальник Гарнизонного офицерского клуба Валкской ракетной дивизии.
1981 год. г..Валга, Эстонская ССР.*

Партийная конференция в Гарнизонном офицерском клубе Валкской ракетной дивизии. Слева направо – командир соединения генерал-майор МОРОЗ В.В., командующий Смоленской 50-й ракетной армии генерал-лейтенант ЯШИН Ю.А. и начальник политотдела дивизии полковник АСТАФЬЕВ Б.В.
г. Валга, сентябрь 1981 года.

Начальник офицерского клуба дивизии с ансамблем «Лабиринт». г. Валга, июнь 1981 года.

Начальник ГОК лейтенант ЕРЕМЕЕВ А.А. со своим постоянным и приданым личным составом. Г. Валга, осень 1981 года.

Методический класс, переоборудованный в наше клубное жилье.
Ирина Юрьевна за новеньkim фортепиано «Riga». г. Валга, 1981 год.

Все в одной комнате – кухня, спальня и зал. г. Валга, 1981 год.

Молодые ЕРЕМЕЕВЫ в гостях у сослуживцев. г. Валга, 7 ноября 1981 года.

Встреча ветеранов Добельского ракетного полка. 1981 год.

Командир Добельского ракетного полка подполковник БАЛАЩЕНКО М.П. вручает ветеранам части памятные сувениры.

Ветераны Добельского ракетного полка: учитель – фронтовик подполковник запаса ВОРОБЬЕВ Б.С. и его ученик подполковник ЕРЕМЕЕВ А.С.

Фото на память о встрече в родном Добельском полку. В первом ряду слева ветеран полка подполковник ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович.

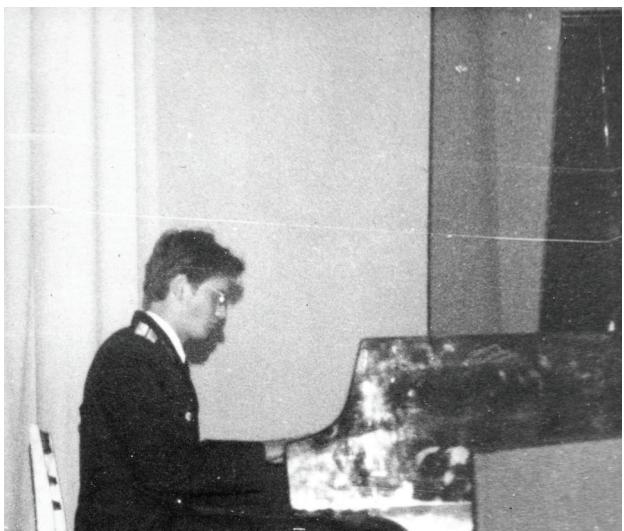
Фотоприложение к 8 главе НА ЗЕМЛЕ СМОЛЕНСКОЙ

*Начальник клуба армейского узла связи лейтенант ЕРЕМЕЕВ А.А.
п. Гусино Смоленской области, 1982 год.*

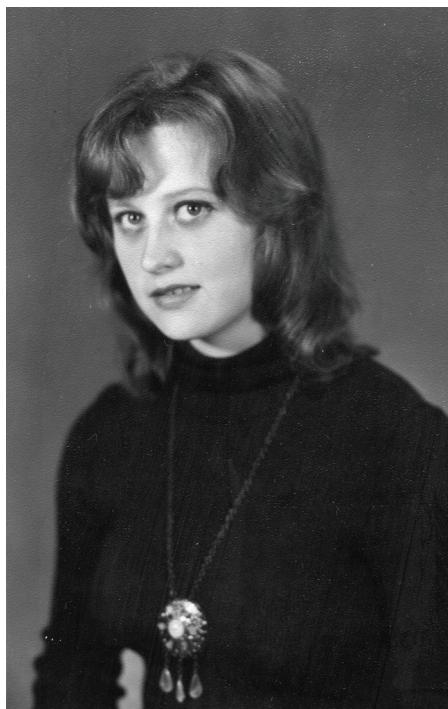
*Партийно-политический аппарат армейского узла связи у памятника
В.И. ЛЕНИНУ у клуба части. Слева направо: секретарь комитета ВЛКСМ
капитан КОВАЛЕВ Алексей Анатольевич, начальник клуба старший лейтенант
ЕРЕМЕЕВ Анатолий Анатольевич, пропагандист майор РАТМАНОВ Александр
Львович, замполит части подполковник ЦЫБУЛЬСКИЙ Александр Иванович
и секретарь парткома майор БОБРОВ Михаил Степанович.*

На сцене клуба армейского узла связи супруги Анатолий и Ирина ЕРЕМЕЕВЫ.

Выходной день в городе-герое Смоленске. С женой Ириной и тещей Валерией Владимировной на центральной площади города Смоленска. Лето 1982 года.

ЕРЕМЕЕВА Ирина Юрьевна. 1982 год.

12 мая 1983 года в городе Львове родился наш первенец –
сын ЕРЕМЕЕВ Андрей Анатольевич.

Мужской разговор с дедом Юрай. Андрею 2.8 месяцев. Львов, 1983 год.

Ирина, ее бабушка МАКЕЕВА Нина Сергеевна и маленький Андрюшко в коляске в гостях у деда Анатолия Степановича в городе Шяуляй. Июнь 1983 год.

На берегу Днепра у п. Гусино в июне 1983 года. Слева направо: свояченица Юлиана, тещенька Валерия Владимировна, Ирина и я. В коляске сын – Андрюха ЕРЕМЕЕВ.

На обратном пути из командировки. С родителями на балконе в г. Шяуляй. 1983 год.

На прогулке с Андрюшкой. Мама Лера, я и Ирина у подъезда жилого дома в Гусино.
Лето 1983 года.

Чтобы не больно было падать. Андрюша уже что-то придумал.
п. Гусино, 1983 год.

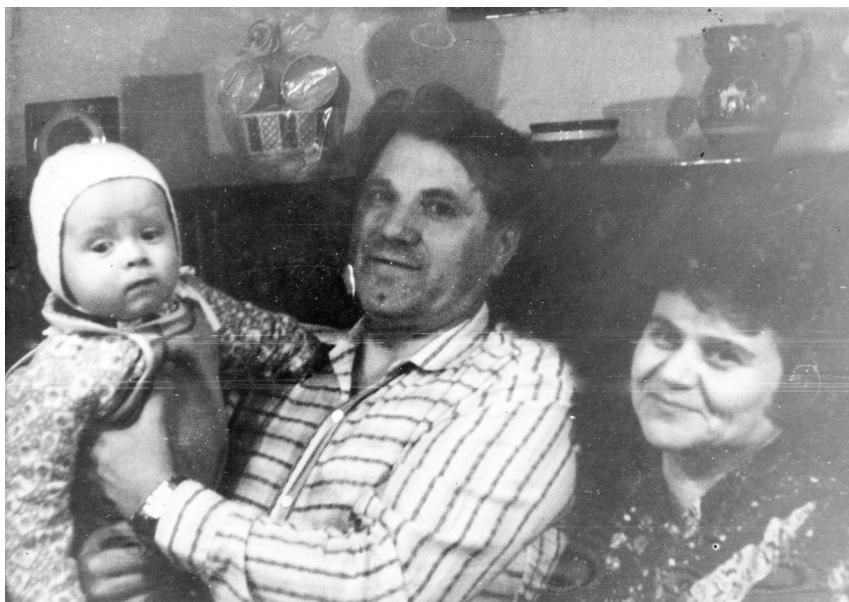
Отец и сын ЕРЕМЕЕВЫ в клубе части и Андрюша с мамой Ириной дома в Гусино.
1983 год.

На строевом смотре в ходе итоговой проверки комиссией
Главнокомандующего РВСН. Ноябрь 1983 года.

С маленьkim Андрюшкой на фоне нашего дома в военном городке п. Гусино.
Зима 1983 года.

Андрюшка в гостях у деда Толи и бабули Вали. г.Шяуляй, декабрь 1983 года.

В Шяуляе у деда Анатолия Степановича в декабре 1983 года.
Андрюша с папой Толей, пррабушкой Ниной Григорьевной ЕРЕМЕЕВОЙ,
тетей Леной и мамой Ириной.

Семейное фото в Шяуляе. Декабрь 1983 года.

С сыном Андрюшкой на сцене армейского клуба. Ноябрь 1983 года.

*Маленький музыкант Андрюша ЕРЕМЕЕВ.
Хотите, сыграю на рояле, не хотите – на барабанах.*

Андрюша верхом на папе Толе. п.Гусино, 1983 год.

Проводим Масленицу в военном городке Гусино. 1984 год.

Андрей с молодой бабушкой Лерой. Львов, лето 1984 года.

Андрей ЕРЕМЕЕВ. Львов, 1984 года.

Молодые ЕРЕМЕЕВЫ с сыном Андрюшкой в отпуске в Черновцах.
На даче у бабушки МАКЕЕВОЙ Нины Сергеевны. Лето 1984 года.

Андрей с мамой Ириной на даче в Черновцах. Июнь, 1984 год.

Маленький гимнаст. Черновцы, 1984 год.

Два танкиста и собака. Андрей на переднем плане. Черновцы, 1984 год.

С сыном Андрюшкой на даче в Черновцах. Июнь, 1984 год.

Два дела сразу и оба необходимых. Андрей во Львове у дедов НАУМОВЫХ.

Андрюша дома в Гусино.

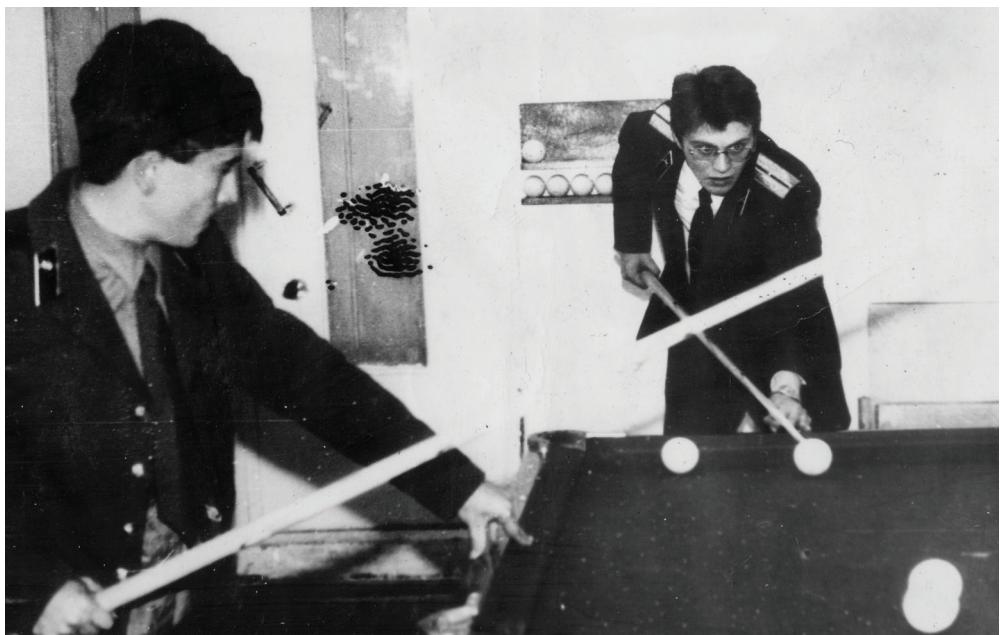
Равнение на Боевое знамя части. Май 1984 года. Армейский узел связи, п. Гусино.

Офицеры управления армейского узла связи у клуба части. Начальник клуба старший лейтенант ЕРЕМЕЕВ А.А. во втором ряду первый слева. 1984 год.

Армейский узел связи. Прапорщик Сергей МИХАЙЛОВ, начальник клуба старший лейтенант Анатолий ЕРЕМЕЕВ, секретарь комитета ВЛКСМ части капитан Алексей КОВАЛЕВ, сменный инженер связи и пародист Анатолий КАЛУПИН.
П.Гусино, 1984 год.

Разминка перед праздничным концертом. Слева – ведущий концерта рядовой Тимофей ЭЛЬМАНОВ.

На концерте, посвященном 25-летию РВСН. п. Гусино, 17 декабря 1984 года.

С коллективом художественной самодеятельности части. Последний день в должности начальника клуба армейского узла связи.

п.Гусино, 17 декабря 1984 года.

Начальник армейского узла связи полковник ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ В.Н.вручает грамоту начальнику солдатского клуба старшему лейтенанту ЕРЕМЕЕВУ А.А.
Декабрь 1984 года.

Фотоприложение к 9 главе
25-Й РАКЕТНЫЙ ПОЛК. СОВЕТСК

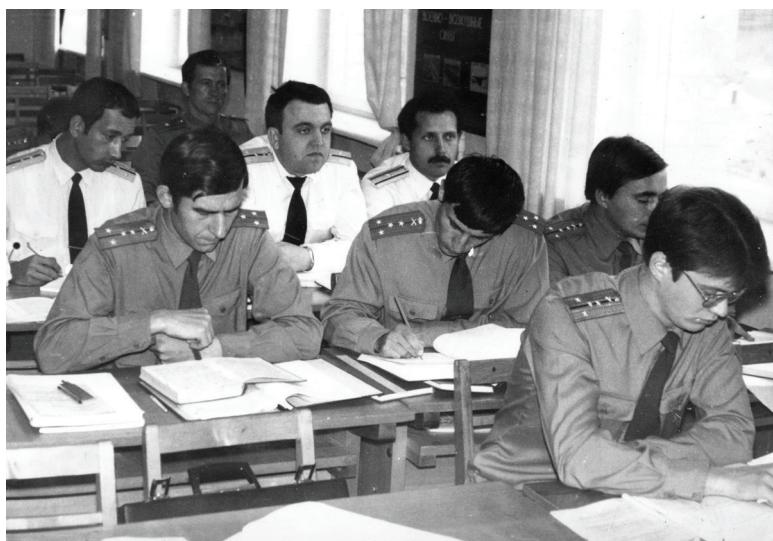
*Боевая работа ракетчиков на комплексе Р-12 (8К63).
Такими ракетами был вооружен 25-й ракетный полк 24-й пятиорденоносной
Гвардейской ракетной дивизии, стоявшей более 30 лет на боевом дежурстве
на территории Калининградской области.*

*Пропагандист Советского ракетного полка старший лейтенант ЕРЕМЕЕВ А.А.
проводит ИМЗ с агитаторами и редколлегиями стенной печати батареи.
Февраль 1985 года.*

Фото в личное дело после присвоения очередного воинского звания «капитан»,
август 1985 г, г. Советск.

Группа офицеров-слушателей 10-х Центральных курсов усовершенствования
политсостава. На переднем плане – пропагандист 25-го ракетного полка
капитан ЕРЕМЕЕВ А.А. г. Киев, октябрь 1985 года.

Творческая встреча с актером Николаем ОЛЯЛИНЫМ. 10-е Центральные курсы усовершенствования политсостава. г.Киев, сентябрь 1985 года.

С сыном Андреем на набережной реки Неман. За рекой – Литва.
г. Советск, июнь 1985 года.

Ирина с сыном Андреем на берегу реки Неман. Советск, июнь 1985 года.

Андрей с мамой Ириной в парке Победы города Советска. Июнь 1985 года.

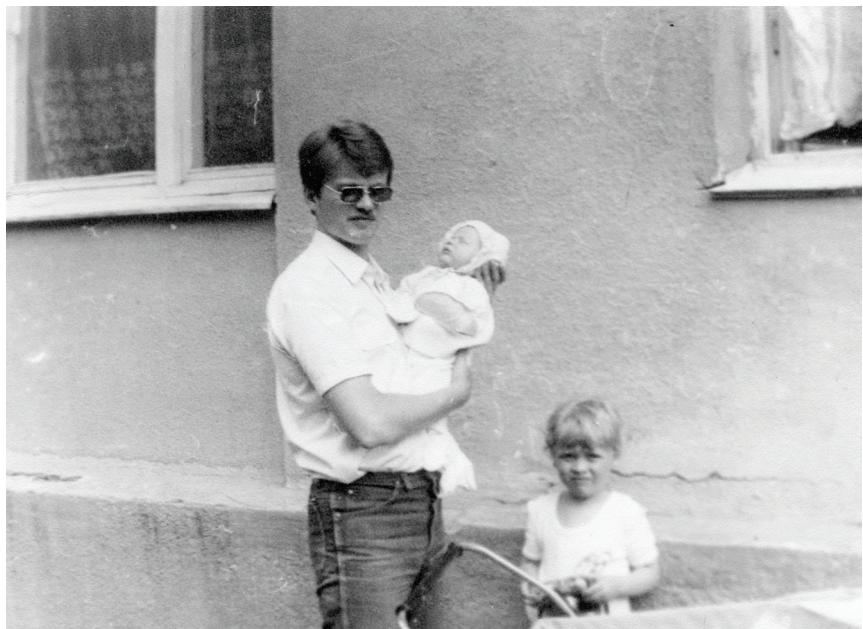
Андрей и Ирина на улицах города Немана. Май 1986 года.

Выпускники Львовского ВВПУ пропагандист ракетного полка капитан ЕРЕМЕЕВ А.А. и начальник клуба старший лейтенант БУБЯЛИС Р.И. с сослуживцами-политработниками 1-го дивизиона и Узла связи полка.
Лето 1987 года.

1 июня 1987 года родился второй сын Сергей Анатольевич ЕРЕМЕЕВ.
Львов, начало июня 1987 года.

ЕРЕМЕЕВЫ: папа Толя с младшим сыном Сережкой на руках и старший сын
Андрюшка у квартиры дедов НАУМОВЫХ. Львов, начало июня 1987 года.

Все интересно. Сережка в коляске дома в г. Неман. 1987 год.

Маленький Сергунька ЕРЕМЕЕВ. Неман, 1987 год.

С родителями-пенсионерами ЕРЕМЕЕВЫМИ Анатолием Степановичем
и Валентиной Николаевной на их даче (саду-огороде) в г.Шяуляй.
Сентябрь 1987 года.

Андрей на детских аттракционах во Львове. Лето 1987 года.

Сослуживцы по 25-му ракетному полку. г.Советск, осень 1987 года.

Фотоприложение к 10 главе
ЛИКВИДАТОРЫ. БАЗА «ЛЕСНАЯ»

Члены комиссии МО СССР и РВСН проверяют готовность объектов ракетной базы к реализации договора по ликвидации ракетного комплекса 8К63 (Р-12).
Март 1988 года, Лесная.

Командир части полковник АВДЕЕНКО Евгений Михайлович и начальник инженерной службы старший лейтенант ЛОБАЧ Владимир Павлович.

В рабочем кабинете пропагандиста части майора ЕРЕМЕЕВА А.А.

Офицеры управления (в первом ряду подполковник ТОВСТОГАН Н.И.,
майор АПАРХОВ Ю.В., ст.лейтенанты ОЛЕНЕВ Н.Ю. и СМОЛА В.,
капитан САТВАЛОВ Г.В.) и личный состав базы ликвидации на построении
на плацу части. Апрель 1988 года, Лесная.

Приезд первой группы американских инспекторов. Слева командир базы полковник АВДЕЕНКО Е.М., справа начальник штаба майор ШЛЯХТО В.К.

Август 1988 года, Лесная.

На площадке осмотра ракетного вооружения комплекса Р-12, подлежащего ликвидации.

Ракета Р-12, находившаяся тридцать лет на боевом дежурстве РВСН,
перед разборкой.

Перегрузка ракеты на технологическую тележку перед цехом резки.

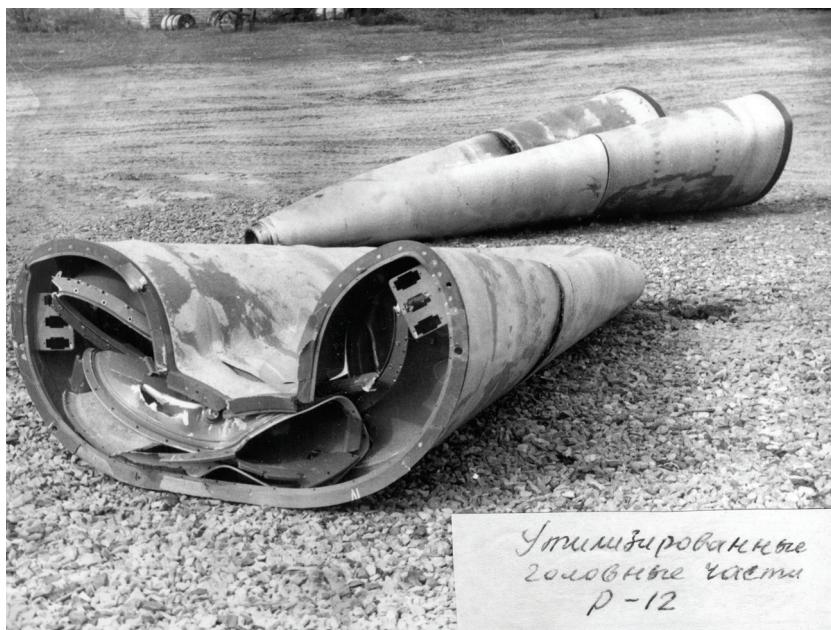
Идет процесс резки ракеты на части.

«Бывший» корпус ракеты Р-12, ликвидированной по условиям Договора РСМД.

Головные части ракеты Р-12 без ядерного боезаряда в цеху ликвидации методом сдавливания мощным прессом.

Утилизированные
головные части
Р-12

Смятые головные части ракеты Р-12.

Фото сопровождающих СССР с очередной группой американских инспекторов.
Лесная. Во втором ряду слева офицер ЦОРД РВСН
майор БАТЫШЕВ Николай Николаевич.

Сережка – заяц с морковкой, тетей Юлианой и папой Толей в квартире №1 дома №5. Лесная, лето 1988 года.

Сережка с отцом на прогулке в зимнем лесу. Декабрь 1988 года, Лесная.

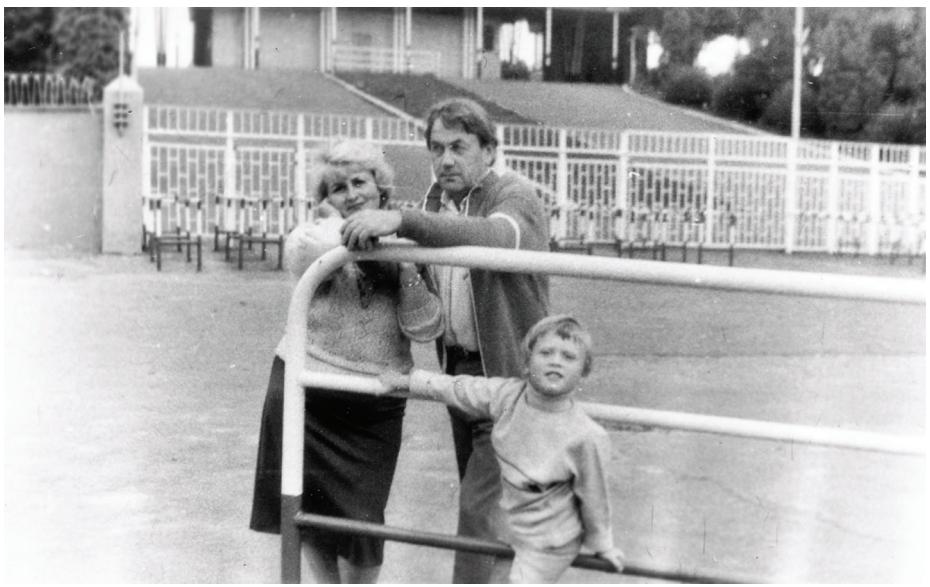
Андрей - новогодний заяц и в роли Буратино на Новогодней ёлке в клубе части. Лесная, январь 1989 и 1990 года.

Андрюшка и Сережка с мамой Ирой на Новогоднем утреннике в клубе базы ликвидации «Лесная». Январь 1990 года.

Родители ЕРЕМЕЕВЫ и НАУМОВЫ в Лесной, в день моего убытия в Москву для поступления в Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Июль 1989 года.

Андрей на стадионе «Дружба» во Львове с НАУМОВЫМИ –
бабулей Лерой и дедом Юрий.

Сыновья Сережка и Андрюшка в гостях у бабули Леры
и тети Юлианы НАУМОВЫХ во Львове.

Сережка ЕРЕМЕЕВ. Лесная, лето 1988 года.

Ирина с родной сестрой Юлианой и детьми – Андреем и Сергеем.
Лето 1988 года, д. Лесная.

*Mou ЕРЕМЕЕВЫ – жена Ирина с младшим сыном Сережкой на руках
и старший сын Андрюшка.*

Сережка с дедом Юрай в палисаднике у дома №5 на Липовой аллее в Львове.

Сережка с дедом Толей на даче в Шяуляе.

Секретарь парткома базы ликвидации майор ЕРЕМЕЕВ А.А. с семьей на митинге в День Победы. д. Лесная, 9 мая 1989 года.

Хулиганистые внуки Андрей и дед Анатолий Степанович ЕРЕМЕЕВЫ на лесной базе отдыха части. Озеро Гать.

Сын Андрей на фоне пока еще полноводного и богатого разнообразной рыбой озера Гать. 1989 год.

Дед Юрий Николаевич НАУМОВ и его внук Андрюха ЕРЕМЕЕВ на весенней рыбалке плотвы на речке Щара после сброса воды из озера Гать. 1990 год.

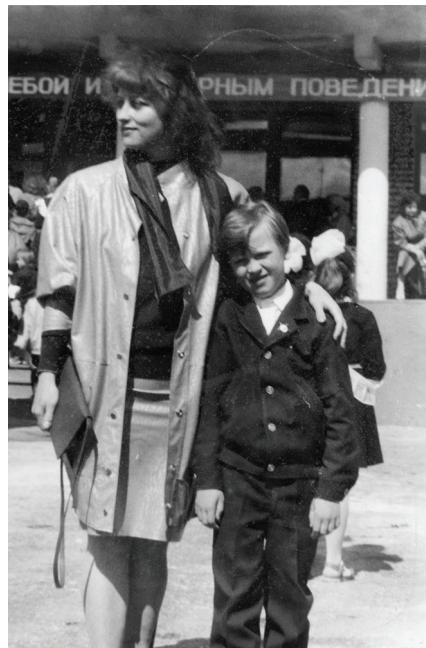
Сережка – маленький шкода. На лоджии в Лесной. Лето 1988 года.

Ну, очень мне копченые леши нравятся. Сережка дома в Лесной.

Сережка ЕРЕМЕЕВ в детском саду. Лесная, осень 1988 года

Первоклассник Андрей ЕРЕМЕЕВ с мамой Ириной у Леснянской средней школы.
Сентябрь 1989 года, д. Лесная.

Провожая брата в школу. Сережа с мамой Ириной
у Леснянской средней школы. 1989 год.

С женой Ириной в выходной день на стадионе в военном городке д.Лесная.
Осень 1989 года.

Ирина позирует, демонстрируя костюм, сшитый своими руками.
Лесная, осень 1989 года.

Родители НАУМОВЫ Юрий Николаевич и Валерия Владимировна в отпуске в Лесной. С дарами белорусского леса. Август 1990 года.

Отец с сыновьями Сережкой и Андрюшкой. Лесная, сентябрь 1990 года.

В ожидании старшего сына Андрея из школы. Сережка устал. Лесная, 1990 год.

*Жена Ирина с сыном Сережкой и родителями НАУМОВЫМИ
Валерией Владимировной и Юрием Николаевичем. Львов, лето 1991 года.
Два веселых гуся – братья Андрей и Сергей ЕРЕМЕЕВЫ.*

Летний отпуск во Львове. Август 1991 года.

ЕРЕМЕЕВА Ирина Юрьевна – директор Леснянской детской музыкальной школы.
Октябрь 1990 года.

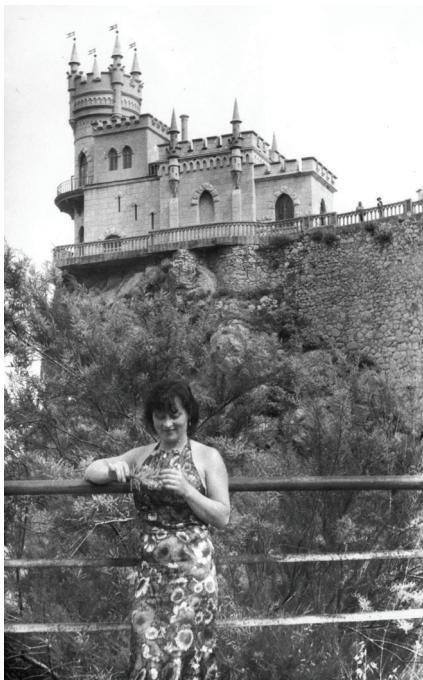
На торжественном собрании личного состава и семей военнослужащих базы ликвидации «Лесная» в честь очередной годовщины Советской Армии и ВМФ. Слева направо: секретарь парткома майор ЕРЕМЕЕВ А.А .(за трибуной),, командир части полковник АВДЕЕНКО Евгений Михайлович, замполит части подполковник ГУБИЙЧУК Борис Степанович, начальник штаба майор ВАСИН Михаил Николаевич и председатель женсовета ИВАНОВА Лина Экнадиосовна. 1990 год.

После дегустации крымских вин в Массандре. Сочи, июль 1992 год.

У льва Ливадийского дворца. Сочи, июль 1992 года.

Ирина на фоне Ласточкиного гнезда. Сочи, июль 1992 год.

Командир базы ликвидации «Лесная» полковник АВДЕЕНКО Е.М. вручает памятные сувениры руководителю американской делегации в день ликвидации последней ракеты Р-12 23 мая 1991 года.

Представители Главного командования РВСН и американские инспекторы при ликвидации последней ракеты Р-12. Третий слева заместитель главкома РВСН по ракетному вооружению генерал-полковник НИКИТИН В.А. 23 мая 1991 года.

ИВАНОВА Л.Э. и ЕРЕМЕЕВА И.Ю. у последней ракеты Р-12 (SS-4),
ликвидированной на ракетной базе «Лесная». 23 мая 1991 года.

Экспозиция ракеты Р-12 в память о ликвидации ракет средней дальности
на белорусской земле. г.Барановичи, 1992 год.

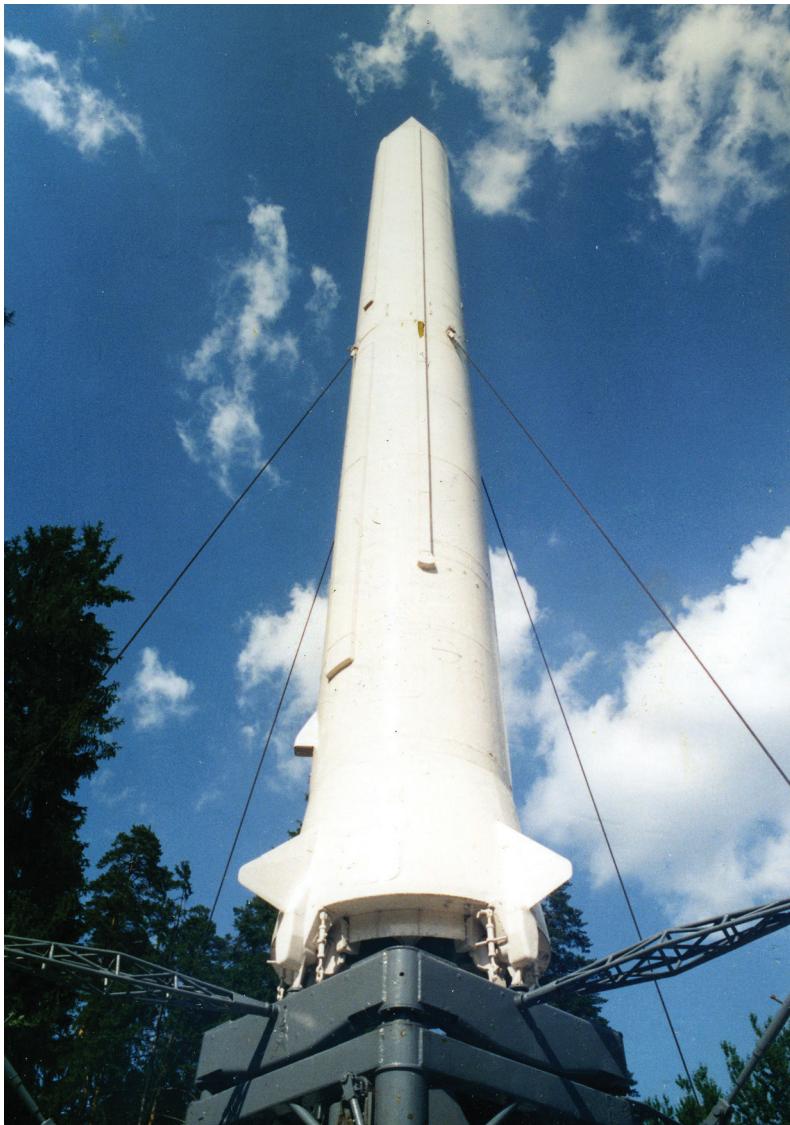
Родители ЕРЕМЕЕВЫ Валентина Николаевна и Анатолий Степанович
в своей квартире в городе Шяуляй.

На коленях моя племянница Света КОТОВСКАЯ. 1992 год.

Отец – полковник запаса ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович, ветеран Вооруженных Сил СССР и РБСН. Шяуляй, фото 1992 года и сын – подполковник ЕРЕМЕЕВ Анатолий Анатольевич, заместитель командира части по работе с личным составом. Фото в личное дело после присвоения воинского звания «подполковник». Август 1992 года.

**Фотоприложение к 11 главе
в ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ РВСН**

Власиха. Главный штаб РВСН. Ракета Р-12, установленная к 30-летию образования Ракетных войск стратегического назначения. С 1960 по 1984 год на ней служил мой отец ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович. С 1980 по 1988 годы служил и я, а с 1988 по 1991 год занимался ее ликвидацией согласно Советско-американскому Договору о РСМД.

Офицеры Центрального аппарата РВСН на итоговой проверке Красноярской ракетной дивизии. На переднем плане – заместитель главнокомандующего РВСН по ракетному вооружению генерал-полковник НИКИТИН Владимир Алексеевич, командир дивизии генерал-майор ДОРОШИН Ю., за ним в строю проверяющих подполковник ЕРЕМЕЕВ А.А.

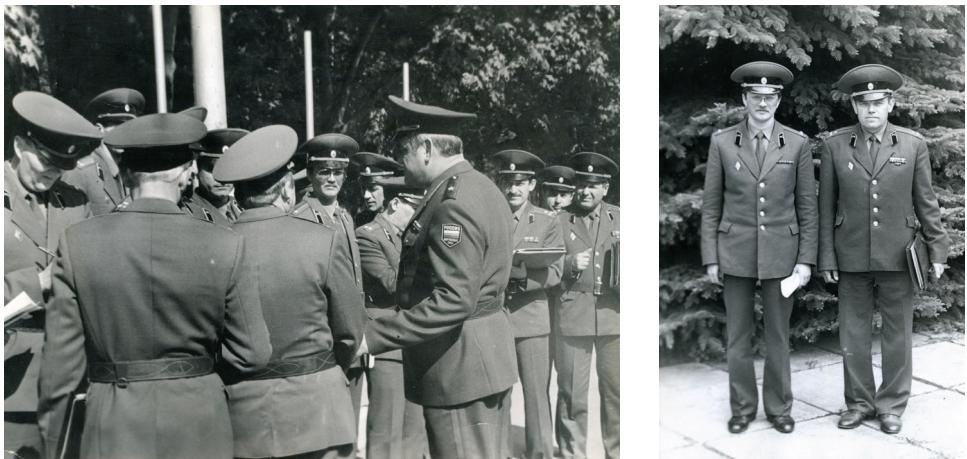
Старший офицер Управления по работе с личным составом РВСН подполковник ЕРЕМЕЕВ А.А. на итоговой проверке по Общественно-государственной подготовке.

В составе комиссии ГК РВСН на итоговой проверке Красноярской ракетной дивизии. Справа полковник ЛЬГОТКО Евгений Викторович. 1993 год.

На строевом смотре в составе комиссии ГК РВСН на итоговой проверке Костромской ракетной дивизии. Март 1994 года.

*На итоговой проверке в Серпуховском ВВКИУ Ракетных войск.
Старший комиссии Главкома РВСН генерал-майор КОЗЛОВ В.Н. Май 1994 года.*

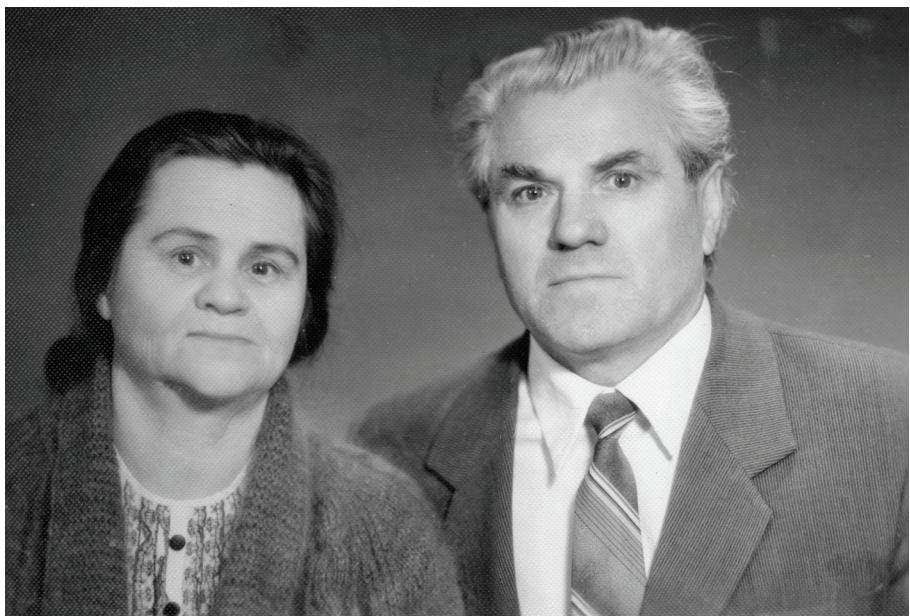
*В выходной день с семьей на Красной площади. С нами стоит сын Сережка.
Фотографирует сын Андрушка.*

Предпоследняя прижизненная фотография Ирины. 8 мая 1994 года
в Доме офицеров РВСН на творческой встрече с актером театра и кино
Народным артистом РСФСР Иваном РЫЖОВЫМ.

Последняя фотография при жизни жены Ирины Юрьевны ЕРЕМЕЕВОЙ.
В Московском зоопарке с детьми. Август 1994 года.

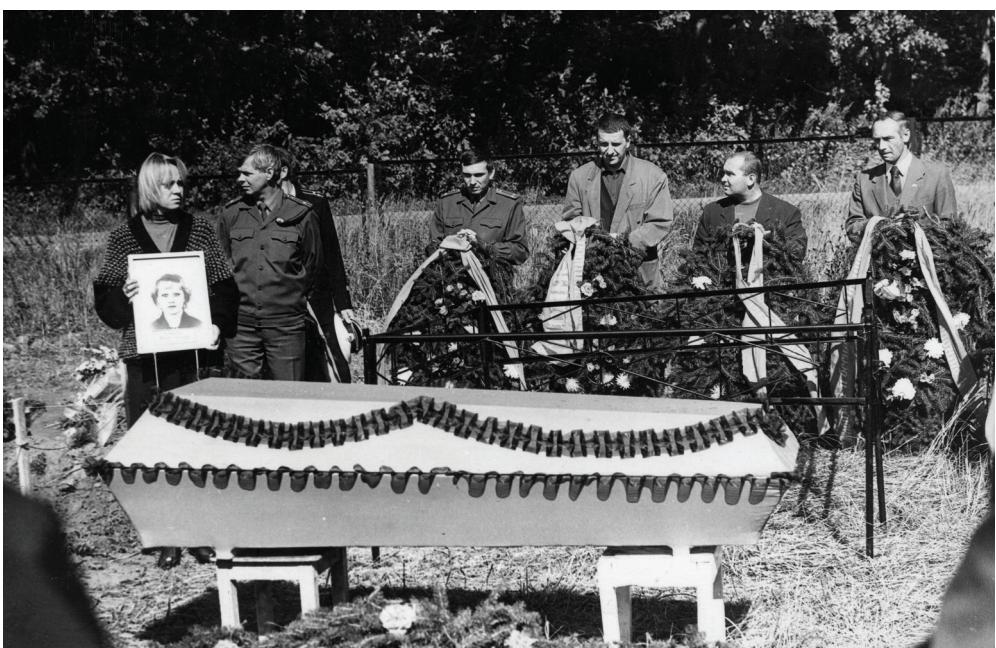
Родители ЕРЕМЕЕВЫ Анатолий Степанович и Валентина Николаевна
в пенсионном возрасте. 1994 год.

В ночь с 26 на 27 августа 1994 года в возрасте 33 лет умерла моя жена
ЕРЕМЕЕВА Ирина Юрьевна.

Отпевание в Акуловской церкви. 31 августа 1994 года.

Прощание с Ириной на Лайковском кладбище. 31 августа 1994 года.

У Ирины на Лайковском кладбище на 40 дней. 5 октября 1994 года.

Первоклассник Сергей ЕРЕМЕЕВ. Сентябрь 1994 года. Власиха.

Ученик первого класса Лесногородской детской музыкальной школы,
в которой педагогом по фортепиано работала мама Ирина Юрьевна ЕРЕМЕЕВА.
Сергей выступает на сцене Дома офицеров РВСН. Май 1995 года.

ЕРЕМЕЕВ Сергей в 3-м классе.

3 «Е» класс СШ им. А.С. Попова. Сергей в третьем ряду второй справа.

С отцом в кабинете у моего однокашника по училищу, заместителя начальника Дома офицеров РВСН майора СТРИЖКОВА Юрия Валентиновича. С нами финансист управления подполковник СТЕНИН Евгений Михайлович и начальник Дома офицеров РВСН майор СТЁПКИН Владимир Петрович. Февраль 1995 года.

Творческие встречи в Доме офицеров РВСН. СТРИЖКОВ Ю.В., ЕРЕМЕЕВ А.А.,
СТЕНИН Е.М. Февраль 1995 года.

**Фотоприложение к 12 главе
ПОСЛЕДНЕЕ МЕСТО СЛУЖБЫ. ДОМ ОФИЦЕРОВ РВСН**

Встреча Патриарха Московского и Всея Руси АЛЕКСИЯ ВТОРОГО. Дом офицеров РВСН, 1996 год. На фото слева начальник ДО РВСН подполковник ЕРЕМЕЕВ А.А.

*Главнокомандующий РВСН генерал-полковник СЕРГЕЕВ Игорь Дмитриевич.
1996 год.*

Пресс-конференция Главнокомандующего РВСН генерала армии СЕРГЕЕВА Игоря Дмитриевича для центральных СМИ в зале Офицерского собрания Дома офицеров РВСН. Слева от него начальник пресс-службы РВСН подполковник БАЙЧУРИН Ильшат Усманович, справа – начальник ГШ РВСН генерал-полковник ЕСИН Виктор Иванович. 1996 год.

Торжественное собрание в День образования Дома офицеров РВСН. На трибуне начальник ДО РВСН в 1988-1992 г.г. подполковник запаса МЕДВЕДЧУК П.М. За столом президиума заведующая библиотекой ЛОМАЧЕВА Н.Г., начальник Управления по работе с личным составом РВСН генерал-майор МОРОЗ Н.М. и начальник Дома офицеров подполковник ЕРЕМЕЕВ А.А. Октябрь 1996 года.

32-я годовщина образования Дома офицеров РВСН. Коллектив части с заместителем Главнокомандующего – начальником Управления по работе с личным составом РВСН генерал-майором МОРОЗ Николаем Максимовичем.

Братья ЕРЕМЕЕВЫ – Сергей и Андрей на крыльце своего дома по ул. Заозерная, 18.

ЕРЕМЕЕВЫ на перроне Киевского железнодорожного вокзала
по пути из Львова в Москву 10 августа 1996 года.

Тетя Аня приехала! Справа налево: отец Анатолий Степанович
с родной тетей ПИСКАРЕВОЙ (ДЕНЩИКОВОЙ) Анной Григорьевной,
я, сын Сергей и мама Валентина Николаевна. Власиха 1996 год.

К школе готовы! Фото на площади у Дома офицеров РВСН. Август 1996 года.

На служебном УАЗе в лесу за КПП Власихи. Сентябрь 1996 года.

Мероприятие проведено. Можно расслабиться. Слева направо: помощник по МТО и АХВ ЛЫЧ Н.В., отец и ветеран РВСН ЕРЕМЕЕВ А.С., заместитель майор СТРИЖКОВ Ю.В., начальник ДО РВСН подполковник ЕРЕМЕЕВ А.А. и начальник культурно-художественного отдела майор САС В.Л. 1996 год.

Дед Толя и бабуля Валя ЕРЕМЕЕВЫ с внуками в своей арзамасской квартире. На руках у деда Лёша КОТОВСКИЙ, за ним Света КОТОВСКАЯ. За бабулей стоят Андрей и Сергей ЕРЕМЕЕВЫ. Январь 1997 год.

ЕРЕМЕЕВЫ: отец с сыновьями. Арзамас, январь 1997 года.

Родные и двоюродные: сестра Света и братья Сергей, Андрей и Алексей.

Празднование Дня Победы на площади Дома офицеров РВСН. Слева направо:
начальник ДО РВСН подполковник ЕРЕМЕЕВ А.А., зам. главнокомандующего РВСН
по воспитательной работе генерал-майор МОРОЗ Н.М., зам. начальника ДО РВСН
подполковник СТРИЖКОВ Ю.В., зам. начальника гарнизона по воспитательной
работе подполковник КОТЕЛЬНИКОВ С.А.

9 мая 1997 года. ЛЫЧ Н.В., ЕРЕМЕЕВ А.А., СТРИЖКОВ Ю.В. и ЛОМАЧЕВА Н.Г.
с участником Великой Отечественной войны и работником
Дома офицеров РВСН ВОЛКОВЫМ Дмитрием Павловичем.

Премьер-министр РФ Сергей КИРИЕНКО в Главном штабе РВСН.
Власиха, 1997 год.

Дед Анатолий Степанович ЕРЕМЕЕВ со своими внуками
Светой КОТОВСКОЙ и Сережей ЕРЕМЕЕВЫМ под окнами родного дома.
Озерки, лето 1997 года.

Главнокомандующий РВСН генерал-полковник ЯКОВЛЕВ В.Н. ставит задачу
начальнику Дома офицеров РВСН подполковнику ЕРЕМЕЕВУ А.А.
Октябрь 1997 года.

На трибуне торжественного собрания первый начальник ДО РВСН полковник
в отставке ЛЕЙЧЕНКО Александр Евдокимович. Октябрь 1997 года.

Коллектив Дома офицеров РВСН в 33-ю годовщину своего образования с первым начальником полковником в отставке ЛЕЙЧЕНКО Александром Евдокимовичем.
30 октября 1997 года.

Фотография в личное дело после присвоения воинского звания «полковник».
Сентябрь 1998 года. п. Власиха.

Главнокомандующий РВСН генерал-полковник ЯКОВЛЕВ В.Н.
и начальник ДО РВСН полковник ЕРЕМЕЕВ А.А. Указания
перед торжественным собранием в День РВСН. 17 декабря 1998 года.

Начальник Власихинского гарнизона генерал-лейтенант КОЗЛОВ Александр
Васильевич, начальник ДО РВСН полковник ЕРЕМЕЕВ А.А. и зав. методическим
кабинетом полковник в отставке ВОЛКОВ Г.П. на вечере в честь образования
Дома офицеров Ракетных войск. Октябрь 1998 год.

Инициативная группа однокурсников-выпускников ЛВВПУ-80 на встрече в ЦДРА им. М.В. Фрунзе. Апрель 1999 года. Первый ряд (сидят): Олег ПЛОТНИКОВ, Григорий ОНАЦКО, Борис ШЕЛЕСТ. Стоят: Юрий ХАТЕНЧЕНКО, Валерий АРАКЕЛЯН, Сергей КОЗЛОВ, Ярослав ХАРИТОН, Александр ХАРЧЕНКО, Олег МАРАРЕНКО и Анатолий ЕРЕМЕЕВ.

Курсант 1-го курса факультета «Культуры и журналистики» Военного университета МО РФ ЕРЕМЕЕВ Андрей Анатольевич. Август 1999 года.

30 октября 1999 года Дому офицеров РВСН исполнилось 35 лет.
На фото три начальника: сидят – полковник в отставке ЛЕЙЧЕНКО А.Е.
и полковник ЕРЕМЕЕВ А.А., во втором ряду третий справа –
подполковник запаса БАРАБАШ О.В.

Бывшие курсанты 1-го учебного взвода факультета КПР Львовского ВВПУ Борис
ХАРЕВИЧ, Юрий СТРИЖКОВ, Анатолий ЕРЕМЕЕВ, Валерий АРАКЕЛЯН и Олег
МАРАРЕНКО на встрече в Доме офицеров РВСН. Власиха, октябрь 1999 года.

С другом детства Юрием АНУФРИЕНКО. Лето 2000 года.

У ракетной экспозиции во Власихе. Слева направо – муж сестры, подполковник КОТОВСКИЙ Э.В., друг детства АНУФРИЕНКО Ю.П. и полковник ЕРЕМЕЕВ А.А.

Полковник в отставке ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович в День Победы
у своего родного дома. Май 2001 года.

Родители Анатолий Степанович и Валентина Николаевна у родового дома ЕРЕМЕЕВЫХ. С.Озёрки, май 2001 года.

Ветераны РВСН и сослуживцы по Добельскому ракетному полку
ДУБРОВИН Геннадий Федорович и ЕРЕМЕЕВ Анатолий Степанович в Озёрках.
Август 2001 года.

В теньке под Озёрскими ветлами – ЕРЕМЕЕВ Анатолий, ЕЛИСЕЕВА Лилия,
КОТОВСКАЯ Елена, ДУБРОВИНА Галина Илларионовна и ЕРЕМЕЕВ Анатолий
Степанович. Август 2001 года.

С родной сестрой Леной среди подсолнухов. Август 2001 года. Озерки.

С братом-зятем Эдуардом КОТОВСКИМ на фоне его строящейся дачи.
Август 2001 года.

С мамой Валентиной Николаевной у памятника сельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Озерки, август 2001 года.

Начальник ДО РВСН полковник ЕРЕМЕЕВ Анатолий Анатольевич со старшим сыном – курсантом 2-го курса ВУ МО РФ ЕРЕМЕЕВЫМ Андреем Анатольевичем.
Сентябрь 2000 года.

Заместитель командующего РВСН по воспитательной работе генерал-майор КАЛИНИЧЕНКО Николай Иванович поздравляет работников Дома офицеров с Днем части. Октябрь 2001 года.

*Вручение ценного подарка заместителю начальника ДО РВСН
майору ГОЛУБУ А.Н.*

Коллективное фото сотрудников ДО РВСН в День части. 30 октября 2001 года.

Начальник Дома офицеров РВСН полковник ЕРЕМЕЕВ А.А.
в служебном кабинете. Лето 2002 года.

В Главкомовской бильярдной ДО РВСН. Лето 2002 года.

Хозяин строящейся дачи майор КОТОВСКИЙ Эдуард Владимирович. Озерки, сентябрь 2002 года.

Мои проводы в запас. Слева направо: отец-полковник в отставке ЕРЕМЕЕВ А.С., я, начальник ЦУС РВСН генерал-майор СОЛНЦЕВ М.В., начальник УВР РВСН полковник СЕЛИОНИН А.С., полковник в отставке ШАГУН Г.Е.
Дом офицеров РВСН, 17 сентября 2002 года.

Напутственное слово друзей. Слева направо: полковник запаса ИВАНОВ И.В.,
полковники СОДЕЛЬ В.В. и ЧЕРКАСОВ С.Г.

Три поколения военных ЕРЕМЕЕВЫХ. Отец-полковник в отставке ЕРЕМЕЕВ
Анатолий Степанович, сын-полковник ЕРЕМЕЕВ Анатолий Анатольевич
и внук-курсант 3-го курса ЕРЕМЕЕВ Андрей Анатольевич.

Первый день «дембельского» отпуска. 19 сентября 2002 года. Озерки.

Ветераны Вооруженных Сил СССР и труда Анатолий Степанович и Валентина Николаевна ЕРЕМЕЕВЫ с хулиганистым любимцем поросенком Беней.
Озерки, осень 2002 года.

Анатолий Еремеев

Память сердца

Семейно-исторический очерк

Том I

Координатор издательского проекта *M.A. Мирзаханян*

Художественное оформление *A.B. Кривошеина*

Компьютерная верстка *A.B. Кривошеина*

Подписано в печать 19.01.2017. Формат 70x100/16.
Печать цифровая. Бумага офсетная 80 г. Усл. печ. л. 31,13
Тираж 100 экз. Заказ № D-280.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

